ว 66/377

W 66/377

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ

50/515

СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РОССІИ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра русской исторіи

Н. Ѳирсовымъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

№ 6703

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1866.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета печатать дозволяется.

Испр. долж. Декана А. Владимирскій.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина
Р/292-35
2007053244

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Извѣстныя явленія, замѣчаемыя и нынѣ въ жизни нашихъ сѣверо-восточныхъ инородцевъ и заставлявшія задумываться не одного наблюдателя и мыслителя, безъ сомнѣнія, были, какъ и вездѣ и всегда, результатомъ двойственнаго вліянія,—физическихъ и общественныхъ условій, подъ которыми шла эта жизнь. Уразумѣть связь между этими явленіями и соотношеніе ихъ съ явленіями жизни русской, въ дѣлѣ изученія жизни инородцевъ, какъ и всякихъ другихъ человѣческихъ группъ, добраться до исторической правды и до вѣрныхъ положеній, стать внѣ опасности поддаться или увлеченію, или научной односторонности возможно только тогда, когда съ одинаковою рачительностію будетъ изучено дѣйствіе тѣхъ и другихъ условій, въ разныя эпохи, а равно и то, какъ относилась къ нимъ жизнь этихъ людей.

Едва ли кому, надѣюсь, придетъ въ голову, что авторъ предлагаемаго сочиненія отваживается взяться за рѣшеніе этой задачи во всей полнотѣ. Намѣчая пути изученія жизни инородцевъ, я только тѣмъ выражаю желаніе, чтобы пути эти болѣе и болѣе прочищались людьми, способными идти по слѣдамъ знаменитыхъ наблюдателей и изыскателей прошлаго и настоящаго столѣтій, писавшихъ о сѣверо-восточной Россіи и, между прочимъ, объ инородцахъ.

Что касается до автора предлагаемаго сочиненія, то намѣреваясь говорить объ инородцахъ, онъ имѣетъ въ виду: *собрать свѣдѣнія, преимущественно тѣ, которыя разсѣяны въ актахъ, на счетъ того,* 1) *въ какія условія жизнь инородцевъ старалось поставить и поставило московское государство, покорившее ихъ,—съ указаніемъ, по возможности результатовъ отъ возникавшихъ вслѣдствіе того отношеній для жизни, какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ,* и 2) *какъ различныя инородческія группы, каждая въ отдѣльности, относились къ этимъ, большею частію новымъ*

для нихъ, условіямъ. Вопросъ о физическихъ условіяхъ, подъ которыми жили инородцы и о значеніи этихъ условій въ ихъ жизни, оставляю въ сторонѣ, на долю людей, подготовленныхъ къ занятію имъ.

Въ являющемся теперь трудѣ изложена только первая половина задачи; исторію же каждой инородческой группы въ отдѣльности, въ московскій періодъ нашей исторіи, я намѣренъ изложить особо.

Не думаю, чтобы мнѣ пришлось встрѣтить возраженіе въ родѣ слѣдующаго: стоитъ ли подробно заниматься судьбами необразованныхъ, дикихъ людей? А вслѣдствіе этого я не вижу надобности, говорить, какъ дѣлаютъ многіе авторы, о важности въ исторической наукѣ взятаго мною для изложенія вопроса. Вмѣсто того считаю болѣе подходящимъ къ дѣлу, въ качествѣ введенія къ труду, представить ***перечень инородцевъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло русскимъ людямъ, съ краткимъ обозначеніемъ тѣхъ чертъ, которыя отмѣчаютъ ихъ внутреннюю жизнь предъ временемъ вступленія ихъ въ составъ московскаго государства.***

Н. Өирсовъ.

1 февраля 1866 года.

А.

ОБЗОРЪ

ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ИНОРОДЦЕВЪ ПРЕДЪ ВРЕМЕНЕМЪ ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ СОСТАВЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

Инородцы въ поволжьи и общественные союзы, ими здѣсь образованные. Казанское царство: границы и племенной составъ его; значеніе булгаро-магометанской цивилизаціи въ исторіи общественнаго развитія края; положеніе его въ эпоху господства хановъ сарайскихъ; аристократическій строй Казанскаго царства; положеніе племенныхъ князей въ царствѣ, вліяніе казанской аристократіи на экономическій бытъ и на духовное развитіе народа. Ногайскія орды и астраханское царство: общественныя отношенія въ нихъ, степень умственнаго развитія и образъ жизни народа. Калмыки: племенное раздѣленіе ихъ; соціальныя отношенія; степень умственнаго развитія.

Опредѣлить съ точностію границы царства Казанскаго нѣтъ возможности. Извѣстно только то, что оно шло отъ нижегородской области по обѣимъ сторонамъ Волги, углубляясь на югѣ и на востокѣ въ пустынныя земли, доходя до шибанской орды и до кочевьевъ киргизъ-кайсаковъ, на сѣверѣ примыкая къ землямъ вятскимъ и пермскимъ (1). Общественный союзъ, извѣстный подъ этимъ именемъ, заключалъ въ себѣ, кромѣ татаръ,—черемису, мордву, чувашей, вотяковъ, мещеряковъ и башкирцевъ. За исключеніемъ послѣднихъ, на счетъ происхожденія которыхъ ученые изыскатели старины

(1) Ист. о казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія. Спб. 1791 г. стр. 3.—Герберштейнъ. Hist. ruthen. script. V. 1. 62.

несогласны, ибо одни относятъ ихъ къ татарской породѣ (2), другіе—къ финнской (3),—всѣ остальные народы несомнѣнно финнскаго происхожденія. Казанское царство, а равно какъ и другіе юрты въ поволжской странѣ,—возникло не случайно. Образованіе его въ землѣ финнскихъ народовъ, а также извѣстный характеръ внутреннихъ отношеній въ немъ были подготовлены предъидущими судьбами этихъ народовъ. Еще задолго до покоренія татарами поволжскаго края, въ XIII столѣтіи, среди его населенія образовался замѣчательный общественный союзъ, извѣстный подъ именемъ булгарскаго государства, славившійся своею торговлею съ Азіей, съ западными и сѣверными странами нынѣшней Россіи (4). Средоточіемъ его былъ городъ Булгаръ, находившійся въ 123 верстахъ къ югу отъ нынѣшней Казани, на восточной сторонѣ Волги, въ 10 верстахъ отъ берега. Городъ былъ деревянный, обнесенный стѣною изъ дубоваго дерева, и заключалъ въ себѣ около 10 тысячъ постоянныхъ жителей. Здѣсь имѣлъ резиденцію глава государства, булгарскій царь. Ему были подвластны мѣстные князьки или старѣйшины. Подчиненіе ихъ власти этого государя состояло въ томъ, что они платили ему подать по шкурѣ съ каждаго дома или кибитки. «Власть его усилилась съ принятіемъ исламизма въ маѣ 922 года, когда арабскій посолъ, надѣвъ на него почетную шубу и чалму, провозгласилъ его кліентомъ повелителя правовѣрныхъ (5)». Ибо чрезъ то эта власть получила религіозное освященіе и стала неизмѣримо выше власти племенныхъ старѣйшинъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ для Булгаріи, вслѣдствіе борьбы ея съ Русью, которая въ 968 или 969 году даже разоряла главный ея городъ, а потомъ вслѣдствіе нападеній азіатскихъ выходцевъ,—татаръ, булгарскіе государи не успѣли подчинить своей власти многія изъ туземныхъ поколѣній. Двѣ главныя вѣтви мордовскаго народа

---

(2) Рычковъ. Топографія Оренбургская. Спб. 1762 г. ч. I. стр. 80.

(3) Зап. Имп. Арх. Общ. IX. Эйхвальдъ. О чудскихъ копяхъ. Стр. 291. 354.

(4) Булгаръ на Волгѣ. Н. Березина. Уч. Зап. К. У. за 1852 г. кн. III.—Мухаммеданская нумизматика. П. С. Савельева. Спб.—Опытъ казанской исторіи Рычкова. Спб. 1767. Стр. 19—24. Оренбургская топографія. Его же. Ч. I.

(5) Мухаммеданская нумизматика. Стр. CLXIV.

Мокша, извѣстная арабамъ подъ именемъ *Буртасъ* и занимавшая нынѣшнія губерніи саратовскую и часть симбирской и казанской по Волгѣ, а далѣе на западъ пензенскую и часть тамбовской по рѣкамъ Сурѣ и Мокшѣ до Оки (6), и *Эрза,*—поколѣніе, которое и доселѣ называетъ себя этимъ именемъ и занимаетъ тѣже мѣста, по обѣимъ сторонамъ Суры, въ полукружіи, образуемомъ Окою и Волгою и далѣе къ сѣверу и западу, гранича съ единоплеменными мокшанами (7),—эти двѣ вѣтви были въ политическомъ отношеніи независимы отъ царей булгарскихъ. Да и тѣ поколѣнія—черемисскія, чувашскія, вотякскія, башкирскія, которыя повиновались булгарскимъ царямъ, не имѣли крѣпкой связи съ Булгаромъ. Вся ихъ зависимость и ограничивалась, кажется, платежемъ незначительной подати. Но если такимъ образомъ политическое вліяніе Булгара на окружающее его населеніе края было незначительно,—въ чемъ нужно конечно искать причину неудачъ этого государства въ борьбѣ съ русскими и быстраго паденія при столкновеніи съ татарами,—то за то вліяніе его на другія стороны быта этого народонаселенія было столь сильно, что оно потомъ никогда уже не изглаживалось, хотя народъ и позабылъ о существовавшемъ когда то булгарскомъ царствѣ. Самый фактъ существованія среди кочевыхъ, патріархально управлявшихся племенъ,—Булгара и другихъ подчиненныхъ ему городовъ (8) указываетъ на то, что изъ народонаселенія стали выдѣляться люди, которые не удовлетворялись патріархальною жизнію; которые предпочитали ей обычаи приходившихъ къ нимъ арабовъ; которые находили вѣрованія послѣднихъ лучшими, чѣмъ прародительскія божества; которые, наконецъ, считали для себя выгоднѣйшимъ пріобрѣтать средства къ жизни посредствомъ торга или службы при дворѣ и по порученію государя, или при мечети въ качествѣ служителей Магомета, чѣмъ какъ того достигало большинство ихъ собратовъ, непосредственно своимъ трудомъ добывая себѣ средства къ пропитанію. Потому что булгары не были отдѣльнымъ народомъ, отличавшимся отъ сосѣдей происхожденіемъ; этимъ собирательнымъ названіемъ

(6) Тамъ же, стр. LXV.

(7) Тамъ же, стр. CXVI.

(8) Напримѣръ *Сувизъ,* который думаютъ находить не далеко отъ нынѣшняго Свіяжска. Тамъ же, стр. CXVIII.

обозначались вообще обитатели приволжья, подчинявшіеся власти булгарскаго царя, а въ особенности тѣ, которые жили въ городахъ. Безъ сомнѣнія масса послѣднихъ состояла изъ выходцевъ окрестныхъ мѣстъ. Арабское вліяніе въ строѣ этого класса выразилось только въ томъ отношеніи, что онъ у востока магометанскаго заимствовалъ формы для своего быта, возникшаго къ существованію вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Какъ бы то впрочемъ ни было, только не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что еще въ до-татарскую эпоху среди финнскаго народонаселенія страны, кочеваго и патріархальнаго, возникъ особый элементъ, который назову булгаро-магометанскимъ элементомъ и который составлялъ основу булгарскаго государства. Результаты, которыми сопровождалась дѣятельность его для края, заключались въ слѣдующемъ: въ народонаселеніи является наклонность къ осѣдлой жизни; у буртасовъ и у эрзы были города. Городъ у первыхъ, называвшійся также *Буртасъ*, заключалъ въ себѣ до 10 т. жителей, которые впрочемъ на лѣто откочевывали въ поля и лѣса. Для народонаселенія явилась возможность мѣняться произведеніями своей страны съ восточными торговцами, пріѣзжавшими въ Булгаръ и въ другіе города тогдашняго средняго поволжья. Впрочемъ булгарскіе купцы не допускали пріѣзжавшихъ въ Булгарію азіатскихъ купцовъ до непосредственныхъ сношеній съ сельскимъ населеніемъ страны. Желая удержать монополію торговли въ своихъ рукахъ, они употребляли разныя уловки, чтобы отклонить пріѣзжихъ торговцевъ отъ торговыхъ путешествій во внутреннія области страны. Такъ эрзянъ они представляли аравитянамъ людоѣдами, а сами между тѣмъ пользовались выгодами посредничества (9), ѣздили къ сельскимъ обитателямъ, скупали у нихъ произведенія ихъ страны, по преимуществу мѣха, которыми въ то время изобиловала страна и которые находили скорый и выгодный сбытъ на восточныхъ рынкахъ и, разумѣется, потомъ перепродавали не съ убыткомъ для себя. Эти торговыя сношенія булгарскихъ купцовъ съ сельскимъ дикимъ населеніемъ прокладывали путь въ среду послѣдняго новымъ потребностямъ и обычаямъ, тѣмъ болѣе, что инородцы сами охотно ѣздили къ булгарскимъ купцамъ. «Булгаръ, по замѣчанію одного

(9) Тамъ же, стр. XIII.

арабскаго писателя, былъ ярмаркою для всего того края ([10])». Эти сношенія проводили въ среду языческаго населенія края и магометанство. Сомнѣнію не подлежитъ тотъ фактъ, что магометанская религія имѣла не мало послѣдователей и прежде, чѣмъ принялъ ее самъ булгарскій царь. Но оффиціальное принятіе исламизма въ 922 году должно было сильно способствовать развитію и распространенію мусульманскаго духовенства въ этомъ краѣ. Оно не преминуло воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы увеличить число послѣдователей пророка. Проповѣдь его имѣла блистательный успѣхъ. Не прошло и столѣтія, какъ Булгарія сдѣлалась магометанскою страною въ мнѣніи современныхъ писателей. Въ XIII столѣтіи папскіе миссіонеры называютъ булгаръ самыми упорными изъ всѣхъ мухаммеданъ. Пропаганда магометанская не ограничивается одними жителями городовъ Булгаріи, вслѣдствіе мусульманскаго благочестія которыхъ и весь край сталъ несправедливо представляться магометанскимъ. Многіе изъ черемисъ, чувашей и башкирцевъ, подвластныхъ булгарскому царю, обращены были въ исламъ ([11]). Магометанская проповѣдь изъ булгарскаго государства по слѣдамъ булгарскихъ купцовъ переходила и за предѣлы тѣхъ земель, которыя были подвластны булгарскому царю. Въ мордовскомъ городѣ Буртасѣ часть жителей еще въ X вѣкѣ исповѣдывала мусульманскую вѣру; для нихъ были построены двѣ мечети, соборная и простая. Извѣстно, что булгарскіе миссіонеры старались склонить къ принятію исламизма Русь при князѣ Владимірѣ. Такимъ образомъ булгаро-магометанскій элементъ народонаселенія средняго поволжья пустилъ глубокіе корни въ странѣ. Но съ другой стороны онъ не могъ вытѣснить тѣхъ основъ быта, которыхъ держалось сельское населеніе страны, управлявшееся своими племенными князьками, предпочитавшее жизнь въ полѣ и въ лѣсу жизни городской, вѣрившее стариннымъ божествамъ. Чѣмъ дальше отъ центра булгаро-магометанской цивилизаціи, тѣмъ крѣпче былъ этотъ старинный складъ быта. Въ такомъ положеніи застало народонаселеніе описываемой страны татарское нашествіе. Порабощеніе азіатскими выходцами въ XIII вѣкѣ края не унич-

([10]) Тамъ же, стр. XLIX.

([11]) Оренб. топ. Рычкова. Ч. I, 57.

тожило того раздѣленія народонаселенія его на два слоя, о которомъ было говорено сейчасъ. Въ воинской ордѣ татаръ нашлось не мало людей, которымъ поправились порядки въ прежнихъ булгарскихъ городахъ, ими разоренныхъ: кочевой побѣдоносный народъ самъ подчинился вліянію цивилизаціи булгаро-магометанской. Ханы татарскіе, заступившіе мѣсто булгарскихъ царей, увидѣли надобность поддерживать заведенный при нихъ порядокъ; нашли, что лучше повелѣвать, сидя въ городахъ, чѣмъ переѣзжая въ кибиткахъ съ мѣста на мѣсто. Уже при Батыѣ возникъ вновь Булгаръ, народонаселеніе котораго доходило иногда до 50 тысячъ, и онъ любилъ жить въ этомъ городѣ. Кромѣ резиденціи хановъ Сарая и Булгара, является во время татарскаго владычества нѣсколько городовъ въ земляхъ, гдѣ утвердились татары: возникли Казань, Жукотинъ, Кремчугъ: не далеко отъ устья Волги, на мѣстѣ хазарскаго Итиля, явился городъ съ именемъ Хаджи-тархана, Эстеръ-хана (Астрахань), получившій это названіе отъ титула ханскаго чиновника, которому отдавался въ управленіе этотъ улусъ кипчакскихъ владѣній; на р. Уралѣ возникъ Сарайчикъ, впослѣдствіи разрушенный (1580) донскими казаками. Когда такимъ образомъ городовой элементъ, а съ нимъ и магометанство, подчинивъ себѣ татаръ, возникли снова къ бытію, въ это время другой слой народонаселенія въ странѣ, жившій по родовымъ порядкамъ, также съ своей стороны твердо отстаивалъ свое существованіе. Въ первое время татарскаго владычества ему впрочемъ пришлось выдержать тяжелое испытаніе; многихъ людей лишился онъ; иныя колѣна между черемисами, мордвой и проч. исчезли безвозвратно. Когда Рубруквисъ въ 1252 году проѣзжалъ пространство между Дономъ и Волгою, то нашелъ только немногіе остатки мордовскихъ поколѣній, жившихъ разсѣянно, въ отдѣльныхъ хижинахъ; потому что, замѣчаетъ францисканскій монахъ, вождей ихъ съ большею частію ихъ самихъ татары принудили идти съ собою въ Германію, гдѣ они и нашли свою смерть (12)». Но съ теченіемъ времени поколѣнія мордовскія и другія, жившія въ приволжскихъ и въ прикамскихъ земляхъ успѣли оправиться и, по мѣрѣ разслабленія царства Золотой орды, начали даже пріобрѣтать независимость отъ татарскаго господства: во второй половинѣ XIV столѣтія мор-

(12) Чт. М. О. И. и Древн. 1864, кн. III. Иностр. Магер. стр. 173.

довскіе князья въ сношеніяхъ съ Москвою дѣйствуютъ какъ самостоятельные правители наравнѣ съ татарскими ханами; въ Казани, предъ временемъ основанія Казанскаго царства, черемисы вмѣстѣ съ другими инородцами жившими какъ въ городѣ, такъ и въ окрестныхъ мѣстахъ имѣютъ своего князя, который въ лѣтописяхъ нашихъ названъ *вотчичемъ* казанскимъ княземъ Либѣемъ (13). Неизвѣстно, кто это былъ Либѣй, вотчичъ казанскій князь; но прибавка къ собственному имени слова «вотчичъ» располагаетъ думать, что онъ былъ мѣстный князь, по родовому праву управлявшій народонаселеніемъ страны.

Но съ образованіемъ Казанскаго царства положеніе мѣстныхъ князей, начальниковъ инородческихъ поколѣній, которыя вошли въ составъ этого царства, должно было значительно измѣниться. Возникновеніе этого царства можно почесть возстановленіемъ царства хановъ Золотой орды; преемственная связь между тѣмъ и другимъ общественнымъ союзомъ будетъ очевидна, если взять въ расчетъ мѣсто дѣятельности того и другаго, элементы, входившіе въ составъ ихъ, направленіе образованности того и другаго: древняя булгарская страна—сцена дѣятельности и для Казанскаго царства и для царства Золотой орды; въ томъ и другомъ преобладаетъ татарскій элементъ въ булгаро-магометанскихъ формахъ. Но между ними есть и важная разница. Татары, приведенные въ приволжье, могутъ почесться скорѣе ополченіемъ, чѣмъ народомъ, и повелитель ихъ—ханъ носитъ характеръ скорѣе военачальника, чѣмъ правителя народа. Въ составъ этой орды входили, кромѣ татаръ, люди разныхъ національностей. Въ этомъ громадномъ собраніи людей не было другаго дѣленія, кромѣ военнаго на тысячи, сотни и проч. Степень значенія каждаго въ этомъ обществѣ условливалась личною храбростію и зависѣла отъ воли хана. Матеріальное благосостояніе каждаго находилось въ тѣсной связи съ этимъ общественнымъ значеніемъ его. Предъ ханомъ всѣ были равны: онъ могъ самаго ничтожнаго человѣка возвести на первѣйшій постъ въ ордѣ и самаго заслуженнаго воина обратить въ ничто. Въ этомъ строѣ татаръ заключается разгадка вошскихъ ихъ успѣховъ и въ немъ же—причина недолговѣчности ихъ

(13) Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В. Вельяминова-Зернова. Спб. 1864 г. ч. I. стр. 3—12.

союза. Союзъ этотъ могъ держаться лишь подъ условіемъ ненарушимости основъ его устройства. Но выше замѣчено, что, придя въ близкое соприкосновеніе съ булгаро-магометанскою цивилизаціею, онъ подпалъ ея вліянію. Если ханы начали предпочитать спокойную жизнь города кочеванью съ мѣста на мѣсто и военнымъ походамъ, въ которыхъ можно получать добычу но и потерять уже прежде пріобрѣтенное: то и между ихъ подданными стали имѣть силу такого же рода наклонности; у тѣхъ, кто пріобрѣлъ какое либо состояніе или выдвинулся впередъ на общественной лѣстницѣ, стало проявляться желаніе упрочить пріобрѣтенное за собою навсегда; у тѣхъ, кто не считалъ свое положеніе удовлетворительнымъ, явилось стремленіе улучшить его; отсюда частое неповиновеніе полководцевъ хану, отсюда почти всегда насильственная смѣна повелителей Золотой орды; отсюда кровавая усобица, среди которыхъ рушилось царство Золотой орды, а съ нимъ потрясенъ былъ до основанія и военно-деспотическій строй общественной жизни, принесенный татарами въ приволжье. Въ устройствѣ юртовъ, возникшихъ на мѣстѣ этого царства, и въ томъ числѣ Казанскаго положены были новыя начала. Власть хановъ, или царей этихъ юртовъ поставлена была въ иное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находилась власть хановъ сарайскихъ. Сохраняя званіе неограниченныхъ повелителей, которымъ пользовались послѣдніе, они должны были въ тоже время допустить существованіе подлѣ себя аристократіи, какъ постояннаго учрежденія, съ извѣстнымъ неизмѣннымъ устройствомъ, съ особенными, ей только присвоенными правами, съ непремѣннымъ участіемъ ея въ управленіи страною и въ выгодахъ, отъ того проистекавшихъ,— чего не было въ сарайскомъ государствѣ. Такимъ образомъ мы видимъ въ Казанскомъ царствѣ *биковъ* и *мурзъ*; званія эти были наслѣдственны, съ тою разницею между ними, что мурзами были всѣ люди высшаго, дворянскаго класса, а биками (князьями)—только представители извѣстнѣйшихъ дворянскихъ родовъ и титуломъ этимъ пользовался только старшій въ родѣ. Изъ этихъ княжескихъ родовъ нѣкоторые роды пользовались преимущественнымъ значеніемъ и носили названіе *карачи*,—каковое званіе въ русскихъ лѣтописяхъ переводилось: *слуга, князь казанскихъ князей*; ихъ было обыкновенно 4-ре рода и представители ихъ были всегда по праву происхожденія непремѣнными членами правительства,

во главѣ котораго стоялъ царь, окруженный *уланами*, которые, по своему первому назначенію составляя царскую гвардію, вмѣстѣ съ тѣмъ были, какъ кажется, представителями чиновнаго элемента въ государствѣ. Но элементъ служебный былъ безсиленъ въ сравненіи съ природнымъ дворянствомъ, съ классомъ мурзъ и князей. Въ рукахъ этого класса находилось управленіе государствомъ; люди этого класса были первыми капиталистами. Отъ нихъ зависѣлъ выборъ царя; они имѣли всю возможность выгнать царя или умертвить, когда онъ оказывался не по нраву имъ, и они пользовались этою возможностію не рѣдко; они были правителями областей; они вели спошенія съ сосѣдями; имъ принадлежало право рѣшать миръ съ сосѣдями или войну. Каждое дворянское семейство пользовалось, сообразно съ знатностію рода, опредѣленнымъ доходомъ съ государственныхъ имуществъ (14). Такимъ же почти значеніемъ въ государствѣ пользовалось духовенство. Сеидъ (15), глава его,—санъ, на который имѣли право только лица изъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ Магомета, отъ дочери его Фатимы и халифа Алія, отъ сеидовъ,—управлялъ духовными дѣлами страны совершенно независимо отъ власти царя; но онъ имѣлъ вліяніе на ходъ и мірскихъ дѣлъ: въ дипломатическихъ перепискахъ казанскаго правительства съ сосѣдями имя его стоитъ всегда впереди «въ головахъ (16)». Сообразно этому высокому общественному положенію сеидъ пользовался величайшимъ впѣшнимъ почетомъ въ государствѣ: самъ царь, когда ему приходилось видѣться съ первосвященникомъ, выходилъ къ нему на встрѣчу и, преклонивъ главу, стоя, касался руки его, въ то время, когда тотъ возсѣдалъ на конѣ; народъ же имѣлъ право, при встрѣчѣ съ сеидомъ, выражать къ нему благоговѣніе только прикосновеніемъ къ краю его одежды или къ лошади, на которой онъ сидѣлъ (17).

При такомъ строѣ Казанскаго царства, гдѣ все общественное вліяніе, а съ нимъ большая часть матеріальныхъ

---

(14) Изслѣдов. о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. В. В. Вельяминова-Зернова ч. II, стр. 410—431.

(15) Тамъ же. 440—444.

(16) Тамъ же. 28.

(17) Герберштейнъ. Hist. ruthen. scr. ext. I, 65.

средствъ сосредоточено было въ рукахъ только извѣстныхъ фамилій, гдѣ все поэтому направляемо было къ поддержанію этого вліянія и соединенныхъ съ нимъ матеріальныхъ выгодъ, князья-вотчичи поколѣнія финнскаго корня не могли остаться съ тѣмъ значеніемъ, которымъ пользовались съ незапамятныхъ временъ, которое удерживали за собою въ булгарскую эпоху и умѣли сохранить во время господства сарайскихъ хановъ. Булгарское государство было по преимуществу торговое; главная цѣль господствовавшаго въ немъ класса состояла въ томъ, чтобы скупать у инородческихъ поколѣній средняго поволжья и другихъ странъ произведенія земли и перепродавать ихъ на востокъ, заимствуя у послѣдняго торговые предметы и въ свою очередь перепродавая ихъ на сѣверѣ и западѣ и черезъ такое посредничество получать извѣстныя выгоды. Для этого, государству не было надобности умалять значеніе мѣстныхъ инородческихъ князей; стремленія его достигались вполнѣ и тогда, когда эти князья находились въ союзѣ съ нимъ; для этого достаточно было обыкновенныхъ миролюбивыхъ отношеній между государствомъ торговцевъ и звѣроловными поколѣніями безъ нарушенія ихъ автономіи,—какъ относилось оно къ поколѣніямъ мордовскимъ,—или же самаго неотяготительнаго подданства этихъ поколѣній главѣ государства, выражавшагося исключительно въ платежѣ самой незначительной дани, — въ каковыхъ отношеніяхъ къ Булгару находились другія поколѣнія средняго поволжья и прикамскихъ земель. Институтъ власти булгарскаго царя, получившій благодаря стремленіямъ магометанства деспотическій характеръ, лишенъ былъ благопріятныхъ обстоятельствъ развиться до такой степени, чтобы уничтожить или ослабить внутреннюю самобытность этихъ поколѣній, отнять у начальниковъ принадлежавшее имъ значеніе, къ чему по своей натурѣ былъ склоненъ. Въ эпоху господства сарайскихъ хановъ, когда во всей силѣ было военно-деспотическое устройство татаръ, никому изъ владыкъ не могла прійти въ голову мысль о необходимости измѣненія внутренняго положенія мѣстныхъ князей покоренныхъ поколѣній и вообще касаться бытовыхъ учрежденій послѣднихъ. Живя какъ бы лагерною жизнію, татары не имѣли крѣпкой связи съ землей покоренныхъ ими народовъ. Для нихъ было все равно, какіе бы тамъ порядки ни существовали, лишь бы народонаселеніе давало имъ кормъ. Они въ состояніи были внести въ страну ра-

зорепіе, опустошепіе и истребленіе; но не видѣли надобности и были не въ состояніи непосредственно разрушить мѣстный общественный строй и вводить новыя общественныя начала на его мѣсто: потому что сегодня они были въ одномъ мѣстѣ, а на завтра судьба ихъ влекла въ другое. Съ распаденіемъ царства Золотой орды, съ возникновеніемъ на его мѣсто Казанскаго и другихъ татарскихъ юртовъ, положеніе дѣла измѣнилось; теперь татары осѣлись на одномъ мѣстѣ; изъ нихъ выдѣлился слой, который находилъ, что онъ имѣетъ исключительное право на господствующую роль въ странѣ и на высшее матеріальное благосостояніе; вслѣдствіе этого съ одной стороны этотъ слой сдѣлался земскимъ, постояннымъ элементомъ страны, а съ другой, вслѣдствіе его исключительныхъ стремленій, долженъ былъ устроить дѣло такъ, чтобы другая часть народонаселенія ему повиновалась и содержала его своими трудами. При этомъ мѣстные князья съ ихъ прежнимъ значеніемъ не могли остаться въ Казанскомъ царствѣ; ибо при дѣйствіи ихъ власти, во всемъ прежнемъ объемѣ ея и съ прежнимъ характеромъ, не могло бы быть мѣста для такихъ исключительныхъ стремленій, которыми руководились князья, мурзы и магометанское духовенство Казанскаго царства. Вслѣдствіе этого племенные князья или совершенно исчезаютъ, замѣняясь начальниками, назначаемыми дворянскимъ правительствомъ государства, помѣщиками; такъ палъ вотчичъ князь Либѣй и на его мѣсто сталъ его убійца; или входятъ въ ряды казанскаго дворянства съ сохраненіемъ княжескаго званія, дѣлаясь членами этого класса и разрывая связь съ поколѣніями, во главѣ которыхъ прежде стояли, или, что вѣрнѣе, преобразуясь изъ представителей интересовъ рода въ господъ его; отсюда по всей вѣроятности въ ряду казанскихъ дворянъ возникъ особый отдѣлъ, который заключилъ въ себѣ фамиліи, въ нашихъ лѣтописяхъ носившія названіе *земскихъ князей*; или наконецъ, если эти князья остаются при своихъ колѣнахъ ([19]), то съ утратою прежде имъ принадлежавшаго

([18]) П. С. Л. VIII, 266.

([19]) Что племенные князья удержались въ казанскую эпоху, видно изъ того, что долго и послѣ этого спустя, во время русскаго господства, находили у черемисъ, чувашей, мордвы—собственныхъ князей или хановъ. Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ. Спб. 1799. ч. I, 26. 42.

исключительнаго права на внутреннее управленіе этими колѣнами, съ обязанностію допустить правительственное вліяніе на него, безусловно подчиняться всѣмъ правительственнымъ распоряженіямъ, безъ участія въ составленіи этихъ распоряженій. Что такимъ, уцѣлѣвшимъ князьямъ финскихъ поколѣній, вошедшихъ въ составъ Казанскаго царства, отмѣрена была такая ничтожная роль правителями его, что они не имѣли никакого вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ въ государствѣ, которое ихъ родичи содержали своими трудами, это видно изъ того, что во все время существованія Казанскаго царства дѣятельность ихъ ни разу не отмѣчается въ источникахъ, что даже и тогда, когда идетъ рѣчь о событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе финскія поколѣнія, объ князьяхъ ихъ не говорится ни слова, между тѣмъ, какъ казанскіе князья, мурзы не только при этомъ упоминаются, какъ главные дѣятели, но даже поимянно обозначаются.

Такимъ образомъ общественная жизнь инородческихъ поколѣній въ описываемой странѣ попала въ зависимость отъ аристократіи. Вмѣстѣ съ этимъ означенныя поколѣнія и въ экономическомъ отношеніи не усцѣли уйти отъ преобладающаго вліянія той же аристократіи; потому что часть своихъ заработковъ они должны были отбывать въ пользу ея или въ видѣ ясака въ казну казанскую, изъ которой потомъ онъ расходился по рукамъ дворянъ, или непосредственно самимъ мурзамъ, которымъ казанское правительство отдавало извѣстныя волости съ правомъ брать въ свою пользу положенный на нихъ ясакъ ([20]), или, что тоже, отдавало въ крѣпостную зависимость. Трудно опредѣлить размѣры и характеръ этой зависимости, отъ которой не были свободны и татары, не попавшіе въ разрядъ благородныхъ. Черемисы въ то время, когда въ 1550 году отдѣлились отъ Казанскаго царства, просили московское правительство облегчить ихъ въ ясакѣ ([21]). Но это извѣстіе едва ли можетъ служить доказательствомъ тяжести поборовъ, которые наложены были на нихъ казанскими правителями; это скорѣе указываетъ на характеръ покорности, которую они оказали новому государю, на то, что они хотѣли выторговать какое либо вознагражденіе за измѣну

([20]) Исторія Россіи. Соловьева. VIII. 57.

([21]) Тамъ же, VI. 87.

прежнимъ повелителямъ.—Увѣряютъ, что башкирцы, сдѣлавшіеся подданными казанскихъ царей, были обложены несносными податями (22), въ то время какъ другія башкирскія волости, попавшія въ подданство сибирскихъ хановъ, съ этой стороны терпѣли не меньшее разореніе. Но это сужденіе тѣ, которые его высказали, не подтвердили никакими свидѣтельствами. Съ вѣроятностію можно заключить, что нисшій классъ народонаселенія въ Казанскомъ царствѣ далеко не былъ такъ угнетенъ, какъ бы можно было думать, взявъ во вниманіе аристократическій складъ государства: господствующій въ немъ классъ, съ самаго начала до конца царства, вслѣдствіе географическихъ и историческихъ условій, находился въ такомъ положеніи, что не могъ быть слишкомъ требовательнымъ по отношенію къ подчиненному ему населенію страны; не подлежитъ сомнѣнію, что личная свобода ясачныхъ, при всей зависимости ихъ отъ казанской аристократіи, не была совсѣмъ уничтожена. Объ умѣренности господствовавшаго класса въ Казанскомъ царствѣ къ нисшему сословію татаръ и къ ясачнымъ можетъ отчасти свидѣтельствовать то обстоятельство, что нѣтъ извѣстій о мятежахъ послѣднихъ противъ перваго, что инородцы финнскаго корня и нисшій классъ изъ татаръ не разрывали связи съ дворянствомъ почти до паденія царства, не отставали отъ него ни въ счастливые, ни въ тяжелые дни его существованія.

Существованіе Казанскаго царства не прошло безслѣдно и для духовной стороны народонаселенія. Магометанско-дворянскій складъ его сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что былъ въ силахъ сдѣлать по своей природѣ и при обстоятельствахъ, въ которыя поставлена была страна. Конечно умственному развитію народа онъ не могъ особенно благопріятствовать. Магометанская образованность, наслѣдованная Казанью отъ Булгара, коснулась приволжья только тою стороною, отъ которой всего менѣе можно ждать благотворныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Она проявлялась въ этой странѣ только въ религіозной обрядности, въ привязанности къ формамъ, изъ которыхъ многія не соотвѣтствовали потребностямъ ни времени, ни мѣста. Казанское магометанское духовенство и дворянство ничего другаго не усвоили изъ магометанской образованности. За то съ другой стороны, Казань

(22) Топографія Оренб. Рычкова. I, 83.

явилась достойною преемницею во всемъ томъ, что относится до практической жизни. Она любила земледѣліе; она цѣнила ремесла; иностранные писатели съ похвалою отзываются о торговлѣ казанцевъ ([23]). Однакожъ и въ сферѣ практической жизни она не выказала особенной производительности. Кромѣ выдѣлки кожъ, чѣмъ славилась еще Булгарія, Казань ничѣмъ себя не заявила въ промышленномъ быту. Такова была казанская образованность, которая изъ высшихъ слоевъ народонаселенія шла въ низшіе, въ селенія финнскихъ поколѣній. Изъ послѣднихъ тѣ только принимали ее, которыя находились въ близкомъ соприкосновеніи съ горожанами и то не во всѣхъ ея частяхъ. Многія поколѣнія оставались по прежнему въ язычествѣ; да и изъ тѣхъ, среди которыхъ распространено было магометанство, не всѣ измѣнили обычаи прежней жизни; башкирцы и соединившіеся съ ними въ отдаленное время мещеряки ([24]), сдѣлавшись магометанами, не оставили полукочевой жизни предковъ. Черемисы, раздѣлявшіеся на *луговыхъ* и *горныхъ*, удержали и свой языкъ и прежніе обычаи, не смотря на то, что нѣкоторая часть этого народа отошла къ магометанству. Тоже должно сказать о чувашахъ, мордвѣ и вотякахъ. По прежнему они вели скудную жизнь въ лѣсахъ, занимались звѣроловствомъ, славились, какъ искусные стрѣлки и отличались воинственностію, которой не нашли уже у нихъ наблюдатели XVIII столѣтія ([25]). Герберштейнъ находитъ всѣ эти поколѣнія похожими въ своемъ бытѣ одно на другое съ тѣмъ только отличіемъ, впрочемъ не маловажнымъ, что одни изъ нихъ, какъ напримѣръ мордва, выказывали къ земледѣльческой осѣдлой жизни болѣе наклонности, чѣмъ другія, какъ напримѣръ черемисы ([26]). Такой же отзывъ о финнскихъ поколѣніяхъ, входившихъ въ составъ

([23]) Герберштейнъ. Hist. ruth. script. ext. 62.

([24]) Они жили прежде на Нижней Окѣ; тѣснимые русскими, они въ первоначальный еще періодъ нашей исторіи удалились на сѣверовостокъ, точно также, какъ вслѣдствіе этихъ же причинъ и черемисы переселились на Волгу и Каму изъ ростовской области, гдѣ прежде того, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обитали. Лызловъ. Скифская исторія. 83.

([25]) Георги. Опис. народ. I, 25.

([26]) Hist. ruth. sript. ext. I, 58.

Казанскаго царства, сдѣлалъ впослѣдствіи Гваньини ([27]) а равно и наши лѣтописцы ([28]). Не мудрено послѣ этого, что большинство финскаго населенія страны удержало старинныя вѣрованія. Иностранные писатели на этихъ всѣхъ инородцевъ смотрятъ вообще какъ на язычниковъ, не объясняя впрочемъ существа ихъ язычества. Русскихъ наблюдателей въ этой сферѣ быта инородцевъ поражали особенно жрецы, въ которыхъ они видѣли колдуновъ, сообщниковъ нечистой силы. Вліяніе послѣднихъ на умы народонаселенія было еще столь сильно, что и правовѣрные магометане давали вѣру предсказаніямъ этихъ чародѣевъ ([29]). Во время разгара (послѣдней) борьбы съ русскими, въ послѣдніе дни Казанскаго царства казанцы прибѣгали за помощію къ ихъ таинственной силѣ. Не помогло. Въ октябрѣ 1552 года Казанское царство сдѣлалось московскою областію и народы, входившіе въ его составъ, должны были присягнуть на вѣчное холопство Великому Государю. Только башкирцы замедлили своею покорностію. Но и тѣ, чрезъ два или три года послѣ казанскаго разоренья, увидѣли необходимость подчиниться московской власти.

Къ юговостоку отъ Казанскаго царства, внизъ по Волгѣ, между этою рѣкою, Яикомъ и Камою образовались независимые татарскіе общественные союзы. То были: *ногайскія орды* и *Астраханское царство*. Основаніе ногайской орды относятъ еще къ XIII столѣтію и полагаютъ, что она возникла вслѣдствіе того, что одинъ изъ главныхъ воеводъ сарайскаго хана, по имени Ногай, отказалъ ему въ своемъ повиновеніи и, съ частію татаръ отдѣлившись отъ главной орды, образовалъ независимую орду, которая, вѣроятно, по его имени стала называться ногайскою ([30]). Первопачально она блуждала въ окрестностяхъ Чернаго моря, потомъ распространилась, заняла земли около Каспійскаго моря и отсюда вверхъ по р. Яику и даже по ту сторону Урала, но вмѣстѣ съ тѣмъ распалась на нѣсколько ордъ. Во времена Герберштейна ногаи раздѣлялись на три орды, изъ коихъ одна жила въ Сибири, а

([27]) Тамъ же. Guagnini Moscoviae descriptio. 17.

([28]) Опытъ казанской исторіи,—Рычкова. 127.

([29]) Сказанія кн. Курбскаго. 27. Ист. о Каз. царствѣ 125—129.

([30]) Карамз. Ист. Росс. Госуд. изд. Эйнерлинга. IV, 58.

другія двѣ по Яику, между этою рѣкою, Волгою и Камою (31). Астраханское царство возникло во второй половинѣ XV вѣка послѣ разоренія Сарая. Общественное устройство и у погасвъ и у астраханскихъ татаръ основывалось, какъ и въ Казанскомъ царствѣ и въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ, на раздѣленіи ихъ на дворянство и простой народъ, черныхъ людей. Мурзы погайскіе и астраханскіе въ своихъ юртахъ имѣли не меньше значенія казанскихъ князей и мурзъ. Верховная власть находилась въ рукахъ княжескихъ фамилій и въ такомъ же находилась положеніи относительно дворянства, какъ и власть казанскихъ царей среди князей и мурзъ. Между погайскими ханами и царемъ астраханскимъ Герберштейнъ впрочемъ находитъ разницу, именно въ томъ отношеніи, что первые довольствовались княжескимъ титуломъ, назывались duces, а второй носилъ названіе царя—rex. Разница, очевидно, незначительная. Въ другихъ сторонахъ быта эти общественные союзы нѣсколько расходятся. По вѣроисповѣданію какъ погаи, такъ и астраханскіе татары были магометане. Правда сами татары нижняго поволжья говорили Барбаро, что между ними не мало скрывается язычниковъ (32); но вѣроятно около времени паденія Астрахани и подчиненія погайцевъ Москвѣ эти язычники вывелись. Къ XVI столѣтію обозначились нѣкоторыя измѣненія, и въ образѣ жизни татаръ этой полосы стала замѣчаться наклонность къ осѣдлости, по крайней мѣрѣ между астраханскими татарами, число которыхъ во время паденія царства простиралось до 25 тыс. семействъ. Городъ Астрахань, который въ XV столѣтіи Контарини нашелъ далеко не въ блестящемъ положеніи (33), во время Герберштейна славился богатствомъ (34), и большинство татаръ, которыхъ венеціанскій посолъ считалъ не многимъ выше скотовъ,—въ XVI столѣтіи жило въ городѣ, занимаясь торговлею. Они назывались юртовыми; другіе жили по деревнямъ (аульные) или перекочевывали съ мѣста на мѣсто, занимаясь рыбною ловлею, скотоводствомъ и разбоями.

---

(31) Hist. ruth. script. ext., 67.

(32) Библіотека иностр. писат. о Россіи. Барбаро. 28.

(33) Тамъ же. Контарини. 90.

(34) Hist. ruth. script. ext. I. 68. Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс. т. IV; примѣч. 74.

Что касается до ногаевъ, то въ нихъ не было замѣтно расположенія къ осѣдлой жизни. Война и скотоводство были единственными занятіями, къ которымъ они выказывали склонность и способность. Грабежами да продажей лошадей, которыхъ ногайскіе купцы часто даже приводили въ Москву ([35]), да продажею плѣнниковъ восточнымъ купцамъ они добывали себѣ необходимое для жизни. Сами они мало были знакомы съ земледѣліемъ и ремеслами; они не знали даже кузнечнаго производства, и ханъ ногайскій просилъ у царя Ивана IV, чтобы тотъ прислалъ ему 500 т. гвоздей.

Въ XVII столѣтіи, чрезъ семьдесятъ пять лѣтъ послѣ того, какъ ногаи присягнули на подданство московскому государю (въ 1555 г., одновременно съ паденіемъ Астраханскаго царства), въ краю, который занимали, описанные сейчасъ, татары, появился новый народъ—*Калмыки*. Калмыки, какъ извѣстно, составляютъ отрасль великаго монгольскаго племени, которое, съ теченіемъ времени, распалось на три главные отдѣла: а) *монголовъ*, раздѣлявшихся на независимыхъ ни отъ кого, подъ именемъ халхасовъ на сѣверной сторонѣ Гоби и на зависящихъ отъ китайскаго императора, которые подъ именемъ чжахаровъ на югъ отъ Гоби, составляли пограничную стражу китайской имперіи; b) *бурятъ*, жившихъ по Байкалу и с) *элютовъ* или, что тоже, отдѣлившихся. Калмыки принадлежатъ къ послѣднему отдѣлу. Этимъ именемъ—калмыкъ, калмакъ—этимологія котораго недостаточно объяснена, нарекли магометане, а за тѣмъ и русскіе западныя части элютскаго народа; сами себя они называютъ *ойратъ*, т. е., четверородными; потому что по имени 4-хъ братьевъ, отъ которыхъ себя они производятъ, раздѣлялись на четыре вѣтви: *джюнгаровъ, тургутовъ, хошотовъ* и *дурботовъ* ([36]). Далеко не всѣ эти племена элютовъ попали въ приволжскія земли: движеніе произведено было сюда сначала только племенемъ тургутовъ, и только впослѣдствіи, въ концѣ XVII столѣтія, нѣсколько поколѣній пошли по ихъ слѣдамъ. Новое мѣстожительство, на которое они промѣняли вслѣдствіе внутреннихъ волненій въ народѣ элютскомъ и нападеній сосѣ-

([35]) Исторія Россіи, Соловьева. V. 121.

([36]) Землевѣдѣніе Азіи. К. Риттера. Русское изд. Спб. 1857 г. II. 138—145.

дей, жилища Джюнгаріи, не измѣнило коренныхъ основъ ихъ быта. Живя и въ странѣ между Волгою, Башкиріею и Яикомъ и по ту сторону его, къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря,—въ странѣ, которую они заняли, частію вытѣснивъ, частію истребивъ ногайцевъ, частію соединившись съ ними,—калмыки не позабывали о своемъ прежнемъ отечествѣ, и крѣпко держались прежнихъ своихъ обычаевъ, крѣпко стояли за прежніе свои общественные порядки. Въ отношеніи общественнаго устройства они впрочемъ близко подходили къ прежнимъ хозяевамъ страны—ногайскимъ татарамъ. У нихъ этотъ бытъ также основывался на раздѣленіи народа на два отдѣла: дворянство и черныхъ людей. Разница между татарами и калмыками въ этомъ отношеніи та, что у калмыковъ аристократическое начало проведено было въ жизнь народа глубже и раскрыто опредѣленнѣе, чѣмъ у татаръ, и вслѣдствіе этого дворянскій элементъ у первыхъ сильнѣе тяготѣлъ надъ простонародьемъ, чѣмъ у первыхъ. Какъ и вездѣ, этотъ элементъ благородства у калмыковъ искалъ себѣ оправданія въ происхожденіи отъ чистѣйшей крови. Въ разрядъ благородныхъ, людей бѣлой кости входили, кромѣ тайдши ([37]), который стоялъ во главѣ племени, нойоны или князья, имѣвшіе у себя отдѣльные улусы иногда въ 3, 5 и болѣе тысячъ кибитокъ. Званіе какъ тайдши такъ и нойона было наслѣдственное и переходило только къ одному изъ сыновей владѣльца. Но и тѣ, которые не получали выдѣла въ наслѣдствѣ, зайсанги принадлежали также къ бѣлой кости; сюда же относилось и многочисленное калмыцкое духовенство ламайскаго закона, ряды котораго пополнялись преимущественно дѣтьми нойоновъ и зайсанговъ, которымъ не доставало аймаковъ, и заключало въ себѣ четверть всего калмыцкаго населенія. Всѣ остальные калмыки назывались черною костью и должны были своими трудами содержать бѣлую кость. Они не имѣли голоса въ дѣлахъ общественныхъ, тогда какъ у татаръ господствующій классъ, по крайней мѣрѣ въ затруднительныхъ для народа обстоятельствахъ, считалъ за нужное совѣщаться съ черными людьми. Судебная власть находилась у калмыковъ тоже всецѣло въ рукахъ бѣлой кости, между

([37]) Джюнгарскій тайдша носилъ названіе Кунъ-Тайдша,—титулъ, который полученъ джюнгарскими князьями въ Тибетѣ и означаетъ: Лебединый князь. Землевѣд. Азіи, Риттера. II. 146.

тѣмъ какъ по обычаямъ татарскимъ многія спорныя дѣла рѣшались третейскимъ судомъ безъ всякаго участія въ томъ общественной власти. Барбаро разсказываетъ, что у татаръ въ случаѣ тяжбы или ссоры, тяжущіеся или поссорившіеся обращаются за рѣшеніемъ дѣла къ первому попавшему татарину и мнѣніе послѣдняго признаютъ, какъ судебное опредѣленіе (38). У калмыковъ эта статья быта была опредѣлена письменнымъ уложеніемъ, которое въ 1640 году было составлено въ Джунгаріи, на общемъ съѣздѣ мунгальскихъ и калмыцкихъ тайдшей и знатнѣйшихъ нойоновъ и признано было обязательнымъ для всѣхъ калмыцкихъ и мунгальскихъ народовъ. Въ этомъ, написанномъ на бѣлой камкѣ, законодательномъ памятникѣ подробно исчислены преступленія и обозначены наказанія, которыя за ними должны слѣдовать (39), хотя, какъ кажется, главная цѣль его заключалась въ опредѣленіи союзныхъ отношеній между ойратскими племенами и общей ихъ защиты отъ непріятелей. Между самыми тяжкими преступленіями помѣщены два случая: если кто оставитъ своего нойона во время нападенія непріятеля и если кто, зная о приближеніи непріятеля, не извѣститъ о томъ другихъ. За эти преступленія уложеніе опредѣляло преступнику смертную казнь и разореніе его семьѣ. Всѣ остальныя преступленія наказывались пенею, измѣрявшуюся количествомъ скота, сообразно важности преступленія; такъ за убійство человѣка полагалась пеня въ тысячу овецъ. Судебное рѣшеніе поставлялось въ совѣтѣ тайдши, который всегда находился при его кибиткѣ и назывался *зарго*. Въ высшемъ правительственномъ и судебномъ мѣстѣ, сохранившемся до послѣднихъ временъ подданства калмыковъ Россіи, засѣдали назначенные тайдшею зайсанги и одно или два духовныхъ лица. (Общее число членовъ суда не должно было превышать 8-ми.) Въ случаѣ несогласія между членами или особенной важности дѣла оно переходило на усмотрѣніе самаго тайдши. Достойно замѣчанія то, что при обсужденіи преступленія, принимались во вниманіе судьями обстоятельства, имѣвшія отношеніе къ преступному дѣйствію, какъ напримѣръ: умыселъ или нечаянность, возрастъ и другъ. Однакожъ ни письменные законы, ни правильная организація управленія и суда не приводили къ об-

(38) Библіотека иностр. писат. о Россіи. 26.

(39) Татищевъ и его время, П. Попова. М. 1861 г. 237—240.

легченію той тяжести, которую приходилось переносить черной кости благодаря господству надъ нею бѣлой кости. Центральная власть тайдши была безсильна, если бы и была расположена къ тому, чтобы защитить человѣка черной кости отъ произвола благородныхъ. Нойоны, подчиненные тайдшамъ, зависѣли отъ нихъ только по общимъ дѣламъ племени. Въ отношенія нойоновъ и зайсанговъ къ ихъ улусамъ и аймакамъ никто не имѣлъ права вмѣшательства. Отношенія эти были крѣпостныя. Нойоны и другіе владѣльцы брали обыкновенно съ черной кости каждый годъ десятую часть изъ ея имущества, состоявшаго изъ скота; кромѣ этого въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, во время войны, или когда нойонъ женился, черная кость обязана была платить ему особую подать скотомъ и съѣстными припасами. Если принять во вниманіе, что сверхъ того каждый простой калмыкъ долженъ былъ удѣлять часть изъ своего имущества на содержаніе духовенства; что, въ случаѣ войны, обязанъ былъ по первому призыву тайдши, явиться къ своему нойону въ полномъ вооруженіи, съ верховой лошадью, съ оружіемъ, состоявшемъ изъ лука и стрѣлъ и съ провіантомъ, то будетъ очевидно, что зависимость черной кости отъ бѣлой была полная и не легкая. Однакожъ неизвѣстны случаи сопротивленія черной кости господству нойоновъ, зайсанговъ и ламъ. Напротивъ они отличались всегда вѣрностію и рабскою привязанностію къ свѣтскимъ и духовнымъ господамъ. Особенно калмыки уважали ламъ: «рѣчи ламъ они принимаютъ закономъ, говоритъ китайскій историкъ; издалека увидѣвши ламу, снимаютъ шапку, преклоняютъ голову и за великое ставятъ счастіе, когда лама благословитъ возложеніемъ руки на темя (40)». Жизнь въ степи, переходы съ мѣста на мѣсто, столкновенія съ другими народами, всегда почти непріязненныя, не могли научить калмыковъ смотрѣть съ иной точки зрѣнія на силу и власть благородныхъ. И вообще у калмыковъ знаній хватало лишь на столько, на сколько это необходимо было при кочевомъ образѣ жизни; духовенству калмыцкому не было расчета выводить народное сознаніе изъ тѣхъ тисковъ, въ которое поставила его ламайская ортодоксія. Нравственному вліянію ламъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣла загробная

(40) Сибирскій вѣстникъ. 1823 г. ч. IV. О возмущеніяхъ, бывшихъ въ Джунгаріи и въ Малой Бухаріи. Переводъ съ китайскаго.

жизнь по калмыцкому представленію, ламъ—выдумавшихъ множество правилъ на всякіе случаи общественной и домашней жизни, народъ могъ противупоставить только колдуновъ, которые выходили изъ его среды. Но эти сообщники адской силы преслѣдовались правительствомъ свѣтскимъ и духовнымъ и не могли быть опасными для ламъ конкурентами во вліяніи на народъ, а главное, пользы отъ нихъ для умственнаго развитія народа ждать было нельзя, такъ какъ они, подобно ламайскому духовенству, требовали отъ него вѣры, не предлагая знаній. Не мудрено, при общественномъ гнетѣ, при невѣжествѣ народа, не мудрено, что нравственныя его наклонности были грубы: китайцы ихъ изображаютъ грубыми, наглыми, наклонными къ разбою, замѣчая при этомъ, что они никогда не касаются собственности однородцевъ; не мудрено и то, что фантазія и чувство калмыковъ обращались по преимуществу къ тому, что носитъ характеръ грусти, тоски. «Пѣсни ихъ заунывны, говоритъ китайскій писатель; когда въ тихую ночь, сидя въ кружкѣ поютъ, то трогаютъ и извлекаютъ слезы у другихъ ([41])».

Таковъ былъ внутренній бытъ калмыковъ, когда они явились въ приволжьи и сдѣлались обладателями обширныхъ степей; такими они остались и здѣсь въ новомъ ихъ отечествѣ. Но придя въ соприкосновеніе съ русскими, калмыцкіе выходцы, предъ которыми должны были смириться татарскія полукочевыя орды, должны были убѣдиться, что бороться съ московскимъ государемъ имъ не подъ силу. Вслѣдъ за неудачнымъ нападеніемъ ихъ въ 1642 году на Астрахань, нойоны ихъ и зайсанги увидѣли надобность признать верховнымъ своимъ повелителемъ великаго московскаго государя и дать шертную запись, по которой обѣщались «не дѣлать грабежей по Волгѣ, оставить въ покоѣ рыбные промыслы, не переманивать къ себѣ и не разорять астраханскихъ татаръ, не жечь русскихъ поселеній, ходить на недруговъ государя, не безчестить посланцевъ московскихъ и отъ всѣхъ прежнихъ своихъ неправдъ отстать» и—шертуя, цѣловать бога своего бурхана, бичикъ (св. книгу) и четки; лизать и къ горлу прикладывать свои ножи, приговаривая: будетъ у великаго государя въ послушаньи быть не учнемъ и шерть свою и утвержденье нарушимъ, и на насъ тайдшахъ, и на нашихъ дѣтяхъ, и на

([41]) Тамъ же.

мурзахъ и на ихъ дѣтяхъ, и на всѣхъ улуслыхъ людяхъ будетъ божій гнѣвъ и огненный мечъ; и тѣмъ ножомъ, который я тайдша лизалъ и къ горлу прикладывалъ отъ непріятеля своего буду зарѣзанъ по горлу своему, и будемъ прокляты по своей калмыцкой вѣрѣ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ».

II.

Инородцы на сѣверѣ европейской Россіи и въ Западной Сибири. Великая Пермь и югорская земля; характеръ свѣдѣній о народахъ сибирскихъ до XVII вѣка, обращавшихся въ Россіи. Значеніе отписокъ служилыхъ людей для внутренней исторіи инородцевъ въ до-московскую эпоху. Самоѣды; происхожденіе ихъ, матеріальная и умственная жизнь ихъ и общественное устройство. Остяки. Сибирское царство, племенный составъ его; общественный строй; непрочность его. Киргизъ-кайсаки; отличіе ихъ отъ киргизовъ; происхожденіе ихъ; общественное ихъ устройство. О народахъ между верхнею Обью и верхнимъ Енисеемъ вообще и о телеутахъ и киргизахъ въ особенности. Государство Алтынъ-хана и монголы по донесеніямъ посланцевъ русскихъ въ первой четверти XVII столѣтія.

На сѣверъ отъ земель, которыя занимали общественные союзы, созданные народами татаро-монгольскаго корня, жили поколѣнія финскаго и самоѣдскаго племени. Всему этому пространству, которое идетъ на сѣверъ отъ древней Булгаріи, на сѣверо-востокъ до горъ уральскихъ, скандинавскіе мореплаватели давали общее названіе *Беормія* или *Біармія*. Русскіе же отличали тутъ: *Заволочье*, ближайшую къ Новгороду часть Біарміи скандинавовъ, лежащую за волокомъ, который отдѣляетъ Онегу отъ Двины, *Печору*, которая удалялась въ глубь сѣвера и *Великую Пермь*, южную часть этой великой страны. Впрочемъ границы земель, носившихъ такія названія, въ точности не были опредѣлены древними. Не много имѣемъ извѣстій и на счетъ быта древнихъ обитателей этихъ странъ, ранѣе другихъ инородцевъ сѣверо-востока Россіи вошедшихъ въ составъ московскаго государства. Названіе «Пермь, Біармія», которое древніе употребляли для обозначенія и народонаселенія страны, на языкѣ финскомъ соб-

ственно значитъ «украйна, гористая страна» и, стало быть, не есть племенное только названіе (42). Этимъ именемъ назывались всѣ вообще финнскія поколѣнія, жившія на отмѣченномъ пространствѣ и называвшія себя *Коми*. Поколѣнія эти, которыя, по преданію, уцѣлѣвшему среди нихъ и доселѣ, составляли когда то одинъ народъ— *Чудь*, *Чудаки*,—съ теченіемъ времени отдѣлились одно отъ другаго и для отличія получили, кромѣ общаго именованія *Перми*, еще частныя названія: *Зырянъ*, собственно *Перми*, *Вогуловъ*, или Угровъ. Послѣдніе только небольшою своею частію жили по сю сторону Камня, большинство же имѣло своимъ мѣстопребываніемъ землю за Ураломъ по рѣкамъ, текущимъ въ Обь, или, что тоже, въ *Югорской странѣ*. Среди этихъ главныхъ населещевъ страны жили обрывки другихъ вѣтвей финнскаго племени а также и татарскаго, какъ то: остяки, чуваши, черемиса, вотяки и башкирцы (43).

Едва ли можно сомнѣваться, что населеніе Великой Перми и Югорской земли въ древнѣйшую эпоху находилось на болѣе высокой степени благосостоянія въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ его нашло московское государство. Извѣстія о торговомъ и промышленномъ процвѣтаніи древней Біарміи, сообщаемыя въ скандинавскихъ сагахъ, подтверждаются археологическими розысканіями ученыхъ (44). Не входя въ разсмотрѣніе быта народа въ эту отдаленную эпоху, а равно и въ изслѣдованіе причинъ паденія древней его цивилизаціи,—причемъ бы впрочемъ пришлось, не смотря на значительные результаты, добытые археологіей, вращаться въ области предположеній и гипотезъ,—замѣчу однако, что татарское движеніе изъ Азіи въ Европу, коснувшееся предѣ-

---

(42) Мухаммеданская Нумизматика. П. С. Савельева стр. CVIII. Пермскій Сборникъ. Краткій историческій очеркъ населенія и цивилизаціи пермскаго края. А. Крупенина. Кн. I, 34.

(43) Хозяйственное описаніе Пермской губерніи. Н. Попова. Часть III. Спб. 1813 года. 1—67. Распространеніе христіанства въ пермской епархіи. Арх. Макарія, статья въ Ж. М. Н. П. 1857 года. Ч. XCIII.

(44) Мухам. Нумизматика. CVIII—CXVI. — О чудскихъ монетахъ Эйхвальда въ Зап. Имп. Арх. Общ. ч. I стр. 273—276; 357.— Пермскій Сборникъ, кн. I: примѣчаніе къ статьѣ г. Крупенина 4-е. Замѣтки о пермскихъ древностяхъ,—Ешевскаго.

ловъ и этой страны, безъ сомнѣнія, немало подвинуло впередъ дѣло разложенія этой цивилизаціи, начавшееся конечно въ силу какихъ нибудь внутреннихъ причинъ. Народонаселеніе страны, не желая подчиниться пришельцамъ, отодвинулось отъ береговъ Камы и С. Двины, на которыхъ по преимуществу жили древніе біармійцы, далѣе на сѣверъ и востокъ, въ лѣса и въ горы.

Однакожъ Москва, подчинившая эти поколѣнія себѣ въ теченіе XV и XVI столѣтій, нашла ихъ не въ совсѣмъ дикомъ состояніи. Занятія ихъ по преимуществу состояли въ звѣриной и рыбной ловлѣ; но имъ была знакома и оседлая жизнь: у всѣхъ этихъ племенъ были постоянныя жилища и даже города. Зыряне, кромѣ того, занимались земледѣліемъ. Всѣ они понимали выгоды торговли и охотно мѣняли мѣха, которыми былъ богатъ ихъ край, на предметы металлическаго производства.—Общественное устройство ихъ состояло въ раздѣленіи на небольшія группы. Мы не можемъ сказать положительно: были ли эти группы отдѣльные роды и князья ихъ—князья родопачальниками, пользовавшіеся первенствующимъ значеніемъ по родовому праву, или же это были поселенія, составившіяся внѣ родственныхъ побужденій и князья были только выборными старшинами. Кажется, безопаснѣе принять первое предположеніе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что зыряне, пермяки и вогуличи въ общественномъ отношеніи были раздѣлены на мелкія группы и что, кромѣ князей начальниковъ этихъ группъ, не было класса, который бы имѣлъ какія либо общественныя преимущества надъ массою населенія.

Въ раздѣленномъ и условіями географическими и устройствомъ общественнымъ народонаселеніи пермскаго и югорскаго края замѣтны однакожъ были попытки къ образованію болѣе крупныхъ союзовъ, чѣмъ тѣ, которые представлялись поколѣніями. Многія поколѣнія составляли федераціи подъ управленіемъ общаго для всѣхъ ихъ вождя. Неизвѣстно, выбирался ли онъ старѣйшинами изъ ихъ среды, или пользовался этимъ значеніемъ по наслѣдственному праву; неизвѣстно и то, въ какомъ были отношеніи второстепенные князья къ главному. Но несомнѣнно то, что федераціи существовали въ описываемомъ краю. Тамъ извѣстенъ былъ союзъ поколѣній пермятскихъ, во главѣ котораго стоялъ общій начальникъ, въ нашихъ извѣстіяхъ называющійся великимъ пермскимъ

княземъ и противуполагающійся князьямъ простымъ (45). У вогуличей русскіе нашли кромѣ князей обыкновенныхъ «большаго князя». Дѣятельность такого рода большихъ князей особенно высказывалась во время непріязненныхъ столкновеній племенъ съ пришельцами. Очень вѣроятно, что внѣшнія опасности, если не были главною причиною образованія среди пермскаго и югорскаго населенія федерацій, то не мало тому содѣйствовали. Политическая связь между отдѣльными колѣнами, безъ сомнѣнія, много поддерживалась ихъ жречествомъ. Этотъ классъ, пользовавшійся одинаковымъ уваженіемъ у всѣхъ племенъ страны, заводилъ общія для всѣхъ ихъ святилища, сходясь куда съ разныхъ концовъ страны, обитатели естественно вспоминали свою родственность и заручались желаніемъ поддерживать ее на будущее время. Такой характеръ имѣли святилища, разоренныя проповѣдниками христіанства въ странѣ—св. Стефаномъ и Трифономъ вятскимъ.

Чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ отъ описанной страны, тѣмъ менѣе было связи между раскинутыми на огромномъ пространствѣ инородческими поколѣніями. Болѣе или менѣе значительные общественные союзы русскіе нашли только въ южныхъ частяхъ Сибири, по верховьямъ великихъ сибирскихъ рѣкъ. Обо всѣхъ впрочемъ народахъ, какъ къ сѣверу Великой Перми и Югорской земли, такъ къ востоку и югу русскіе, а чрезъ нихъ и западные европейцы почти ничего не знали ранѣе XVI и XVII столѣтій. Югорская земля была крайнимъ предѣломъ, до которой простирались болѣе или менѣе положительныя географическія свѣдѣнія русскихъ относительно сѣверо-восточныхъ странъ Европы и Азіи и народовъ, ихъ населявшихъ. Походы русскихъ въ эту страну во второй половинѣ XV столѣтія, какъ кажется, не совсѣмъ разсѣяли тѣ баснословные толки, предметомъ которыхъ долгое время былъ югорскій край и которыя, представляя его землею мрака и обитателей нѣмыми существами, умиравшими на зиму, возникли и разнообразились, вѣроятно, вслѣдствіе хвастовства людей, бывавшихъ тамъ, и легковѣрія общества. По крайней мѣрѣ во времена Герберштейна не переставали ходить въ Москвѣ подобные толки относительно югорской

(45) Путешествіе въ гор. Чердынь и Соликамскъ. Берха. 1821 года. стр. 84.

земли (46). Тѣмъ крѣпче они могли держаться въ публикѣ, что земля вогуличей послѣ опустошительнаго похода ни нее въ 1499 году кн. Семена Курбскаго не была окончательно покорена власти московской и, какъ кажется, господство послѣдней надъ ней въ теченіе XVI вѣка было болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное. Что же касается до другихъ странъ и народовъ, лежавшихъ къ сѣверу и востоку отъ этой земли, то объ нихъ разказывались часто сказочныя вещи и этимъ разказамъ (47), какъ видно, вѣрили до тѣхъ поръ,

---

(46) Histor. ruth. script. ext. I. 56.

(47) Такъ какъ во всякой сказкѣ есть доля правды и такъ какъ съ другой стороны сказка говоритъ о направленіи фантазіи общества, среди котораго пользуется кредитомъ, то приведу здѣсь отрывокъ въ этомъ родѣ, заимствованный изъ Сборника Соловецкой Библіотеки (при духовной казанской академіи № 844 л. 303—307) и доставленный мнѣ А. С. Павловымъ: «На восточнѣй странѣ, за югорскою землею, надъ моремъ живутъ люди самоѣдь зовомы, монгонзѣи. А ядь ихъ мясо оленіе да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ. А гость къ нимъ откуды пріидетъ, и они дѣти свои закалаютъ на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ, а въ землю не хоронятъ, а своихъ такоже. Сія же люди не велики возрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми, и стрѣльцы скоры и горазды, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платіе носятъ соболіе и оленіе, а товаръ ихъ соболи.

Въ той же странѣ иная самоѣдь такова же. Линная словетъ. Лѣтѣ мѣсяць живутъ въ мори, а на сусѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылести.

Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа вверхъ якоже и прочіи человѣцы. А ядь ихъ рыбы и мясо. А торгъ ихъ соболи и песцы, и пыжи и оленні кожи.

Въ той же странѣ иная самоѣдь. Вверху рты на темени, а не говорятъ. А образъ въ пошлину человѣчь. А коли ядятъ, и они крошатъ мясо или рыбу, да кладутъ подъ колпакъ, или подъ шапку. И какъ почнутъ ясти, и они плечима движютъ вверхъ и внизъ.

Въ той же странѣ есть иная самоѣдь, якоже и прочіи человѣцы. По зими умираютъ на два мѣсяца. Умираютъ же тако: какъ гдѣ котораго застанетъ въ тѣ мѣсяцы, тотъ ту и сядетъ. А у него изъ носу вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли. И кто, человѣкъ иныя земли, невидѣніемъ потокъ той отразитъ у у него и сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ; а не сопхнетъ съ мѣста, то и оживетъ и познаетъ и речетъ ему: «о чемъ мя еси, друже, поуродовалъ?» а иные оживаютъ, какъ солнце на лѣто вернется. Тако на всякый годъ оживаютъ и умираютъ.

пока русскіе не стали крѣпкою ногою въ Сибири и не дали знать міру, что тутъ живутъ тоже люди, со всѣми принадлежностями человѣческой породы, отличавшіеся отъ другихъ только языкомъ и образомъ жизни. Впрочемъ надо замѣтить, что отписки служилыхъ и промышленныхъ людей московскаго государства, завоевавшихъ сибирскія земли, отписки, изъ ко-

---

Въ той же странѣ вверху Оби рѣкы великыя есть земля, Баидъ именуется. Лѣса на ней нѣтъ. А люди, какъ и прочіе человѣцы. Живутъ въ земли, а ѣдятъ мясо соболіе. А иного у нихъ звѣря никакого нѣтъ, опрочѣ соболи. А носятъ платіе все соболіе, и рукиводы и ногавицы. А иного платія у нихъ нѣтъ, ни товару никотораго. А соболи у нихъ черны вельми и великы. Шерсть живого соболи по земли ся волочитъ.

Въ той же странѣ иная самоѣдь. По обычаю человѣцы, но безъ гл.въ. Рты у нихъ промежи плечми, а очи въ грудехъ. А ядь ихъ головы оленіи сырые. А коли имъ ясти, и они головы оленіи возметываютъ себѣ въ ротъ на плечи, а на другый день кости измещутъ изъ себя туда же. А не говорятъ. А стрѣльба же ихъ трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту въкладываетъ въ трубку, да бьетъ молоткомъ въ стрѣлку. А товару у нихъ никотораго нѣтъ.

Вверхъ тоя же рѣкы великія Оби есть люди, ходятъ по подъ землею иною рѣкою день да нощь съ огни, и выходятъ на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него. И кто поѣдетъ къ граду тому, и тогда слышати шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ. И какъ пріидутъ въ него, и людей въ немъ нѣтъ, и шюму не слышати никотораго, ни иного чего животна. Но во всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много и товару всякаго. Кому что надобѣ, и онъ положивъ цѣну противу того, да возметъ что кому надобѣ, и прочь отходятъ. А кто что безъ цѣны возьметъ и прочь отъидетъ, и товаръ у него погыбнетъ и обращется паки въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходятъ отъ града того, и шюмъ паки слышѣти, какъ и въ прочихъ градѣхъ.

Въ восточнѣй же странѣ есть иная самоѣдь каменская, облежитъ около югорскіе земли. А живутъ по горамъ высокымъ, а ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платіе носятъ соболіе и оленіе, а ядятъ мясо оленіе, да и собачину и бобровину сыру ядятъ, а кровь пьютъ человѣчю и всякую. Да есть у нихъ лекари. У котораго человѣка внутри не здорово, и они брюхо рѣжутъ, да нутръ вынимаютъ и очищаютъ и паки заживляютъ. Да въ той же самоѣди видили, скажютъ, самоѣдь же старые люди згоры подлѣ моря, мертвыхъ своихъ идуть плачущи множество ихъ. А за ними идетъ великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною».

торыхъ европейскій міръ получилъ впервые положительныя свѣдѣнія какъ о природѣ этихъ земель, такъ и объ ихъ обитателяхъ,—не даютъ подробныхъ извѣстій объ этнографіи Сибири, а еще менѣе говорятъ о прошедшихъ судьбахъ сибирскихъ народовъ. Составители этихъ отписокъ смотрѣли на сибирскихъ инородцевъ, конечно, съ точки зрѣнія завоевателей; занятые однимъ помышленіемъ какъ бы пріискать новыхъ землицъ и, приведя ихъ въ холопство государю, брать съ нихъ ясакъ, они въ новыхъ землицахъ замѣчали и отмѣчали потомъ въ своихъ отпискахъ лишь тѣ обстоятельства и такія жизненныя явленія, которыя служили препятствіемъ или содѣйствовали имъ къ достиженію ихъ общей цѣли, или наконецъ тѣ, которыя въ особенности поражали ихъ вниманіе. Вообще эти многочисленныя отписки или донесенія имѣютъ характеръ несравненно болѣе топографическихъ, чѣмъ этнографическихъ описаній страны. Великая ихъ важность въ исторіи географическихъ знаній давно уже признана и они достойнымъ образомъ оцѣнены географической наукой. Но какъ историческій и этнографическій матеріалъ, отписки эти далеко не составляютъ такого пріобрѣтенія, пользуясь которымъ можно бы было сдѣлать отчетливое представленіе о внутреннемъ бытѣ сибирскихъ народовъ предъ эпохой и въ эпоху порабощенія каждаго изъ нихъ русскою властію. Заслуга ихъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онѣ разсѣяли нелѣпые толки объ обитателяхъ страны, въ родѣ приведенныхъ мною въ примѣчаніи, и дали общія положительныя свѣдѣнія объ этихъ народахъ. Подробности раскрытія жизни послѣднихъ принадлежатъ послѣдующимъ временамъ, послѣдующимъ дѣятелямъ, и еще не мало нужно сдѣлать, чтобы уразумѣть во всей полнотѣ жизнь этихъ племенъ, въ которыхъ люди, гордые европейскимъ происхожденіемъ, упоенные чувствомъ самодовольства побѣдителя, наклонны видѣть сволочь человѣчества, осудившую самое себя на положеніе, въ которомъ и нынѣ находятся, на всѣ послѣдствія встрѣчи съ русскими ([18]). Къ этимъ позднѣйшимъ наблюденіямъ и ученымъ изысканіямъ приходится обращаться за помощію, чтобы составить себѣ понятіе о внутреннемъ бытѣ этихъ народовъ около того времени, когда, по краснорѣчи-

([18]) Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1838. П. Словцова. Кн. I. 5.

вому выраженію историка, просвистала подлѣ ушей этихъ закаменныхъ народовъ пуля изъ большой пищали, и когда Сибирь стала для Россіи самороднымъ звѣрищемъ и когда «туземцы, пресмыкавшіеся здѣсь», одно поколѣніе за другимъ, сдѣлались данниками великаго московскаго государя ([49]). Изъ нихъ однакожъ я заимствую только тѣ черты, которыя, характеризуя общественную и духовную жизнь сибирскихъ инородцевъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно были присущи имъ въ эту, домосковскую, эпоху ихъ жизни. Потому что многое въ быту современныхъ намъ инородцевъ составляетъ не самобытныя черты ихъ жизни, а есть наростъ, образовавшійся послѣ, вслѣдствіе новыхъ отношеній, порожденныхъ русскимъ господствомъ.

Всѣ земли на сѣверѣ Россіи, прилегающія къ Ледовитому Океану, идущія великой полосой отъ Бѣлаго моря чрезъ верхнія части древнихъ Заволочья и Печоры въ Сибирь до Лены, населены были обитателями, которые извѣстны подъ общимъ именемъ *самоѣдовъ*. Сами самоѣды не хотятъ знать этого наименованія, а, пося въ различныхъ мѣстахъ различныя названія, употребляютъ, какъ общее обозначеніе своего племени, западные—*ньнецъ* (человѣкъ) или нѣнця (люди), восточные—*хасовъ* (мужъ), *хасово* (мужи) ([50]). Однакожъ названіе ([51]), подъ которымъ они сдѣлались извѣстны русскимъ, указываетъ съ одной стороны на близость ихъ къ поколѣніямъ финскаго корня, ибо по объясненію нѣкоторыхъ ученыхъ оно произошло отъ испорченнаго произношенія финн-

---

([49]) Тамъ же.

([50]) Путеш. Акад. Лепехина ч. IV, 199. Сибирская Исторія Фишера. 72. Описаніе народовъ, обит. въ Россіи, Георги. II. 4—12.

([51]) Происхожденіе названія самоѣдъ объясняютъ различно; одни (Фишеръ) производятъ его отъ Сами, имени, которымъ называютъ себя лапландцы, или, вѣрнѣе, отъ *самеядна*, какъ называютъ они землю,—полагая, что русскіе, считая лапландцевъ и самоѣдовъ за одинъ народъ, усвоили послѣднимъ названіе первыхъ, перемѣнивъ самеядна въ самоядь; другіе (Лербергъ) почитаютъ это названіе русскимъ, происшедшимъ отъ *семгоѣдь*—человѣкъ, питающійся семгою, полагая, что русскіе такъ назвали жителей сѣвера по привычкѣ ихъ употреблять въ пищу семгу; третьи отъ финнскаго слова *суоми*—болото. Вѣрнѣе, кажется, послѣднее объясненіе. Обзоръ мнѣній на счетъ происхожденія этого слова, см. Этнографическій Сборникъ кн. IV, 42.

сваго слова *суоми*, а съ другой на природу страны, которая имъ досталась въ удѣлъ, потому что *суоми* значитъ болото. Мы не беремся рѣшить, составляютъ ли самоѣды особое племя въ ряду другихъ племенъ человѣческаго рода, какъ думаютъ одни, или они суть ни что иное, какъ вѣтвь финскаго племени, какъ удостовѣряютъ другіе знатоки этого народа (52). Думаю однакожъ, что племенное происхожденіе едва ли могло имѣть сильное вліяніе на внутренній бытъ обитателей этой полосы; сдается, что здѣсь, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены самоѣды, люди породъ, причисляемыхъ къ благороднѣйшимъ, чрезъ нѣсколько поколѣній приняли бы тѣ же бытовыя свойства, которыя характеризуютъ и самоѣдовъ. О древнѣйшихъ судьбахъ самоѣдовъ, равно какъ и другихъ инородцевъ Сибири ничего почти неизвѣстно. Можно только думать, согласно съ Фишеромъ и Кастреномъ, что самоѣды первоначально жили гораздо южнѣе, а именно: въ Саянскихъ горахъ или около верховьевъ Енисея. О томъ, что самоѣды жили вообще южнѣе, имѣется свидѣтельство у Плано-Карпини. Описывая путь татаръ изъ Венгріи, ими опустошенной, онъ удостовѣряетъ, что когда они чрезъ землю мордовскую и Болгарію пошли на сѣверъ, то «прежде пришли къ паропитамъ; оттуда проходя далѣе, пришли они къ самоѣдамъ, которые живутъ только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежды дѣлаютъ изъ звѣриныхъ кожъ; оттуда, идучи далѣе, пришли они въ какую то землю надъ Океаномъ, гдѣ нашли какихъ то чудовищъ (53)». На прежнее пребываніе самоѣдовъ въ Саянскихъ горахъ указываетъ то обстоятельство, что и понынѣ здѣсь живутъ еще многія небольшія самоѣдскія поколѣнія, посреди турецкихъ и монгольскихъ народовъ. Отсюда единоплеменники ихъ въ незапамятныя времена поднялись на сѣверъ, къ берегамъ Ледовитаго моря, распространились частію по рѣкамъ Енисею, Тазу, Оби, частію перешли за Уралъ и заняли тундры между рѣками Карою и Мезенемъ. Очень

---

(52) «Кастренъ доказалъ, что финскіе народы, вмѣстѣ съ турецкими и самоѣдскими, образуютъ отдѣльную группу, составляющую среднее звѣно между монгольскими и кавказскими племенами. Сродство финновъ съ самоѣдами, послѣ новѣйшихъ лингвистическихъ и этнографическихъ розысканій, не подлежитъ никакому сомнѣнію». Эйхвальдъ. О чудскихъ копяхъ.

(53) Собраніе путешествій къ татарамъ. Спб. 1825. 157—159.

можетъ статься и то, что какъ предполагаетъ Фишеръ, самоѣды не принадлежатъ по происхожденію къ одному племени (54); очень можетъ, что многія племена Европы и Азіи выдѣлили изъ себя каждое извѣстную долю выходцевъ, которые заняли этотъ отдаленный сѣверъ и съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ географическихъ условій, утратили первоначальныя черты своего быта и приняли новыя, именно тѣ, которыя отличаютъ самоѣдовъ отъ другихъ народовъ. Надо думать, что эти, покрытыя мелкимъ кустарникомъ болота,—гдѣ живутъ самоѣды, смѣняющіяся горами, эта почва, которая никогда не оттаиваетъ, жестокія стужи, долгія зимы играли первостепенную роль въ образованіи того характера, съ которымъ представляются эти обитатели полуночныхъ странъ Россіи. Человѣку, обреченному здѣсь жить, выпадала борьба не по силамъ съ природою; содѣйствія отъ другихъ человѣческихъ обществъ ему не приходило. Природа пересилила его; это выразилось въ самой наружности его: самоѣдъ малъ ростомъ; это проявилось въ малой плодовитости населенія и скоромъ одряхленіи самоѣдовъ. Природа подѣйствовала и на духовную сторону самоѣда: онъ крайне суевѣренъ; женщины самоѣдскія чрезвычайно пугливы: самоѣду постоянно представляется, что злые духи *тадебціи* только о томъ и заботятся, чтобы повредить ему и потому *Тадибъ*, могущій умилостивлять ихъ или отвращать вредное ихъ дѣйствіе на человѣка другимъ путемъ, для него—великій авторитетъ; безъ тадиба онъ чувствуетъ себя пропащимъ. Высшая божеская сила, въ которую онъ вѣруетъ и которую называетъ *Тявуй Нумъ*, отъ которой, по его убѣжденію, произошло все существующее и отъ которой, какъ изъ источника, идетъ всякое добро, не спасаетъ его отъ злыхъ дѣйствій духовъ, потому что Нумъ обитаетъ только на небѣ и не можетъ пребывать на землѣ, гдѣ совершается всякое зло (55). Для него нѣтъ успокоенія и въ томъ вѣрованіи, что по смерти его можетъ ожидать лучшая жизнь, что по окончаніи земной, столь безотрадной для него, жизни наступитъ жизнь безъ заботъ, печали и болѣзней. Самоѣдъ думаетъ, что безсмертіе есть принадлежность однихъ тадибовъ; онъ, говоритъ Кастренъ, живетъ съ мрач-

(54) Сибирская исторія стр. 72.

(55) Этнографич. Сборникъ, кн. IV 60.

нымъ убѣжденіемъ, что смертію кончается существованіе обыкновенныхъ людей (56). Такія мрачныя вѣрованія конечно составляютъ плодъ его тяжкой, скудной жизни. Вся обыденная жизнь самоѣда отдана заботамъ о насущномъ пропитаніи посредствомъ звѣриной и рыбной ловли; олень и собака—его товарищи; искусный звѣроловъ въ глазахъ его герой; одуряющій напитокъ изъ мухомора, замѣняющій для него вино, которое доставать ему трудно, и сказки — его развлеченіе. Никакіе другіе интересы ему незнакомы; у него нѣтъ праздниковъ; онъ не имѣетъ наклонности къ пляскѣ и пѣнію; съ угрюмымъ безстрастіемъ онъ смотритъ на все его окружающее. Однакожъ многіе человѣческіе инстинкты сохранились у самоѣдовъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя къ тому условія: не смотря на матеріальную скудость, они не воруютъ; у нихъ нѣтъ склонности къ дракѣ и убійству; между нравственными правилами (57), которыя созданы самоѣдами, есть не мало такихъ, которыя заслуживаютъ подражанія и для обществъ несравненно высшаго умственнаго развитія. Общественный бытъ самоѣдовъ всегда устроенъ былъ по родовымъ порядкамъ; всегда они раздѣлялись на роды, управлявшіеся старшинами-родоначальниками. Впрочемъ, по наблюденію Кастрена (58), у нихъ «встрѣчаются роды изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже нѣсколькихъ тысячъ душъ, изъ которыхъ многіе не помнятъ своего происхожденія, но тѣмъ не менѣе всѣ считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ родственные союзы и въ обязанность себѣ вмѣняютъ помогать другъ другу. Обыкновенно на кочевьяхъ своихъ всѣ, принадлежащія къ одному роду, семьи живутъ вмѣстѣ, и, по требованію обычая, богатый дѣлитъ здѣсь свое имущество съ бѣдными. Помощь ближнему состоитъ въ томъ, что они братски дѣлятся добычею дня. Замѣчательно, что никто никогда не проситъ милостыни, но всякій считаетъ безусловнымъ своимъ правомъ пользоваться имѣніемъ ближняго безъ всякихъ церемоній. Ясно, что преступленія въ такомъ обществѣ рѣдки. Когда два человѣка изъ одного и того же рода поссорятся между собою, то идутъ къ старѣйшинѣ, который тутъ же на мѣстѣ безъ всякихъ юридическихъ формальностей из-

(56) Этнографич. Сборникъ IV, 298.

(57) Тамъ же. 69.

(58) Тамъ же. 304—305.

рекаетъ свой приговоръ. Такимъ судомъ обыкновенно удовлетворяются обѣ стороны; въ противномъ же случаѣ, онѣ могутъ апеллировать въ высшую инстанцію—князю. Множество родовъ, живущихъ другъ подлѣ друга изстари признаютъ общаго главу, князя... Ему подчинены всѣ старшины родовъ. Достоинство князя и родоваго старшины переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну... За неимѣніемъ сына ближайшій родственникъ избирается ему въ преемники. Ни князю, ни другимъ начальникамъ не назначается опредѣленнаго содержанія: они содержатся добровольными приношеніями своихъ подданныхъ». Такъ представляютъ бытъ самоѣдовъ въ настоящее время; такимъ, надо полагать, онъ былъ и предъ тѣмъ временемъ, когда они, начиная со времени паденія Новгорода, въ теченіе XV, XVI и первой половины XVII столѣтія, одно поколѣніе за другимъ подпали московской власти.

Во многомъ съ самоѣдами сходны *остяки* (59), которые жили главнымъ образомъ къ югу отъ сибирскихъ самоѣдовъ, къ востоку отъ вогуличей (между Обью и Енисеемъ) тѣже, какъ и у самоѣдовъ, малорослость и малоплодовитость этого племени, таже умственная неразвитость, выражавшаяся въ грубыхъ суевѣріяхъ, тотъ же кочевой образъ жизни, тѣже занятія звѣроловствомъ и рыболовствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ таже честность и правдивость во взаимныхъ отношеніяхъ. Но болѣе благопріятныя природныя условія страны, которую занимали остяки, сдѣлали то, что въ ихъ характерѣ замѣт-

---

(59) Сами себя остяки, составлявшіе многочисленный народъ Западной Сибири, принадлежащій по своему происхожденію къ финскому племени, называютъ вообще Хандихо, въ разныхъ мѣстахъ впрочемъ давая себѣ различныя названія (Георги I, 66). На правительственномъ языкѣ въ московскій періодъ они различались по названіямъ, заимствованнымъ отъ мѣстожительства ихъ или отъ городовъ, къ которымъ были приписаны. Происхожденіе названія «Остякъ» объясняютъ различно: по одному объясненію (Георги) «татары, покоривъ Сибирь подъ свое иго, до утвержденія въ ней россійскаго владычества, называли природныхъ тамошнихъ жителей ругательнымъ словомъ *Унтяки*, что значитъ необходительные, дикіе люди. Русскіе же, покоривъ ихъ своей власти, сдѣлали изъ этого слова племенное названіе»; другіе полагаютъ (Перм. Сборн. I, 33), что слово *Остякъ* составлено изъ финскихъ реченій *уит—ек*—удалившійся, или вытѣсненный. Племя это названо такъ потому, что удалилось или было вытѣснено съ прежнихъ мѣстъ своего жительства.

ны черты, отличающія ихъ отъ самоѣдовъ: остякъ не такъ угрюмъ, какъ самоѣдъ, у него есть свои праздники; «осенью съ перваго новолунія они по почамъ празднуютъ и заупывными пѣснями какъ бы возглашаютъ объ оптимизмѣ бывалой родины» (60); они любятъ пѣсню и пляску. Въ общественномъ быту они совершенно похожи на самоѣдовъ. Также раздѣльность на роды подъ управленіемъ старшинъ; тѣже соединенія нѣсколькихъ родовъ подъ властію общаго начальника. Впрочемъ крѣпкой связи между этими союзами не было у нихъ. По крайней мѣрѣ пришельцамъ другихъ породъ не предстояло особеннаго труда подчинить ихъ своей власти. Въ то время какъ одни изъ этихъ союзовъ приходили въ зависимость отъ пришельцевъ, другіе, отдѣленные пространствомъ и нерѣдко родовою враждою не только оставались равнодушными къ этому явленію, но даже содѣйствовали покоренію одноплеменниковъ власти пришельцевъ (61). Вслѣдствіе этого, еще ранѣе окончательнаго завоеванія всей ихъ земли русскими, нѣкоторые изъ нихъ въ союзѣ съ вогуличами должны были признать господство русскихъ; другіе, удаленные отъ этихъ или по инымъ причинамъ, не думали подавать имъ помощи, хотя еще пока были независимы, третьи подчинились сибирскимъ царямъ.

Время основанія Сибирскаго царства съ точностію опредѣлить нельзя; полагаютъ, что оно возникло въ XV столѣтіи. Обстоятельства образованія и внѣшней исторіи его передаютъ въ такомъ видѣ: между погаями особенно усилился княжескій домъ *Тайбуги*, который, не желая подчиняться непріязненной ему ханской фамиліи *Ибака*, рѣшился отдѣлиться отъ него и былъ на столько могущественъ, что основалъ независимое владѣніе на берегахъ Иртыша. Такимъ образомъ возникло Сибирское царство, въ составъ котораго, кромѣ татаръ, приведенныхъ Тайбугинымъ домомъ, вошли многія остяцкія и туземныя татарскія поколѣнія, а также нѣкоторыя башкир-

---

(60) Историч. обозрѣніе Сибири, Словцова. I, 7.

(61) Такъ, напримѣръ, остяцкіе князья *Урнукъ* и *Намакъ*, жившіе у верхняго Кета, въ началѣ XVI столѣтія не только дали русскимъ вѣрное извѣстіе объ инородческихъ поколѣніяхъ по ту и по сю сторону Енисея, но и служили имъ проводниками и подавали необходимые совѣты, какъ удобнѣе покорить эти поколѣнія. Сибир. Ист. Фишера 271.

скія волости. Но фамилія Ибака не могла равнодушно смотрѣть на возвышеніе отдѣлившагося отъ него княжескаго дома; поэтому во второй половинѣ XVI столѣтія одинъ изъ Ибаковъ, *Кучюмъ* пошелъ на сибирскаго хана Тайбугиной династіи, *Едигера*, убилъ его и брата его *Бикъ—Булата* и сталъ самъ управлять этимъ обширнымъ царствомъ. Такъ объясняетъ внѣшнюю исторію его г. Вельяминовъ Зерновъ ([62]). И другіе ученые, занимавшіеся этимъ предметомъ ([63]), въ существѣ дѣла не далеки отъ этого объясненія, различаясь только тѣмъ, что Кучюма признаютъ киргизъ-кайсакомъ. Внутренній строй Сибирскаго царства въ подробностяхъ неизвѣстенъ; впрочемъ, основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ, можно принять, что этотъ общественный союзъ построенъ былъ на такихъ же началахъ, на которыхъ держалось и Казанское царство, т. е., что вся сила и значеніе въ немъ находились въ рукахъ мурзъ, князей и магометанскаго духовенство, которые, имѣя во главѣ хана, властвовали надъ черными людьми, брали дань съ покоренныхъ остяцкихъ и татарскихъ поколѣній, стараясь, кромѣ того, распространить между ними магометанскую вѣру. Какъ видно между этими двумя элементами царства не было крѣпкой связи. Когда ханъ Кучюмъ въ грамотѣ къ царю Ивану IV, въ 1570 году, говоритъ между прочимъ, что люди черные его не въ покоѣ, то, кажется, намекаетъ на то, что на вѣрность ихъ полагаться нельзя ([64]). Чатскіе татары, подвластные сибирскому царю, не изъявили ревности поддерживать Кучюма, когда тотъ потерпѣлъ пораженіе отъ русскихъ и такъ говорили въ отвѣтъ на приглашеніе тарскихъ воеводъ поддаться московскому государю: «по ся мѣста мы государю не служили и ясаку не давали, блюлись Кучюма царя; а былъ у насъ Кучюмъ близко, и владѣлъ всѣми нашими волостьми; а попѣча Кучюма государевы люди побили, и Кучюмъ пошелъ отъ насъ прочь, и мы всѣ государю служити ради головами своими и ясакъ съ волостей своихъ

([62]) Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, II. 386—395.

([63]) Тамъ же сдѣланъ сводъ извѣстій и мнѣній на счетъ этого предмета.

([64]) Лѣтопись Сибирская, Спасскаго. Спб. 1821 г. 72. Собраніе Госуд. Грам. и Догов. II, стр. 52.

давати» (65). Очевидно, только присутствіе сильнаго, непобѣжденнаго царя въ волостяхъ чатскихъ, страхъ наказанія за неповиновеніе заставляли ихъ держаться царства. Остяцкіе князья, подвластные Кучюму, оказали не меньше равнодушія къ судьбѣ царства его въ тяжелое для него время. Когда одна изъ битвъ между Ермакомъ и Кучюмовыми людьми рѣшилась въ пользу перваго, то эти князья, находившіеся въ ополченіи царя, «отошли съ своими людьми, каждый восвояси, предоставивъ ему защищаться съ его мурзами и уланами, какъ знаетъ (66). Такія внутреннія отношенія Сибирскаго царства, знакомаго впрочемъ съ торговлею, которая велась по преимуществу съ бухарцами, и съ земледѣліемъ (67), не могли обѣщать ему долговѣчности. Царская власть въ немъ была недостаточно крѣпка, чтобы ослабить разъединеніе и разнообразные элементы, сплоченные силою, заставить дѣйствовать въ согласіи. При томъ эта власть была предметомъ ожесточенной борьбы между двумя фамиліями, изъ которыхъ каждая, чтобы побѣдить враждебный домъ, обращалась за помощію къ сосѣдямъ, давая имъ чрезъ то возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла царства.

Между сосѣдями сибирскаго царства съ южной стороны выдаются своею многочисленностію *киргизъ кайсаки*, или, просто, *казаки*, какъ этотъ народъ самъ себя называетъ. Хотя русскіе въ московскій періодъ не имѣли близкихъ отношеній къ этому народу, но онъ заслуживаетъ здѣсь упоминанія частію потому, что, какъ ни слабы были связи московскаго государства съ нимъ, но онѣ мало по малу прокладывали дорогу будущимъ тѣснымъ отношеніямъ между русскими и этимъ народомъ, съ другой стороны — потому, что киргизъ-кайсаки и въ этотъ періодъ нашей исторіи имѣли значительное вліяніе на характеръ отношеній къ нимъ сосѣдей южной Сибири, калмыковъ, ногайцевъ, монголовъ, а чрезъ нихъ на исторію южно-сибирскихъ инородцевъ, данниковъ московскаго государя. Киргизъ-кайсаковъ не слѣдуетъ смѣшивать съ *киргизами*, которыхъ русскіе нашли между Томомъ и Енисеемъ, по Бѣлому и Черному Югамъ и въ окрестностяхъ горъ Саянскихъ, и которые также носили названія: *Кара-кирги-*

(65) А. И. II. № 5.

(66) Лѣтопись Сибирская. Спасскаго. стр. 38.

(67) А. И. II. № 1.

зовъ (черныхъ, дикихъ киргизовъ), *Закаменныхъ* (по мѣсту жительства около горъ) и *Бурутовъ* (названіе, усвоенное имъ китайцами). Имѣя сходство съ казаками по происхожденію и по образу жизни, киргизы, къ которымъ еще возвращусь, составляютъ отдѣльный отъ послѣднихъ народъ и имѣли особую исторію (68). Мѣстожительствомъ киргизъ-кайсаковъ, съ которыми несправедливо смѣшивали киргизовъ (69), были степи, идущія отъ Каспійскаго моря до южныхъ частей Западной Сибири включительно, между Тоболомъ и Иртышемъ, доходя на западѣ до р. Яика. Впрочемъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда они уже были извѣстны русскимъ и даже изъявляли готовность принять подданство московскому государю (70), они еще не владѣли всѣмъ этимъ пространствомъ, занимая только средину его, такъ какъ южныя части Сибири были еще заняты разными отраслями сибирскихъ татаръ, а на западѣ по Верхнему Яику жили башкирцы, а ниже кочевали ногаи, уступившіе потомъ мѣсто калмыкамъ. Къ этимъ послѣднимъ землямъ они приблизились не ранѣе XVIII столѣтія; за то еще во второй половинѣ XVI вѣка они подвинулись на сѣверъ. Вездѣ гдѣ они ни являлись, къ какимъ народамъ ни прикасались,—вездѣ оставляли по себѣ репутацію храбрыхъ наѣздниковъ. Дѣйствительно этотъ народъ, образовавшійся изъ смѣшенія турецкой и монгольской породы, увеличившійся впослѣдствіи посредствомъ присоединенія къ нему многихъ татарскихъ родовъ, народъ, въ которомъ не безъ основанія ви-

---

(68) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 3 части. 1832.

(69) Авторъ описанія киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей такимъ образомъ объясняетъ то, что киргизовъ стали считать за одинъ народъ съ киргизъ-кайсаками: «набѣги и грабежи древнихъ или подлинныхъ киргизовъ на сибирскіе города и селенія сдѣлали имя ихъ столь страшнымъ и ненавистнымъ, что россіяне дали оное и казачьимъ ордамъ, которыя послѣ киргизовъ наиболѣе дѣлали вреда южнымъ областямъ Россіи какъ по частымъ нечаяннымъ нападеніямъ, такъ и по множеству своему и по совершенной независимости отъ Россіи.» II. 21.

(70) Въ 1594 году *Тевкель*, называвшій себя ханомъ казакскимъ и калмыкскимъ, желая возвратить свободу племяннику своему Уразъ-Мегмету, попавшему въ плѣнъ къ русскимъ вмѣстѣ съ соперникомъ Кучюма Сейдякомъ,—послалъ въ Москву посла съ грамотою, въ которой просилъ царя о принятіи его со всею ордою въ подданство и объ отпускѣ къ нему Уразъ-Мегмета. Тамъ же II. 50.

ВСЕСОЮЗ... БИБ... В. Ц...

дятъ такой же элементъ относительно азіатскихъ обществъ, какой составляли днѣпровскіе, донскіе, волжскіе, уральскіе казаки по отношенію къ Польшѣ и къ Москвѣ,—послѣ скотоводства разбойническіе набѣги на сосѣдей считалъ своимъ главнымъ занятіемъ. Это отчасти свидѣтельствуетъ о низкой степени умственнаго развитія киргизъ кайсаковъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они нимало не ушли впередъ отъ другихъ кочевыхъ народовъ Азіи; называя себя магометанами, они мало знакомы съ этой религіей и охотно вѣрятъ колдунамъ и ворожеямъ. Общественное устройство ихъ заключалось въ слѣдующемъ: въ каждой изъ трехъ ордъ, на которыя съ издавна дѣлился этотъ народъ, (71) было соединено нѣсколько поколѣній, подраздѣлявшихся въ свою очередь на роды. Учрежденіемъ, связывавшимъ эти поколѣнія въ одно общество, была власть хана. Наслѣдственная въ одномъ семействѣ, эта власть однако значительно была ограничена старѣйшинами, такъ что въ сущности вся сила и общественное вліяніе находились въ рукахъ послѣднихъ. Они не давали хану усилиться ни богатствомъ, ни людьми, зорко слѣдили за всѣми его дѣйствіями. Не касаясь наслѣдственности верховной власти въ ханскомъ семействѣ, они однакожъ присвоили себѣ право выбирать по смерти хана, по своему усмотрѣнію одного изъ султановъ, т. е., лицъ, происходящихъ отъ ханской крови и выбирали обыкновенно того, кто казался всего менѣе опаснымъ для ихъ собственнаго значенія въ народѣ. Званіе старѣйшинъ не было наслѣдственнымъ; они выбирались каждымъ родомъ и выбирались не рѣдко люди простые. Отъ этого происходило то, что дворянство (люди бѣлой кости), къ которому кромѣ хана принадлежали *султаны* происходившіе изъ ханскаго дома, *біи*, которые вели свой родъ отъ богатырей и *ходжи*, потомки святыхъ угодниковъ магометанскаго календаря, (относимые сюда впрочемъ только ревностными магометанами),—не могло взять рѣшительнаго перевѣса надъ массою народа и что люди черной кости, къ которой принадлежалъ не только простой народъ, но и старѣйшины и прочіе начальники, не имѣвшіе наслѣдственнаго достоинства,—постоянно пользовались важнымъ общественнымъ

(71) По преданію, сохранившемуся среди киргизъ-кайсаковъ, раздѣленіе ихъ на три орды, воспослѣдовало въ XVI вѣкѣ и сдѣлано ханомъ Хакк-Назиромъ. См. изслѣдов. о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ В. Вельяминова-Зернова II. 334.

значеніемъ. Георги пишетъ ([72]), что киргизъ-кайсаки своимъ властямъ не платятъ ни малѣйшаго жалованья; если они оказываютъ уваженіе своимъ начальникамъ, то это они дѣлаютъ, принимая во вниманіе ихъ личныя качества и заслуги, а не то, что они начальники. «И самому хану оказываютъ честь и повиновеніе больше по старшинамъ, которые бываютъ отчасти его братья, дядья, султаны или ихъ друзья. Да и такія опредѣленія исполняются народомъ только потолику, поколику они ему угодны, и всякимъ частнымъ человѣкомъ, когда только предвидитъ онъ себѣ изъ того пользу, нарушаются». «Съ султанами своими, пишетъ Сиверсъ ([73]), они мало церемонятся; бѣднѣйшій изъ нихъ садится подлѣ него спокойно, куря трубку. Если тотъ получаетъ подарокъ, этотъ требуетъ также своей части и вырываетъ ее у него изъ рукъ; если встрѣтитъ сопротивленіе, то приходитъ въ бѣшенство; но чрезъ минуту становится опять лучшимъ другомъ. Кротостію и подарками можно пріобрѣсти въ нихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, справедливымъ обхожденіемъ — лучшихъ защитниковъ въ величайшей нуждѣ».

Перейдя Барабинскую степь по верхнему теченію Оби, между этой рѣкой и Верхнимъ Енисеемъ и по этой рѣкѣ русскіе нашли множество поколѣній подъ разными названіями, часто мало схожихъ одно съ другимъ по внѣшнему виду и по другимъ этнографическимъ свойствамъ. Это этнографическое разнообразіе, въ связи съ интересомъ, который возбуждаютъ свойства самой страны, вызвало тщательное изслѣдованіе края и его старшихъ обитателей. Если еще въ этнографіи и исторіи этого края осталось много частныхъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія или болѣе удовлетворительнаго объясненія, если еще имѣются отдѣльные пункты, относительно которыхъ изслѣдователи несогласны между собою: то за несомнѣнное можно принять касательно этого предмета слѣдующее: разнообразные мелкіе народы, которыхъ нашли русскіе въ отмѣченной мѣстности, произошли изъ смѣшенія первобытныхъ ея обитателей финскаго или чудскаго корня съ пришельцами турецкаго происхожденія. О томъ, что чудскій элементъ здѣсь сохранился, свидѣтельствуетъ сходство многихъ здѣшнихъ поколѣній въ языкѣ, образѣ жизни,

([72]) Опис. народовъ, обитающихъ въ Россіи, II. 124.

([73]) Землевѣдѣніе Азіи, К. Риттера. III. 169.

наружномъ видѣ съ остяками и самоѣдами (74). На родственность населенія этого края съ великимъ чудскимъ народомъ, который имѣлъ здѣсь первоначальное пребываніе, которому извѣстна была плавка металловъ и который, судя по находкамъ въ копяхъ и въ древнихъ могилахъ, стоялъ на значительной степени развитія (75), — указываетъ то обстоятельство, что многимъ изъ здѣшнихъ поколѣній знакомо было горнозаводское дѣло. Въ 1623 году царь Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ въ Кузнецкъ: «Около Кузнецка на Кондомѣ и Мрасѣ рѣкахъ горы великія каменныя: въ тѣхъ горахъ емлютъ кузнецкіе ясачные камни, разбиваютъ молотами и, раздробивъ, сѣютъ рѣшетомъ; а просѣявъ, сыплютъ по немногу въ горнъ, гдѣ сливается желѣзо. Изъ того же желѣза дѣлаютъ они панцыри, бехтерды, шеломы, копьи, рогатины, сабли и другія желѣзныя вещи, кромѣ пищалей. Панцыри и бехтерды мѣняютъ калмыкамъ на лошадей, коровъ и овецъ: также иные и ясакъ платятъ» (76) Я не вижу особенной надобности разсматривать здѣсь каждое изъ поколѣній отмѣченнаго края: въ общественномъ быту и со стороны умственнаго развитія, не смотря на различіе происхожденія, они похожи одно на другое; управлялись наслѣдственными князьками, они въ тоже время, какъ и всѣ другіе народы Сибири, были суевѣрны и потому шаманы имѣли среди нихъ великое значеніе. Но нельзя однакожъ не упомянуть здѣсь о двухъ народахъ, которые предпочтительно предъ другими, своими сосѣдями, заслуживаютъ вниманія и по своей относительной многочисленности и по той видной роли, которую играли въ исторіи этого края въ XVII столѣтіи. Разумѣю *Телеутовъ* и *Киргизовъ*.

Относительно происхожденія телеутовъ думаютъ различно: одни полагаютъ, что этотъ народъ татарской породы (77); другіе думаютъ, что телеуты составляютъ отрасль калмыц-

---

(74) Сибирскій Вѣстникъ 1818—1819 г. Статья: Народы въ верху рѣки Енисея.

(75) Тамъ же 1818 года. О сибирскихъ древнихъ курганахъ.— 1819 г. О чудскихъ копяхъ въ Сибири. — Эйхвальдъ. О чудскихъ копяхъ. Зап. Арх. Общ. II.

(76) Сибирскій Вѣстникъ 1819 г. ч. VII. 141.

(77) Миллеръ. Описаніе Сибирскаго царства, гл. I. 16. Георги. Описаніе обитающихъ въ Россіи народовъ, II. 155. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи, III. 406.

каго народа (78). Послѣдняго мнѣнія держались и русскіе XVII столѣтія, приходившіе въ соприкосновеніе съ этимъ народомъ, что выразилось въ названіи, которое ему усвояли. Они весь этотъ народъ называли калмыками, отличая тѣхъ телеутовъ, которые жили по Тому и Оби, отъ тѣхъ, которые населяли прибрежныя мѣста около Телецкаго озера, или отъ *Телессовъ*. Первыхъ они называли *бѣлыми калмыками*, а вторыхъ *черными калмыками*. Мнѣніе за татарское происхожденіе телеутовъ кажется вѣроятнѣйшимъ по тому объясненію, которымъ оно обставляется и которое заключается въ слѣдующемъ: телеуты и телессы прежде жили вмѣстѣ, въ Алтайскихъ горахъ по берегамъ Телецкаго озера; но неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, часть этого народа, именно та, которая зовется телеутами, бѣлыми калмыками, подвинулась на сѣверъ, гдѣ и заняла земли по Тому и Оби; другая же часть—телессы—осталась на прежнихъ жилищахъ, покорена была калмыками и вслѣдствіе порабощенія, примѣшала къ своему языку калмыцкія слова. Это порабощеніе окончательно впрочемъ совершилось уже послѣ того, какъ русскіе познакомились съ телессами, а именно во второй половинѣ XVII столѣтія. Вскорѣ послѣ того они совершенно исчезаютъ, оставивъ свои мѣста переселившимся сюда калмыкамъ, съ которыми по всей вѣроятности смѣшались. Когда русскіе въ первый разъ познакомились съ тою и другою частію телеутовъ (съ обскими телеутами въ 1604 году, съ прибрежными въ 1633 году), то нашли у той и другой вѣтви этого народа кромѣ старшинъ общаго князя. У телеутскаго князя они насчитали до 1000 человѣкъ поддашныхъ. Имъ знакомо было земледѣліе и кузнечное дѣло. Многіе изъ нихъ имѣли постоянныя жилища.

Киргизы, о которыхъ уже было упомянуто, по изслѣдованіямъ оріенталистовъ (79), составляютъ одинъ изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи. Они были извѣстны китайцамъ еще до Р. Х. подъ именемъ хакасовъ или людей съ красно-желтыми лицами, такъ какъ они были рыжеволосы или бѣлокуры и

---

(78) Абульгази-ханъ. См. тамъ же. Сибирскій Вѣстникъ 1821 г. статья: Телеуты или Бѣлые Калмыки. стр. 1.

(79) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей ч. II. 1—10. Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи т. III. 536—567. Въ этихъ сочиненіяхъ находится и указаніе на труды, въ которыхъ разсматриваются судьбы киргизовъ до столкновенія ихъ съ русскими.

съ голубыми глазами. Нѣкоторое время находились они въ политическихъ связяхъ съ Китаемъ (въ VII и VIII столѣтіяхъ 648—759 г.), составляя пограничную армію подъ начальствомъ ихъ царя или *ажe*, который въ это время пользовался достоинствомъ князя перваго класса или *фу* и имѣлъ пребываніе въ городѣ, который назывался Илапъ (т. е. змѣиный городъ); здѣсь постоянно развѣвалось царское знамя. Численность народа простиралась до нѣсколькихъ сотъ тысячъ, изъ нихъ до 80 способныхъ носить оружіе; мущины были очень храбры. Кромѣ царя, киргизы имѣли еще начальниковъ или князей, изъ которыхъ каждый имѣлъ у себя въ подчиненіи отдѣльную орду, называвшуюся по его имени. Члены орды, непосредственно принадлежавшей царю, отличались отъ другихъ ордъ тѣмъ, что одѣвались въ красную одежду. Въ каждой ордѣ, какъ видно, было /раздѣленіе на благородныхъ и простыхъ людей./ Политическія связи съ китайцами ввели киргизовъ въ торговыя сношенія, какъ съ этимъ народомъ такъ и съ арабами и другими западными народами. Чрезъ торговыя сношенія,—память о которыхъ осталась между прочимъ въ слѣдахъ письменныхъ знаковъ, подобныхъ европейскимъ рунамъ, находимыхъ въ странѣ ихъ, [впрочемъ недостаточно изслѣдованныхъ, хотя и легко узнать въ нихъ между многими непзвѣстными греческія, латинскія и славянскія буквы,—киргизы ознакомились съ цивилизаціею южныхъ и западныхъ народовъ и многое заимствовали для своего быта. Отъ аравитянъ стало проникать къ нимъ ученіе Магомета, которое окончательно утвердившись среди нихъ во времена монголовъ, пользовалось у нихъ предпочтеніемъ сравнительно съ другими вѣроученіями, хотя и смѣшалось съ язычествомъ; отъ нихъ же они научились роскоши: женщины ихъ носили платья сукопныя, саржевыя, парчевыя и изъ шелковыхъ матерій, которыя покупались у арабскихъ купцовъ. Вообще въ эпоху до-монгольскую киргизы далеко находились не въ дикомъ состояніи./Они сѣяли рожь, ячмень и просо; у нихъ были ручныя мельницы; изъ зерноваго хлѣба они приготовляли хлѣбъ и вино; главное богатство ихъ состояло изъ лошадей лучшей породы и вообще изъ скота;/ но также страна ихъ изобиловала желѣзомъ, золотомъ, свинцомъ, и изъ желѣза они ковали свое оружіе, столь острое, что оно могло пронзить насквозь кожу носорога. Развлеченія ихъ заключались въ музыкѣ; ихъ музыкальные инструменты состояли изъ флейты, барабана, китайскаго органа, большой флей-

ты и колокольчиковъ; они охотно также смотрѣли на травли звѣрей и пляски на канатѣ. Законы ихъ были чрезвычайно строги: кто струситъ на полѣ битвы или, будучи посланъ гонцомъ, не привезетъ во время ожидаемаго извѣстія, или глупо разсуждаетъ о политикѣ, или учинитъ покражу и т. п. тому, говорятъ китайскія лѣтописи, немедленно рубятъ голову. Въ началѣ XIII столѣтія киргизы, о судьбахъ которыхъ въ предшествовавшія тому три столѣтія почти ничего неизвѣстно, являлись передовыми отрядами монголовъ. За тѣмъ отъ XIV до конца XVI вѣка они опять скрываются отъ наблюденія исторіи. Но несомнѣнно, что въ этотъ періодъ времени во внутренней жизни этого народа произошли значительныя перемѣны: оторванные отъ сношеній съ южными и западными народами вслѣдствіе великихъ политическихъ переворотовъ въ Азіи, произведенныхъ монголами, киргизы обратили все свое вниманіе на борьбу съ своими сосѣдями, изъ которыхъ нѣкоторыхъ подчинили своей власти; прежнее ихъ богатство, слѣды котораго можно найти и до нынѣ въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ могилъ киргизской степи около Красноярска и Енисея, исчезло; пошатнулась и прежняя земледѣльческая культура: русскіе видѣли въ киргизахъ болѣе звѣролововъ, чѣмъ земледѣльцевъ. Однакожъ они не позабыли ни земледѣльческихъ обычаевъ предковъ ни искусства ковать желѣзо: только оно упало въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. За то съ другой стороны у нихъ развился въ постоянныхъ распряхъ съ сосѣдями духъ воинственности, любовь къ свободѣ и независимости. Въ этотъ же періодъ времени у нихъ уничтожилась власть царская. Русскіе не нашли у нихъ общаго начальника; вмѣсто этой общей власти, возстановленной не ранѣе 1636 года, заправлялъ дѣлами совѣтъ старшинъ, которые наслѣдственно управляли каждый своимъ поколѣніемъ, относясь къ своимъ улуснымъ, какъ къ крѣпостнымъ.

Отъ киргизовъ, которые въ 1607 году, разбитые сибирскими казаками, впервые признали надъ собою власть московскаго государя, русскіе узнали о монголахъ, съ которыми тѣ находились во враждѣ. Нѣкоторое время московскіе государи считали западную часть Монголіи, гдѣ возникло гесударство монгольскихъ Алтынъ-хановъ, въ числѣ своихъ владѣній; хотя въ концѣ концевъ всѣ виды Москвы на господство надъ монголами кончились лишь тѣмъ, что по нерчинскому трак-

тату Россія пріобрѣла только 11 родовъ или аймаковъ, ([80]), и хотя самое государство Алтынъ-хановъ, въ концѣ XVII вѣка разрушенное элютами, никогда въ сущности не было подвластнымъ московскому государю: тѣмъ не менѣе и монголы и государство Алтынъ-хановъ заслуживаютъ здѣсь описанія, потому что они играли весьма важную роль въ исторіи народовъ южной Сибири во время русскаго надъ ними господства. Впрочемъ здѣсь достаточно будетъ привести нѣкоторыя выдержки изъ тѣхъ донесеній, которыя составлены были русскими посланцами, ѣздившими въ XVII столѣтіи по распоряженію правительства въ страну монголовъ, или бывавшими въ ней проѣздомъ во время путешествія въ Китай ([81]). Послѣ неудавшагося, вслѣдствіе войны между калмыками и монголами, путешествія, снаряженнаго въ 1608 году томскимъ воеводою Волынскимъ,—путешественники воротились съ дороги, не доѣхавъ до Алтынъ-хана,—отправился къ этому владѣльцу въ 1616 году атаманъ тарскій Василій Тюменецъ, который, возвратившись отъ него благополучно, донесъ между прочимъ слѣдующее: «Когда Золотой царь Кункюнчей (иные полагаютъ что это имя царя, другіе предполагаютъ, что это испорченное Кунъ-Тайджи), котораго послащы наѣхали у озера Упсы, и Желтаго царя князь Котучинъ объявили, что рады Бѣлому Великому Государю служить и прямить и стали на томъ шертовать; то вѣру утвердили по своей бусормапской вѣрѣ, подымали на руки чесно своего бога и со всѣмъ кутуктановымъ крылосомъ. И послѣ посольства Золотой царь имъ сказалъ про Кутукту: то де у насъ по нашей вѣрѣ святой, а прислалъ де онъ Кутукта изъ лабапскаго государства;

([80]) Сибир. Вѣстникъ, 1824 г. 168.

([81]) Первое путешествіе въ Монголію и Китай по Карамзину было наряжено въ 1567 году по указу царя Ивана IV. Туда, по свидѣтельству Карамзина, были посылаемы казаки Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ съ товарищами. Такъ какъ описаніе этого путешествія весьма сходно съ донесеніемъ посланца казака Петлина, ѣздившаго въ Китай въ 1620 г., то исторіографъ полагаетъ, что послѣдній не бывалъ въ Китаѣ, а списалъ донесеніе Петрова и Ялычева (примѣч. къ IX т. 648). Едва ли предположеніе это справедливо; кажется вѣрнѣе думать, что донесеніе Петлина любители старины приписали путешественникамъ времени Грознаго, не-расчитавъ, что тогда русскимъ едва ли и возможно было проникнуть чрезъ непокоренную еще Сибирь.

а какъ де онъ Кутукта родился, и онъ де грамотѣ умѣлъ, да жилъ де онъ отъ рожденья своего три года, да умеръ, да лежалъ де онъ въ землѣ пять лѣтъ мертвъ, да ожилъ и опять по старому грамотѣ умѣть сталъ. А у того Кутукты по своей вѣрѣ боги ихъ и колокола и книги... А царь Золотой Кункюнчей у посольства былъ въ цвѣтномъ платьѣ, а Желтова царя князь Котучинъ въ золотой камкѣ, а мурзы были въ цвѣтномъ же платьѣ». Отпущенные съ честію домой, русскіе послы ѣхали улусами хана десять дней «и про житье и про разные бои провѣдывали и Золотова царя вѣру видѣли. А избы у него полстяныя, а кочуютъ на верблюдахъ, а бой у Золотова царя лучной ([82]). А земля мугальская, говоритъ другой путешественникъ — Петлинъ, проѣзжавшій Монголію въ 1620 году ([83]),—велика, долга и широка; а городы въ мугальской землѣ дѣланы на четыре угла, по угламъ башни великія съ роскаты». Описавъ храмы ламайскіе и богослуженіе въ нихъ, повергшее его въ крайнее изумленіе, Петлинъ обращается къ произведеніямъ страны и къ образу жизни народа и говоритъ: «А хлѣбъ въ мугальской землѣ родится всякой: просо, пшеница, рожь, и ярица, и ячмень и овесъ и иныхъ сѣмянъ много, только мы не знаемъ; а овощи въ мугальской землѣ и сады всякіе есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ и иные всякіе овощи. А люди въ мугальской землѣ мужской полъ нечисты, а женской полъ добрѣ чистъ; а платье носятъ по своей вѣрѣ бархатное и камчатое, а ожерелье у кафтановъ у мущинъ и у женщинъ большіе по плечамъ; а вино курятъ въ мугальской землѣ изъ хлѣба безъ хмѣлю. Каменья дорогова и жемчугу и золота нѣту, а серебра мало, а идетъ серебро изъ Китая. А сапоги носятъ своимъ образцомъ, а лошадей добрыхъ нѣтъ, а катырей ишечишковъ (лошакъ) много; а орютъ плугомъ и сохами, что у тобольскихъ татаръ, а бороны узки да долги». Изъ этихъ выписокъ можно видѣть, что монголы, въ первую пору знакомства съ ними русскихъ, по образу жизни были кочевымъ народомъ, близкимъ однако же къ тому состоянію, въ которомъ люди узнаютъ выгоды земледѣлія и, не оставляя привычки къ переходу съ своими стадами съ мѣста на мѣсто, по необходимости остаются на долгое время тамъ;

([82]) Сибирская Исторія. Фишера 253—265.

([83]) Сибирскій Вѣстникъ. 1818 г. Путешествіе въ Китай сибирскаго козака Ивана Петлина въ 1620 году.

гдѣ засѣваютъ поля; въ политическомъ быту раздѣленнымъ на множество ордъ, между которыми возвысилась орда Алтынъ-хановъ, вслѣдствіе богатства начавшихъ подчинять себѣ остальныя; въ общественно-экономическомъ положеніи раздѣленнымъ на два слоя, изъ которыхъ одинъ, заключая въ себѣ тайдшей, зайсанговъ и духовенство, повелѣвалъ, училъ, жилъ на счетъ другихъ, а другой слой,—люди черной кости,—повиновался, слушался ученій святыхъ ламъ и доставлялъ мірскимъ и духовнымъ господамъ должный кормъ.

III.

Инородцы по ту сторону Енисея. Географическое размѣщеніе ихъ. Образъ жизни ихъ по отпискамъ служилыхъ людей XVII столѣтія. Общественное устройство. Замѣчанія о положеніи женщины у инородцевъ сѣверо-восточной Россіи вообще.

—

Перейдя за рѣку Енисей, русскіе, кромѣ мелкихъ поколѣній турецкаго и финскаго происхожденія, жившихъ по верхнему теченію этой рѣки, нашли и покорили въ разныя времена XVII столѣтія многіе другіе народы. Они были: *тунгусы*, манжурской породы, широко раскинувшееся племя, самый многочисленный народъ Восточной Сибири; жили они по правой сторонѣ Енисея, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ Кема, и протокамъ его, тремъ Тунгузкамъ; по рѣкѣ Ленѣ, между притоками ея Витимомъ и Олекмою, по р. Вилюю и въ нижнихъ частяхъ ленскаго бассейна, между Лепою и Олекомъ, также по верхнему Алдану и по побережью Охотскаго моря и на югѣ по притоку Амура Онге. *Якуты*—народъ татарскаго происхожденія. Русскіе нашли ихъ въ сосѣдствѣ съ тунгусами въ земляхъ по средней Ленѣ, а также и на самомъ глубокомъ сѣверѣ, на рѣкахъ Янѣ и Индигиркѣ. Впрочемъ первоначальнымъ ихъ жилищемъ было пространство отъ Саянскихъ горъ до самой нижней Ангары и земли около верхней Лены и Байкала, откуда они были вытѣснены бурятами и монголами. Они помнятъ объ этомъ и разсказываютъ, что въ эту пору ихъ было только два рода: *батулинской*, находившійся подъ управленіемъ Омогойбая, и *елейской*, стар-

шипа котораго Елей женился на дочери состарѣвшагося Омогоя; отъ этого брака произошло 12-ть сыновей, изъ коихъ родъ старшаго *Хасалиса* сдѣлался знатнѣйшимъ и извѣстнѣйшимъ подъ именемъ *Канальскаго* (84). При одномъ изъ наслѣдниковъ его, *Тынгинь* якуты были покорены русской власти будто бы съ помощію другаго, отдѣлившагося отъ нихъ владѣльца. *Буряты* (брацкіе люди), сплеменные монголамъ, жили начиная почти отъ Енисея вдоль монгольской и китайской границы, по Ангарѣ, Верхней Ленѣ, около береговъ Байкала, по Селенгѣ и Аргуни и ихъ притокамъ. Далѣе въ южной части Сибири по р. Амуру жили поколѣнія манжурскаго происхожденія: *дауры, дучеры, ачалы, натки, гиляки.* По побережьямъ Восточнаго Океана найдены народы подъ названіями *ламутовъ*, по берегу Охотскаго моря, *коряковъ* по обѣимъ сторонамъ Пенжинскаго залива и на сѣверо-востокъ отъ него до рѣки Анадыра. Въ сѣверо-восточномъ углу Сибири, между Анадыромъ и Колымою, Восточнымъ и Сѣвернымъ Океанами жили *чукчи*, народъ, какъ предполагаютъ (85), американскаго происхожденія; къ западу отъ нихъ, по нижнимъ частямъ Колымы, Индигирки и Яны—*юкагири.*

Очень естественно, что эти народы, будучи разсѣяны на огромномъ пространствѣ, различались между собою не только языкомъ но и образомъ жизни. Даже если взять въ расчетъ одно племя, то нельзя будетъ не видѣть, что поколѣнія его были сходны не во всѣхъ статьяхъ быта. Такъ лѣсные тунгусы въ образѣ жизни значительно отличаются отъ степныхъ. Представлю здѣсь тѣ замѣчанія относительно этого, которыя сдѣланы были людьми, прежде другихъ наблюдателей познакомившимся съ этими народами. О сѣверо-восточныхъ обитателяхъ Восточной Сибири они сообщаютъ слѣдующее: «юкагирская землица людна; Индигирская рѣка рыбна, и въ Индигирь рѣку многія рѣки пали и по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе пѣшіе и оленные люди; соболя и звѣря всякаго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у юкагирскихъ людей серебро есть» (86). «По Колымѣ рѣкѣ живутъ иноземцы колымскіе мужики свой родъ, оленные и пѣшіе сидячіе многіе люди, и языкъ у нихъ свой; да на той же Колымѣ въ сторон-

(84) Тамъ же за 1824 г. статья «Якуты». 129.

(85) Тамъ же статья «Чукчи» доктора Кибера. 88.

(86) Дополн. къ Актамъ истор. II. 88.

ней рѣкѣ, прозвищемъ на Чюхчѣ, живутъ иноземцы свой же родъ, словутъ чюхчи, тоже, что и самоѣдъ, олешные и сидячіе жъ... и тѣ чюхчи по сю сторону Колымы съ той рѣчки зимою переѣзжаютъ на олешяхъ на островъ, и на томъ острову они побиваютъ морской звѣрь моржъ, и къ себѣ привозятъ моржовыя головы со всѣми зубами, и по своему они тѣмъ головамъ молятся; а у тѣхъ чюхчей соболя нѣтъ, потому что живутъ на тундрѣ у моря; а доброй чорной соболь все по Колымѣ ([87])»; По донесенію Дежнева въ 1655 году на Большомъ Каменномъ Носу «жили люди чюхчи добрѣ много, противъ того же носу жили люди, называютъ ихъ зубатыми, потому что пронимаютъ сквозь губу по два зуба не малыхъ костяныхъ ([88])». У коряковъ служилые люди нашли юрты, во всякой юртѣ семей по 10 и больше живутъ,—и остроги ([89]). Оффиціальный отчетъ за 1640—1641 г. о рѣкахъ въ Восточной Сибири и о народахъ, по нимъ жившихъ ([90]), отзывается о тунгусахъ по верхней Лепѣ и Тунгузкамъ, какъ о кочевыхъ; а въ поколѣніяхъ тунгускихъ по Кирепгѣ наклонень видѣть осѣдлыхъ болѣе и замѣчаетъ, что они ведутъ торгъ съ братами, покупаютъ у нихъ на соболи животину и просо. Переходя къ бурятамъ, тотъ же отчетъ отзывается объ нихъ, какъ объ осѣдломъ народѣ, не говоритъ о нихъ: *кочуютъ*, какъ выражается относительно тунгусовъ, а *живутъ*; «а на устьѣ Онга, говорится напримѣръ въ этомъ отчетѣ, живутъ брацкіе люди, а хлѣбъ у нихъ родится просо, и мы то просо у князца Можеуля видѣли». Тоже самое говоритъ отчетъ и о тѣхъ бурятахъ, которые жили по берегамъ Байкала. О мугалахъ (монголахъ) относится, какъ о кочевыхъ «кочевныхъ людяхъ», не имѣющихъ городовъ и остроговъ, но богатыхъ серебромъ, которое у нихъ покупаютъ братскіе люди на соболи. Другія отписки служилыхъ людей на счетъ бурятъ сообщаютъ, что у нихъ были укрѣпленные юрты, что они съ кулешскими тунгусами живутъ вмѣстѣ, пьютъ и ѣдятъ за одно ([91]) и что эти иноземцы

([87]) Дополн. къ Акт. истор. III, 24.
([88]) Тамъ же IV. 7.
([89]) Тамъ же IV, 5.
([90]) Тамъ же II, 89.
([91]) Тамъ же II, 91.

малоумны и глупы, какъ видятъ государевыхъ служилыхъ людей мало, и они побиваютъ государевыхъ служилыхъ людей ([92]). Изъ при-амурскихъ жителей, *дауры* по свѣдѣніямъ, которые сообщилъ въ 1650 году старый опытовщикъ Ерофей Хабаровъ, совершившій походъ въ эту страну,—имѣли города съ башнями и большими укрѣпленіями, съ глубокими рвами, съ подлазами подъ всѣ башни, съ тайниками къ водѣ, города, въ которыхъ «свѣтлицы устроены на каменное дѣло съ большими колодными окнами, а окончины бумажныя, а бумагу дѣлаютъ сами; и въ городахъ тѣхъ и въ улусахъ луга великіе и пашни есть, и лѣса по той великой рѣкѣ Амуру большіе, темные, и соболя и всякаго звѣря много; и въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много противъ Волги»; и даурскіе люди, жившіе внизъ по этой «славной» великой рѣкѣ, были пахатные и скотные и хлѣбъ они сохраняли въ ямахъ ([93]). Такой же бытъ найденъ Хабаровымъ и у дючеровъ: они жили большими улусами, по 70 и 80 юртъ, и все то мѣсто было пахатное и скотное. Но у народовъ, далѣе слѣдовавшихъ внизъ по теченію Амура вплоть до моря, мѣсто было не пашенно и скота не было, а жили всѣ рыбою; но улусы также велики въ 100 юртъ и болѣе ([94]).

Различіе въ образѣ жизни описываемыхъ инородцевъ, какъ видно, не оставалось безъ послѣдствій для взаимныхъ отношеній между поколѣніями. «Люди пѣшіе», какъ сравнительно бѣдные, часто, надо полагать, находились въ экономической, а иногда въ соціальной зависимости отъ людей оленныхъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые вели торговлю. Киберъ у чукчей находилъ нѣкоторый родъ рабства, или крѣпостнаго состоянія и, по всей вѣроятности, это явленіе, несомнѣнно существовавшее за долго до путешествія этого наблюдателя, проистекало отъ раздѣленія чукчей на оленныхъ и пѣшихъ, изъ коихъ послѣдніе, какъ не имѣвшіе постоянныхъ запасовъ для пропитанія, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, по необходимости должны были искать вспоможенія у первыхъ, въ стадахъ оленей находившихъ болѣе прочныя средства къ существованію. Упоминаемые въ нашихъ актахъ захребетники между инородцами и въ томъ числѣ

([92]) Тамъ же III, 112.
([93]) Тамъ же III, 72.
([94]) Тамъ же III, 102.

между инородческими поколѣніями Восточной Сибири вѣроятно образовались вслѣдствіе того же обстоятельства ([95]). Южныя поколѣнія бурятъ и дауровъ имѣли въ зависимости у себя нѣкоторые тунгускіе роды. Впрочемъ зависимость однихъ поколѣній отъ другихъ могла происходить и вслѣдствіе неодинаковости общественнаго устройства ихъ, вслѣдствіе того, что одни были сильнѣе, другія слабѣе именно въ силу своего общественнаго строя. Какъ ни мало извѣстны подробности послѣдняго, все же изъ немногихъ данныхъ, которыя сообщаются въ донесеніяхъ служилыхъ людей относительно этой стороны быта восточно-сибирскихъ инородцевъ, можно видѣть, что и въ этомъ отношеніи между ними была разница. Правда въ основѣ общественныхъ ихъ отношеній повсюду лежали однѣ и тѣ же родовыя связи, но дѣло въ томъ, что у однихъ родовой бытъ находился на высшей ступени свойственнаго ему развитія, а у другихъ не переступалъ далѣе первой ступени, что у однихъ не только нѣсколько родовъ соединены были въ колѣна, но и эти послѣднія собирались въ одно общество, подъ управленіемъ общаго князя, жили и дѣйствовали «смѣсясь всей землицей», а у другихъ не было этихъ соединеній, а люди жили небольшими группами въ формѣ рода или колѣна въ 30 или 40 человѣкъ; потомъ: у однихъ начальники родовъ, какъ у большей части тунгусовъ, не выдѣляли своихъ интересовъ изъ интересовъ, общихъ всѣмъ родичамъ, и въ такихъ поколѣніяхъ каждый дѣлился послѣднимъ кускомъ и, можно сказать, всякую добычу считали общимъ священнымъ даромъ ([96]); у другихъ, какъ у бурятъ, дауровъ, эти начальники родовъ пріобрѣли значеніе аристократіи среди родичей, бѣлой кости и, подъ именемъ тайшей, зайсанговъ, шуленговъ, управляли народомъ съ привилегіей брать съ него въ свою пользу извѣстную подать ([97]). Такими общественными различіями не только до извѣстной степени опредѣлялись взаимныя отношенія между поколѣніями, но они имѣли свое значеніе въ исторіи отношеній этихъ поколѣній къ русскимъ, или, вѣрнѣе, въ исторіи завоеванія послѣдними края. Ибо замѣчается, что мелкія общественныя группы инородцевъ покорялись русскимъ безъ особенныхъ усилій для

([95]) А. И. V. 119 и другіе наказы и памяти.
([96]) Киберъ. Сиб. Вѣстникъ 1824 г. 35.
([97]) Сибирскій Вѣстн. 1824 г. ст. «Буряты» стр. 81.

послѣднихъ и даже часто содѣйствовали имъ къ пріискапію и завоеванію другихъ землицъ, преимущественно разумѣется тѣхъ, отъ которыхъ терпѣли утѣсненіе(98), тогда какъ болѣе крупные инородческіе союзы особенно тѣ, въ которыхъ имѣлась аристократическая закваска, имъ или не удалось покорить, или, если удалось, то послѣ жестокой борьбы. Такимъ образомъ сильный союзъ чукчей удержалъ свою независимость, тогда какъ мелкія сосѣдпія съ ними поколѣнія и даже родственныя имъ нѣкоторыя вошли въ число подданныхъ московскаго государя; такимъ образомъ дауры вышли изъ рукъ русской власти.

Оканчивая здѣсь обзоръ внутренняго быта инородцевъ въ эпоху ихъ жизни, близкую ко времени подчиненія ихъ русской власти, я долженъ упомянуть еще о положеніи среди нихъ женщины. Прямыхъ указаній на то, какими правами пользовалась инородческая женщина въ до-московскую эпоху, источники не даютъ. Но нѣкоторыя соображенія приводятъ къ убѣжденію, что положеніе ея и тогда было ни чѣмъ не лучше того, которое находили въ позднѣйшее время среди сохранившихся инородческихъ поколѣній. По этимъ позднѣйшимъ наблюденіямъ оказывается, что повсюду среди инородческаго населенія сѣверо-восточной Россіи женщина признается за существо, несравненно низшаго достоинства, чѣмъ мущина. Въ этомъ пунктѣ всѣ инородцы, не смотря на племенное различіе, на разницу въ образѣ жизни, въ общественномъ и умственномъ развитіи, сходятся какъ нельзя ближе. Повсюду между инородцами женщина устранена отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Если на практикѣ она иногда пріобрѣтала не только въ семействѣ но и въ обществѣ значеніе равное съ мущиной и даже преобладающее, какъ это показываетъ казанская исторія, то это было лишь исключеніемъ изъ общаго положенія. Вообще же инородецъ смотритъ на женщину, какъ на рабу, и считаетъ себя вправѣ имѣть по нѣскольку женъ, и не упускаетъ случая пользоваться этимъ правомъ, коль скоро имѣетъ къ тому средства; потому что жены инородцами пріобрѣтаются посредствомъ покупки, за извѣстный калымъ. Поставленная въ положеніе рабы мущины, женщина кромѣ того еще считается нечистою тварью. Объ унизитель-

(98) Сибирская исторія Фишера. стр. 278, 359.

номъ ея положеніи свидѣтельствуетъ также обычай, находящійся въ употребленіи у нѣкоторыхъ племенъ, обычай, по которому мужъ считаетъ себя въ правѣ уступать своихъ женъ въ пользованіе своимъ друзьямъ (99). Вообще, кажется, можно отнести ко всѣмъ инородцамъ то, что высказалъ Кастренъ относительно положенія женщины у народовъ Сибири финскаго и самоѣдскаго происхожденія. «Бракъ у остяковъ и самоѣдовъ имѣетъ болѣе соціальное, чѣмъ религіозное значеніе. Какъ у самоѣдовъ, такъ и у другихъ съ ними родственныхъ племенъ бракъ заключается со стороны невѣсты отцомъ ея или другими родственниками. Сама женщина какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, исключительно до нея относящихся, не имѣетъ никакого голоса. Она раба въ полномъ смыслѣ этого слова. Но этого мало: она въ то же время считается существомъ нечистымъ и живетъ въ глубочайшемъ униженіи. Потому то она и живетъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи. За всѣми ея движеніями слѣдятъ до малѣйшихъ подробностей; всякое мѣсто, куда она ни сядетъ, очищается потомъ курепіемъ. Чувствуя свое полное униженіе, остячка никогда не выражаетъ своихъ желаній, но безусловно исполняетъ всѣ прихоти мущины. Такъ она должна равнодушно смотрѣть на то, какъ желающему продается ея сердце или отцомъ или братомъ или другимъ какимъ родственникомъ. Собственныя ея желанія никогда не берутся во вниманіе, и съ нею поступаютъ также, какъ и со всякимъ другимъ товаромъ. Ея не ведутъ на рынокъ, но судьба ея рѣшается наибольшею платою (100)». Единственная среда, гдѣ женщина у инородцевъ получала какое либо значеніе, гдѣ дѣлалась общественною личностію,—это сословіе шамановъ, куда она могла попасть впрочемъ послѣ не малыхъ усилій. Сдѣлавшись членомъ этого класса, происхожденіе и существованіе котораго среди инородцевъ объясняется умственною ихъ малоразвитостію, она становилась могущественною и грозною для общества, которое ее такъ унижало. Но эта привиллегія, привиллегія властвовать надъ умами большинства, брать дань съ его невѣжества и вмѣстѣ съ тѣмъ дер-

(99) Сибирская Исторія Фишера. 226. Сибирскій Вѣстникъ. Кибера, Чукчи. 1824 г.

(100) Этнографъ. Сборникъ; IV, 312.

жать въ уздѣ умственное его движеніе, доставалась шаманкѣ, какъ и шаманамъ не дешево. Не говоря о трудномъ доступѣ въ это званіе, ибо въ большей части случаевъ оно наслѣдственно или передается послѣ нѣкотораго испытанія будущему жрецу или жрицѣ,—самое прохожденіе его сопряжено съ необходимостію уродовать и душу и тѣло. Здѣсь не мѣсто описывать обряды и фокусы шаманскіе. Замѣчу одно: для того, чтобы казаться въ мнѣніи толпы или «богомъ, все создающимъ изъ глубины своего духа, или сообщникомъ боговъ, могущимъ призывать ихъ къ себѣ на помощь, ибо шаманство по изслѣдованію Кастрена ([101]), имѣетъ тотъ или другой характеръ, — для этого нужно было шаманамъ не только обманывать другихъ, но часто случалось «доходить до того, что они сами начинали вѣрить тому, чѣмъ думали обманывать другихъ, какъ случается со многими мечтателями и обманщиками ([102])».

Приступая теперь къ разсмотрѣнію положенія обозначенныхъ инородцевъ въ Московскомъ государствѣ, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія предварительныя объясненія. Когда идетъ рѣчь объ отношеніи извѣстнаго государства къ покореннымъ имъ народамъ, то не можетъ быть сомнѣнія на счетъ побужденій и цѣлей, которыми это государство руководилось, приходя въ то или другое соприкосновеніе съ ними: не подлежитъ сомнѣнію, что ни одно изъ государствъ, когда либо покорявшихъ царства и народы, не задавалось помышленіемъ объ облагодѣтельствованіи покоренныхъ; не было никогда примѣра, чтобы побѣдители по отношенію къ побѣжденнымъ являлись безкорыстными благодѣтелями, и если бывали когда разносимы увѣренія въ этомъ смыслѣ, то на нихъ нужно смотрѣть не иначе, какъ на ораторское пустословіе, или на сцѣпленіе великой человѣческой лжи и лицемѣрія. Всегда и вездѣ было такъ, что побѣдившее государство по отношенію къ побѣжденнымъ руководилось эгоистическими стремленіями, смотрѣло на нихъ какъ на средство пріобрѣсти для себя ту или другую прибыль, ту или другую выгоду. Страннаго въ томъ ничего нѣтъ; напротивъ было

([101]) Тамъ же. 277.

([102]) Черная вѣра или шаманство у монголовъ. Банзарова. Уч. Зап. Каз. Ун. (за 1846 г. кн. III. стр. 106.

бы очень удивительно и необъяснимо, если бы какое нибудь государство, совершивши актъ порабощенія извѣстнаго народа, вздумало изливать на него разныя щедроты и благодѣянія безъ помышленія о собственныхъ интересахъ, тѣмъ болѣе, что этотъ актъ во многихъ случаяхъ обходится не дешево побѣдителямъ и часто вызывается самими побѣжденными. Вслѣдствіе этого, было бы немаловажною нелѣпостію, если бы историкъ, начавъ говорить о положеніи покореннаго народа въ государствѣ, которое его покорило, сталъ бы представлять побѣдителей безкорыстными благодѣтелями побѣжденныхъ, искать въ дѣйствіяхъ первыхъ по отношенію къ послѣднимъ предпамѣренной роли цивилизаторовъ, чуждыхъ всякихъ эгоистическихъ побужденій и стремленій, или если бы, съ другой стороны, пришла ему охота распространяться въ соболѣзнованіяхъ по поводу того, что покоренные должны были служить средствомъ для цѣлей побѣдителей, и гремѣть укоризнами послѣднимъ за своекорыстный образъ ихъ дѣйствій по отношенію къ первымъ; задача его заключается въ томъ, чтобы показать существо и размѣры своекорыстія побѣдителей и тѣ средства и пути, которыя они употребляли и измышляли для извлеченія себѣ изъ покоренныхъ прибыли, выгоды. Характеромъ корыстныхъ стремленій побѣдоноснаго государства и способами, посредствомъ которыхъ оно ихъ осуществляло, измѣряется степень его развитости и обыкновенно условливается большая часть явленій въ жизни какъ побѣжденныхъ, такъ и самихъ побѣдителей.

Съ такими мыслями я приступаю къ разъясненію вопроса о положеніи сѣверо-восточныхъ инородцевъ въ Московскомъ государствѣ.

Но предметъ, обозначаемый собирательнымъ именемъ «Московское государство» не изъ такихъ, въ которыхъ составныя части похожи одна на другую; напротивъ элементы, составляющіе этотъ общественный союзъ, слишкомъ разнились другъ отъ друга, чтобы по свойствамъ одного возможно было судить и объ другихъ. Но этому, чтобы справедливѣе представить дѣло, насъ занимающее, слѣдуетъ показать, какъ каждый изъ этихъ элементовъ относится къ инородцамъ, т. е., какую выгоду для себя старался извлекать изъ нихъ и дѣйствительно извлекалъ и какіе употреблялъ къ тому способы и пути. Эти элементы, по моему мнѣнію, были: 1) служилые люди, кормившіеся на счетъ другихъ, 2) тяглые

люди, или, точнѣе, черные люди, долженствовавшіе доставлять кормъ первымъ и 3) надъ ними великая, невидимая, находившая вѣрнее выраженіе только въ лицѣ великаго государя царя,—верховная государственная власть.

По многимъ причинамъ, которыя сами собою будутъ видны изъ послѣдующаго положенія, я съ особенною подробностію долженъ остановиться на «отношеніи къ инородцамъ верховной государственной московской власти». Съ этого же пункта я и начинаю свое изложеніе. Сдѣлаю одну еще замѣтку: для краткости я иногда вмѣсто» верховная государственная московская власть», буду употреблять слова: правительство, царь, Москва, хотя ни одно изъ нихъ вполнѣ не выражаетъ того, что заключается въ понятіи о верховной государственной московской власти.

Б.

ПОЛОЖЕНІЕ

ИНОРОДЦЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

I.

ОТНОШЕНІЕ КЪ НИМЪ ВЕРХОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

1) Отношенія ея къ общественнымъ инородческимъ союзамъ, находившимся въ неполной отъ нея зависимости. Чего добивалось отъ нихъ Московское правительство? Какъ смотрѣли на свое подданство Москвѣ такіе инородцы? Обстоятельства, приводившія къ уничтоженію внутренней самобытности подручныхъ Москвѣ инородческихъ общественныхъ союзовъ. Способъ дѣйствій на этомъ пути Московскаго правительства. Результаты его.

Существо и размѣры выгодъ, которыя верховная Московская власть старалась извлекать изъ инородцевъ а, главное, способы этого извлеченія условливались прежде всего степенью покорности ей инородческихъ поколѣній, потому что инородцы находились не въ одинаковыхъ данническихъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Киргизъ-кайсаки, мунгалы и калмыки, если случалось, что признавали надъ собою верховную власть Московскаго государя, то на извѣстныхъ условіяхъ и никогда не вступали въ такое подданство, которымъ были обязаны по отношенію къ царю и русскій народъ и многія другія инородческія поколѣнія. Кромѣ того нѣкоторыя изъ не вполнѣ зависимыхъ племенъ не вдругъ попали въ такую за-

висимость отъ Москвы, а спачала находились въ полуданническихъ или подручническихъ къ ней отношеніяхъ. Таковы: Казанское и Астраханское царство, Ногайскія орды, Великая Пермь, Сибирское царство. Считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Московской верховной власти къ народамъ такого рода зависимости, хотя главная задача изложенія—тѣ инородцы, которые вошли въ Московскій государственный союзъ на условіяхъ полнаго холопства.

Собственно говоря изъ киргизъ-кайсаковъ, калмыковъ и мунгаловъ Московское правительство старалось извлекать болѣе всего отрицательныя выгоды. Принимая ихъ къ себѣ въ подданство, Московскіе государи добивались преимущественно того, чтобы они не мѣшали Россіи пользоваться выгодами отъ народовъ, сосѣднихъ съ ними, и приписанныхъ къ числу полныхъ, «вѣчныхъ» подданныхъ Московскаго государства, чтобъ они не грабили этихъ послѣднихъ и не служили орудіемъ для внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Москвы. Такъ отъ калмыковъ, переселившихся въ приволжскія степи, правительство требовало «чтобы они великому государю и государевымъ людямъ добра хотѣли во всемъ въ правду безъ всякой хитрости, и съ его государевыми ослушниками и измѣнниками ни съ кѣмъ ни о чемъ не ссылались и за нихъ не стояли, и государевыхъ русскихъ людей и вѣчныхъ холопей и Едисанскихъ и Юртовскихъ и Ногайскихъ татаръ въ улусахъ и на проѣздахъ и на промыслахъ нигдѣ не побивали и въ полонъ не имали и не грабили, и отъ прежнихъ своихъ неправдъ отстали и въ государевѣ отчинѣ въ Астрахани и на иные государевы украйные города и на уѣзды, на государевыхъ людей, которые бываютъ въ посылкахъ и на промыслахъ и въ проѣздахъ и на Ногайскіе и Юртовскіе улусы, и на конскія и животинныя стада войною не приходили, и селъ и деревень и учуговъ не жгли и людей не побивали, и въ полонъ не имали, и не грабили и никакого зла не дѣлали и не мыслили, а съ государевыми измѣнниками и непослушниками бились бы до смерти, не щадя головъ своихъ, гдѣ государь укажетъ (1). «Всѣ послѣдующіе договоры Московскаго правительства съ калмыцкими тайшами (2) представляютъ только подтвержденіе этихъ условій поддапства со стороны послѣд-

(1) П. С. З. I. № 145.

(2) Тамъ же I, №№ 316, 540. II. 672, 990, 1245. III. 1591.

нихъ или подробнѣйшее ихъ раскрытіе и опредѣленіе. Такія же выгоды Московское правительство думало пріобрѣсти, когда принимало въ подданство, въ 1595 году хана казакскаго Тевкеля съ его ордою, т. е. желало только того, чтобы этотъ народъ не безпокоилъ владѣній русскихъ въ Сибири, не сносился съ Кучюмомъ и не помогалъ ему въ войнѣ его съ русскими, а чтобы, напротивъ, помогъ русскимъ привести его въ послушаніе и смирить Бухарскаго хана (3). Домогаясь подданства мунгальскихъ Алтынъ-хановъ въ XVII столѣтіи, Московское правительство имѣло въ виду обезопасить южныя сибирскія границы съ этой стороны, не допустить мунгаловъ до союза съ сильными въ то время киргизами и еще съ калмыцкими тайшами, а также при случаѣ найти доступъ къ золоту и многоцѣннымъ камнямъ, которыми, какъ тогда думали, богата средняя Азія. Въ этихъ же только видахъ исполнители воли царя, сибирскія власти, особыми грамотами во время перваго похода Хабарова въ Амурскую страну въ 1649 году приглашали именемъ царя манжурскихъ князей Шампакана и Богдоя покориться московской власти,— князей, имена которыхъ, упоминавшіяся въ разсказахъ туземцевъ, какъ оказалось впослѣдствіи, означали одно и тоже лицо, а лицо это было не болѣе, не менѣе, какъ самъ китайскій императоръ (4). Кромѣ обыкновенной присяги на вѣрноподданство, да нѣкоторыхъ даровъ, которымъ въ Москвѣ усвоили названіе дани, да еще иногда заложниковъ, правительство не требовало отъ такихъ поддаплыхъ другихъ знаковъ холопства и не находило на первыхъ порахъ другихъ обезпеченій твердости и непарушимости этого холопства: внутреннихъ отношеній въ ихъ обществахъ оно не думало касаться, не заводило городовъ въ ихъ земляхъ, не посылало туда воеводъ и другихъ служилыхъ лицъ въ качествѣ правителей, словомъ на первыхъ порахъ не предпринимало по отношенію къ нимъ тѣхъ мѣръ, которыя указываютъ на полное господство того, отъ кого идутъ эти мѣры, надъ тѣми, къ кому примѣняются. Сами такого разбора московскіе дапники не съ другой точки зрѣнія смотрѣли на свое поддапство Московской власти, какъ на договоръ между равно-правными

(3) Лешшнъ, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей II, 51.

(4) А. И. IV, 31 Миддендорфъ. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири. С. П.Б. 1860 г. ч. I: 147.

народами или на временную мѣру для достиженія извѣстныхъ цѣлей и стремленій и не думали своему вѣрноподданству усвоять какое-либо серьезное значеніе, по крайней мѣрѣ не хотѣли допустить мысли, чтобы за нимъ могло послѣдовать какое-либо измѣненіе во внутреннихъ ихъ отношеніяхъ. Киргизъ-кайсаки не хотѣли и знать той грамоты 1594 года, въ которой ихъ ханъ просилъ царя Ѳеодора о принятіи его со всею ордою въ подданство. Когда, съ теченіемъ времени, Московское правительство,—убѣдившись, что номинальное подданство калмыковъ и мунгаловъ вовсе не доставляетъ тѣхъ выгодъ, на которыя у него былъ расчетъ,—начало стараться объ измѣненіи формы ихъ подданства и предъявлять требованіе на болѣе крѣпкое холопство ихъ государю, чѣмъ какое они въ началѣ оказывали: то встрѣтило отъ нихъ такія возраженія противъ того, изъ которыхъ нельзя было не видѣть, что они и въ мысляхъ своихъ не имѣли быть совершенно послушными холопами московскими и допускать какія бы то ни было измѣненія въ своемъ быту по требованію московской власти. Когда Московское правительство стало требовать отъ калмыцкихъ тайшей, чтобы они ушли назадъ въ свои дальнія кочевья и не занимали бы государевыхъ земель между Яикомъ и Волгою, то получило въ отвѣтъ одно отъ тайшей: мы въ холопствѣ никогда ни у кого не бывали и ни кого не боимся кромѣ Бога. Земля и воды божьи, а прежде та земля, на которой мы теперь съ Ногайцами кочуемъ, была Ногайская а не государева, а мы, пришедши сюда, Ногайцевъ сбили, и Ногайцы пошли кочевать подъ Астрахань; а какъ мы подъ Астраханью Ногайскихъ и Едисанскихъ мурзъ за саблею взяли, то и кочуемъ съ ними пополамъ по этимъ рѣкамъ и урочищамъ, потому что они теперь стали наши холопи; намъ въ этихъ мѣстахъ за чѣмъ не кочевать (5)? Ясно, что они не хотѣли признать права Московскаго государя на власть ни надъ ними ни надъ землею, на которой жили, хотя предъ тѣмъ и изъявляли готовность служить государю. Право его посылать на службу противъ непріятелей они признавали не иначе, какъ подъ условіемъ исполненія обязанности съ его стороны—давать жалованье за эту службу. Когда въ 1661 году посланный къ калмыкамъ изъ Москвы чиновникъ потребовалъ, чтобы Дайчинъ-

(5) Соловьевъ. Исторія Россіи. т. XII, 294.

тайдша шелъ воевать крымскіе улусы, то получилъ въ отвѣтъ: «великій государь спрашиваетъ теперь на насъ службы, а жалованья посылаетъ мало: поэтому и войною намъ итти на Крымъ съ чего? (6) Кромѣ того, они считали себя въ правѣ, вопреки шертнымъ записямъ, и всегда старались удерживать это право—принимать къ себѣ и не выдавать русскимъ бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ (7). Еще менѣе, чѣмъ калмыцкіе тайдши, думалъ о соблюденіи какихъ либо условій подданства Алтынъ-ханъ, когда объявлялъ себя данникомъ Московскаго царя. Онъ даже не хотѣлъ лично присягать на вѣрность великому государю и очень смѣялся,—когда Московское правительство въ 1636 году чрезъ боярскаго сына Степана Гречашена потребовало отъ него присяги на холопство государю,—объяснивъ, что холопство у мунгаловъ безчестно и что нѣтъ у нихъ обыкновенія, чтобы какой-либо царь самолично присягалъ другому (8).

Такія же почти были отношенія между верховною Московскою властію и Казанью, Астраханью, Ногаями, Великою Пермью, Югрою и Сибирскимъ царствомъ на первыхъ порахъ подданства Москвѣ каждой изъ этихъ земель. Ни на какую другую прибыль не расчитывало правительство, принимая ихъ въ подданство, кромѣ того, чтобы они не мѣшали извлекать ему выгоды изъ прежнихъ пріобрѣтеній его. Съ другой стороны, приходя въ зависимость отъ Москвы, каждый изъ отмѣченныхъ инородческихъ общественныхъ союзовъ не думалъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдуетъ какое либо измѣненіе во внутреннихъ его отношеніяхъ. Правительство Московское только послѣ продолжительнаго раздумья и неторопливыхъ приготовленій выступило съ требованіемъ отъ этихъ инородческихъ союзовъ большей прибыли, будучи возбуждаемо къ тому силою обстоятельствъ, часто отъ него независящихъ. Это конечно не значитъ того, что оно чуждо было желанія подчинить означенные инородческіе союзы полному холопству и такимъ образомъ получать большія, чѣмъ прежде, выгоды: напротивъ ему всегда хотѣлось стать въ такое положеніе по отношенію къ инородцамъ; это значитъ то, что у него недоставало рѣшимости, а иногда и средствъ сразу привести всѣ эти желанія въ исполненіе. Отважныя мѣ-

(6) Тамъ же, 296—298.

(7) Тамъ же, 300.

(8) Фишеръ. Сибирская исторія. 488.

ры оно принимало противъ инородцевъ тогда лишь, когда было убѣждено, что не послѣдуетъ сильнаго отпора со стороны тѣхъ, противъ кого эти мѣры направлялись, или, другими словами, оно желало дѣйствовать на вѣрнякъ. Воинственныя наклонности были не въ его натурѣ. Оно не ободряло такихъ военныхъ предпріятій, которыя требовали значительныхъ издержекъ съ его стороны и влекли за собою задиранье сильныхъ сосѣдей. Такъ въ 1651 году оно разрѣшило Кузнецкому воеводѣ, при пособіи покорныхъ ясачныхъ людей, привести въ холопство Саянскихъ Киштымовъ, но въ томъ лишь случаѣ, «буде они не Мунгальскіе и не Колмыцкіе и не Киргизскіе, а живутъ они собою и подъ царскую высокую руку привести ихъ мочно (¹¹¹)». Эта осторожность Московскаго правительства иногда доходила, можно сказать, до степени близорукой робости, вслѣдствіе которой Россія утрачивала то, что было пріобрѣтено уже. Такъ оно поступило по отношенію къ при-Амурской области, завоеванной въ половинѣ XVII столѣтія промышленными людьми и казаками безъ всякихъ съ его стороны издержекъ. Многія выгоды обѣщало и правительству и русскому населенію это пріобрѣтеніе; всѣ сознавали это, и нельзя было не сознавать: богатства за богатствами получались въ Москвѣ изъ этого края; земель, годныхъ для пашни, было тамъ вдоволь; русскіе рвались туда на поселеніе. Правительство между тѣмъ не только ничего не дѣлало къ поддержанію русскаго владычества въ этомъ богатомъ краю, которое впрочемъ сами завоеватели своимъ дурнымъ поведеніемъ относительно туземцевъ ставили въ затруднительное положеніе,—но даже его политика была причиною потери этого края; потому что согласилось оно на странный и невыгодный для русскихъ Нерчинскій трактатъ въ то самое время, когда были всѣ средства у него удержать за собою страну, находившуюся въ обладаніи русскихъ болѣе 30 лѣтъ.

При такомъ настроеніи Московскаго правительства инородческіе общественные союзы, выше поименованные, были, повидимому, далеки отъ опасности разложенія силою этого правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ народонаселенію, входившему въ составъ этихъ союзовъ, казалось, не угрожала необходимость доставлять Москвѣ большую прибыль, чѣмъ та, доставленіемъ которой великому государю оно отдѣлывалось, когда, не смотря на признаніе верховной власти этого государя,

(¹¹¹) А. И. IV, 46.

общественный строй его оставался неприкосновеннымъ, когда оно, по имени вступившее въ составъ Московскаго государства, на дѣлѣ продолжало жить, какъ жилось ему и предъ тѣмъ. Но сила обстоятельствъ привела къ иному результату: вышло то, что и Московская государственная власть, такъ миролюбивая и осторожная, потребовала отъ этого народонаселенія бо́льшаго въ сравненіи съ прежнимъ холопства, и большая часть общественныхъ инородческихъ союзовъ, до сихъ поръ бывшихъ независимыми отъ нея, не смотря на полузависимость,—должны были рушиться, исчезнуть въ Московскомъ общественномъ союзѣ.

За этимъ по настоящему слѣдовало бы изложить исторію отношеній каждаго изъ такихъ инородческихъ союзовъ къ Московской государственной власти; но такъ какъ объ этомъ предметѣ болѣе или менѣе подробно разсказано у нашихъ историковъ и такъ какъ, главное,—статья эта не входитъ въ планъ настоящаго труда: то я и ограничусь здѣсь указаніемъ главнѣйшихъ обстоятельствъ, которыя приводили къ обозначенному результату.

Прежде всего причина этого результата заключалась въ самихъ полудашническихъ отношеніяхъ инородческихъ союзовъ къ Московской власти. Отношенія, развивавшіяся изъ полуподданства, отличались неопредѣленностію и заключали въ себѣ значительныя противорѣчія основаніямъ шертныхъ записей, которыя давали поступавшіе въ полуподданство инородцы. Князья и ханы ихъ, присягавшіе на подданство Московскому государю, дававшіе клятву не сноситься съ недругами царя и служить, по его указанію, противъ его измѣнниковъ и недоброхотовъ, въ тоже время удерживали за собою всѣ средства не исполнять этихъ обязательствъ. Царь Московскій не считался собственникомъ земли такихъ подданныхъ; всѣ богатства страны, ими занимаемой, находились въ ихъ рукахъ, и отъ нихъ удѣлялась только ничтожная часть въ видѣ подарковъ царю, который при этомъ находился вынужденнымъ отдаривать данниковъ бо́льшимъ количествомъ богатства, чѣмъ какое самъ отъ нихъ получалъ. У него не было другаго обезпеченія ихъ вѣрности, кромѣ клятвы ихъ начальныхъ людей, да иногда заложниковъ. Вслѣдствіе этого, начальные ихъ люди, князья и ханы, признавали верховное господство Московскаго государя лишь тогда, когда видѣли въ томъ выгоду для себя или когда принуждаемы были къ тому (пермскіе и югорскіе

князья) оружіемъ и при другихъ обстоятельствахъ являлись врагами этого господства. Оттого то нѣкоторые государственные люди не придавали особой цѣны такого рода подданству инородцевъ. Такъ извѣстно, что когда Сибирскій царь Кучюмъ самъ добровольно предложилъ давать дань Московскому государю, то царь Иванъ IV еще сомнѣвался, «пригоже ли ему о томъ съ Сибирскимъ царемъ ссылаться» (10).

Были и другія причины того, что полуподданство инородцевъ не могло приводить къ цѣлямъ, которыя старалась достичь этимъ путемъ Московская государственная власть. Причины эти часто не зависѣли отъ воли ни Московскаго государя, ни тѣхъ владѣтелей или начальныхъ людей инородцевъ, которые отъ имени своихъ народовъ присягали на подданство Москвѣ. Въ народонаселеніи какъ русскомъ, такъ и инородческомъ были элементы, которые противодѣйствовали мирному соединенію съ Московскимъ государствомъ инородческихъ союзовъ съ сохраненіемъ въ послѣднихъ стариннаго ихъ устройства. Какъ ни слаба была связь, которая порождалась полуподданствомъ инородческихъ властителей Московскому государю, какъ ни слаба была связь между Московскимъ государствомъ и инородческими союзами, все же она была достаточна для того, чтобы приводить въ то или другое соприкосновеніе русское и инородческое населеніе. При недостаткѣ должнаго умственнаго и общественно-экономическаго развитія у того и другого, это соприкосновеніе, конечно, не могло обойтись безъ враждебнаго столкновенія между тѣмъ и другимъ. Согласить интересы они не умѣли; ибо, въ силу своей неразвитости, не знали другихъ способовъ улаживать дѣла, кромѣ насилія. Отсюда—постоянные взаимные грабежи, уводы плѣнниковъ, а за ними формальныя войны между русскими и инородцами и часто вопреки намѣреніямъ верховныхъ властителей. Исторія отношеній Москвы къ Казанскому царству, къ вогульскимъ князьямъ, къ калмыкамъ достаточно представляетъ примѣровъ такого рода задираній съ обѣихъ сторонъ. Въ своемъ мѣстѣ съ бо́льшею подробностію будетъ сказано о такого рода столкновеніяхъ, которыя происходили между русскимъ и инородческимъ населеніемъ независимо отъ воли верховной власти того и другаго. Теперь же достаточно намъ знать то, что эти столкновенія, въ соеди-

(10) А. И. I, 179. Доп. I. 128.

неніи съ вѣроломствомъ инородческихъ владѣтелей, дѣлали полуданническую зависимость инородцевъ отъ верховной Московской власти не только безполезною для послѣдней, но даже чрезвычайно для нея обременительною. Естественно, она должна была подумать объ отвращеніи этого неудобства. Два пути предстояли ей въ этомъ направленіи, какъ самые кратчайшіе и, повидимому, самые надежнѣйшіе: это—или вовсе отказаться отъ всякихъ притязаній на какое бы то ни было господство надъ поименованными инородческими союзами, прервать съ ними всякую связь, или же чрезъ насильственное уничтоженіе ихъ самобытности, замѣнить полузависимость ихъ полнымъ холопствомъ. Первый путь, при всей его благовидности, оказывался въ большинствѣ случаевъ совершенно непригоднымъ: Московское правительство легко могло отказаться отъ притязаній на власть надъ киргизъ-кайсаками, надъ государствомъ Алтынъ-хановъ и даже прервать всякія съ ними сношенія, какъ не приносившія ему никакой выгоды; но не могло того сдѣлать по отношенію къ Казани, Астрахани, ногаямъ и калмыкамъ, замѣнившимъ послѣднихъ, къ Великой Перми, Югорской землѣ и царству Сибирскому, если бы даже и хотѣло. Тоже самое народонаселеніе, которое дѣлало безплодными для Московской власти полуданническія отношенія къ ней этихъ союзовъ, вовлекало ее въ постоянныя соприкосновенія съ ними и приводило къ необходимости установить то или другое отношеніе между ними и Московскимъ государствомъ. Географическое положеніе этихъ странъ таково, что съ этой стороны правительству нельзя было ожидать пособія въ стремленіи не допускать до соприкосновенія русскаго и инородческихъ племенъ. На всемъ протяженіи Сѣверовосточной Россіи, включая сюда и землю Югорскую и Сибирское царство, не было къ тому естественныхъ преградъ; напротивъ волжскій бассейнъ, принимая въ расчетъ и Каму, давалъ всѣ пособія къ соприкосновенію разноплеменныхъ народовъ; онъ былъ исконнымъ трактомъ, по которому отъ предѣловъ Азіи двигались на западъ и сѣверъ инородческія племена и съ югозапада русское племя къ Азіи. Еще къ то время, когда не было на свѣтѣ Москвы, здѣсь, на этомъ великомъ пути сходились люди русскаго и финскаго корня. Не въ силахъ человѣческой власти было уничтожить явленіе, которое условливалось природою страны и исторіею ея народонаселенія. Московское правительство выказывало иногда распо-

ложеніе въ этомъ родѣ: такъ неоднократно оно хотѣло прервать связь съ Казанью, и даже тогда, когда это царство было завоевано, не прочь было однажды бросить его на произволъ судьбы; какъ оно мало заботилось о поддержаніи связи съ Великою Пермью и съ землями по ту сторону Камня, видно изъ того, что для походовъ туда оно не давало своихъ людей служилыхъ, исключая воеводъ,—ибо извѣстно, что ополченія, которыя проводили въ холопство эти страны, состояли изъ жителей поморскихъ городовъ,—и изъ того, что закамскія земли, послѣ завоеванія Югорской земли, оно долгое время оставляло безъ всякаго вниманія; калмыкамъ предлагало совсѣмъ уйти изъ приволжья. Но въ то время, когда оно указывало русскимъ не задирать инородцевъ, не ходить къ нимъ войною, чтобы государскую землю не выдавать, въ это же самое время, какъ нарочно являлись столкновенія русскихъ и инородцевъ: оказывалось, что русскіе казаки пограбили то казанцевъ, то ногайцевъ, то закаменныхъ людей, поссорили царя съ сибирскимъ салтаномъ; то казанскіе татары, безъ вѣдома казанскихъ властей, ограбили русскихъ купцовъ, то ногаи запустошили русскія селенія и забрали многихъ въ плѣнъ. Оказывалось поэтому необходимымъ для правительства вмѣшиваться въ отношенія въ инородческихъ земляхъ, придумывать новые способы, чтобы не испытывать такого рода неудобствъ со стороны этихъ полудашниковъ.

Путь къ тому оставался послѣ того одинъ, именно, какъ сказано уже, замѣненіе полузависимости инородческихъ союзовъ полнымъ холопствомъ чрезъ насильственное уничтоженіе ихъ внутренней самобытности. Какъ ни возмутителенъ такой путь съ точки зрѣнія людей, настаивающихъ на неприкосновенность автономіи каждаго общественнаго союза, однакожъ безъ него едва-ли можно обойтись было въ данномъ случаѣ. Географическія условія страны болѣе благопріятствуютъ существованію въ ней одного общественнаго союза, чѣмъ нѣсколькихъ, во внутреннихъ дѣлахъ одинъ отъ другаго независимыхъ. Послѣднее возможно было подъ условіемъ федераціи всѣхъ этихъ общественныхъ тѣлъ. Сознаніе въ необходимости этого выражалось въ томъ, что эти общественные инородческіе союзы, возникшіе въ приволжьи, въ прикамской странѣ и по ту сторону Камня, признавали и часто добровольно верховную власть Московскаго государя; но мы видѣли, эта форма федераціи оказалась несостоятельною. Думаемъ, что при тогдаш-

немъ порядкѣ дѣлъ не могло образоваться никакой и другой федерации. Для того, чтобы могла составиться въ данной территоріи федерація, болѣе или менѣе прочная и безобидная для всѣхъ и каждаго членовъ, для этого необходимо, чтобы общественные союзы, входящіе въ составъ федерации, были близки между собою по этнографическимъ свойствамъ; въ этомъ случаѣ однако большаго значенія не имѣетъ разница въ происхожденіи, языкѣ и обычаяхъ, ибо существовалъ же при такихъ условіяхъ на сѣверо-западѣ нынѣшней Россіи славяно-финскій союзъ, или новгородскій; для этого необходима одинаковость общественнаго строя жизни тѣхъ государствъ, которыя вступаютъ въ федерацію. Мы видѣли, каковъ былъ строй Казани, Астрахани, ногаевъ, Сибирскаго царства, калмыковъ, Великой Перми и Югры; за исключеніемъ послѣднихъ двухъ земель, гдѣ не развитъ былъ дворянскій элементъ, всѣ прочіе общественные союзы основывались на рѣшительномъ преобладаніи аристократіи надъ народною инородческою массою; при первомъ соприкосновеніи съ Московскимъ государствомъ такіе общественные союзы необходимо должны вступить въ непріязненное отношеніе къ нему; ужиться подъ одною властію Московское государство и поименованные инородческіе союзы не могли по той причинѣ, что не могли условиться на счетъ опредѣленій этой власти,— по той же причинѣ, стало быть, по какой не могли ужиться между собою южные и сѣверные штаты Сѣверо-Американскаго федеративнаго государства, по какой не могла составиться федерація изъ Москвы, Новгорода и Литовско-Польскаго союза; между ними и Москвою могла быть только смертельная вражда. И въ результатѣ этой вражды необходимо должно быть уничтоженіе внутренней самобытности или Московскаго государства или инородческихъ аристократическихъ государствъ. Изъ Москвы и инородческихъ государствъ могла образоваться федерація лишь въ томъ случаѣ, когда бы у первой преобладалъ аристократическій элементъ въ той же степени и формѣ, какъ и въ послѣднихъ. Но въ Московскомъ государствѣ тотъ слой, который соотвѣтствуетъ татарскимъ и монгольскимъ людямъ бѣлой кости былъ незначителенъ и по своей численности и по своему общественному положенію, всякая попытка бояръ московскихъ стать на ту ногу, на которой стояли татарскіе князья и мурзы, или новгородскіе бояре или польскіе паны окапчивалась для нихъ наиплачевнѣй-

инымъ образомъ, такъ что наконецъ этотъ слой совершенно исчезъ въ массѣ служилыхъ людей государства, удержавъ одно только имя, но уже совершенно не выражавшее того, что подразумѣвалось подъ названіями: тайдша, князь, мурза и проч.; служилый же человѣкъ Московскаго государства, который получалъ кормъ отъ руки государя, у котораго этотъ кормъ могъ быть отнятъ и отданъ другому, мало имѣлъ общаго съ инородцемъ бѣлой кости, который владѣлъ землею или улусомъ по праву рожденія и котораго лишать собственности и соединеннаго съ нею общественнаго значенія, по понятіямъ, господствовавшимъ въ государствахъ этого разряда, никто не могъ, не нарушая справедливости, не дѣлая насилія; московскій служилый человѣкъ конечно не прочь былъ достигнуть такого же значенія и даже выражалъ такого рода стремленія, но осуществиться они вполнѣ не могли, разбиваясь о демократическій духъ народа. Этотъ-то духъ, дѣйствію котораго преимущественно слѣдуетъ приписать развитіе царской власти до такой безграничности, никакъ не могъ бы ужиться съ аристократическими основами инородческихъ государствъ, если бы послѣднія вздумали образовать вмѣстѣ съ Москвою федерацію, уничтожилъ бы даже всякую возможность такой федераціи.

Стало быть, послѣ того, какъ русское и инородческое населеніе, сошедшись на пространствѣ, раздѣлить которое безобидно между ними было нельзя по самой природѣ страны, не могли ужиться въ союзѣ подъ верховною властію Московскаго царя, когда другой формы федераціи не могло составиться здѣсь по различію направленія общественной жизни въ русскомъ и инородческомъ населеніи, Московской государственной власти, если она хотѣла отвратить отъ себя упомянутыя выше неудобства, проистекавшія отъ сосѣдства съ инородцами, если хотѣла сама удержаться, ничего не оставалось дѣлать кромѣ того, что она сдѣлала по отношенію къ Новгороду, кромѣ уничтоженія государствъ князей и мурзъ.

Необходимость такого исхода дѣла сознавали сами инородцы, сами эти князья и мурзы чувствовали, что рано или поздно Московскій государь разрушитъ ихъ государства, что рано или поздно имъ быть у него въ вѣчномъ холопствѣ. Въ станѣ погайскихъ хановъ, во время Грознаго, говорили русскимъ посланцамъ: «наши книги говорятъ, что всѣ государи бусарманскіе русскому государю поработаютъ» и спѣшили добровольною покорностію снискать отъ великаго государя

милость. Лучшіе люди погайскаго хана Измаила такъ говорили ему, убѣждая его отдаться въ холопство Московскому царю: «не стыдись, князь Измаилъ! пиши бѣлаго царя государемъ; пѣмцы посильнѣй тебя, да и у нихъ государь всѣ города побралъ (11)». Сибирскій царь Кучюмъ также выражалъ мысль о неизбѣжности зависимости Сибирскаго царства отъ Московскаго царя: «нынѣ, говорилъ онъ попавшимъ къ нему тремъ русскимъ изъ Перми,—дань сбираю, Государю вашему Царю и Великому Князю пословъ пошлю; а нынѣча мнѣ война съ казацкимъ царемъ, и одолѣетъ меня царь казацкій и сядетъ на Сибири, ино и тотъ государю дань учнетъ давати (12)». Въ Казани, предъ паденіемъ этого царства, тоже выразилось предчувствіемъ бѣды, которая долженствовала придти отъ Москвы (13).

Не смотря на это Московская государственная власть не хотѣла принять такого рѣшительнаго способа дѣйствія по отношенію къ подрудническимъ инородческимъ союзамъ. Взамѣнъ этой быстрой кровавой мѣры она избирала другой путь, который болѣе приходился къ ея осторожному характеру, но который однако потребовалъ не меньшаго пролитія крови, такъ какъ въ концѣ концевъ все таки оказывалось нужнымъ покончить съ каждымъ изъ инородческихъ царствъ. Другими словами: Московское правительство не выражало рѣшительнаго намѣренія уничтожить каждый изъ поименованныхъ инородческихъ общественныхъ союзовъ. Уничтоженіе ихъ самобытности сдѣлано было не столько имъ, сколько другими элементами Московскаго государства. Великая Пермь завоевана жителями поморскихъ городовъ; Сибирское царство казаками и промышленными людьми; походъ царя Ивана IV подъ Казань въ 1552 году, кончившійся совершеннымъ подчиненіемъ московской власти народовъ, входившихъ въ составъ этого царства, былъ отвѣтомъ на всеобщее требованіе московскаго народа; паденіе независимости погаевъ и уничтоженіе царства Астраханскаго были неизбѣжнымъ результатомъ казанской катострофы и совершились безъ всякихъ почти усилій со стороны правительства. Не вмѣшайся въ отношенія правительства съ этимъ царствомъ народъ, оно бы,

(11) Соловьевъ, Исторія Россіи VI, 132.

(12) А. И. I, 179.

(13) Истор. О Казанск. царствѣ. стр. 90, 125—128.

можетъ быть, еще долго продолжало тянуть дѣло съ ними.

Особенно Казанское царство составляло для него предметъ долговременныхъ и сложныхъ работъ такого рода, т. е. такихъ, въ итогѣ которыхъ долженствовала явиться, по его расчетамъ, безопасность непосредственныхъ московскихъ владѣній съ этой стороны и возможность для русскаго населенія спокойной торговли по приволжью. Впрочемъ политика Московскаго правительства по отношенію къ этому царству сообразовалась съ ходомъ дѣлъ въ этомъ государствѣ. При самомъ возникновеніи царства открылся въ немъ обильный матеріалъ для образованія враждебныхъ партій. Оказалось, что господствовавшій классъ чуждъ наклонности жить и дѣйствовать согласно, и это понятно: онъ составленъ былъ изъ выходцевъ разныхъ странъ; собрались въ Казань, по свидѣтельству автора исторіи о царствѣ Казанскомъ, «мнози варвары отъ различныхъ странъ, отъ Златыя Орды и Осторахани, и отъ Азова и отъ Крыма (14)». Пришельцы не умѣли полюбовно раздѣлить власть и вліяніе. Къ этому присоединились и другія причины разъединенія въ Казани среди господствовавшаго класса. Пришельцы принесли въ Казань не одинаковыя преданія. Крымскій и астраханскій татаринъ были въ естественной враждѣ между собою. Внутренній раздоръ поддерживался отсутствіемъ точныхъ опредѣленій относительно престолонаслѣдія: всякій царевичъ считалъ себя въ правѣ домогаться верховной власти въ государствѣ, и каждая партія имѣла такимъ образомъ возможность дать своимъ своекорыстнымъ стремленіямъ видъ законности: стоило только ей поставить у себя въ челѣ царевича, связать свое дѣло съ интересами престола. Отъ Московскаго правительства не укрылся этотъ общественный недугъ Казанскаго царства, и оно не могло не воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что сами казанцы вызывали его ко вмѣшательству въ ихъ дѣла. Такъ вскорѣ послѣ основанія царства (1445 г.), братья перваго казанскаго царя Махмутека, Касимъ и Якубъ, сопровождаемые толпой татаръ, явились къ Великому Московскому Князю искать помощи противъ брата; такъ во время борьбы за престолъ между Алегамомъ и Магметъ-Аминемъ, послѣдній, чувствуя свое безси-

(14) Тамъ же 26—27.

ліе противъ брата, овладѣвшаго царствомъ при помощи погаевъ, прибылъ въ Москву, билъ челомъ Великому Князю, назвалъ его своимъ отцомъ и просилъ у него помощи на соперника; въ тоже самое время сторонники его, оставшіеся въ Казани, доносили обо всемъ, что происходило при тамошнемъ дворѣ, московскому двору и просили также помощи противъ Алегама и его приверженцевъ (15). Съ этого времени, т. е. съ 1487 года, когда Московскій государь посадилъ на казанскій престолъ Магметъ-Аминя и захватилъ въ свои руки его противника со всѣмъ его семействомъ, въ Москву постоянно стали приходить изъ Казани недовольные съ просьбами о помощи. Московское правительство охотно принимало всѣхъ такихъ, болѣе или менѣе вліятельныхъ, казанцевъ. Оно образовало даже внутри своихъ владѣній удѣльное татарское ханство, по видимому самостоятельное, на дѣлѣ же вполнѣ зависимое отъ московскихъ государей,— чтобы чрезъ то дать выходцамъ-татарамъ возможность жить по ихъ татарскому вкусу. Этою мѣрою правительство старалось достигнуть того, чтобы обуздывать татаръ ихъ же единоплеменниками; ибо имѣя у себя въ рукахъ царевичей съ притязаніями на казанскій престолъ, оно дѣйствительно могло грозить Казани междоусобіемъ и потому заставлять казанское правительство быть уступчивѣе къ его требованіямъ. Этихъ царей и царевичей содержало оно сообразно ихъ сану, давало имъ богатыя помѣстья и вотчины и не щадило издержекъ на поддержаніе ихъ на казанскомъ престолѣ, если только кому нибудь изъ нихъ удавалось овладѣть имъ; но требовало за то съ ихъ стороны исполненія присяжническихъ обязательствъ— добра хотѣть великому государю во всемъ. Въ случаѣ уклоненія кого либо изъ нихъ отъ исполненія этого обязательства, оно не стѣснялось поражать опалою. Такъ заточенъ въ 1502 году на Бѣло-озеро царь Летифъ, котораго было Московская власть посадила на Казанское царство, но который, какъ видно, не хотѣлъ вполнѣ угождать этой власти, или по крайней мѣрѣ враждебною ему стороною представленъ былъ при московскомъ дворѣ человѣкомъ ненадежнымъ (16). Для того, чтобы устранить возможность частыхъ случаевъ такой

---

(15) Изслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. I, 171.

(16) Тамъ же 193.—Соловьевъ. Ист. Россіи. V, 100.

измѣны, правительство Московское съ наибольшею охотою поддерживало притязанія на казанскій юртъ такихъ царевичей, которые не отличались внутренними достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли и матеріальныхъ средствъ на столько, чтобы безъ московской поддержки добыть этого юрта и, добывъ, удержать его за собою, такъ какъ такого рода людей легче было держать въ послушаніи. Такъ въ этихъ видахъ оно оказывало милость Шахъ-Али (Шигалей) и не разъ выставляло кандидатомъ на казанскій престолъ этого царевича, знаменитаго физическимъ и нравственнымъ уродствомъ. По крайней мѣрѣ одна лѣтопись ничтожеству его приписываетъ стараніе Московскаго правительства видѣть его на Казанскомъ царствѣ (17).

Такія же мѣры Московское правительство употребляло по отношенію и къ другимъ полузависимымъ инородцамъ. Однимъ изъ важныхъ средствъ къ ихъ обузданію считалось въ Москвѣ обращеніе къ христіанству князей и вліятельныхъ людей въ инородческихъ союзахъ. Расчетъ въ этомъ случаѣ былъ тотъ, что крещеные уходили изъ инородческихъ обществъ, и тѣмъ умепьшалось число людей, которыми держались эти общества, или же, если оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, какъ было въ Великой Перми въ XV столѣтіи, то возбуждали противъ себя вѣрное инородческимъ божествамъ населеніе, отъ чего происходила среди него смута. Вообще же Московская власть главнѣйшимъ образомъ хлопотала о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ поселить въ инородческихъ обществахъ, между князьями и лучшими людьми, разъединеніе, склонить одну часть ихъ на свою сторону, словомъ, произвести въ жизни ихъ такое положеніе дѣлъ, которое не давало бы имъ возможности заниматься чѣмъ либо другимъ кромѣ домашнихъ отношеній. Такъ оно дѣйствовало по отношенію къ Астрахани, ногаямъ и потомъ калмыкамъ. Сдѣлать это было не трудно, потому что въ жизни этихъ обществъ было немало благопріятныхъ къ тому условій. Князья, мурзы рѣдко жили между собою въ согласіи. Такъ русскіе посланцы доносили

(17) «Оной Шеяль зѣло былъ взору страшнаго и мерзскаго лица и корпуса, имѣлъ уши долгіе на плечахъ висящіе, лице женское, толстое и надменное чрево, короткія ноги и ступени долгія, скотское сѣдалище: такого имъ татарамъ нарочно изобраша царя въ поруганіе и посмѣяніе имъ». См. Изслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. I. 258.

Ивану IV про погаевъ: «Ногаи изводятся; людей у нихъ мало добрыхъ, и тѣ голодны необычно и пѣши; не вѣрятъ другъ другу и родные братья; земля ихъ пропала; другъ друга грабятъ ([18])». Въ томъ же донесеніи удовлетворительно объясняется и причина раздоровъ—экономическая несостоятельность и неумѣнье отвратить ее инымъ чѣмъ, кромѣ грабежа братьевъ. У астраханцевъ и калмыковъ дрались изъ за престолонаслѣдія, изъ за родовыхъ расчетовъ князей, изъ за стремленія сильныхъ подавить слабѣйшихъ. Но могло случиться и дѣйствительно случалось, что инородческіе властители оставляли свои ссоры, и вотъ тогда Московское правительство употребляло разныя искусственныя средства, чтобы возбудить ихъ снова. Такъ по свидѣтельству лѣтописи царь Борисъ «услышахъ въ Ногайской ордѣ умноженіе людямъ, яко живяху межъ собою въ совѣтѣ, убояся того, чтобы Астрахани не быть въ тѣснотѣ и приходу на Московское государство; чая войны, повелѣ Астраханскимъ воеводамъ ихъ ссорити, и бысть между ими война великая, другъ друга побиваху, и многіе улусы запустѣша, а Сказыевъ улусъ мало не весь запустѣ, и отъ той войны оскудѣша, такъ что отцы дѣтей своихъ продаваху въ Астрахани» ([19]).

Однакожъ, какъ уже замѣчено, такая хитросплетенная политика московская по отношенію къ полузависимымъ инородческимъ союзамъ не приводила къ цѣли, на которую была расчитана: инородцы не давали покою русскому населенію, приходившему съ ними въ соприкосновеніе, постоянно грабили, убивали, уводили въ плѣнъ; русскіе конечно не оставались въ долгу у нихъ; частный и казенный интересъ сильно страдалъ отъ такого положенія дѣла; одинъ результатъ былъ отъ этой политики правительства, именно тотъ, что инородческіе князья и мурзы стали приходить на службу въ Москву, иные креститься въ русскую вѣру, получая за это въ награду помѣстья, вотчины, шубы, кубки и пр., а между тѣмъ отъ времени до времени все таки необходимо было воевать съ инородцами, терять тысячи людей своихъ, губить не меньше инородческихъ жизней; между тѣмъ множество русскихъ томилось въ тяжеломъ плѣну у татаръ и продавалось, какъ скотъ на восточныхъ рынкахъ. При Иванахъ, III и IV, всѣ эти полу-

([18]) Ист. Россіи, Соловьева. VI. 132.

([19]) Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Изд. 2-е. М. 1788. Стр. 52.

зависимые союзы были уничтожены; гдѣ не было аристократическаго устройства, тамъ,—какъ въ Великой Перми,—дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ; гдѣ этотъ элементъ былъ силенъ, какъ въ Казани, тамъ потребовалось со стороны Москвы значительное напряженіе силъ, чтобы достигнуть этого результата. Успѣли избѣжать этой участи калмыки, которымъ за то суждено было въ XVIII столѣтіи испытать еще горшую долю.

—

2. Отношеніе верховной государственной власти къ землѣ инородцевъ, находившихся въ вѣчномъ, неизмѣнномъ холопствѣ у великаго государя. Земли инородческія составляли полную собственность государя. Существо прибыли, которую получало правительство отъ этихъ земель. Количество прибыли. Прибыль отъ царства животныхъ и растеній. Прибыль отъ винодѣлія, шелководства и горнаго дѣла. Причины малоуспѣшности послѣдняго. Выводъ.

Переходя къ разсмотрѣнію существа и размѣровъ выгодъ, которыя Московская государственная власть старалась получать и на дѣлѣ пріобрѣтала отъ инородцевъ, находившихся въ полной отъ нея зависимости, и къ показанію способовъ, которые употребляла она для этой цѣли, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на отношеніе ея къ землямъ инородческимъ.

Всѣ земли инородцевъ этого рода поступали въ полную собственность Московской государственной власти. Великій государь почиталъ себя полнымъ собственникомъ земель казанскихъ, астраханскихъ, ногайскихъ, пермскихъ и всѣхъ сибирскихъ, въ той же мѣрѣ, въ какой былъ властелиномъ въ областяхъ собственно-московскаго княженія. Это видно изъ того, что Московская власть давала земли на этомъ великомъ пространствѣ, кому хотѣла, и на условіяхъ, какія признавала нужными, не спрашивая на то согласія у прежнихъ обладателей. Такъ, напримѣръ, царь Иванъ IV въ 1558 году отдалъ во владѣніе Строгановымъ огромный участокъ по обоимъ берегамъ Камы съ большими для нихъ льготами ([20]); поло-

([20]) Соловьевъ VI, 414 и слѣд.

жимъ, эти земли, какъ свидѣтельствовалъ пріѣзжавшій въ Москву пермичъ Кодуалъ, у котораго спрашивали про это мѣсто царскіе казначеи, искони лежали пусты, и доходу съ нихъ не было никакого, и у пермичей тамъ угодій не было никакихъ; положимъ, что грамота царская, которой усвоялось Строгановымъ право владѣнія этимъ мѣстомъ, можетъ служить свидѣтельствомъ лишь въ пользу того, что правительство считало себя въ правѣ по своему усмотрѣнію распоряжаться землями инородцевъ лишь въ томъ случаѣ, когда они лежали пустыми: но за то есть не мало свидѣтельствъ, которыя убѣждаютъ, что московскіе государи считали себя безусловными собственниками земель и не пустыхъ, занятыхъ инородцами и дававшихъ имъ доходъ. Такъ въ 1555 году царь Иванъ IV жаловапною грамотою отдалъ Казанскому архіепископу «земли на пашню на двѣ тысячи четвертей, трои Кабапы, да Тарлапи, да село Кадышъ, да село Карапшь, да село Карадулать на рѣкѣ на Мешѣ, со всѣми угодьями, съ лѣсами и съ лугами и съ озерами и съ бортными ухожеями и съ бобровыми гонами, потому жъ, какъ было изстари при царяхъ, да воды, въ рѣкѣ Волгѣ рыбныя ловли и съ островами, опричь покосовъ, на которыхъ рыбная ловля, отъ Казанскаго устья по обѣ стороны рѣки Волги, по Казанской сторонѣ и по Свіяжской, до рѣки Камы и съ вешними полои около города, доколѣ вешняя вода стоитъ... да рыбную ловлю отъ Камскаго устья и сѣрной песокъ по Чертыцкую вполовь, отъ Верхней взголови по Нижнюю; да право брать съ Камы, съ ѣзу зимней ловли 30 рыбъ, да ловить на себя рыбу въ Казани рѣкѣ и, гдѣ похочетъ, ѣзъ бить... да пожни на сѣно межъ Волгою и Тереузикомъ... да озеро Царево и съ пными озерами, которыя около Царева озера.... да слободу за Булакомъ, на Кураишевѣ; отъ острогу вверхъ по Булаку на сто дворовъ крестьянскихъ... да огородъ у Проломныхъ воротъ отъ острога подъ татарскимъ кладбищемъ въ подгорьѣ вверхъ по Булаку противъ Кураишева...; да мѣсто на посадѣ у Николы Чюдотворца, за торгомъ, къ Петру Святому, на его дворовыхъ людей....; да мѣсто въ городѣ къ его двору, по Большую улицу, по Тезицкой по первой переулокъ...; да два мѣста подъ двѣ мельницы, на устьѣ Булака, да мѣстечко мельникамъ въ семь саженъ вдоль и поперекъ». Изъ этой ([21]),

([21]) А. И. I, 162

а равно многихъ и другихъ царскихъ жалованныхъ грамотъ ([22]) видно, что правительство не признавало за прежними владѣльцами инородческихъ земель права собственниковъ: все было взято на великаго государя, и отъ него уже зависѣло, кому непосредственно владѣть землею и на какихъ условіяхъ. Сами инородцы должны были признать за государемъ это право и искать утвержденія его властію своего права владѣнія или пользованія землею, которая до того была ихъ полною собственностію. Такъ, напримѣръ, верхотурскіе вогуличи должны были пріобрѣсти грамоту у царя Бориса на владѣніе рѣкою Косвою «и по той рѣкѣ сѣно косить, и рыбу и звѣрей ловить и всякими угодьями владѣть» и, когда русскіе поселенцы стали жаловаться, что «тѣ деи Вогуличи тою Косвою рѣкою сами мало владѣютъ» и просили, чтобы имъ позволено было владѣть тутъ, то правительство измѣнило свое прежнее жалованье вогуличамъ, приказало отвести имъ другія угодья, а, если ихъ нѣтъ, то «по той рѣкѣ по Косвѣ сѣнные покосы, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угудья подѣлить, какъ будетъ доведется, чтобы Вогуличамъ въ томъ тѣсноты не было и Верхотурскимъ торговымъ людямъ потомужъ въ томъ нужи не было ([23])». Такъ тіунскіе и канинскіе самоѣды обращались къ царю Ивану IV за утвержденіемъ ихъ права на владѣніе землями, которыми изстари владѣли, и въ которыя стали вступаться печоряне и пермяки, и получили отъ него грамоту на владѣніе прежними ихъ землями «опричь мелкіе тони, что отдана къ Преображенью Спасову, да къ Введенью, да къ Николѣ Чюдотворцу, и Самоядцкіе тони, что отданы окологородным Самоѣдамъ, да опричь Сокол... слободки Окладниковой, что на устьѣ Мезени, потому что та слободка приписана къ Двинскому уѣзду, къ Пѣнегѣ къ Большой,»—съ запрещеніемъ «Печорянамъ и Пермякамъ и Русакамъ въ тѣ ихъ угодья, въ рыбныя ловли и звѣриные ухожан вступаться ([24])»

Владѣя на такихъ основаніяхъ инородческими землями, Московская власть имѣла, конечно, великій просторъ извлекать себѣ изъ нихъ прибыль и старалась достигнуть того

([22]) На примѣръ: А. И. I, 184, 193, 207; IV, 67.

([23]) Тамъ же II, 28.

([24]) Этнографич. Сборн. IV, 46—49.

двумя путями: 1) своими, московскими средствами, не прибѣгая къ обязательному труду инородцевъ и 2) употребляя обязательный трудъ какъ инородцевъ, такъ и поддапныхъ русскаго происхожденія. Объ этой послѣдней статьѣ рѣчь впереди. Первый способъ извлеченія правительствомъ изъ инородческихъ земель прибыли, а равно и самое существо прибыли были тѣже, что и въ родовыхъ московскихъ владѣніяхъ, т. е., оно получало прибыль чрезъ отдачу земель и угодій въ оброкъ, чрезъ присвоеніе казнѣ исключительнаго права на извѣстные промыслы и торговлю извѣстными предметами и чрезъ собираніе пошлинъ со всякаго рода промышленной и торговой дѣятельности; въ областяхъ инородческихъ, точно также, какъ и въ центральной Россіи, земли и угодья были переписываемы съ чисто хозяйственными цѣлями, устанавливались таможни и мыты, отдававшіеся въ вѣдѣніе посадскихъ людей или на откупъ; тутъ также, какъ и въ Московіи, видимъ стараніе казны населить пустыя мѣста, отдачу ихъ частнымъ лицамъ на помѣстномъ или вотчинномъ правѣ съ обязательствомъ службы для тѣхъ, кто получилъ эти помѣстья и вотчины; чѣмъ далѣе впрочемъ на сѣверовостокъ, тѣмъ менѣе дается земли подъ помѣстья и вотчины, такъ какъ, по причинѣ отдаленности этихъ земель отъ Москвы, трудно было слѣдить тамъ за точнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей помѣщиками и вотчинниками и такъ какъ, съ другой стороны, на огромныхъ пространствахъ Сибири, мало населенныхъ, эта форма поземельнаго владѣнія, по самой сущности дѣла, была неудобна, и потому по необходимости нужно было оставить большую часть земель во владѣніи туземцевъ. Дѣлая такіе распорядки въ поземельной собственности, пріобрѣтенной отъ инородцевъ, правительство пріобрѣтало выгоды отъ такого рода произведеній страны, которыя, чтобы ими овладѣть, не требовали большихъ знаній, чѣмъ тѣ, какія тогда находились въ обращеніи; другими словами: оно въ земляхъ инородцевъ искало тѣхъ же благъ, которыя привыкло находить у себя дома, т. е. хлѣба и разной живности. По крайней мѣрѣ стараніе его открыть въ завоеванныхъ земляхъ другіе источники обогащенія, какъ увидимъ ниже, не привело къ желаннымъ результатамъ; отсюда произошло то, что инородческое населеніе, которое Московская власть лишила права полной собственности на его земли, оставалось про прежнемъ умѣньи пользоваться землею. Мнѣ-

піе, что московское владычество надъ инородцами принесло имъ великую пользу распространеніемъ между ними земледѣльческой культуры, едва ли состоятельно: изъ предъидущаго изложенія видно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣверовостока нынѣшней Россіи инородцы еще въ до-московскую эпоху не безъ успѣха занимались земледѣліемъ,—и при московскомъ владычествѣ пашню умѣли пахать инородцы лишь тамъ, гдѣ и прежде были пашни. Въ другихъ же мѣстахъ умѣли только, какъ было и прежде, ловить звѣрей и рыбу, да содержать домашнихъ животныхъ, смотря по мѣсту, оленей, лошадей, овецъ и проч.

Количество прибыли, которую Московская власть получала отъ инородческихъ земель, въ точности опредѣлить невозможно. Потому что о количествѣ доходовъ и деньгами и натурой, которые шли въ казну государя съ инородческихъ земель, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но, само собою разумѣется прибыль эту нельзя измѣрять только доходами: нѣтъ сомнѣнія, что не будь у нея во власти этихъ огромныхъ пространствъ, положеніе ея среди другихъ элементовъ государства было иное, чѣмъ то, какимъ она пользовалась. Относительно же доходовъ, которые она получала съ инородческихъ земель, не включая сюда дохода отъ обязательнаго труда обитателей этихъ земель, имѣемъ такія данныя: денежные доходы, которые собирались въ бывшихъ царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ и Сибири, отъ податей, оброковъ, таможенъ, кабаковъ, откуповъ, были достаточны чтобы покрыть издержки по областному управленію, чтобы удовлетворить «жалованьемъ ратныхъ и служилыхъ людей, кормовыхъ и ясачныхъ и покрыть всякіе расходы и на заводы судовые и соляные и рыбные» ([25]). За тѣмъ всѣ доходы натурой съ этихъ земель поступали въ непосредственное распоряженіе казны, какъ чистая прибыль. Не принимая въ расчетъ ясачной казны, о которой будетъ сказано ниже, въ государеву казну, по свидѣтельству Котошихина ([26]), изъ понизовыхъ городовъ ([27]) шелъ хлѣбъ; количество его опредѣлить съ точно-

([25]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Котошихина. Спб. 1840. стр. 72.

([26]) Тамъ же стр. 64.

([27]) Къ понизовымъ городамъ «по разрядным книгамъ» относились въ XVII столѣтіи: Чебоксары, Яранскъ, Кузьмодемьянскъ, Ядринъ.

стію трудно; но вѣрно то, что этотъ хлѣбъ былъ большимъ подспорьемъ хлѣбнымъ доходамъ, которые получали «изъ царскихъ дворцовыхъ селъ и съ поль, что сѣется на царя и которые шли на царскій всякій обиходъ и въ жалованье соборныхъ и простыхъ царскихъ церквей попамъ и дьякономъ и церковнымъ причетникамъ, и дворовымъ и иныхъ чиновъ людямъ и стрѣльцамъ». Овладѣвъ теченіемъ Волги, царская казна завела рыбные промыслы на этой рѣкѣ ([28]). Большая и лучшая часть рыбныхъ запасовъ, которыхъ на царскій обиходъ выходило больше, чѣмъ на сто тысячъ рублей, шла въ казну изъ понизовыхъ городовъ. Что оставалось за царскимъ расходомъ, то продавали. Изъ понизовыхъ же городовъ, изъ Казани и Астрахани, царская казна получала нужное для нея количество лошадей. Котошихинъ на счетъ этого пишетъ ([29]): «у Ногайскихъ людей и у Татаръ Казанскіе и Астраханскіе воеводы выбираютъ ежегодно изъ табуновъ, которые тѣ гоняютъ къ Москвѣ, на царскій обиходъ лошадей тысячь по 5 и по 6 и по 8 и, записавъ и запятнавъ, присылаютъ къ Москвѣ съ ними же табунными людьми; а на Москвѣ взявъ у нихъ тѣхъ лошадей на царскомъ дворѣ цѣнятъ противъ ихъ тамошней цѣны и даютъ деньги изъ царской казны, и достольныя лошади велятъ продавать всякаго чину служилымъ людямъ и инымъ чинамъ и собираютъ съ продажи тѣхъ лошадей (отъ 30 до 50 тысячъ головъ) и съ записки у купцовъ записныя деньги въ Конюшенный приказъ; а покупаютъ и продаютъ табунныхъ лошадей рублей по 5 и по 7 и по 10 и по 15 лошадь, и покормя мѣсяцъ времени и съ другой, продаютъ тѣхъ лошадей русскіе люди своей братьѣ дорогою цѣною. А какъ они Ногайцы и Татары табунныхъ своихъ лошадей испродадутъ, и на отъѣздѣ своемъ бываютъ у царя, что и Калмыцкіе послы, и бываетъ имъ столъ на царскомъ дворѣ довольной; а пріѣзжаетъ ихъ съ тѣми лошадьми на годъ человѣкъ по 200 и больше, и платье имъ изъ царской казны дается, смотря по человѣку, что и Крым-

---

Синчюрскъ, Василь-городъ, Цивильскъ, Царево-кокшайскъ, Кокшайскъ, Арскъ, Оса, Саратаръ, Царево-Санчюрскъ, Саратовъ, Самара, Царицынъ, Астрахань, Терки, Казань, Уржумъ, Свіяжскъ, Малмышь, Олатырь, Тетюши, Уфа, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Арзамасъ, Темниковъ, Касимовъ, Кадомъ, Курмышъ.

([28]) А. И. IV, 40.

([29]) О Россіи въ царств. А. М. 73.

скимъ посламъ. А люди они поддашные царскіе, Казанскаго и Астраханскаго государствъ; и даются имъ отъ Москвы до Казани, на чемъ ѣхать водою, судьи и проводники, безденежно». Изъ Сибири получались для казны ревень, который принадлежалъ къ числу заповѣдныхъ товаровъ, моржовая кость, добывать которую предоставлено было всѣмъ служилымъ и охочимъ людямъ съ условіемъ отдавать половину добытаго и изъ другой половины десятую часть въ казну (30), также разныя, служившія для потѣхи царской, птицы, за которыми посылались туда ежегодно кречетники и сокольники съ ихъ помощниками. Инородческія земли давали возможность правительству получать солянаго доходу болѣе, чѣмъ было прежде. Къ соляннымъ варницамъ Строгановыхъ присоединились варницы по Пелымскому округу, впрочемъ неудачныя. Въ Тарѣ добывалась соль изъ прилежащихъ соляныхъ озеръ. Въ 1616 году русскіе ознакомились съ богатою ямышевскою солью (31). Въ 1650 году правительство взяло подъ свое непосредственное вѣдѣніе торговлю травою мареною, которая добывалась на Теркѣ и за тѣмъ шла въ Гилянь и Бухарію для окраски шелку и иныхъ многихъ товаровъ; велѣно было «Терчанамъ, служилымъ и жилецкимъ людямъ, русскимъ и иноземцамъ, которые на передъ сего травою мареною промышляли и Кизылбашенамъ и Гилянцамъ и Бухарцамъ и иныхъ государствъ иноземцамъ продавали,—траву марену изъ земли выкапывать и строить по прежнему, съ тѣмъ, чтобы они ту траву продавали въ государеву казну, а мимо государевой казны Кизылбашенамъ и никакимъ иноземцамъ ее не продавали»; вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было воеводамъ изслѣдовать, не будетъ ли прибыльнѣе траву марену строить государевою казною наемными людьми и для того завести заводъ (32). Гораздо съ большимъ радѣньемъ правительство старалось извлечь для казны прибыль, на Астрахани и на Теркѣ, изъ виноградnаго садоводства, виноѣлія и шелководства. Въ 1647 году указано было астраханскимъ воеводамъ устроить въ Астрахани про государевъ обиходъ виноградной садъ, на самой доброй землѣ, виноградное деревье

---

(30) Доп. IV, 45. А. И. IV. 164.
(31) Словцовъ. Историч. Обозр. Сибири I. 31.
(32) А. П. IV, 40.

и вѣтви велѣно взять изъ виноградныхъ садовъ у Астраханскихъ всякихъ чиновъ русскихъ людей и у иноземцевъ, а работныхъ людей къ тому садовому строенью паймовать государевою казною, и для того виноградиаго строенья послапъ былъ съ Москвы въ Астрахань гольштинецъ Яковъ Давыдовъ, а для работы къ тому садовому дѣлу велѣно выимать тюремныхъ сидѣльцевъ, кромѣ тѣхъ, которые сидѣли по измѣнпымъ дѣламъ. Въ 1650 году велѣно воеводамъ озаботиться покупкою для казны у частныхъ лицъ виноградныхъ садовъ, смотря по тамошнему дѣлу и по ихъ высмотру, чтобы купить тѣ сады не дорогою цѣною, чтобы тѣмъ государевой казнѣ учинить прибыль (33). Въ 1659 году сдѣлано было распоряженіе, чтобы астраханцы, всякихъ чиновъ люди изъ садовъ своихъ винограду торговымъ всякихъ чиновъ людямъ, въ верховые отпуски и въ рядъ, никому до государева указу не продавали, и торговые бы всякихъ чиновъ люди изъ садовъ въ Астрахани винограду не покупали ни у кого и къ Москвѣ и въ Верховые города отнюдь никому не отпускали, подъ страхомъ жестокаго наказанья безъ всякой пощады (34). Сдѣлано это распоряженіе за тѣмъ, чтобы доставить болѣе матеріала для устроеннаго въ Астрахани винодѣльнаго завода, для котораго вызванъ былъ иноземный мастеръ, долженствовавшій не только строить церковное вино, но и научать этому дѣлу работныхъ русскихъ людей, данныхъ ему въ распоряженіе, научать безскрытно, чтобы тѣмъ людямъ церковное вино строить было за обычай (35). Добыто было на первый разъ вина 651 ведро и послано то вино къ великому государю въ 25 бочкахъ. Въ 1658 году вина было послано въ Москву уже 1206 ведръ (36). Что касается до шелководства, то объ немъ имѣемъ такія свѣдѣнія: въ 1646 году въ Терскомъ городѣ началъ быть у русскихъ людей и у иноземцевъ въ садахъ шелковый сырковый заводъ по невелику; потому что въ тѣхъ садахъ дерева туту было мало и кормить червей было нечѣмъ. Для сыску лучшихъ садовъ былъ посланъ тезикъ, терскій жилецъ Муратъ-ханъ Шихмаметевъ,

---

(33) Тамъ же.
(34) Доп. IV, 60.
(35) Тамъ же. А. И. IV. 138.
(36) А. И. IV, 137.

который въ полуторѣ дня пути отъ Терскаго города нашелъ много садовъ и выпросилъ себѣ позволеніе и денежную подмогу на занятіе здѣсь шелководствомъ. Одновременно съ тѣмъ правительство приглашало и другихъ частныхъ лицъ заниматься этимъ дѣломъ свободно, съ тѣмъ, чтобы получаемый ими шелкъ они сдавали въ казну по опредѣленнымъ цѣнамъ. Но, какъ видно, дѣло это плохо подвигалось впередъ; поэтому въ 1650 году правительство взяло на себя заботу дать ходъ ему, велѣло терскимъ воеводамъ, разузнавъ отъ терскихъ людей, «гдѣ ростетъ тутовое дерево, посылать туда терскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, русскихъ и иноземцевъ, по скольку человѣкъ пригоже, для того, чтобы, выкапывая тутовыя деревья съ кореньями изъ земли, привозить ихъ на Теркъ, а между тѣмъ на Теркѣ пріискать подъ то тутовое дерево порозжія земли, гдѣ пригоже, и на той порозжей землѣ то тутовое дерево сажать; и у того строенья быть велѣно головѣ Воину Голикову да иноземцу Мурату-хану Шихмаметеву и терскимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, сколько человѣкамъ пригоже, кому бы такое дѣло было за обычай; а работныхъ людей къ тому тутовому строенью велѣно нанимать государевою денежною казною, дешевою цѣною, и тѣмъ тутовымъ строеньемъ—промышлять съ великимъ радѣньемъ, не оплошно, чтобы того тутоваго дерева завести слишкомъ (37)». Правительство старалось завести шелководство и въ Астрахани. Въ 1658 году шелковые мастера сдѣлали шолку сырцу 39 гривенокъ и тотъ шолкъ отправленъ былъ въ Москву къ государю вмѣстѣ съ неваренымъ шолкомъ 20 гривенокъ, который предполагалось сварить въ Москвѣ (38)».

Ранѣе Московское правительство обратило вниманіе на богатство, которое заключается въ нѣдрахъ земли. Еще въ XV столѣтіи оно хлопотало о вызовѣ въ Россію иноземцевъ рудознатцевъ. Великій князь Иванъ III выписалъ изъ Германіи чрезъ грека Трахоніота такихъ людей; эти рудокопы нашли мѣдную руду около Печоры на рѣкѣ Цылмѣ. Царь Иванъ IV также выписывалъ изъ-за границы рудознатцевъ и наказывалъ Якову Строганову доносить въ Москву о пріискахъ рудныхъ. При Борисѣ Годуновѣ эти вызовы усилились;

(37) А. И. IV, 40.
(38) А. И. IV, 132.

при царѣ Михаилѣ, въ 1630 году, на берегу рѣки Ницы, вытянутъ былъ первый прутъ желѣзный; потомъ, близъ Камы на рѣчкѣ Кикмаркѣ въ 1640—1641 годахъ отплавлена была мѣдная руда рудознатцемъ Аристомъ Петцольтомъ, пріѣхавшимъ изъ Германіи по вызову 1634 года. Послѣ Петцольта и его товарищей осталось до 750 п. руды, добытой въ рудникахъ Григоровскомъ и Кужгортскомъ, да при русскихъ урядникахъ въ 1642 году 2000 пудъ ([39]). Около этого времени на Верхотурьи дѣти воеводы Стрѣшнева открыли мѣдную руду и «той руды каменье прислалъ воевода къ царю въ двухъ кожаныхъ мѣшкахъ, да опытъ, что опытовали его дѣти сами безъ мастера ([40])», вслѣдствіе сего царь повелѣлъ, не дожидаясь особыхъ указовъ, сыскивать мѣдную руду всякими мѣрами. Въ 1643 году отправленъ былъ гостинной сотни торговый человѣкъ Онуфріевъ къ Соликамской и велѣно ему осмотрѣть плавильный заводъ, который былъ заведенъ при окольничемъ Стрѣшневѣ, и содѣйствовать людьми и снастями стольнику Ладыгину въ пріискѣ рудъ въ соликамскихъ кряжахъ ([41]). Послѣ 1643 года Камскій мѣдиплавильный заводъ продолжался 20 лѣтъ и сданъ Тумашевымъ. Одинъ изъ Тумашевыхъ устроилъ выше Мурзинской слободы доменную печь, два горна, молотъ и паковальню. Правительство царя Алексѣя Михайловича позволяло Тумашевымъ искать въ Сибири золотой и серебряной руды и узорчатаго каменья, на своихъ проторяхъ, и желѣзо плавить съ обязанностію платить десятую пошлину ([42]). Вообще ко времени царя Алексѣя Михайловича относится не мало актовъ, свидѣтельствующихъ о стараніи правительства обогатить казну посредствомъ сыскиванія и разработки рудъ въ сѣверовосточныхъ земляхъ. Въ 1661 году отправленъ былъ дьякъ Шпилкинъ возобновить пріискъ за Печорою, на Цылмѣ, и, кромѣ того, пріискать серебряную руду около Мезени, на Каниномъ Носу, и близъ моря на Югорскомъ Шару, и близъ рѣки Косвы. Еще ранѣе. въ 1658 году, велѣно посадскому человѣку Алексѣю Жилину, который прежде добылъ въ Енисейскомъ уѣздѣ 40 пудовъ

([39]) Историч. Обозр. Сибири. Словцова I, 287.

([40]) А. И. IV, 7.

([41]) Историч. Обозр. Сибири Словцова I, 287. А. А. Э. III; 320.

([42]) П. С. З. I, № 296.

слюды и мѣдную руду пріискалъ,—въ этомъ уѣздѣ «слюду ломать и мѣдную руду въ горахъ копать и плавить своими проторями безъ перекупки и съ обязанностію платить въ казну десятую пошлину (43). Въ 1659 году дозволено всякому, кто хочетъ, отыскивать и плавить всякую руду съ обязанностію заявлять о томъ начальству и платить десятую пошлину. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ же году заявлено было посадскимъ человѣкомъ Тихановымъ, что онъ нашелъ слюдныя горы по рѣкѣ Тасѣевѣ и наломалъ слюду сто сорокъ пудовъ, и Нѣмчиномъ Барнышѣевымъ,—что онъ сыскалъ по рѣкѣ Кію двѣ слюдныя горы и думаетъ, что слюды эти лучше той, которую нашелъ Тихановъ, но что не имѣетъ средствъ ломать ее (44). Вмѣстѣ съ означеннымъ выше позволеніемъ вмѣнено было воеводамъ въ обязанность всѣми мѣрами заботиться объ отысканіи рудъ (45).

Но всѣ эти усилія имѣли незначительный результатъ: начавшаяся было заводская дѣятельность въ нынѣшней Пермской губерніи пріостановилась; исканія въ Сибири рудъ приводили лишь къ тому, что казна получала ничтожное пріобрѣтеніе въ родѣ, напримѣръ, нѣсколькихъ пудовъ слюды или нѣсколькихъ штукъ узорчатаго каменья; попытка разрабатывать благородные металлы въ Забайкальской странѣ, гдѣ два брата Тунгуса Аранза и Мака открыли руду еще въ 1626 году, попытка, которую дѣлало правительство при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, не имѣла успѣха (46).

Причины, почему Московская государственная власть получала такъ мало прибыли отъ неистощимыхъ богатствъ, скрывавшихся въ землѣ, заключались прежде всего въ незнакомствѣ русскихъ съ геогностическими свойствами обширныхъ странъ. Они, искрещивая эти земли, въ началѣ, въ большинствѣ случаевъ оставались въ совершенномъ невѣдѣніи относительно мѣсторожденій тѣхъ богатствъ, которыя были подъ ихъ ногами. Съ теченіемъ временъ они стали узнавать о руд-

---

(43) Доп. IV, 58.

(44) Тамъ же 83.

(45) А. И. V, 72; 267—269; 289. Доп V, 77; VI, 24.

(46) Сибирскій вѣстникъ 1819 года. см. въ статьѣ «о чудскихъ копяхъ» приложеніе.

ныхъ мѣсторожденіяхъ отъ туземцевъ ([47]), или случайнымъ образомъ. Но эти открытія были незначительны въ сравненіи съ тѣмъ богатствомъ, которое оставалось подъ спудомъ; съ другой стороны дѣло заключается не въ одномъ открытіи руднаго мѣсторожденія, но по преимуществу въ умѣньи воспользоваться должнымъ образомъ этимъ открытіемъ. Иностранцы, которыхъ правительство выписывало изъ за границы съ цѣлію разыскивать и разработывать рудники, не всегда удовлетворяли ожиданіямъ, которыя на нихъ возлагали: они отыскивали иногда руду, которая потомъ оказывалась негодною ([48]); при томъ они заботились часто больше объ удовлетвореніи своихъ нуждъ и даже прихотей, чѣмъ о возложенной на нихъ работѣ, и своимъ поведеніемъ отбивали у всякаго охоту служить при нихъ, помогать дѣлу. Такъ, напримѣръ, по отпискѣ Ивана Селина ([49]), посланнаго въ 1671 году вмѣстѣ съ иноземными рудознатными мастерами для руднаго дѣла, «иноземцы Крестьянъ Дробишъ и Карлусъ Риманъ, отпущенные къ серебряной рудѣ на спѣхъ, сыскивать серебряныя руды и плавить и въ иныхъ мѣстахъ провѣдывать, гдѣ серебряная руда есть,—ѣхали дорогою мѣшкотно,

---

([47]) Первыми свѣдѣніями своими о мѣсторожденіи рудъ русскіе обязаны инородцамъ; послѣдніе наводили искателей подземнаго богатства на рудныя мѣсторожденія. Желѣзную руду и ея плавку по рѣкамъ Ницѣ, Томи, Енисею указали русскимъ мѣстные дикари (Словцовъ. Историч. обозр. Сибири I, 158); самое начало выковки желѣза въ Сибири, положенное въ 1628 году, обязано указанію инородца: татаринъ, жившій при р. Ницѣ, объявилъ Туринскому воеводѣ, что нашелъ желѣзную руду въ болотистомъ мѣстѣ, на версту отъ этой рѣки; вслѣдствіе этого и основанъ Ницынскій заводъ (Поповъ, Хозяйственное описаніе Пермской губерніи I, 331). И въ послѣдствіи, въ XVIII столѣтіи, многіе богатые заводы обязаны своимъ возникновеніемъ указанію инородцевъ; такъ, напримѣръ, Тагильскій, Невьянскій, Гороблагодатскіе заводы возникли вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго мѣстными вогулами (Ж. М. П. П. 1857 г. т. XLIII, 271—272). Само правительство понимало, что безъ указанія со стороны туземцевъ нельзя обойтись въ дѣлѣ разыскиванія рудъ и потому, предписывая воеводамъ искать этого богатства, всегда рекомендовало имъ обращаться за помощію къ инородцамъ и сулить имъ за то великаго государя милость, льготы и жалованье (Доп. V, 36).

([48]) Словцовъ. Историч. обозр. Сибири. 209.

([49]) Доп. VI, 24.

съ большимъ прохладомъ, въ городахъ и дорогою стояли. Да они же, ѣдучи дорогою, проводниковъ били и увѣчили и на Шуйскомъ яму застрѣлили изъ пищали до смерти ямщика, и людямъ своимъ торговать табакомъ велѣли, и самовольствомъ своимъ у крестьянъ барановъ имали и по курямъ стрѣляли. Я, холопъ твой, въ томъ во всемъ ихъ озорничествѣ и въ непоспѣшеньѣ молчалъ за неволю, для того, чтобы ихъ иноземцевъ не разсердить и твоему бы Государеву дѣлу порухи не учинить. Да они же иноземцы на Верхотурскомъ волоку учали бить и увѣчить проводниковъ на смерть, и я, холопъ твой, видя ихъ озорничество, сталъ ихъ отъ такого дурна унимать, и капитанъ Риманъ мнѣ холопу твоему отказываетъ съ большимъ невѣжествомъ». Нѣтъ сомнѣнія, между иностранцами, пріѣзжавшими въ Россію были люди, которые не походили на описанныхъ нашихъ благодѣтелей, которые и знали горное дѣло и умѣли вести его почсловѣчески. «Иныхъ государствъ люди, дѣлаетъ замѣчаніе Котошихинъ ([50]), тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, сыскали бы, а не хотятъ къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, и потомъ ни во что ихъ промыслъ и заводъ поставятъ и отъ дѣла отлучатъ». Если такой отзывъ о правительствѣ, можетъ быть, не чуждъ преувеличеній, то вѣрно то, что правительство, жаждавшее обогащенія посредствомъ разработки рудъ и дозволявшее на извѣстныхъ условіяхъ и частнымъ лицамъ отыскивать и разработывать рудники, само, какъ видно, не хотѣло дѣлать значительныхъ издержекъ на дѣло, гдѣ безъ риска обойтись невозможно». Всѣ тѣ, пишетъ Олеарій ([51]), которые объявляютъ о какихъ либо новыхъ изобрѣтеніяхъ, съ намѣреніемъ обогатиться, по большей части не имѣютъ успѣха и счастія при царскомъ дворѣ. Прежній царь хотя и принималъ разнаго рода изобрѣтенія, желая обогатить казну свою, но изъ опасенія остаться въ накладѣ въ случаѣ обмана или неудачи предпріятія, требовалъ, чтобы изобрѣтатель самъ на собственный счетъ свой начиналъ дѣло; если же онъ не въ состояніи былъ этого сдѣлать, то, подъ вѣрное поручительство, выдавалась ему небольшая сумма денегъ.

([50]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, стр. 78.

([51]) О состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ стр. 19 въ Арх. ист. и практ. свѣд. относ. до Россіи, изд. Н. Калачёвымъ кн. III. Спб. 1859 г.

Если предпріятіе удавалось, то изобрѣтатель получалъ награжденіе, въ противномъ случаѣ онъ, а не великій князь, долженъ былъ принимать на себя убытки». Такимъ же порядкомъ относилось правительство и къ частнымъ рудопромышленникамъ изъ иностранцевъ и, въ подтвержденіе этого, Олеарій приводитъ исторію, случившуюся съ однимъ голландскимъ купцомъ, который, начавъ искать золотую руду, не только разорился, но еще попалъ въ тюрьму, такъ какъ предпріятіе его не удалось и онъ не въ состояніи былъ выплатить въ казну взятыхъ изъ нея въ вспоможеніе денегъ. Казенное горное производство, кромѣ обозначенныхъ выше причинъ, страдало еще и отъ того, что правительство иногда отрывало людей свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ отъ ихъ занятій, поручая имъ другія работы. Такъ Пыскорскій мѣдиплавилепный заводъ на р. Кикмаркѣ, долженъ былъ пресѣчь свои дѣйствія потому именно, что тамошніе мастера, иностранцы и русскіе, были отозваны правительствомъ въ Москву, около 1656 года, для того, чтобы воспользоваться ихъ знаніями въ предпринятой тогда осадѣ города Риги (52).

Изъ всего сказаннаго въ этой статьѣ дѣлаю слѣдующій выводъ: тотъ отдѣлъ великаго поземельнаго богатства, доставшагося московской государственной власти, который, чтобы овладѣть имъ, требуетъ особенныхъ трудовъ и подготовки, не дался ей и, если дался, то въ ничтожномъ количествѣ: отъ виподѣлія, шелководства и горнозаводскаго дѣла въ инородческихъ земляхъ была для правительства пустая прибыль; съ этихъ земель оно, отъ этого колоссальнаго богатства,—своими московскими средствами, не заставляя трудиться для себя поддапныхъ, получало въ довольномъ количествѣ лишь то, добываніе чего не требовало ни знаній особенныхъ, ни усилій съ ея стороны. Но и эта прибыль окажется незначительною, если взять въ расчетъ великость капитала, который достался Москвѣ въ распоряженіе. Правительство Московское не могло не понять это и въ тоже время не могло не желать увеличенія прибыли: «стараться, чтобы казнѣ было какъ можно прибыльнѣе»—было девизомъ царей московскихъ, исходнымъ пунктомъ ихъ дѣятельности по отношенію къ инородческимъ землямъ. Но какъ этого можно было достигнуть? Знаній, которыя бы могли помочь въэтомъ дѣлѣ и выгоды которыхъ

(52) Хозяйственное опис. Пермской губ. I, 332.

сознавали въ Москвѣ, не было въ ея распоряженіи въ достаточномъ количествѣ; оставалось правительству довольствоваться тою прибылью съ инородческихъ земель, которая давалась ему въ руки сама собою и добывалась по прежней безхитростной вотчинной системѣ хозяйства? Но оно хотѣло большаго. Тутъ какъ? Если бы страна была заселена густо, если бы охотниковъ пользоваться землею на извѣстныхъ условіяхъ было вдоволь, если бы при этомъ безъ затрудненій можно было слѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ условій: тогда бы цѣль достигалась безъ дальнихъ затѣй; такъ было, когда владѣнія Московскаго государя заключались въ одной московской вотчинѣ: тогда охотниковъ пользоваться землею князя было довольно, тогда и по незначительному пространству его земель, и по сосредоточенности ихъ въ одномъ пунктѣ удобно ему было брать съ нихъ доходъ службою, оброками и проч. Но съ расширеніемъ поземельной собственности Московскаго государя такая система хозяйства оказывалась непригодною: земли прибывало неизмѣримо больше, чѣмъ сколько требовалось для народонаселенія; огромныя пространства ея должны были необходимо лежать пустыми и потому не могли приносить никакой прибыли собственнику ихъ; да и тѣ земли, которыя были заняты, не всегда давали казнѣ вѣрную прибыль; потому что у правительства недоставало средствъ заставить людей, которые занимали тѣ или другія земли, исполнять условія, которыми они были обязаны по отношенію къ собственнику—казнѣ. Согнать съ земли? но это мало значило для нихъ: они и сами уходили въ другія мѣста и селились въ нихъ, не спрашивая собственника, который часто и не подозрѣвалъ существованія новыхъ мѣстъ поселенія. Когда такимъ образомъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія территоріи Московскаго государства, цѣнность земли упала; когда у государственной власти—собственника ея, не было достаточно ни умственныхъ, ни матеріальныхъ средствъ извлекать изъ нея соразмѣрную прибыль; когда прежняя система извлеченія изъ земли прибыли—посредствомъ отдачи ея частнымъ лицамъ и общинамъ въ пользованіе или владѣніе на извѣстныхъ, *добровольно* принимавшихся послѣдними, условіяхъ,—оказалась непригодною для этой цѣли: тогда появилось ученіе о необходимости *заставить* поддапныхъ пользоваться землею и приносить за это прибыль казнѣ, заставить путемъ насильственнаго прикрѣпленія ихъ къ землѣ. Замѣчательно то, что

усердіе, съ какимъ проводилось въ жизнь это страшное ученіе, росло по мѣрѣ того, какъ расширялись владѣнія Московскаго государя; каждое новое пріобрѣтеніе усиливало рвеніе правительства на этомъ пути: первая, рѣшительная попытка въ этомъ направленіи, слабые начатки котораго обнаружились гораздо ранѣе, сдѣлано правительствомъ одновременно съ завоеваніемъ Сибирскаго царства; окончательное закрѣпленіе народа при Петрѣ I, его ревизія совпадаютъ съ временемъ завоеванія и подчиненія русской власти далекой окраины Сибири — Камчатки. Это совпаденіе повидимому разнородныхъ фактовъ не случайно; оно указываетъ на то, что развитіе крѣпостнаго права находилось въ прямомъ отношеніи къ увеличенію поземельнаго богатства государства, что первое было результатомъ послѣдняго. Русскій человѣкъ дорого поплатился за свое торжество надъ инородцемъ. Но и инородецъ не избѣжалъ положенія своего побѣдителя. Государственная власть и къ его труду отнеслась точно также, какъ и къ труду русскаго поддаинаго.

---

3) Отношеніе верховной государственной власти къ труду инородцевъ.

Было бы весьма неосновательно думать, что Московская государственная власть смотрѣла на инородцевъ какъ на рабовъ въ полномъ значеніи этого слова. Въ глазахъ ея покоренные народы были ни лучше, ни хуже поддаиныхъ ея славянскаго происхожденія; она видѣла въ нихъ только людей различнаго съ русскими происхожденія и потому подъ-урядъ вмѣстѣ съ людьми, приходившими въ Россію съ Запада, называла ихъ иноземцами. Но племенное различіе, въ глазахъ Москвы, составившейся изъ разныхъ ордъ людей (53), не имѣло такой важности, какую придавали ему древнія цивилизованныя государства, да многія и изъ новыхъ, отдѣляя людей побѣжденныхъ отъ господствовавшей породы особыми правами. Доказательствомъ тому служитъ можетъ то обстоятельство, что въ Судебникахъ, изданныхъ Московскою властію, не сдѣ-

(53) Лѣтописи русской литературы т. IV. см. статью Буслаева: Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія.

лано никакихъ отмѣнъ въ пользу коренныхъ ея поддапныхъ. Она смотрѣла на инородцевъ съ той же точки зрѣнія, съ какой относилась къ населенію и родовыхъ московскихъ областей, т. е. по ея воззрѣнію трудъ инородцевъ, какъ и русскихъ, долженъ быть ея собственностію и потому она считала себя въ правѣ поставить его въ извѣстныя условія, чтобы получить отъ того для себя прибыль. Были два главныя направленія, которыя она назначала труду своихъ поддапныхъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія: одни должны были служить государю, другіе поставлять кормъ для него и его служилыхъ людей.

а) **Служилые люди изъ инородцевъ.** Служилые царевичи; положеніе ихъ при дворѣ, надзоръ за ними, черты общественнаго и частнаго поведенія ихъ. Князья и мурзы, новокрещены, татары и тарханы, происхожденіе ихъ, количество и обязанности ихъ. Надзоръ за ними. Кормленіе ихъ. Помѣстныя и вотчинныя права служилыхъ инородцевъ по русскому законодательству. Характеръ услугъ ихъ государственной власти. Мусульмано-аристократическія движенія въ инородческихъ земляхъ противъ русскаго господства: сепаративныя стремленія въ Приволжьи; казанскіе мятежи; участіе въ приволжскихъ смутахъ Порты и Крыма. Судьбы ногайскихъ мурзъ. Калмыки. Борьба Кучюма съ русскими. Битва на Оби, 1598 года. Кучюмовичи и калмыки въ Сибири. Характеръ ихъ движеній противъ русской власти и ходъ ихъ. Мятежи въ Башкиріи.

—

Первый и по времени происхожденія и по своему значенію въ Москвѣ отдѣлъ служилыхъ людей изъ инородцевъ составляли царевичи. По своей численности этотъ отдѣлъ былъ весьма незначителенъ, и подъ конецъ московскаго періода нашей исторіи онъ совершенно исчезаетъ. Сюда относились только лица владѣтельныхъ фамилій прежнихъ царствъ: Казанскаго, Астрахапскаго, Сибирскаго, также у погасвъ, киргизъ-кайсаковъ. Къ этой же категоріи должны быть причислены потомки пермскихъ князей и нѣкоторыхъ владѣтельныхъ князей остяцкихъ и вогульскихъ поколѣній (54). Ца-

(54) Перечень пермскихъ князей см. Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ, Берха. 1821. стр. 84. О службѣ Остяцкихъ

ревичи пользовались большимъ почетомъ въ Москвѣ при дворѣ государя. На служебной лѣстницѣ Московскаго государства они занимали первое мѣсто (55); на актахъ, гдѣ требовалась подпись всѣхъ чиновъ государства, имена ихъ стоятъ впереди (56); во всѣхъ придворныхъ торжествахъ они были всегда на первомъ планѣ, кормъ имъ давался обильный; иные изъ нихъ получали значительныя вотчины. Служба ихъ заключалась въ военномъ дѣлѣ и многіе изъ нихъ во время походовъ занимали военачальническія мѣста. Кромѣ того, когда пріѣзжали въ Москву, то при дворѣ исполняли разныя почетныя должности; такъ, когда въ праздники царь отправлялся въ церковь, они вели его подъ руки. «Будучи честію выше бояръ,—говоритъ Котошихинъ,—царевичи въ думѣ ни въ какой не бываютъ и не сидятъ, потому что и сами они учинилися въ подданствѣ послѣ воинскаго времени недавнѣ, да и не въ обычай тому есть; также и опасеніе имѣютъ отъ нихъ всякое» (57). Объ очень понятномъ недовѣріи Московскаго правительства къ холопской преданности царевичей царю свидѣтельствуютъ слѣдующія мѣры его по отношенію къ этого рода служилымъ людямъ. Надъ ними учрежденъ былъ постоянный и тщательный правительственный надзоръ, о характерѣ котораго можно судить по слѣдующему указу, данному отъ 11 іюля 1651 года касимовскому воеводѣ (58): «и въ прежнихъ особыхъ наказахъ писано воеводамъ, которые были въ Касимовѣ, велѣно имъ беречь и развѣдывать того, чтобъ къ Касимовскому царевичу и его людямъ, изъ которыхъ бусурманскихъ государствъ или отъ Ногайскихъ людей и отъ Черемисы о какихъ дѣлѣхъ присылки или совѣта съ царевичевыми сенты и съ иными людьми совѣта же и ссылки не было и не скрали бы его никто; да будетъ что провѣдаетъ не пригожее дѣло, или ссылку съ кѣмъ, и ему о томъ писать къ государю къ Москвѣ тотчасъ. А которые по-

---

князей см. статью Абрамова «Введеніе христіанской вѣры у Берзовскихъ Остяковъ» стр. 9. въ Ж. М. Н. П. 1851. т. LXXII.

(55) Историч. обозр. Сибири, Словцова. I, 293. О Россіи въ ц. Алексѣя Мих. Котошихина 21.

(56) П. С. З. II, №№ 920; 931; 1207.

(57) О Россіи въ царств. Алексѣя Мих. стр. 21.

(58) II. С. З. I. № 65.

слы или послапники и гонцы кизильбашскіе и бухарскіе, юргенскіе и ногайскіе поѣдутъ къ Государю къ Москвѣ и отъ Государя съ Москвы Окою рѣкою, мимо Касимова: и ему того беречь накрѣпко, чтобы послы, посланники и гонцы и люди ихъ къ Касимовскому царевичу въ городъ не посылали и люди бы царевичевы къ нимъ не ходили и видѣться съ ними и разговаривать ни объ чемъ безъ государева указа не давать. А будетъ царевичь учнетъ о томъ приказывать къ нему Ивану, чтобы ему съ которымъ посломъ или посланникомъ или съ гонцомъ видѣться къ себѣ позвать или людей ихъ взять къ себѣ: и Ивану сказати, что у него о томъ государева указа нѣтъ, а безъ государева указа ему о томъ чинить не смѣть, да о томъ потому же отписать къ Государю. А объ всемъ Ивану будучи въ Касимовѣ, дѣлать по сему государеву указу, а мимо наказа ничего не дѣлать, и ся память держать у себя тайно, чтобы никто, опричь его, не вѣдалъ».—Эта недовѣрчивость правительства по отношеніи къ царевичамъ была безъ сомнѣнія причиною того, что ихъ не допускали жить въ тѣхъ областяхъ, гдѣ господствовали ихъ предки; обыкновенно ихъ держали или въ Москвѣ, или въ Касимовѣ и въ городахъ, находящихся недалеко отъ Москвы. Въ случаѣ подозрѣнія кого нибудь изъ нихъ въ измѣнническихъ замыслахъ посылали на житье въ отдаленные города; такъ въ 1641 году сосланъ былъ на Верхотурье князь Матвѣй великопермскій и велѣно было держать къ нему береженое, чтобы онъ къ калмыкамъ не ушелъ и къ Руси его никуда съ Верхотурья не пускали ([59]). Само собою видно, что особыхъ выгодъ отъ службы этого рода служилыхъ инородцевъ правительство и не расчитывало пріобрѣтать; во всякомъ случаѣ кормъ, который они получали за свою службу, далеко въ большинствѣ случаевъ превышалъ цѣнность послѣдней; правительство, случалось, отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не могло добиться никакого толку по неспособности ихъ къ служебной дѣятельности вслѣдствіе дурныхъ наклонностей. Такъ въ 1667 году государь нашелся вынужденнымъ Сибирскаго царя Петра Алексѣевича послать въ Савво-Сторожевскій монастырь для отрезвленія,—«отъ пьянства его вытрезвить съ большимъ береженьемъ и опасеньемъ, исподоволь, а не вдругъ» ([60]). Другіе царевичи на службѣ

([59]) А. И. III, 218.
([60]) А. А. Э. IV, 154.

своей позволяли себѣ дѣлать несправедливости людямъ, съ которыми приходили въ соприкосновеніе, чѣмъ наносили вредъ и правительству. Въ 1614 году Игуменъ вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря съ братіею такую принесъ жалобу на сибирскаго царевича Араслана Алеевича: «И послѣ того, Государь, литовскаго разоренья, пришелъ на Вологду для оберстанья сибирскій царевичъ Арасланъ Алеевичь съ дворяны и дѣтьми боярскими и съ татары и казаки, и учалъ на насъ нищихъ, твоихъ государевыхъ богомольцевъ кормы правити и мучить на правежѣ чрезъ весь день нещадно, а на ночь служекъ и крестьянецъ безъ рубашекъ велѣлъ сажати въ подполъ и и вверхъ ногами вѣшать и вымучилъ»... (слѣдуетъ перечень вымученнаго имущества) (61). Крестьяне Ширинги Ярославскаго уѣзда такъ жаловались царю Михаилу Ѳедоровичу на князя Артемія Шейдякова: «въ нынѣшнемъ въ 133 году, за недѣлю до Николина дни осенняго, пріѣхалъ тотъ князь Артемій изъ Москвы на твое царское жалованье, а въ свое помѣстье, къ намъ въ село Ширингу, и которые крестьянишки начали къ нему приходить на поклонъ съ хлѣбами, какъ у другихъ помѣщиковъ, тѣхъ началъ бить, мучить, на ледникъ сажать, татарокъ отъ некрещеныхъ татаръ началъ къ бѣ на постель брать и кормовыхъ татаръ началъ къ сесебѣ призывать; годовой денежный оброкъ противъ твоего государева указа взялъ весь сполна на 133 годъ, а отписей въ томъ оброкѣ не далъ, и когда мы станемъ ему объ этихъ отписяхъ противъ твоего государева указа бить челомъ, то онъ насъ бьетъ и мучитъ, а отписей намъ не даетъ; тотъ же князь Артемій правилъ на насъ кормовымъ татарамъ въ постъ столовые запасы, яловицъ, барановъ, гусей, куръ. Взявши на насъ свои оброчныя деньги всѣ сполна, уѣхалъ изъ села въ Ярославль, а съ собою взялъ некрещеную татарку, а въ Ярославлѣ взялъ другую русскую жонку Матрешку Бѣлошейку на постелю и въ праздникъ въ Николинъ день въ Ярославлѣ у себя на подворьѣ баню топилъ; живя съ этими жонками въ Ярославлѣ до Рождества Христова, игралъ съ ними зернью и веселыхъ держалъ у себя для потѣхи безпрестанно, оброчныя деньги, что на насъ взялъ, тѣмъ жонкамъ всѣ зернью пропгралъ, да веселымъ роздалъ, и платье съ себя

(61) Тамъ же III, 15.

все пропгралъ; проигравшись князь Артемій изъ Ярославля опять съѣхалъ въ село Ширингу накапунѣ Рождества Христова, а татарку и Матренку Бѣлошейку свезъ съ собою въ помѣстье, и пріѣхалъ на праздникъ Рождества Христова, баню у себя топилъ, а насъ сталъ мучить смертнымъ правежемъ въ другихъ оброчныхъ годовыхъ деньгахъ и доправилъ на насъ въ другой разъ черезъ твой государевъ годовой указъ 50 рублей денегъ да 40 ведръ вина, да для него же варили 10 варь пива, да на насъ доправилъ 10 пудъ меду; у которыхъ крестьянишекъ были нарочитыя лошадешки, тѣхъ лошадей взялъ онъ на себя. И мы, сироты твои, не перетерпя его немѣрнаго правежа и великой муки, разбрелись отъ него розно, а которые нарочитыя крестьянишки, тѣхъ у себя держитъ скованныхъ, и правитъ на нихъ рублей по пяти, по шести и по десяти на человѣкѣ; а по домамъ тѣхъ крестьянъ, которые разбрелись, посылаетъ кормовыхъ татаръ, которые нашихъ женъ позорятъ; животишки наши велитъ брать на себя, а иные печатать. Тотъ же князь Артемій прежнимъ своимъ служивымъ татарамъ деревни въ помѣстья роздалъ, и женѣ своей, княгинѣ Ѳедорѣ, также далъ двѣ деревни въ помѣстье; а которые прежде на того князя Артемія били челомъ тебѣ Государю въ его насильствѣ и немѣрномъ правежѣ объ указѣ, на тѣхъ крестьянишекъ онъ похваляется смертнымъ убойствомъ, хочетъ ихъ посѣкать своими руками» (62) Не смотря на такое безобразное поведеніе служилыхъ царевичей, которое, впрочемъ, условливалось отчасти тѣмъ, что они при избыткѣ корма и впѣшняго почета ни къ какому серьезному дѣлу не допускались и которое, надо еще замѣтить, было не рѣдкостью между вельможными людьми и русскаго происхожденія,—не смотря на это правительство не лишало ихъ того общественнаго и экономическаго положенія, которое имъ было усвоено; какъ видно изъ вышеприведенной жалобы крестьянъ села Ширинги, оно сквозь пальцы смотрѣло иногда на сумазбродство и неблаговидные поступки ихъ, и только, въ случаѣ неисправимости кого нибудь изъ нихъ, какъ на примѣръ сибирскаго царевича Петра Алексѣевича, лишало его своей милости. Правительство находило нужнымъ ихъ жаловать до поры до времени, чтобы чрезъ то ослабить въ нихъ охоту воспоминать о прежнихъ

(62) Соловьева Исторія Россіи т. IX, стр. 427.

временахъ утраченной ихъ фамиліями власти и независимости и дѣлать попытки къ возвращенію этой потери. Что оно считало ихъ къ тому склонными, это показываетъ достаточно правительственный надзоръ, который оно надъ ними учредило. Изъ дѣла велико-пермскаго князя Матвѣя, выше приведеннаго, видно, что и съ этой стороны оно опасалось тревоги, не смотря на то, что родъ этого князя около 150 лѣтъ былъ на службѣ московской. Однимъ ихъ важнѣйшихъ средствъ къ тому, чтобы сдѣлать безвредными для себя этихъ царевичей, оно почитало обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру. Хотя правительство во время Ивана Грознаго и послѣ него усердно старалось убѣдить своихъ сосѣдей, что оно не приневоливаетъ царевичей къ перемѣнѣ ихъ отческой вѣры на православную ([63]): но едва ли можно безусловно принять это его увѣреніе. Правда оно не воздвигало на нихъ гоненія за вѣру; но за то оно видимо отличало тѣхъ, которые принимали крещеніе: за отступленіе отъ поганства оно прибавляло жалованья, женило на выгодныхъ невѣстахъ русскаго происхожденія, освобождало отъ наказанія, которому неминуемо бы подвергся царевичъ, если бы не крестился. Такъ послѣдній казанскій царь спасъ свою жизнь только принятіемъ крещенія. Въ интересахъ Московской власти было желать, чтобы царевичи крестились: ибо чрезъ то они сами себя лишали права притязанія на владычество надъ не-христіанами, бывшими подданными ихъ, такъ какъ власть ихъ прежняя условливалась между прочимъ одновѣріемъ ихъ съ господствовавшимъ классомъ общества: чрезъ это же они

([63]) Такъ, отправляя въ 1570 году Новосильцева посломъ къ Султану Турецкому, царь Иванъ IV приказывалъ ему сказать между прочимъ султанскимъ вельможамъ: «Мой государь не есть врагъ Мусульманской вѣры. Слуга его царь Саинъ-Булатъ господствуетъ въ Касимовѣ, царевичь Кайбула въ Юрьевѣ, Ибакъ въ Сурожикѣ, князья Ногайскіе въ Романовѣ: всѣ они свободно и торжественно славятъ Магомета въ своихъ мечетяхъ: ибо у насъ всякой иноземецъ живетъ въ свой вѣрѣ; Государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ вѣры не нудитъ и мольбищъ ихъ не рушитъ. Въ Кадомѣ, въ Мещерѣ многіе приказные государевы люди мусульманскаго закона. Если умершій (1565 г.) царь Казанскій Симеонъ, если царевичь Муртоза сдѣлались христіанами: то они сами желали, сами требовали крещенія. Карамз. Ист. Гос. Рос. I, 105. Изслѣдов. о Касим. царяхъ и царевичахъ II, 1—2. 83.

долженствовали мало по малу смѣшаться съ прочими служилыми людьми Московскаго государства. Съ другой стороны, и сами царевичи не могли не желать перемѣны вѣры. Они не могли не чувствовать жалость роли, имъ назначенной; не могли не видѣть пустоту прежнихъ ихъ титуловъ, оставленныхъ за ними, и того внѣшняго почета, которымъ ихъ окружали въ Москвѣ; единственный былъ для нихъ путь къ выходу изъ этого тяжелаго положенія,—покончить съ своимъ прошлымъ, распроститься съ фамильными преданіями, войти въ кругъ московскаго боярства чрезъ принятіе вѣры побѣдителей. Они такъ и дѣлали, и мало по малу роды ихъ или выродились, или исчезли въ массѣ служилаго класса государства.

Съ бо́льшимъ упорствомъ удерживали черты своей національности инородцы, принадлежавшіе къ другому отдѣлу служилыхъ инородцевъ. На оффиціальномъ языкѣ Московскаго правительства въ этотъ отдѣлъ входили, какъ его подраздѣленія, слѣдующія части: *князья и мурзы, новокрещеные, и татары.* Сюда же часто относились, какъ особый видъ служилыхъ инородцевъ, *тарханы.* Подъ именемъ *князей и мурзъ* нужно разумѣть здѣсь только тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ татарскимъ царствамъ: Казанскому, Астраханскому, Сибирскому, ногайскимъ ордамъ, и притомъ такихъ, которые относились къ господствовавшему сословію въ каждомъ изъ этихъ общественныхъ союзовъ. Потому что племенные князья, старѣйшины - родоначальники, какъ по эту такъ и въ особенности по ту сторону Камня, не вошли въ составъ служилаго класса Московскаго государства, а отнесены были вмѣстѣ съ массою инородческаго народонаселенія къ другому разряду—ясачныхъ. Эти послѣдніе князья, какъ и всякой простой инородецъ, могли поступать въ разрядъ тархановъ, чего могли достигнуть особыми услугами правительству; такъ тарханствомъ, о которомъ ниже скажу нѣсколько подробнѣе, пользовались башкирскіе княжескіе роды, на примѣръ, Аптуловы, Турумбетевы, Девлетлипы, Кулюковы (64); или же выдѣлялись они изъ массы инородческаго населенія путемъ об-

(64) Источники для изученія тарханства жалованнаго башкирамъ русскими государями. Изд. В. В. Вельяминовъ—Зерновъ. Стр. 18. помѣщ. въ «Запискахъ Импер. Академіи наукъ. т. IV, кн. II въ приложеніи. Спб. 1864 г.

ращенія къ христіанству, при чемъ правительство верстало ихъ въ служилый классъ, какъ и русскихъ, въ извѣстныя статьи, по своему усмотрѣнію. *Новокрещеные* такимъ образомъ далеко не всѣ причислялись къ корпусу служилыхъ инородцевъ. Ибо одни изъ нихъ размѣщались по разнымъ другимъ отдѣламъ служилаго класса Московскаго государства, верстаны были въ стрѣльцы, въ казаки; такъ напримѣръ, въ 1603 году царь Борисъ Годуновъ новокрещеныхъ чусовскихъ вогуличей Бай-мурзу, Кулака да Казака Артыбашевыхъ, да тагильскаго вогулятипина Обайтка Комаева повелѣлъ, давъ имъ изъ казны жалованья, для крещенья, первому пять рублей да сукно и тафту добрыя, а остальнымъ по три рубля и по сукну доброму, поверстать въ стрѣльцы на выбылыхъ стрѣльцовъ мѣсто (65); нѣкоторые новокрещеные не поступали вовсе въ служилые, оставаясь въ отдѣлѣ ясачныхъ (66); и наконецъ только немногіе новокрещеные входили въ этотъ особенный корпусъ служилаго класса Московскаго государства,— въ корпусъ служилыхъ инородцевъ. Вѣроятно эта часть служилаго инородческаго сословія была позднѣйшаго образованія и порождалась не вслѣдствіе присоединенія новокрещеныхъ къ этому классу, а вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ этого класса, числясь уже въ немъ, принимали крещеніе и за тѣмъ оставались его членами. Главнѣйшее звѣно этого класса, по всей вѣроятности, составляли князья и мурзы; прочія же подраздѣленія его были позднѣйшаго происхожденія и образовались или вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, какъ новокрещеные, или внѣшняго вліянія, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ инородцевъ, которые не имѣли благороднаго происхожденія и которые, составивъ особую статью въ этомъ классѣ, на оффиціальномъ языкѣ отмѣчались названіемъ *татаръ*. Этихъ послѣднихъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ тѣми татарами, которые были верстаны въ стрѣльцы и въ казаки и которые потому сливались съ служилыми людьми русскаго происхожденія, ни съ тѣми, которые несли службу временно, составляя особое ополченіе во время войны и по окончаніи ея расходясь по домамъ; упоминаемые здѣсь татары разумѣются тѣ, которые, составляя часть постояннаго служилаго инородческаго класса, не смѣшивались съ служи-

(65) А. И. II, 43.

(66) Доп. VIII, 89.

лыми людьми русскаго происхожденія и въ тоже время не несли, кромѣ службы, никакихъ податей и не отправляли никакихъ повинностей, получая кормъ отъ правительства, точно также, какъ и князья и мурзы. Не трудно отгадать, почему послѣднихъ отнесло правительство въ разрядъ людей служилыхъ, кормовыхъ: правительство находило нужнымъ отличить чѣмъ нибудь вліятельныхъ людей въ прежнихъ татарскихъ царствахъ—князей и мурзъ, изъ которыхъ нѣкоторые были пособниками ему въ дѣлѣ покоренія этихъ царствъ власти Московской; съ другой стороны на вѣрность ихъ новой для нихъ власти полагаться было нельзя и нужно было поэтому поставить ихъ въ такое положеніе, при которомъ съ большимъ удобствомъ можно бы было слѣдить за ними, чѣмъ если бы они оставались въ прежнемъ своемъ положеніи; помѣстивъ ихъ въ разрядъ служилыхъ, правительство имѣло возможность достигнуть обѣихъ цѣлей; труднѣе опредѣлить, по какимъ побужденіямъ правительство увеличивало служилый инородческій классъ еще *татарами*, т. е. людьми, не принадлежавшими къ аристократіи прежнихъ татарскихъ царствъ. Вѣроятно тѣ побужденія, которыми оно руководилось относительно князей и мурзъ, имѣли и тутъ мѣсто: потому что между простыми инородцами были люди, которые пользовались въ народѣ не меньшимъ князей и мурзъ вліяніемъ по своему богатству или личнымъ качествамъ и которыхъ потому слѣдовало задобрить и взять подъ присмотръ; были, несомнѣнно, такіе, которые оказали какія либо услуги правительству и которыхъ потому нужно было вознаградить, отличить отъ инородческой массы: такъ въ Тюмени фамилія татарская Матмасовыхъ поступила въ разрядъ служилыхъ кормовыхъ татаръ и получила вотчину за содѣйствіе въ построеніи городовъ Тобольска, Тюмени и Тары, которое оказалъ ихъ отецъ (67). Но несомнѣнно и то, что, увеличивая инородческій служилый классъ людьми простыми, правительство имѣло въ виду извлечь изъ того положительную для себя выгоду, воспользоваться ихъ трудомъ для своихъ цѣлей. Такъ въ 1648 году изъ Темниковскаго уѣзда, изъ разныхъ деревень, переведены были изъ тяглыхъ жеребьевъ нѣкоторые мордовцы въ Инсарскій уѣздъ и приверстаны на службу оберегать засѣчныя крѣпости на Сурской дорогѣ, гдѣ былъ при-

(67) Доп. III, 51.

ходъ погайскимъ людямъ, дано было имъ оружіе и поселены были они близъ засѣчныхъ крѣпостей на р. Лухпѣ ([68]).

Тарханы, о которыхъ имѣемъ немного извѣстій, судя по имѣющимся данпымъ, собственно не принадлежали къ служилымъ людямъ въ томъ смыслѣ, какъ понимали это въ Москвѣ; они составляли нѣчто среднее между служилымъ и ясачнымъ или тяглымъ инородцемъ. Подобно первому тарханы обязаны были нести службу воинскую, вслѣдствіе чего въ разрядныхъ книгахъ помѣщаются они въ числѣ служилыхъ инородцевъ, но не получали за службу опредѣленнаго корма; какъ и всѣ ясачные и тяглые люди, тарханы жили на однихъ съ ними земляхъ, занимались тѣмъ же, чѣмъ и тѣ, имѣли однихъ властей, различаясь отъ нихъ тѣмъ, что не платили ясака или подати. По оффиціальному изслѣдованію вопроса о тарханахъ въ Башкиріи, сдѣланному въ 1777 году, тарханы имѣли вообще такія права и обязанности ([69]): «тарханы имѣли преимущество противъ башкирцевъ въ томъ, что тарханъ разумѣется служилый башкирецъ, а не ясашникъ, и для того предъ ясашниками они въ почтеніи, и то по своему обычаю паче жалованья себѣ въ награжденіе ставили. Сей у нихъ заслуженой чинъ однимъ давался вѣчно дѣтямъ и внучатамъ, а другимъ на одну персону, и всегда, когда на службу нарядъ бывалъ, то тарханы первые служить одолжались. Тарханы имѣли вольность предъ ясашниками въ томъ, что они, гдѣбъ хотѣли землею владѣть, сѣна косить и рыбу ловить въ томъ ясашники спорить не могли, токмо до бортныхъ угодей и бобровыхъ гонъ не касались; однакожъ по нынѣ тотъ обычай у нихъ вышелъ, понеже всякъ имѣетъ земли и угодей довольно. Кто изъ ясашниковъ пожалованъ былъ въ тарханы тотъ самъ съ себя ясаку не платилъ, котораго самая малая часть бралась, или лисица въ 80, или куница въ 40, или батманъ меду въ 90 копѣекъ со двора». Вѣроятно тарханы, находившіеся и въ другихъ инородческихъ земляхъ, имѣли одинаковое съ башкирскими значеніе.

([68]) Когда въ 1677 году начали здѣсь дѣлать валъ отъ Пензы города по Пензенской чертѣ до Ломовской Засѣки, тогда они стали проситься въ тягло, на что въ 1680 году правительство и согласилось. Доп. VIII, 47.

([69]) Источники для изученія тарханства. Зап. Имп. Ак. наукъ. 1864 т. IV кн. II въ прилож. стр. 47—48.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго выходитъ, что инородцы, отъ которыхъ правительство требовало службы и этимъ путемъ желало получить себѣ прибыль, раздѣлялись на три категоріи: 1) служившихъ вмѣстѣ и подъ урядъ съ русскими; 2) на служившихъ отдѣльно отъ русскихъ служилыхъ людей и составлявшихъ особый отдѣлъ служилаго класса въ Московскомъ государствѣ и 3) тархановъ, которыхъ впрочемъ можно считать частію этого послѣдняго разряда.

Мы не имѣемъ возможностя опредѣлить числа инородцевъ, поступавшихъ въ первую категорію, такъ какъ извѣстій объ этомъ нѣтъ. Съ достовѣрностію можно сказать только то, что такой видъ служебной дѣятельности инородцевъ преобладалъ въ Сибири; тамъ, если правительство кого хотѣло выдѣлить изъ массы ясачныхъ и причислить къ служилымъ людямъ, то верстало въ стрѣльцы или казаки и подчиняло одинаковымъ съ ними условіямъ. Послѣднія двѣ категоріи служилыхъ инородцевъ преобладали по сю сторону Камня, и число ихъ, а равно распредѣленіе по областямъ Разрядныя книги представляютъ, за 1625 годъ, въ такомъ видѣ ([70]):

Въ Теркѣ . . .	328,	въ томъ числѣ черкасскихъ мурзъ 5.
— Астрахани . . .	2900	
— Казани . . .	302	
— Лаишевѣ. . .	130	вмѣстѣ съ плѣнными.
— Уфѣ	5,	не считая тархановъ, которыхъ, судя по матеріаламъ, изданнымъ г. Вельяминовымъ-Зерновымъ, было въ началѣ XVIII вѣка 207 семействъ.
Въ Свіяжскѣ . .	226,	въ томъ числѣ новокрещеныхъ 23.
— Чебоксарахъ .	64,	въ томъ числѣ новокрещеныхъ 29, тархановъ 35.
— Кузьмодемьянскѣ	29,	въ томъ числѣ новокрещеныхъ 18, тархановъ 11.
— Ядринѣ . . .	23	
— Санчурскѣ . .	42	въ томъ числѣ новокрещеныхъ 38, тархановъ 4.
— Яранскѣ . . .	7	въ томъ числѣ новокрещеныхъ 3, тархановъ 4.

([70])

Въ Царевококшайскѣ	34	
— Цивильскѣ. . .	67	
— Кокшайскѣ . .	6	тархановъ.
— Курмышѣ. . .	158	въ томъ числѣ тархановъ 30.
— Алатырѣ . . .	407	
— Темниковѣ . .	383	
— Кадомѣ . . .	260	
— Касимовѣ . .	431	
— Арзамасѣ . .	216	
— Ярославлѣ . .	17,	въ томъ числѣ повокрещеныхъ 11, мурзъ 5, татаръ 1.
— Новгородѣ . .	61	
— Тобольскѣ . .	296	въ томъ числѣ повокрещеныхъ 32.
— Тюмени . . .	75	
— Тарѣ	60	
— Томскѣ . . .	132	
Всего. . .	6659.	

Способы и правила, которымъ правительство слѣдовало въ пользованіи службою этихъ служилыхъ людей, были таковы: Во время походовъ служилые инородцы составляли особые отряды въ войскѣ, къ нимъ присоединялось и ополченіе, набравшееся съ тяглыхъ и ясачныхъ. Начальство надъ ними всегда поручалось русскимъ, *головамъ* (57). Да и въ мирное время они не освобождались отъ вліянія головъ, особенно тамъ, гдѣ число ихъ было значительно или гдѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, представлялось болѣе искушеній для ихъ вѣрности Московскому государю. По обязанностямъ, которыя правительство возлагало на такихъ головъ, можно судить какими способами оно надѣялось извлечь себѣ прибыль отъ служилыхъ инородцевъ. Голова велъ списки служилыхъ та-

(57) Такъ, напримѣръ, въ Разрядныхъ 1579 года значится: «съ царевымъ (царя Касимовскаго) дворомъ голова былъ съ татары Юрій Ивановъ Аксаковъ. У Сейтова двора былъ голова князь Григорій Каркадиновъ. У Ногайскихъ князей и мурзъ голова князь Петръ, княжъ Ивановъ сынъ Борятинскій. У Свіяжскихъ татаръ голова князь Иванъ княжъ Михайловъ сынъ Чермной Борятинскій. У Казанскихъ татаръ голова Пикифоръ Павловъ сынъ Чепчюговъ. У Чебоксарскихъ татаръ голова Ѳедоръ Туровъ Левашевъ. У Горные Черемисы голова Аѳанассій Шетневъ. У Луговые Черемисы голова Аѳонассій Ѳедоровъ сынъ Загряской Старой». См. Изслѣдов. о Касим. царяхъ и царевичахъ. II, 82.

таръ, «для того, чтобы въ юртахъ всѣ были явны»; онъ «вѣдалъ ихъ во всѣмъ и долженъ былъ беречь накрѣпко, чтобы имъ татарамъ ни отъ кого обиды и наспльства и продажи и безчестья и убытковъ не было; а кто юртовскаго татарина изобидитъ, онъ долженъ былъ сказывать о томъ воеводѣ съ товарищами». Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы татары изъ юртовъ не бѣгали и, если нужно имъ по своимъ дѣламъ куда отъѣзжать, не ѣздили бы безъ проѣзжихъ грамотъ и безъ подписныхъ челобитенъ; онъ обязанъ былъ смотрѣть за торговою дѣятельностію ихъ, не позволять торговать имъ хлѣбомъ, который они могли покупать только для себя; смотрѣть, чтобы пригоняемый къ нимъ скотъ изъ степей плтпали а пошлинъ по жалованной грамотѣ Великаго Государя не имали. Въ случаѣ, если бы въ юрты привезены были узорочные товары, соболи и лисицы черныя, или шубы собольи и кунын, и жемчугъ и каменье дорогое, и цѣпи золотыя и серебряныя, или окладни, или перстни золотые съ каменьемъ дорогимъ, или платье золотое, или полотенца толстыя или тонкія отличныя, или птицы, соколы и кречеты и ястребы бѣлые, онъ обязанъ былъ приказать цѣловальникамъ тѣ товары имать и приносить въ приказную избу къ воеводѣ, чтобы тамъ выбрать, что пригодно для казны и заплатить за то деньгами по прямой цѣнѣ, чего которые товары стоятъ; онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы торгъ ихъ съ русскими и съ пріѣзжими татарами не происходилъ нигдѣ, кромѣ указанныхъ мѣстъ, дабы отъ того таможенной пошлинѣ убыли не было, чтобы торговцы, какихъ бы чиновъ ни были, въ юрты брагъ пить и товаровъ покупать не ходили; ослушниковъ онъ долженъ былъ чрезъ цѣловальниковъ хватать и приводить на расправу къ воеводѣ. Долженъ былъ напстрожайше слѣдить, чтобы никто изъ пріѣзжихъ, «которые не подвластны царю, иноземцевъ не былъ въ юртахъ, и тѣхъ, кто будетъ принимать къ себѣ въ юртъ такихъ людей, обязанъ былъ имать и приводить въ приказную избу». Самому, будучи въ юртахъ, развѣдывать подъ рукою про Турскаго царя, Крымскаго хана и про Бухарскаго, и про Большой Ногай, и про Казыевъ улусъ, нѣтъ ли въ комъ какой шатости, или какого дурнаго умышленья, и обо всемъ сказывать воеводѣ. Наконецъ, головѣ дано было право суда надъ татарами, и онъ обязанъ былъ судить въ правду, по крестному цѣлованью, посуловъ и поминокъ не имать, и не жесточить ихъ

ничѣмъ, и по суду своему всякія дѣла вершить, а съ судныхъ дѣлъ пошлинъ и пересуду и праваго десятку не имать; о всякихъ и спорныхъ дѣлахъ обязанъ былъ докладывать воеводѣ, а табунныхъ головъ и мурзъ ни въ какихъ дѣлахъ не судить, а долженъ былъ во всемъ ихъ беречь и ласку и привѣтъ и береженье къ нимъ держать и во всемъ обнадеживать ихъ царскою милостію, чтобы имъ повадно было изъ Ногаевъ и иныхъ государствъ братью свою и дѣтей и племянниковъ въ юрты призывать (72).

Но одинъ полицейскій надзоръ за служилыми татарами, какъ бы онъ тщательно ни былъ веденъ, не въ состояніи былъ сдѣлать ихъ вѣрными и полезными слугами государя. Поставляя поведеніе ихъ и трудъ въ отмѣченныя границы, правительство въ то же самое время сознавало, что для достиженія этой цѣли необходимо «держать къ нимъ ласку и привѣтъ и во всемъ обнадеживать ихъ царскою милостію, или, что тоже, добиться того, чтобы они находили для себя выгоднымъ подчиняться этимъ ограниченіямъ. Само собою разумѣется, однихъ обѣщаній царскихъ милостей было для того недостаточно. Необходимо было доставлять имъ осязательныя выгоды.

Это производилось тремя способами, а именно: посредствомъ жалованья, или временныхъ наградъ, постояннаго жалованья денежнаго и хлѣбнаго и раздачи помѣстій и вотчинъ. Всѣ эти три вида вознагражденія за служебный трудъ инородцевъ или три формы кормленія служилыхъ могли совмѣстно примѣняться по отношенію къ извѣстному служилому инородцу. Но вслѣдствіе особенныхъ географическихъ и историческихъ условій въ различныхъ инородческихъ странахъ была въ бо́льшемъ употребленіи какая нибудь одна изъ этихъ формъ. Въ Нижнемъ поволжьи, гдѣ татарскіе мурзы и простые служилые татары могли добывать и дѣйствительно добывали себѣ средства къ жизни отъ скотоводства, или отъ торговли, или отъ того и другаго занятія вмѣстѣ, отъ котораго они мало отрывались, такъ какъ служба ихъ, по причинѣ отдаленности страны отъ Москвы, и не выходила изъ предѣловъ этой страны,—въ нижнемъ поволжьи правительство находило возможнымъ примѣнять къ дѣлу только первую форму кормленія да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ.

(72) Доп. IV, 108; VII, 52.

Такъ изъ выписки астраханскихъ посольскихъ дѣлъ о царскомъ жалованьи татарскимъ мурзамъ за ихъ службу видно, что оно отъ 1639 по 1647 годъ израсходовало на награды имъ подарковъ не болѣе, какъ 300 рублей (73). Постоянныя выдачи денежнаго и хлѣбнаго жалованья производились наиболѣе тѣмъ служилымъ инородцамъ, которые верстаны были въ стрѣльцы и въ казаки, и по преимуществу въ Сибири, гдѣ, по обстоятельствамъ и времени и и мѣста, другія формы кормленія были неудобны. Кормъ посредствомъ раздачи помѣстій и вотчинъ правительство давало по преимуществу тѣмъ служилымъ инородцамъ, которые принадлежали къ прежнему Казанскому царству, такъ какъ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ кормиться такимъ способомъ было уже за обычай и равно тѣмъ вообще, которыхъ правительство находило нужнымъ переселять во внутреннія свои области.

Очевидно, первая изъ формъ кормленія служилыхъ инородцевъ была всего менѣе обременительна для правительства. Дача постоянная имъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья конечно не обходилась безъ затрудненій для правительства. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ служилые инородцы, а равно какъ и русскіе служилые люди, иногда не получали опредѣленнаго содержанія вовсе или, если получали, то въ меньшихъ противъ назначеннаго размѣрахъ. Обстоятельства эти были: отдаленность мѣстъ служенія отъ центральнаго управленія, случайности на пути доставленія жалованья, физическія бѣдствія, общественныя неустройства въ государствѣ, недобросовѣстность чиновниковъ, которымъ поручалась раздача жалованья (74). Какъ ни много отъ этихъ и другихъ обстоятельствъ страдала служба (75), какъ ни сильны были неудовольствія получавшихъ отъ правительства кормъ такимъ спосо-

---

(73) А. И. IV, 56.

(74) А. И. II, 261, 94; III, 119. Доп. IV, 12; 116; 132.—Сибир. Лѣтоп. Спасскаго, стр. 49.

(75) По грамотѣ царя Василія Шуйскаго, вслѣдствіе того, что изъ поморскихъ городовъ не было прислано въ Сибирь хлѣбныхъ запасовъ,—«въ сибирскихъ городахъ служилые люди помирали голодною смертію и городы хотѣли помотать и брести съ женами и дѣтьми на Русь» А. И. II, 261.

бомъ, все же этотъ способъ кормленія имѣлъ преимущество предъ послѣднимъ видомъ его,—кормленіемъ посредствомъ раздачи помѣстій и вотчинъ; ибо не велъ за собою по крайней мѣрѣ столкновенія частныхъ интересовъ: служилые люди какъ изъ инородцевъ, такъ и изъ русскихъ, получая хлѣбное и денежное жалованье, входили въ соприкосновеніе съ чиновниками, вѣдавшими царскую казну; неудовольствія ихъ, возникавшія вслѣдствіе того, что не всегда доставался кормъ сообразно съ назначенною мѣрою, не переходили за черту служилаго міра, не влекли за собою непосредственно неудовольствій въ другихъ сферахъ общества. Другое дѣло—кормъ служилыхъ инородцевъ посредствомъ раздачи помѣстій и вотчинъ. При этомъ, наиболѣе любимомъ Московскимъ правительствомъ, способѣ кормленія, не обходилось безъ затрудненій и тогда, когда вопросъ касался только границъ поземельныхъ участковъ, дававшихся за службу служилымъ инородцамъ на вотчинномъ или помѣстномъ правѣ: потому что, вслѣдствіе патріархальнаго способа намѣчать границы этихъ участковъ знаками, легко исчезающими, а также вслѣдствіе общественныхъ неустройствъ эти границы то съуживались, то расширялись совершенно вопреки первоначальному правительственному опредѣленію; случалось, что земли отъ законнаго владѣльца переходили къ другому, который успѣвалъ, пользуясь извѣстными обстоятельствами, оттягать ихъ себѣ; являлись безконечные и ожесточенные споры (76); помѣщики и вотчинники, которые проигрывали въ такихъ спорахъ, отказывались служить на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ корму. Но главное затрудненіе для правительства здѣсь заключалось въ опредѣленіи отношеній вотчинниковъ и помѣщиковъ къ тяглымъ людямъ, сидѣвшимъ на земляхъ, которыя отдавались въ помѣстья и вотчины, и особенно, разумѣется въ томъ случаѣ, когда первые были не христіанскаго исповѣданія, а вторые исповѣдывали православную вѣру; тутъ мірскіе расчеты власти приходили въ столкновеніе съ православнымъ чувствомъ, которое не допускало, чтобы хри-

(76) Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ писалъ въ 1681 году: «Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ помѣстьяхъ и вотчинахъ и въ земляхъ и въ лугахъ и во всякихъ угодьяхъ межъ помѣщиками чинятся по прежнему споры и ссоры многія, и за то у нихъ и нынѣ чинятся бои и грабежи, а у иныхъ на тѣхъ спорныхъ земляхъ и угодьяхъ чинятся и смертныя убойства». П. С. З. II, 866.

стіанинъ служилъ поганому. Понятно, что это чувство должно было сильно заговорить тогда, когда стало совершаться прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и когда прикрѣпленные стали мало по малу сливаться съ холопами. По крайней мѣрѣ до XVII столѣтія законодательство не отдѣляетъ помѣщиковъ и вотчинниковъ изъ инородцевъ не христіанъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ православной вѣры; права тѣхъ и другихъ были одинаковы. Но въ эпоху Уложенія государственная власть увидѣла необходимость точнѣе и подробнѣе опредѣлить вотчинныя и помѣстныя права служилыхъ людей изъ инородцевъ, чтобы устранить отмѣченныя затрудненія въ дѣлѣ кормленія помѣстьями и вотчинами. Чтобы прекратить споры изъ за помѣстій и вотчинъ и предотвратить ихъ на будущее время, споры, которые между разновѣрцами помѣщиками и вотчинниками, естественно, были ожесточеннѣе и запутаннѣе, Уложеніе постановило: «впредь русскихъ людей помѣстныхъ земель татарамъ, а татарскихъ земель русскимъ людямъ не давать». Впрочемъ, прибавляетъ Уложеніе, «у которыхъ татаръ и у мордвы русскихъ людей помѣстныя земли, а впредь о тѣхъ земляхъ будутъ челобитчики русскіе люди: и тѣ земли у татаръ и у мордвы взять и отдать въ помѣстья русскимъ людямъ» исключая «тѣхъ князей и мурзъ и татаръ и мордвы и черемисы и вотяковъ, которые крестились» и у которыхъ поэтому отнимать земли не велѣно. За тѣмъ на будущее время постановлено: «у князей и у мурзъ и у чувашъ и у черемисы и у вотяковъ и у башкирцевъ земли русскимъ людямъ не покупать и не мѣнять и въ закладъ и сдачею и въ наемъ на многіе годы не имать» подъ страхомъ опалы для ослушниковъ этого закона и конфискаціи имущества, пріобрѣтеннаго у инородцевъ.—Въ отвращеніе неудобствъ, естественно возникавшихъ изъ положенія дѣлъ, по которому во многихъ мѣстахъ крестьяне были православные, а помѣщики и вотчинники—поганой вѣры, Уложеніе опредѣлило; «чтобы иноземцы помѣщики и вотчинники крестьянъ не грабили и налоговъ и насильствъ не чинили имъ», прибавивъ, что «если отъ ихъ налоговъ и насильствъ крестьяне разбѣгутся, а равно если они сами, свои помѣстья запустошa, или проворовавъ учнутъ бѣгать въ иные города и въ татарскія и черемисскія деревни и отъ службъ учнутъ избѣгать и отбывать, то будетъ имъ чинено наказаніе, что Государь укажетъ».

Очевидно, что такимъ рѣшеніемъ вопроса о кормѣ служилыхъ инородцевъ посредствомъ раздачи имъ помѣстій и вотчинъ нельзя было совершенно устранить неудобствъ въ этомъ дѣлѣ, на уничтоженіе которыхъ расчитывало законодательство, напротивъ надо было ожидать, что при опредѣленномъ Уложеніемъ порядкѣ землевладѣнія у инородцевъ возникнутъ новыя неудобства: ибо выходило, что, давая кормленіе имъ въ видѣ помѣстій и вотчинъ, власть въ то же самое время запрещала имъ этимъ кормленіемъ пользоваться такъ, какъ они находили для себя удобнымъ; выходило, что постановленіе относительно неперехода помѣстій и вотчинъ отъ инородцевъ къ русскимъ равнялось тому, если бы было узаконено, что платою, получаемою за трудъ нельзя пользоваться на правахъ полнаго ея собственника, нельзя на нее пріобрѣсти у однихъ людей то, что у другихъ можно, вслѣдствіе этого помѣстье или вотчина, какъ плата за трудъ, за службу, теряла прежнюю цѣну для помѣщика и вотчинника— инородца. Государственная власть съ своей точки зрѣнія на поземельное богатство была права, установливая такого рода ограниченія для землевладѣнія между инородцами; считая землю своею собственностію и въ томъ случаѣ, когда она отдавала ее въ помѣстье или вотчину, она могла считать въ правѣ назначать какія угодно условія владѣнія ею; но, съ другой стороны, служилые люди, не отрицая за нею этого права, могли считать эти условія для себя невыгодными и потому или уклоняться отъ службы или отправлять ее не такъ какъ бы хотѣлось власти, или обходить условія кормленія, назначеннаго свыше, а пользоваться имъ, какъ казалось наивыгоднѣе. Власть же не имѣла достаточно средствъ заставить служить на такихъ условіяхъ: она могла угрожать отнятіемъ помѣстья или вотчины и наказаніемъ; но первая угроза не всегда могла имѣть силу; ибо не чувствительно лишиться того, отъ чего нѣтъ выгоды; помѣщики изъ инородцевъ, случалось, и безъ угрозъ, сами собою оставляли помѣстья и вотчины и бѣгали отъ этой благодати; что же касается до угрозы наказаніемъ, то и она не всегда могла произвесть желанное дѣйствіе, такъ какъ при разнообразныхъ удобствахъ избѣгать наказанія, опредѣлявшагося свыше, эту угрозу не всегда можно было выполнить. Власть должна была подумать о новыхъ мѣрахъ къ тому, чтобы помѣщики и вотчинники изъ инородцевъ усердно служили государю; понятно

ей нужно было установить должныя отношенія между службой и кормленіемъ. Поэтому правительство, ища этихъ нормъ, измѣняло постановленія свои относительно вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ инородцевъ. Уложеніе запретило переходъ, какимъ бы то ни было путемъ,—помѣстій и вотчинъ инородцевъ въ руки помѣстныхъ людей изъ русскихъ, и на оборотъ, отъ русскихъ въ руки инородцевъ, что какъ извѣстно, утверждено было 29 января 1649 года; въ апрѣлѣ того же года «Великій Государь указалъ иноземскихъ помѣстій русскимъ людямъ не давать никому, ни сдачею сдавать не велѣлъ; а въ мѣну кто учнетъ съ иноземцы помѣстей мѣнять» (77). Въ слѣдующемъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, тѣ изъ инородцевъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые крестились, лишены были этого права; велѣно было имъ объявить, «чтобы впредь помѣстій своихъ и вотчинъ никому не продавали и не мѣняли и не сдавали» (78). Вѣроятно такое исключеніе по отношенію къ новокрещеным сдѣлано въ томъ соображеніи, что при такихъ основаніяхъ землевладѣнія отъ новыхъ христіанъ, которымъ часто помѣстья и вотчины давались за переходъ въ христіанство, удобнѣе ждать ревности служебной и утвержденія въ вѣрѣ, чѣмъ если бы имъ позволено было отчуждать эти помѣстья и вотчины. По крайней мѣрѣ правительство не препятствовало новокрещеным мѣняться помѣстьями съ русскими помѣстными людьми и въ 1678 году разрѣшено это было особымъ указомъ (79). Но если принять въ соображеніе то обстоятельство, что при дѣйствіи закона, запрещавшаго новокрещеным мѣняться помѣстьями и вотчинами съ некрещеными и позволявшаго мѣняться ими только съ русскими, существовало постановленіе, въ силу котораго некрещеные инородцы могли мѣняться помѣстьями и вотчинами съ русскими людьми, то выйдетъ, что ограниченіе, сдѣланное для новокрещеных, не имѣло смысла; потому что, положимъ, новокрещеный помѣщикъ не могъ помѣняться своимъ помѣстьемъ съ некрещеным; но онъ могъ эту сдѣлку сдѣлать съ русскимъ, а отъ этого послѣдняго его помѣстье или вотчина могли перейти къ некрещеному. Такимъ обра-

---

(77) П. С. З. I. № 5.
(78) Тамъ же, № 39.
(79) Тамъ же II, № 719.

зомъ выходило, что въ концѣ концевъ инородецъ помѣщикъ ничѣмъ не отличался отъ русскаго помѣстнаго человѣка и вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ временнаго обладателя земли имѣлъ возможность преобразиться мало по малу въ полнаго собственника ея, а равно и тяглыхъ людей, которые на ней жили. Для государственной власти неудобно это было въ томъ отношеніи, что крестьяне, сидѣвшіе на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, имѣли возможность свое неповиновеніе помѣщикамъ-инородцамъ прикрывать и оправдывать религіозными побужденіями; они могли заявлять правительству и не рѣдко дѣйствительно заявляли: «мы не хотимъ сидѣть на землѣ, отданной поганому, который при этомъ еще разоряетъ насъ»,—и правительство не могло отнестись къ такому заявленію, какъ къ незаконному притязанію, не рискуя подвергнуться упреку въ поблажкѣ поганству и въ равнодушіи къ той вѣрѣ, которую само исповѣдывало и всячески поддерживало. А между тѣмъ снисходить къ этимъ крестьянскимъ требованіямъ значило ослабить систему закрѣпленія ихъ, надъ которой оно само усердно работало и въ которой видѣло самое вѣрное средство къ увеличенію прибыли казны и надежную основу государственной крѣпости; значило еще и то, что на службу некрещеныхъ инородцевъ, на вѣрность ихъ государю нельзя расчитывать вполнѣ; потому что эти, столь желанныя правительствомъ, качества служилыхъ инородцевъ,—помѣщиковъ и вотчинниковъ могли воспитаться только тогда, когда ихъ помѣстья и вотчины были достаточно снабжены тяглой силой: безъ послѣдней они не имѣли цѣны. Въ отвращеніе этихъ затрудненій правительство прибѣгало къ разнообразнымъ мѣрамъ и узаконеніямъ, не рѣдко противорѣчащимъ одно другому. Въ началѣ, какъ мы уже видѣли, оно думало, что для соглашенія интересовъ казны, служилыхъ инородцевъ-помѣщиковъ и вотчинниковъ и крестьянъ достаточно будетъ сказать этимъ помѣщикамъ, чтобы они были исправны въ службѣ и крестьянъ не грабили и проч. (80). Оказалось, что этого было недостаточно для достиженія такой цѣли. Тогда правительство пришло къ мысли обратить некрещеныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ христіанство, чтобы отнять у крестьянъ благовидный предлогъ къ неповиновенію помѣщичьей власти. Для этого оно стало мирволить новокрещенымъ и стѣснять

(80) П. С. З. стр. 78.

помѣстныя и вотчинныя права некрещепыхъ служилыхъ людей. Въ 1676 году было постановлено: «если, по смерти новокрещенаго иноземца, некрещеная его мать при жизни своей не распорядится тѣмъ помѣстьемъ, которымъ владѣлъ ея мужъ и которое дано ей на прожитокъ и то помѣстье при ней при живой, по ея поступкѣ, ни за кѣмъ не справлено, а послѣ ея то помѣстье отдано будетъ не по ея поступкѣ иноземцу некрещеному: то такое помѣстье поворачивать и отдавать дѣтямъ ея крещенымъ, или внучатамъ, крещенаго сына дѣтямъ» ([81]). И за тѣмъ вообще было принято, какъ законъ: «послѣ крещеныхъ иноземцевъ давать вотчины родственникамъ и родственницамъ только крещенымъ, а некрещенымъ родственникамъ и родственницамъ и ближнимъ не давать» ([82]). Въ 1681 году правительство отважилось на рѣшительную мѣру: отобрать совсѣмъ у некрещенныхъ помѣщиковъ помѣстья и вотчины, населенныя православными крестьянами «для того, что мурзы и татаровя въ помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ крестьянамъ чинятъ многіе налоги и обиды и принуждаютъ ихъ къ своей бусурманской вѣрѣ и чинятъ оскверненіе». Вслѣдствіе этого приказано было сказать крестьянамъ такихъ помѣстій и вотчинъ, чтобы «они мурзъ и татаръ ни въ чемъ не слушали и податей не платили; а буде на помѣщиковъ и вотчинниковъ всякія угодья дѣлали и подати платили на Великаго Государя. Вмѣсто этого, такимъ образомъ отнятаго корма, некрещеные помѣщики и вотчинники получили отъ правительства обѣщаніе, что оно «испомѣститъ ихъ, по разсмотрѣнью, иновѣрцами же, Темниковскою и Кадомскою Мордвою». Въ то время, какъ они ждали этой милости, въ февралѣ 1682 года подьячіе и приставы стали разъѣзжать по татарскимъ деревнямъ и объявляли указъ мурзамъ и татарамъ, ихъ женамъ и вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ, чтобы они упорство свое отложили, во святую вѣру греческаго закона крестились и били челомъ Государю о помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ до 25 февраля. Въ этомъ же указѣ значилось такое предложеніе со стороны Великаго Государя: «будетъ которые мурзы и татарове похотятъ въ православную христіанскую вѣру креститься, и тѣхъ крестить, и отписнымъ крестьянамъ

([81]) Тамъ же II, 644.

([82]) Тамъ же II, 814.

за ними быть по прежнему, да имъ же давать жалованья, помѣстнымъ и безпомѣстнымъ мурзамъ по 10 рублей, женамъ ихъ по 5, дѣтямъ противъ матерей въ полы, татарамъ по 5 рублевъ, женамъ ихъ по два рубля съ полтиной, дѣтямъ ихъ противъ матерей въ полы» (83). Кромѣ того новокрещеные за крещеніе получали помѣстья и вотчины своихъ родственниковъ, оставшихся въ свой прежней вѣрѣ «упрямствомъ своимъ въ святую православную вѣру греческаго закона не крестившихся»,—съ обязанностію впрочемъ кормить этихъ послѣднихъ и съ обязательствомъ возвратить имъ взятыя отъ нихъ помѣстья и вотчины, если они крестятся. Нѣкоторые изъ этихъ упрямыхъ «за упрямство, что они въ православную вѣру не крестились, сосланы были въ ссылку» и тамъ получали кормъ отъ правительства въ видѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья (84). Но это распоряженіе не устояло: правительство послѣ смерти царя Ѳеодора имѣло надобность въ опорѣ; служилыхъ инородцевъ во всякомъ случаѣ полезно было для Софьи и ея приверженцевъ привлечь на свою сторону; притомъ занятое внутреннею борьбою, борьбою на жизнь и смерть, тогдашнее правительство, если бы и не нуждалось въ этой помощи, то не имѣло ни времени ни средствъ привести законъ въ дѣйствіе; со стороны крестьянъ ждать помощи въ этомъ дѣлѣ было нечего: для нихъ было не лучше, и они конечно это понимали, не лучше, что ихъ освобождали отъ власти бусурманъ-помѣщиковъ и отдавали православнымъ, потому что новокрещеные да и русскіе помѣщики и вотчинники, къ которымъ по силѣ вышеизложеннаго распоряженія переходили, не менѣе тѣхъ ихъ утѣсняли и грабили. Какъ бы то ни было, только черезъ три дня послѣ своего утвержденія въ званіи правительницы государства, царевна Софья подписала такой указъ: «по челобитью мурзъ и татаръ помѣстей ихъ и вотчинъ быть за ними по половинѣ, а другой половинѣ, быть въ отписныхъ на Великихъ Государей» (85). Это было 29 мая 1682 года, а 13 іюля того же года правительница отъ имени Великихъ Государей «пожаловала мурзъ и татаръ помѣстьями и вотчинами и другою половиною по прежнему», обязавъ ихъ при этомъ только однимъ условіемъ, именно,

(83) Тамъ же II, 867.
(84) Тамъ же — 870.
(85) Тамъ же — 923.

чтобы они мурзы и татары, видя ихъ Великихъ Государей къ себѣ милость, имъ Великимъ Государямъ служили, а ко крестьянамъ никакихъ налоговъ, а православной христіанской вѣрѣ тѣсноты не чинили» ([86]), не взявъ при этомъ мѣръ къ тому, чтобы условіе это было исполняемо ими въ точности. Впрочемъ ярославскіе и романовскіе татары, которые за побѣгъ со службы лишены были въ 1680 году помѣстій и вотчинъ, не получили ихъ обратно при этой монаршей милости, а взамѣнъ того велѣно имъ давать кормовыя деньги ([87]). Такія разнорѣчивыя законоположенія относительно одного и того же предмета, какъ и слѣдовало ожидать, повлекли за собою новыя затрудненія для правительства: въ то время, когда изданъ былъ послѣдній указъ, возвращавшій помѣщикамъ иновѣрцамъ прежде отобранныя у нихъ помѣстья и вотчины, оказалось, что этими помѣстьями и потчинами владѣютъ или русскіе или крещеные мурзы и татары; они не хотѣли возвращать этихъ помѣстій и вотчинъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, основываясь на указѣ царя Ѳеодора, который гласилъ, что поворачиваются помѣстья и вотчины только тѣмъ мурзамъ и татарамъ, которые крестятся. Мурзы и татары некрещеные стали говорить, что новокрещеные только за тѣмъ и крестились, чтобы получить себѣ ихъ помѣстья и вотчины и что, добившись ихъ, кресты сняли, и что поэтому эти новокрещеные не имѣютъ преимущества предъ ними некрещеными; при этомъ многіе заявили, что и они крестятся, лишь бы только были поворочены имъ ихъ помѣстья и вотчины. Въ устраненіе этихъ споровъ и затрудненій для правительства, отъ того происходившихъ, постановлено было: «тѣ помѣстья и вотчины, которыя по силѣ указа царя Ѳеодора отняты были у некрещеныхъ мурзъ и татаръ и отданы были русскимъ и новокрещеными, поворачивать нельзя прежнимъ ихъ владѣльцамъ, хотя бы они и крестились, а велѣть имъ приискивать изъ новокрещенскихъ выморочныхъ помѣстей» ([88]). За тѣмъ въ 1686 году было постановлено, что помѣстья и вотчины некрещеныхъ мурзъ и татаръ, по смерти ихъ, переходятъ къ ихъ дѣтямъ и внукамъ; а если послѣ нихъ дѣтей и родственниковъ не останется, то справлять помѣстья

([86]) Тамъ же II, 944.
([87]) Тамъ же 955.
([88]) Тамъ же 1009.

за крещеными родственниками ([89]). Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи оставался вопросъ о помѣстьяхъ и вотчинныхъ правахъ инородцевъ, доколѣ Петръ Великій не порѣшилъ его въ смыслѣ указа царя Ѳеодора Алексѣевича.

Разсмотрѣвъ способы, которые употребляла Московская власть, чтобы извлечь себѣ прибыль изъ труда инородцевъ служилыхъ, мы бы должны были теперь обратить вниманіе на то, какіе результаты произошли отъ такихъ отношеній ея къ этой части инородцевъ, на результаты какъ для нея, такъ и для самихъ служилыхъ инородцевъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ въ распоряженіи достаточнаго количества точныхъ и подробныхъ свѣдѣній относительно этого вопроса. Извѣстно впрочемъ слѣдующее: безъ служилыхъ инородцевъ не обходилось ни одно, болѣе или менѣе важное, военное предпріятіе Московскаго правительства; они участвовали въ войнахъ не только на западѣ Россіи, гдѣ пріобрѣли репутацію хищныхъ опустошителей странъ, но и на востокѣ, противъ инородческихъ поколѣній Сибири: битва на Оби въ 1598 году, уничтожившая Кучюма, были дана отрядомъ, наибольшую долю котораго составляли служилые татары ([90]); въ дальнѣйшемъ завоеваніи Сибири служилые инородцы принимали также дѣятельное участіе. Цари московскіе находили не одинъ случай похвалять ихъ за усердіе въ службѣ ([91]), но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство не разъ обвиняло ихъ въ привычкѣ бѣгать со службы или уклоняться отъ нея другими способами; есть свидѣтельства и относительно того, что служилые инородцы высказывали наклонность за свою службу кормиться слишкомъ сытно и дѣлали насиліе по отношенію къ тѣмъ, съ кого шелъ кормъ, вслѣдствіе чего не мало теряла казна. Впрочемъ для правильной оцѣнки службы служилыхъ инородцевъ нужно принять во вниманіе то, что наклонностію бѣгать со службы и вообще отбывать ея и въ тоже время получать хорошій кормъ, наклонностію такъ невыгодною для государственной власти, заражены были не одни они, но и вообще весь московскій служилый людъ. Говоря вообще о значеніи труда этихъ инородцевъ для государственной власти,—они въ

([89]) А. И. II. 1179.
([90]) Тамъ же II, 1.
([91]) А. И. IV. 94.

роли грубой, матеріальной силы, роли, которая имъ и назначалась, оказали не маловажныя услуги этой власти. Другаго значенія для государства ихъ служба не имѣла. Правительство не допускало ихъ до служебной дѣятельности высшаго разбора. Не смотря на то служба, которую они несли, не могла не оказать вліянія на ихъ бытъ. Одинаковость съ русскими служилыми людьми условій экономическаго ихъ положенія производила то, что служилые инородцы мало по малу усвоивали характеристическія черты послѣднихъ; отрываясь отъ инородческой массы, они умножали вмѣстѣ съ тѣмъ собою разрядъ лицъ, который слѣдовало кормить остальному народонаселенію Россіи и который впослѣдствіи совершенно отдѣлился отъ него привычками, понятіями и стремленіями; здѣсь, въ этой средѣ, вмѣстѣ съ новымъ для нихъ языкомъ, вѣрою, они нечувствительно пріобрѣтали и привычки и понятія русскаго служилаго человѣка. Особенно этотъ результатъ долженъ былъ послѣдовать для тѣхъ изъ нихъ, которые верстаны были въ стрѣльцы и въ казаки: попадавшіе туда пропадали для инородческаго міра. Но и тѣ служилые инородцы, которые служили отдѣльно отъ русскихъ, въ силу тѣхъ же экономическихъ причинъ, не могли сохранить въ чистотѣ національныхъ своихъ особенностей. Мы видѣли, что въ концѣ XVII столѣтія изъ-за помѣстій и вотчинъ они одинъ за другимъ крестятся въ православную вѣру: это было послѣднимъ шагомъ на пути къ сліянію съ русскимъ служилымъ человѣкомъ. Однако къ этому результату пришла жизнь такихъ служилыхъ инородцевъ послѣ упрямой борьбы за прежнія начала. Служба этихъ князей, мурзъ и татаръ досталась Московскому правительству не дешево. Изъ представленнаго обзора условій, въ которыя Московская власть поставила ихъ служебный трудъ, нельзя не видѣть, что правительство расположено было видѣть въ нихъ болѣе враждебную, чѣмъ преданную себѣ силу, которую поэтому считали нужнымъ обуздывать разнообразными способами. И такое его воззрѣніе на этихъ князей, мурзъ и татаръ было далеко не безосновательно. Выше замѣчено, что этого рода служилые инородцы вышли изъ аристократіи мусульманскихъ общественныхъ союзовъ Казани, Астрахани, Ногайскихъ ордъ и Сибирскаго юрта. Образованіемъ института служилыхъ татаръ нельзя было вдругъ подавить тѣ мусульманско-аристократическія стремленія, которыя составляли душу этихъ союзовъ и которыя между тѣмъ не могли найти

осуществленія себѣ въ Московскомъ государствѣ. Не всѣ князья и мурзы спѣшили войти въ ряды служилыхъ людей Московскаго Великаго Государя; оставалось не мало такихъ, которые уклонялись отъ этого и старались возвратить утраченное ими вліяніе. Да и между тѣми, которые присягали на вѣрность государю, не много можно было найти, особенно въ началѣ ихъ подданства, князей, мурзъ и татаръ, которые бы совершенно отказались отъ надежды возстановить прежнее ихъ значеніе наслѣдственныхъ, родовитыхъ властелиновъ черныхъ людей и успокоивались на новой роли—слуги государя. Вслѣдствіе этого Московской государственной власти приходилось не разъ и не въ одномъ мѣстѣ выдерживать борьбу съ аристократическими движеніями въ инородческихъ земляхъ. Я долженъ сказать съ нѣкоторою подробностію объ этихъ движеніяхъ, чтобы объяснить, почему правительство относилось съ такою недовѣрчивостію къ служилымъ царевичамъ, князьямъ, мурзамъ, почему ихъ служебный трудъ ставило въ иныя условія, чѣмъ тѣ, которыя назначены были для массы служилыхъ людей Московскаго государства и чтобы, наконецъ, должнымъ порядкомъ смотрѣть на значеніе службы этихъ служилыхъ людей для государя и государства.

Начну съ Казани. Въ пятилѣтнемъ мятежѣ казанской земли, слѣдовавшемъ почти немедленно послѣ казанской катастрофы 2 октября 1552 года, князья и мурзы принимали дѣятельное участіе; едва ли не ими возбужденъ былъ этотъ мятежъ: по крайней мѣрѣ имъ нужно приписать то, что въ этотъ мятежъ вмѣшались ногайцы и астраханцы, какъ союзники мятежниковъ. Князья и мурзы были въ челѣ возстанія. Черные люди въ Астрахани, присягая Московскому государю, такъ говорили стрѣлецкимъ головамъ: «мы люди черные, водилъ насъ царь и князья неволею». Мятежъ не удался оттого же, отъ чего погибло и Казанское царство: не было согласія и единства въ дѣйствіяхъ между татарами и въ особенности между начальными ихъ людьми. Если многіе, поднимая бунтъ противъ русской власти, имѣли въ виду возстановленіе Казанскаго царства: то другіе видѣли въ немъ лишь средство къ поживѣ посредствомъ грабежа своихъ и чужихъ. Царевичъ ногайскій, призванный мятежными казанцами на Казанское царство, вмѣсто того, чтобы оберегать народъ, поспѣшилъ съ своимъ дворомъ поѣсть воловъ и коровъ его, и былъ потому убитъ. Если одни стояли усердно за начатое

дѣло, то другіе заводили сношенія съ русскими въ ущербъ этому дѣлу. Мятежъ имѣлъ въ результатѣ лишь подчиненіе Московскому владычеству союзниковъ мятежа—ногаевъ, и паденіе другаго татарскаго юрта въ поволжьи—Астрахани, да великое опустошеніе казанской земли. Русскіе воеводы, усмирявшіе мятежниковъ, не знали пощады къ несчастному народонаселенію черныхъ людей, принявшихъ участіе въ возстаніи. Морозовъ и Салтыковъ во время похода на сѣверъ страны, брали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей, а мужчинъ убивали. Попытка мурзъ найти помощь для продолженія возстанія въ Башкиріи, которая между тѣмъ присягнула на подданство Великому Государю, на этотъ разъ не удалась: башкирцы прогнали отъ себя мурзъ. Не смотря на такія неудачи дворянскій инородческій элементъ въ Казани и на всемъ поволжьи не думалъ усмириться. Если одни изъ князей и мурзъ, по преимуществу изъ тѣхъ, которые содѣйствовали Москвѣ поработить ихъ родину и потомъ задавить мятежъ въ ней, получили извѣстныя выгоды въ новомъ государствѣ и вообще удовольствовались новымъ положеніемъ: то другіе не хотѣли допустить этого чувства. Во время послѣдней борьбы съ Москвою, повлекшей за собою паденіе Казанскаго царства, во время мятежа многіе изъ нихъ лишились состоянія, дѣтей, женъ, рабовъ; не могли они питать пріязни къ государству, которое довело ихъ до этого положенія. Чѣмъ неотразимѣе была необходимость покориться врагу, чѣмъ безпомощнѣе они себя чувствовали, тѣмъ сильнѣе была въ нихъ эта къ нему ненависть. Представленіе, что они еще недавно властвовали, что не съумѣли удержать этой власти, увеличивало горечь. Побѣдившее ихъ государство отнеслось къ нимъ такъ, что они не хотѣли считать себя вознагражденными за потерянное недавнее счастіе. Собственно говоря, рѣдкое государство относилось съ такою щедростію и снисходительностію къ аристократіи покоряемыхъ аристократическихъ обществъ, какъ Московское: для аристократіи поволжскихъ общественныхъ союзовъ и царства Сибирскаго не было сдѣлано исключенія; мы видѣли, что государственная Московская власть признала благородное происхожденіе царевичей, князей и мурзъ и поставила на равную доску съ природными русскими князьями и боярскими родами; она надѣлила ихъ помѣстьями, вотчинами; они могли получать и получили то, о чемъ большинство подданныхъ Московскаго государя и помыслить не дерзало; они

вошли въ Московское государство барами. Отъ нихъ требовали за это одного—непзмѣннаго холопства государю, службы государству, по указанію государеву. Это то условіе и было не по сердцу царевичамъ, князьямъ и мурзамъ. Они привыкли господствовать, не зная ограниченій своему господству; они научились смотрѣть на центральную власть общества, на власть хана, какъ на орудіе своихъ исключительныхъ стремленій, а не какъ на такую силу, по отношенію къ которой равны и знатный и богатый, и низкорожденный и бѣднякъ и каковою была власть Московскаго государя. Они могли успокоиться въ двухъ случаяхъ: или когда бы имъ въ Московскомъ государствѣ дано было такое положеніе, какимъ они пользовались въ своихъ царствахъ, со всѣми его плодами, или когда бы Москва совершенно ихъ стерла, какъ сдѣлала по отношенію къ новгородской и псковской аристократіи, переселивъ, что уцѣлѣло, во внутреннія области свои. Первое не могла никакъ допустить Москва, гдѣ бояре были холопы, гдѣ въ массѣ силенъ былъ казацкій демократическій духъ. Вторую, испытанную уже мѣру, она дѣйствительно примѣнила къ царевичамъ, князьямъ и мурзамъ, но, несомнѣнно, въ малыхъ размѣрахъ,—хотя правительство и старалось увѣрить Крымскаго хана и Турецкаго султана, что новые его подданные, большіе и средніе казанскіе люди переселены во внутреннія области,—частію по оплошности, вслѣдствіе преувеличеннаго мнѣнія о безсиліи лучшихъ этихъ людей что нибудь предпринять серьезное противъ русскихъ, частію и по невозможности привести эту мѣру въ дѣйствіе во всей полнотѣ, потому что громадныя пространства на востокѣ давали возможность убѣгать отъ насильственнаго переселенія. Такимъ образомъ въ покоренныхъ царствахъ оставался враждебный Москвѣ дворянскій элементъ. Пораженіе, которое онъ потерпѣлъ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія, лишило его далеко не всѣхъ средствъ къ возобновленію борьбы съ Москвою. Впрочемъ, одни сами собою, эти князья и мурзы были безсильны предпринять какое либо серьезное движеніе противъ Московской власти. Но они находили помощь внѣ своего круга. Ихъ стремленія совпадали съ интересами магометанскаго духовенства погибшихъ царствъ. Послѣднее не могло не видѣть, что для него наступили худые дни. Оно не могло безъ омерзѣнія и глубокой ненависти видѣть ту власть, во имя которой разорены были мечети, и на ихъ мѣсто воздвигнуты христіанскіе храмы и предпринято

обращеніе мусульманъ ко крещенію. Самые живые интересы сеидовъ и муллъ затронуло Московское владычество. И они примкнули къ князьямъ и мурзамъ, съ которыми и прежде были въ согласіи. Совокупными усиліями они стали возбуждать противъ русскихъ простой народъ какъ татарскаго, такъ и финнскаго происхожденія, призывая его къ возстанію, которому мусульманское духовенство не замедлило дать религіозное освященіе. Призывы эти не остались безъ послѣдствій: инородческое простонародье внимало имъ съ тѣмъ бо́льшею охотою, что правительство и особенно его органы своими дѣйствіями по отношенію къ покореннымъ давали, повидимому, фактическое подтвержденіе справедливости нареканій противъ московской власти, которыя разсѣвались въ народѣ. Не всегда умѣренная, а главное, поспѣшная религіозная ревность, которую явило правительство разореніемъ храмовъ Магомета, дарованіемъ льготъ переходившимъ изъ исламизма къ крещенію, могла показаться напуганному воображенію правовѣрнаго магометанина очевиднымъ доказательствомъ, что завоеватели хотятъ совершенно истребить исламъ. Притѣсненія со стороны воеводъ и другихъ служилыхъ людей по отношенію къ покореннымъ возбуждали въ простонародьи ненависть къ нимъ, а чрезъ нихъ ко всѣмъ русскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поселяли въ немъ желаніе освободиться отъ русской власти. Поэтому начальнымъ людямъ не трудно было найти тутъ матеріалъ для возстанія. Масса народная и безъ подстрекательства извнѣ, отъ времени до времени, поднимала бунты противъ власти Московскаго государя. «Тридцать одинъ годъ прошелъ отъ покоренія Казани, говоритъ лѣтописецъ,— и окаянные бусурмане не захотѣли жить подъ государевою рукою, воздвигли рать, плѣнили много городовъ. Царь, видя ихъ суровость, послалъ бояръ и воеводъ съ приказомъ плѣнить ихъ. Но поганые, какъ звѣри дикіе, сопротивлялись рати Московской, побивали Московскихъ людей то на станахъ, то на походахъ, бояре и воеводы не могли усмирить ихъ» (92). Это упорство среди недовольныхъ Московскою властію поддерживалось надеждою на помощь отъ сильныхъ мусульманскихъ государствъ, Крыма и Османской Порты. Еще прежде, до паденія татарскихъ юртовъ въ поволжьи, начальные лю-

(92) Русск. Лѣт. по Никон. списку VIII, 4.

ди въ нихъ, во время невзгодъ, обращались туда за содѣйствіемъ. Крыму было за обычай вмѣшиваться въ дѣла поволжскаго народонаселенія и давать ему царей. Теперь, когда возстанію въ инородческомъ поволжьи противъ русскаго господства не посчастливилось,—царевичи, князья, мурзы и уланы съ особеннымъ усердіемъ стали стараться о пріобрѣтеніи помощи съ этой стороны. Царскій посолъ въ Крыму доносилъ (въ 60-хъ годахъ) въ Москву: «присылали къ Турскому бить челомъ черкасы, также Астраханскіе, Казанскіе и Ногайскіе люди, чтобы Турскій послалъ людей на Астрахань, а они вмѣстѣ съ нимъ всѣ готовы промышлять; Астраханскіе татары ждутъ только прихода Турскихъ людей, хотятъ городъ взять» (93). Чрезъ нѣсколько времени тотъ же посолъ, Нагой, писалъ къ Государю между прочимъ: «пришли въ Крымъ отъ Ногаевъ послы за миромъ, чтобы съ ними Ханъ помирился, и если онъ хочетъ воевать Казань и Астрахань, то они съ нимъ готовы итти; вмѣстѣ съ Ногайскими послами пришелъ въ Крымъ Казанецъ, Коштивлей Уланъ и говоритъ, что былъ съ Ногаями въ Москвѣ, гдѣ видѣлся съ двумя луговыми Черемисинами, Лашемъ и Лаимбердеемъ; они приказали съ нимъ къ хану, чтобы шелъ къ Казани или послалъ царевичей, а они всѣ ждутъ его приходу, всѣ ему передадутся и станутъ промышлять за одно надъ Казанью» (94). Вслѣдъ за этими послами, по извѣщенію Нагого, «пришли къ хану изъ Казани двое знатныхъ людей и вся Луговая Черемиса, просили прислать къ нимъ сына съ воинскими людьми, и какъ къ нимъ царевичъ придетъ, то они отъ Московскаго государя отступятъ и будутъ промышлять надъ Казанскимъ острогомъ; а по всѣмъ селамъ Московскіе служилые люди будутъ ихъ; и въ сборѣ у нихъ Луговой Черемисы 60 тысячъ». Ногайскіе князья также приказывали хану: «пока мы были наги и безконны, до тѣхъ поръ мы дружны царю и великому князю; а теперь мы конны и одѣты: такъ если ты царевичей въ Казань съ войскомъ отпустишь, то дай намъ знать: мы сыну твоему готовы на помощь» (95). Такимъ образомъ, въ одно и тоже время во всѣхъ инородческихъ пунктахъ поволжья, въ Казани, у но-

---

(93) Ист. Россіи, Соловьева. VI, 288.

(94) Тамъ же 290.

(95) Тамъ же 292.

гаевъ и въ Астрахани знатные люди пропитаны были ненавистію къ Московскому владычеству, составляли обширный заговоръ для низверженія его, старались втянуть въ дѣло черныхъ людей и ждали только помощи отовнѣ, чтобы начать истребленіе русскихъ людей. Мольбы ихъ въ Константинополѣ и въ Крыму не могли не быть услышаны. Независимо отъ того, что принятіе участія въ дѣлѣ поволжскихъ татаръ обѣщало какъ хану, такъ султану расширеніе господства ихъ, открывало хищнымъ крымцамъ хорошій случай къ грабительству и поживѣ, иного рода побужденія заставляли южныхъ татаръ и турокъ внять этимъ мольбамъ и дѣйствовать сообразно съ ними. Правовѣрные магометане очень хорошо понимали, что русское господство въ поволжьи нанесло сильный ударъ исламизму. Правовѣрный магометанинъ, въ какой бы странѣ ни жилъ, не могъ не скорбѣть въ виду этого обстоятельства и не желать возстановленія поволжскаго магометанства въ прежней его силѣ. Какъ бы то ни было впрочемъ, только Турецкій султанъ и ханъ Крымскій одновременно заявили, что Москва незаконно владѣетъ татарскими юртами, и рѣшились добывать себѣ Казани и Астрахани. Еще въ 1563 году султанъ Солиманъ II думалъ объ отправленіи войска для завоеванія Астрахани. Походъ не состоялся потому, что Крымскій ханъ, который боялся увеличенія турецкаго могущества столько же, сколько и русскаго, постарался отговорить султана отъ задуманнаго имъ предпріятія. Весною 1569 года значительная турецко-татарская сила (около 70 т. человѣкъ) двинулась наконецъ возстановлять Астрахань. Ханъ Крымскій при этомъ прямо объявилъ Московскому правительству, что онъ помирится съ царемъ лишь тогда, когда тотъ отдастъ ему Казань и Астрахань. Походъ былъ неудаченъ. Ханъ Крымскій, хотя и грозилъ Москвѣ своею враждою, но не расчелъ помогать султану въ завоеваніи для него Астрахани, напротивъ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы помѣшать начатому имъ предпріятію. Турецкое войско съ безславіемъ и съ большимъ урономъ должно было возвратиться домой съ береговъ Волги. Но это еще не значило, что крымцы перемѣнили намѣренія относительно Казани и Астрахани. Эта политика хана направлена была къ тому, чтобы не допустить турокъ утвердиться въ поволжьи, а забрать его непосредственно подъ свою власть, или по крайней мѣрѣ поставить его въ то положеніе, въ которомъ оно на-

ходилось до 1552 года и которое давало возможность крымцамъ получать оттуда поживу. Ханъ приготовлялся однимъ ударомъ сокрушить господство русскихъ въ этой странѣ. Съ своей стороны султанъ Селимъ думалъ о новомъ походѣ на Астрахань. Турецкій походъ не состоялся. Но за то Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей явился исполнителемъ сепаративныхъ стремленій князей и мурзъ поволжья. Онъ, какъ замѣчено уже, хотѣлъ однимъ ударомъ покончить споръ изъ за Казани и Астрахани, поэтому разрушительное вторженіе его послѣдовало по направленію во внутрь Московскаго государства. 120-тысячное его ополченіе, по указанію измѣнниковъ Московскаго царя, двухъ дѣтей боярскихъ и двоихъ новокрещеныхъ служилыхъ татаръ, перешло безпрепятственно Оку и 23 мая 1571 года явилось подъ Москвою. Столица была обращена въ пепелъ; множество народу, съѣхавшагося изъ деревень въ городъ, чтобы укрыться отъ хищничества татаръ, погибло въ пламени (по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 800 т. человѣкъ); до 150 т. человѣкъ попали въ плѣнъ къ татарамъ ([96]). «Жгу и пустошу все изъ за Казани и Астрахани,—писалъ царю татарскій ханъ, возвращаясь изъ Москвы, въ которой не отважился добывать уцѣлѣвшаго отъ пламени Кремля,—и всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что-де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ бы ты пришелъ и противъ насъ сталъ. Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай намъ юрты Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать—не надобно. Желаніе наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и спознялъ». Цѣль, къ которой направлялась работа князей и мурзъ казанскихъ и астраханскихъ и погайскихъ такимъ образомъ достигалась и притомъ въ соединеніи съ страшною отплатою русскимъ за уничтоженіе татарскихъ юртовъ и за недолговременное еще господство ихъ царя въ поволжьи. Москва была близка къ тому, чтобы согласиться на требованія, которыя, согласно съ желаніемъ этихъ князей и мурзъ, выставляли ей Крымъ и Порта. Не было, казалось, средствъ

([96]) Лѣтоп. по Никон. списку. VII, 313.

у нея оправиться отъ нанесеннаго ей удара и отстоять приволжье, пріобрѣтенное цѣною такъ много пролитой русской крови: какія были военныя силы у Московскаго государя, большая и лучшая часть ихъ была на западной границѣ; надъ землею тяготѣла опричнина; царь не довѣрялся боярамъ, измѣнѣ и трусости которыхъ приписывалъ и то, что Москва сожжена была татарами; не задолго предъ тѣмъ былъ голодъ въ государствѣ. Царь рѣшился уступить хану Астрахань. Время было какъ нельзя болѣе благопріятное для осуществленія стремленій князей и мурзъ. Но вооружая противъ Москвы Крымскаго хана и султана, они не воспользовались этимъ временемъ; по крайней мѣрѣ не послѣдовало никакого серьезнаго движенія противъ Московской власти въ самомъ поволжьи въ это время. Вѣроятно, что ревностнѣйшіе изъ ненавистниковъ Москвы въ ту пору участвовали въ движеніи крымскаго хана на московскія владѣнія и надѣялись, что Московскій государь и безъ того не въ состояніи удержать за собою Казанскій и Астраханскій юрты. Горделивый тонъ письма хана къ царю даетъ знать, что Девлетъ-Гирей и его князья и мурзы были такого мнѣнія на этомъ счетъ. Однакожъ обманулись. Новый походъ, предпринятый ханомъ въ 1572 году, съ такимъ же многочисленнымъ войскомъ, какъ походъ и предъидущаго года, кончился неудачно для татаръ: они принуждены были съ большимъ урономъ бѣжать домой изъ московскихъ земель. Тогда ханъ изъявилъ согласіе удовольствоваться тѣмъ, что Государь предлагалъ ему прошлаго года, т. е., Астраханью и хорошими подарками. Но на этотъ разъ посмѣялся Московскій государь надъ татариномъ: «добрыхъ поминковъ тебѣ не шлю, послалъ легкіе: ты писалъ, что тебѣ не надобны деньги, что богатство для тебя съ прахомъ равно». Долго и послѣ того Крымъ и Порта не оставляли притязаній на Казань и Астрахань и отъ времени до времени напоминали московскимъ государямъ, что тѣ незаконно владѣютъ этими юртами. Но эти притязанія вскорѣ обратились въ дипломатическую волокиту со стороны Крыма и Турскаго. Пораженіе, которое въ 1572 году, на берегу Лопасни, нанесъ татарскому ополченію князь Михаилъ Воротынскій, отбило у нихъ охоту дѣлать серьезныя попытки къ возстановленію татарскихъ юртовъ въ поволжьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князья и мурзы и муллы, лишившись помощи съ этой стороны, начинаютъ терять надежду на осуществленіе

своихъ стремленій—освободиться отъ власти Московскаго государя. Многіе изъ нихъ, не терпя этой власти, оставили родину и удалились, кто въ Крымъ, кто далѣе на востокъ и сѣверъ, другіе же принуждены были смириться и служить государю. Конечно и послѣ описанныхъ происшествій въ поволжьи не было недостатка въ инородческихъ мятежахъ. Но эти движенія, о которыхъ еще впереди будетъ рѣчь, имѣютъ иной характеръ, вызываются не стремленіями свѣтской и духовной аристократіи возстановить царства Казанское и Астраханское, а неудовлетворительнымъ общественно-экономическимъ положеніемъ черныхъ людей и направляются къ тому, чтобы выдти изъ этого положенія не тѣмъ путемъ, который предлагали князья, мурзы и муллы, а тѣмъ, къ которому прибѣгали одновременно съ ними волновавшіеся черные люди и русскаго происхожденія. Только между ногаями, въ степяхъ, еще нѣкоторое время поддерживались мечты объ изгнаніи русской власти съ Волги и о возстановленіи тутъ мусульманскихъ общественныхъ союзовъ при помощи турокъ и татаръ крымскихъ, благодаря тому, что въ ихъ кочевья власть Московская не могла еще проникнуть съ такою силою, съ какою утвердилась въ Казани и Астрахани. Но и ногайскіе князья и мурзы мало по малу приходили къ убѣжденію въ несбыточности такихъ надеждъ и въ необходимости или подчиниться московскимъ порядкамъ, или бѣгствомъ спасаться отъ нихъ. Въ 1583 году ногайскій посолъ, проѣзжая чрезъ Крымъ на пути въ Константинополь, говорилъ послу русскому при дворѣ хана: «меня князь Урусъ послалъ къ Турецкому Султану, чтобы Турскій Султанъ на Уруса князя и на всѣхъ мурзъ не пенялъ, что учинились въ волѣ государя Московскаго: чья будетъ Астрахань, Волга и Яикъ, того будетъ и вся ногайская орда» (97). Тѣ мурзы и лучшіе люди ногайскіе, которые не хотѣли быть подъ рукою Великаго государя, завладѣвшаго Астраханью, Яикомъ и Волгою, ничего не могли сдѣлать пока противъ его власти, какъ бѣжать изъ страны. «Поѣхали,—доносилъ преемнику Ивана Грознаго московскій посолъ изъ Крыма,—мурзы ногайскіе и всѣ лучшіе люди въ Крымъ отъ неволи, заплакавъ, пометали отцовъ и матерей, женъ и дѣтей и все имѣніе». Въ смутное время и остальные мурзы отпали отъ Москвы также посредствомъ бѣгства, перепесенія

(97) Исторія Россіи Соловьева VII, 376.

кочевьевъ своихъ съ погайской стороны на крымскую. Но воевода князь Львовъ и дьякъ Иванъ Грязевъ, отправленные въ Астрахань въ 1616 году, ногайскихъ мурзъ и всѣхъ улусныхъ людей съумѣли привести опять подъ царскую высокую руку, въ прямое холопство, перевели ихъ назадъ съ Крымской стороны на Ногайскую, взяли въ заложники въ Астрахань мурзъ и ихъ братьевъ, дѣтей и лучшихъ улусныхъ людей; кромѣ того изъ дальняго кочевья, изъ подъ Хивы и Бухары перевели въ Астрахань Аблу-мурзу съ братьями и съ племянниками и съ ними улусныхъ людей тысячъ до пятнадцати, укрѣпили ихъ шертью и велѣли кочевать съ астраханскими мурзами и юртовскими татарами; наконецъ князь Львовъ и дьякъ Грязевъ успѣли выручить у ногаевъ русскаго полону тысячъ съ 15 человѣкъ ([98]). Когда стали приближаться къ Волгѣ калмыки, то между нѣкоторыми мурзами составился замыселъ при помощи пришельцевъ освободиться отъ русской власти и прогнать русскихъ съ Астрахани. Въ этихъ видахъ они вошли въ сношенія съ тайдшею Урлукомъ ([99]). Орудовалъ этимъ дѣломъ главнымъ образомъ мурза Султанай, который обѣщалъ ему склонить къ отпаденію отъ Россіи и другихъ мурзъ, а если они не послушаются, то содѣйствовать ему къ покоренію ихъ ([100]). За тѣмъ ногайскіе мурзы вмѣстѣ съ калмыками идутъ въ 1643 году отнимать у Московскаго государя Астрахань ([101]). Но это нападеніе было неудачно. Союзъ съ калмыками оказался весьма невыгоднымъ для ногайскихъ мурзъ. Калмыцкіе тайдши смотрѣли на ногаевъ, какъ на своихъ холоповъ. Нѣкоторые изъ мурзъ стали находить, что выгоднѣе для нихъ служить Великому государю, чѣмъ быть на сторонѣ противниковъ его власти. Въ 1678 г. астраханскіе воеводы доносили въ Москву, что, «по ихъ посылкамъ и по призыву, отставъ отъ Калмыцкихъ тайдшей и отъ Ногайскихъ и отъ Едисанскихъ мурзъ, пріѣхали подъ Астрахань Великому государю служить, въ вѣчное холопство, Ногайскіе Кучукъ да Сары да Кайбулатъ мурзы Янибѣковы дѣти Тинокпатовы, да Урусъ мурза Кучюковъ сынъ Тинок-

---

([98]) Тамъ же IX, 173.

([99]) Сибирская Ист. Фишера 331.

([100]) Тамъ же 419.

([101]) Дворцовые разряды. II, 699.

натовъ же съ женами и съ дѣтьми и съ улусными людьми, и къ шерти тѣ мурзы приведены и аманаты взяты (102)». Вслѣдъ за этими мурзами, въ томъ же году, въ Астрахань пріѣхали служить Великому государю «въ вѣчное холопство: Карасай мурза Бѣковъ сынъ Юнусовъ, да Каппамбетъ мурза Ишерековъ съ сыномъ Ичетемиремъ мурзою и съ улусными людьми», да Назымъ мурза, сынъ ногайскаго мурзы Ямгурчея, Кейкувата Япмаметева, который и за отца своего, и за братью, и за дѣтей и за племянниковъ и за улусныхъ людей передъ воеводами шерть учинилъ на томъ, что отцу его Ямгурчею и имъ притти кочевать подъ Астрахань; также «отставъ отъ калмыцкихъ тайшей и отъ ногайскихъ и отъ едисанскихъ мурзъ, пришли подъ Астрахань кочевать едисанскіе Аметъ мурза Килимбѣтевъ сынъ Тимбаевъ, да съ нимъ дѣти его Смаилъ да Исламъ мурзы съ улусными людьми, и къ шерти приведены» (103). Прочіе же ногайскіе мурзы, связавъ волею-неволею свою судьбу съ калмыками и находясь въ подчиненіи у калмыцкихъ тайшей, могли враждовать съ Москвою лишь тогда, когда это угодно было послѣднимъ. Хотя послѣдніе рѣдко находились въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Москвою и постоянно нарушали шертныя записи, которыя давали Московскому государю, однакожъ татарскіе мурзы отъ этого ничего не выигрывали для своего дѣла: Шукуръ Дайчинъ, пользовавшійся старшинствомъ между тайшами послѣ смерти Урлука, и слѣдовавшіе за нимъ Пунцукъ и Аюка, изъ которыхъ послѣдній въ 1690 году получилъ отъ Далай Ламы почетный титулъ хана и сдѣлался самовластнымъ въ калмыцкихъ улусахъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Московскому правительству преслѣдовали свои калмыцкія, или, точнѣе, династическія цѣли и вовсе не выказывали расположенія заботиться объ интересахъ этихъ мурзъ. Точно также не исполнились надежды князей и мурзъ и прежняго Сибирскаго царства—при помощи калмыковъ освободиться отъ власти Московскаго государя и возстановить прежніе мусульманско-татарскіе порядки въ странѣ, хотя нельзя не сказать того, что вмѣшательство калмыковъ въ движеніе этихъ князей и мурзъ, враждебныхъ Московской власти, имѣло значительное вліяніе на ихъ ходъ и характеръ.

---

(102) Доп. VIII, 7.

(103) Тамъ же.

Въ 1582 году казацкій атаманъ Ермакъ Тимофѣевичъ съ товарищами ударилъ челомъ Великому Московскому Государю царствомъ Сибирскимъ. Событіе это было отпраздновано въ Москвѣ съ большимъ торжествомъ: звонили во всѣ колокола, роздано было отъ имени царя много милостыни нищимъ; виновники событія щедро были взысканы государевою милостію. Казалось, что царство Сибирское твердо упрочено за Московскимъ государемъ: могущественнѣйшіе мурзы этого царства присягнули на вѣрность Великому Государю, храбрѣйшіе защитники его были или перебиты въ бояхъ или взяты въ плѣнъ русскими; силѣ, которая еще находилась въ распоряженіи Сибирскаго царя Кучюма, угрожало движеніе князя Сейдяка, который шелъ мстить убійцѣ своего отца и возстановить въ царствѣ значеніе Тайбугина дома; Кучюмъ самъ сознавалъ всю безнадежность своего положенія: «кого, говорилъ онъ подъ гнетомъ этого сознанія, Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ». Не смотря на то Кучюмъ не покидалъ намѣренія возстановить свою власть въ Сибири и передалъ эти стремленія своимъ потомкамъ; съ другой стороны князья и мурзы, которые было оставили царя Сибирскаго на произволъ судьбы и дали шертъ Московскому государю, съ появленіемъ воеводъ и съ утвержденіемъ въ странѣ московскихъ порядковъ стали думать, что они дали большой промахъ, поддавшись такъ скоро русской власти, что въ новомъ положеніи имъ хуже, чѣмъ было при господствѣ сибирскихъ царей. Отсюда ихъ мятежи противъ новой для нихъ власти. Нѣкоторые изъ нихъ сначала дѣйствовали въ этомъ направленіи особнякомъ, внѣ связи съ Кучюмомъ и его домомъ, имѣя въ виду быть ни отъ кого независимыми, ни отъ Кучюма, ни отъ Московскаго государя. Но такого рода движеніе князей и мурзъ противъ русской власти легко и скоро было подавляемо служилыми людьми Московскаго государя; тогда недовольные русскою властію князья и мурзы стали соединяться около фамиліи Кучюма и во имя правъ ея на Сибирь враждовать противъ Московской власти. Такъ какъ они сами по себѣ были не въ состояніи бороться съ нею, то обыкновенно искали помощи внѣ, по преимуществу у калмыковъ, возбуждая въ тоже время противъ русскихъ и черныхъ людей страны.

Ходъ этой борьбы, длившейся почти цѣлое столѣтіе, былъ таковъ:

Выбитый Ермакомъ изъ Сибирскаго царства, Кучюмъ зорко слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что происходило между русскими. Казакамъ, между тѣмъ, стало измѣнять счастіе: приходъ въ Сибирь воеводъ Болховскаго и Глухова съ ратными людьми мало принесъ пособія Ермаку и его товарищамъ; пришельцы не позаботились изготовить нужное количество съѣстныхъ припасовъ; то, что было заготовлено Ермакомъ, могло хватить только на продовольствованіе его товарищей; но не было возможности этимъ запасомъ прокормить и казаковъ и вновь прибывшихъ служилыхъ людей; вслѣдствіе этого зимой 1584 года открылся между русскими голодъ: много ратныхъ людей и казаковъ погибло отъ этого; умеръ и воевода князь Семенъ Болховской. Хотя съ наступленіемъ весны голодъ и прекратился, благодаря тому обстоятельству, что окрестные инородцы навезли русскимъ всякаго рода запасовъ; но убыли въ людяхъ, произведенной голодомъ, восполнить было не кѣмъ. Этимъ обстоятельствомъ не замедлили воспользоваться сибиряки, недовольные русскимъ господствомъ, чтобы сдѣлать попытку къ его уничтоженію. Между ними лѣтописи особенно выставляютъ на видъ того мурзу, который при Кучюмѣ былъ первымъ сановникомъ Сибирскаго царства, носилъ званіе *Карачи* и который не задолго предъ тѣмъ измѣнилъ своему хану, передавшись на сторону русскихъ. Онъ послалъ просить помощи у казаковъ противъ ногаевъ, которые будто бы грозили нападеніемъ на его улусъ. Въ сущности это была хитрость, выдуманная татариномъ въ видахъ раздѣлить русскія силы, заманить одну часть ихъ въ западню и, истребивъ ее, неожиданно напасть на другую. Казаки не разгадали этихъ замысловъ сибирскаго вельможи; «Ермакъ и его товарищи повѣрили шерти невѣрнаго, говоритъ лѣтописецъ, оскудѣли своими умами, позабывъ о томъ, что сказалъ нѣкогда пророкъ: не всякому духу вѣруйте, но испытуйте»...—и отпустили атамана Ивана Кольцо и съ нимъ 40 человѣкъ казаковъ, по требованію Карачи. Всѣ они были изрублены татарами. Другой атаманъ, посланный Ермакомъ развѣдать объ отрядѣ Ивана Кольцо, также погибъ. Окончивъ одну половину замысла, Карача немедленно приступилъ къ выполненію второй. Неожиданно напасть на казаковъ, которые между тѣмъ узнали о постигшемъ ихъ бѣдствіи, ему не

удалось; но онъ обложилъ городъ, гдѣ сидѣли немногочисленные казаки, «хотя уморить ихъ голодомъ и, аки нѣкая ехидна, дыхая на нихъ, уклонишася въ злоокаянную свою мысль, хотя ихъ похитить, и простре руки свои окаянный на убіеніе казаковъ, и собраніе ихъ хотя себѣ взяти и стоя подъ градомъ многое время» (104). Замыселъ этотъ неудалось Карачѣ привести въ исполненіе; напротивъ онъ дорого поплатился за попытку истребить казаковъ: атаманъ Мещерякъ сдѣлалъ удачную ночную вылазку на осаждавшихъ татаръ; произвелъ жестокую рѣзню въ ихъ станѣ, при чемъ погибли два сына Карачи, и выбилъ ихъ изъ ихъ стана. Попытка Карачи отмстить казакамъ, которые между тѣмъ спѣшили въ городъ соединиться съ Ермакомъ, сдѣланная на утро послѣ побоища, не удалась. Мещерякъ отбился отъ татаръ. «Видя, что казаковъ одолѣть нельзя, Карача со срамомъ ушелъ въ свояси». Но то, что не съумѣлъ сдѣлать относительно казаковъ Карача сибирскій, то совершилъ самъ ханъ. Въ томъ же году (1584), столь бѣдственномъ для казаковъ, 5 августа пришла къ Ермаку вѣсть, что для торга съ русскими, вдоль р. Вагая, идетъ бухарскій купеческій караванъ, но что купцы боятся, какъ бы Кучюмъ изъ ненависти къ русскимъ не задержалъ ихъ и не ограбилъ ихъ каравана. Ермакъ немедленно съ немногочисленнымъ отрядомъ отправился на встрѣчу этимъ купцамъ; но не нашелъ ихъ тамъ, гдѣ они должны были дожидаться его по разсказу вѣстниковъ. Были ли эти вѣстники дѣйствительно посланцы бухарскихъ купцовъ, или они были агентами Кучюма, который нарочно сочинилъ извѣстіе о бухарскомъ караванѣ, чтобы завлечь казаковъ въ западню, — рѣшить трудно. Вѣроятнѣе послѣднее. По крайней мѣрѣ Кучюмъ зорко наблюдалъ за движеніемъ казацкаго отряда. Не найдя бухарскихъ купцовъ въ указанномъ мѣстѣ, казаки повернули назадъ; на дорогѣ застала ихъ бурная и дождливая ночь. Усталые, они расположились ночевать около Ермаковой перекопи, которая соединяя Вагай съ Иртышемъ, образовывала островъ, (105) и скоро уснули. Но Кучюмъ не дремалъ.

---

(104) Сибирская Лѣтоп., изд. Спасскимъ; 54

(105) Нѣкоторые писатели (Миллеръ, Спасскій) отрицаютъ, что казаки сдѣлали эту перекопь. Но Мидендорфъ доказалъ, что ее дѣй-

Около полуночи онъ съ своими татарами переправился чрезъ Иртышъ и напалъ на сонныхъ казаковъ. Ермакъ и его товарищи погибли. Атаманъ Мещерякъ, узнавъ объ этомъ бѣдствіи, увидѣлъ, что съ тѣми немногими людьми, которыми онъ командовалъ и которые находились подъ начальствомъ воеводы Глухова, нельзя держаться противъ Кучюма. Мещерякъ и Глуховъ оставили Сибирь. Послѣ того царевичъ Алп, сынъ Кучюма, занялъ оставленный казаками и ратными людьми городъ, а за тѣмъ и самъ Кучюмъ съ торжествомъ вступилъ въ свою столицу. Торжество его было непродолжительно. ([106]) Едва только совершенно, по видимому, очищено было отъ русскихъ Сибирское царство, какъ въ немъ вспыхнула внутренная борьба: мурзы и князья раздѣлились на двѣ враждебныя стороны; одни пристали къ Шейдяку, представителю сверженной сибирской династіи, другіе остались вѣрными старому хану. Кучюмъ съ своими приверженцами былъ выбитъ изъ своего стольнаго города и удалился въ Барабинскую степь, чтобы тамъ собраться съ силами для нападенія на соперника. Между тѣмъ Московское правительство не думало отказаться отъ завоеваній, сдѣланныхъ Ермакомъ и его товарищами. Изъ Москвы отправлены были воеводы съ свѣжими силами; Мещерякъ, встрѣтившійся съ ними на дорогѣ, повернулъ назадъ. Попытка остяцкихъ князей выбить русскихъ изъ построеннаго ими укрѣпленія на устьѣ Иртыша не удалась, не смотря на то, что тѣ выставили противъ пришельцевъ всѣ находившіяся у нихъ въ распоряженіи и матеріальныя и духовныя средства: главный ихъ идолъ, который они привезли съ собою и отъ котораго ждали много помощи себѣ въ предстоявшей борьбѣ съ казаками, былъ раздробленъ пушечнымъ ядромъ, пущеннымъ изъ русскаго городка; лукъ не устоялъ предъ огненнымъ боемъ. Остяки отступили, и мало по малу князья ихъ, одинъ за другимъ, стали приходить къ воеводамъ съ покорностію и ясакомъ. Одинъ изъ нихъ, Лугуй, владѣтель двухъ городовъ и четырехъ городковъ на Оби, ѣздилъ даже въ Москву заявить тамъ свои вѣрноподданническія чувства предъ Великимъ Государемъ и вмѣстѣ съ

ствительно слѣдуетъ принимать за оборонительный ровъ, руками человѣческими вырытый. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири. А. Миддендорфа. Ч. I. стр. 225.

([106]) Сибирская лѣтоп. изд. Спасскимъ. 59.

тѣмъ бить челомъ ему объ охранительной грамотѣ, которая и дана была роду этого князя и по которой запрещалось ясачнымъ сборщикамъ приходить въ волости Лугуя за ясакомъ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ приносилъ ясакъ (семь сороковъ лучшихъ соболей) на Вымь ([107]). Такимъ образомъ со стороны остяцкихъ князей ни Шейдяковой, ни Кучюмовой партіи нельзя было ждать подмоги въ предстоявшей борьбѣ съ русскими. Хотя князцы финнскихъ поколѣній, вогульскихъ и остяцкихъ, входившихъ прежде въ составъ Сибирскаго царства, и въ томъ числѣ преемникъ Лугуя, вскорѣ начали дѣлать возстанія противъ русскихъ, но изъ этого не могли извлечь для себя выгоды мурзы, державшіеся около двухъ соперничествовавшихъ фамилій: возстанія эти вовсе не имѣли цѣлію возстановить Сибирское царство; князцы отдѣлили свои интересы отъ интересовъ князей и мурзъ татарскихъ; притомъ, возстанія ихъ скоро и безъ особенныхъ усилій были подавляемы людьми съ огнепнымъ боемъ, вслѣдствіе отсутствія единства въ дѣйствіяхъ между возстававшими и благодаря мѣрамъ, принятымъ Московскимъ правительствомъ, въ особенности постройкѣ укрѣпленій въ земляхъ Сибирскаго царства. Шейдякъ потому не только не могъ помѣшать русскимъ построить не далеко отъ стольнаго города Сибири укрѣпленіе — знаменитый Тобольскъ,—но вскорѣ послѣ возникновенія этого города попалъ въ руки основателя его письмяннаго головы Чулкова; съ нимъ вмѣстѣ были захвачены и отправлены въ Москву главные приверженцы его партіи: думный мурза—Карача, тотъ самый, который истребилъ отрядъ Ивана Кольцо, царевичъ казакской орды, который въ Москвѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Уразъ-Магомета ([108]); другіе его сторонники были перебиты, или должны были покориться русской власти ([109]). Оттолѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ,

---

([107]) «Эта грамота, говоритъ Фишеръ, древнѣйшій въ Сибири документъ: Остяки Куноватской волости Березовскаго уѣзда хранятъ ее весьма свято». Сибирская исторія. СПБ. 1774 г. стр. 116.

([108]) См. Изслѣдов. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ В. Вельяминова-Зернова. II, 97 и далѣе

([109]) Подробности плѣненія Шейдяка въ разныхъ лѣтописяхъ передаются различно. По однимъ (сводъ извѣстій объ этомъ см. у В. Вельяминова-Зернова «Изслѣдов. о Касим. цар.» II, 98—101). Чулковъ захватилъ хана вѣроломнымъ образомъ, а именно: узнавъ, что онъ

на всѣхъ бусурманъ Сибирской земли напалъ великій страхъ, и всѣ татары, ближніе и дальніе, не смѣли приходить войною къ Государевымъ городамъ». Кучюмъ, который теперь освободился отъ внутренняго врага, съ своими мурзами раз-

---

съ своими приближенными и въ сопровожденіи 500 воинскихъ людей выѣхалъ изъ города Сибири охотиться на такъ называемый Княжій лугъ, Чулковъ, посовѣтовавшись съ своими воинскими людьми, послалъ къ нему звать его къ себѣ въ Тобольскъ съ немногими людьми для заключенія мирнаго договора. Шейдякъ согласился, вошелъ въ русскій городъ съ сотнею воинскихъ людей, оставивъ остальныхъ, а равно и оружіе, по требованію русскихъ, за городскими стѣнами. Сначала шло все мирнымъ порядкомъ; гости сѣли за столъ; много говорено было на счетъ мирнаго поставленья; ѣли и пили довольно; не пилъ и не ѣлъ одинъ Шейдякъ и сидѣлъ задумавшись. Тогда воевода Данило Чулковъ сказалъ ему: князь Сейдякъ! развѣ ты что злое умышляешь на насъ? ничего не ѣшь и не пьешь? Ханъ отвѣчалъ: я никакого зла на васъ не мыслю. Данило же, взявъ чашу съ виномъ, сказалъ: князь Сейдякъ! если не мыслишь противъ насъ зла ты, и царевичь Султанъ и Карача, то выпейте эту чашу воздравіе. Взялъ эту чашу Сейдякъ и началъ пить, но поперхнулся; потомъ сталъ пить царевичъ Султанъ и тоже поперхнулся, наконецъ, когда очередь дошла и до Карачи, и онъ также поперхнулся. «Значитъ Богъ обличилъ ихъ намѣренія», замѣчаетъ лѣтописецъ и за тѣмъ продолжаетъ: Воевода и воинскіе люди, видя, что Сейдякъ и прочіе на нихъ мыслятъ злое, хотятъ ихъ смерти предать, по данному Даниломъ Чулковымъ знаку, бросились на поганыхъ и начали ихъ бить. Князь Сейдякъ кинулся въ окно, за нимъ царевичъ Султанъ и Карача; но тотчасъ были пойманы и связаны; прочіе же были побиты. Когда тѣ, которые стояли внѣ города, узнали объ этомъ: то на нихъ напалъ такой страхъ, что и въ свой городъ не съумѣли возвратиться. Даже и тѣ, кто оставался въ городѣ, не посмѣли оставаться тутъ, и выбѣжали вонъ.

По другимъ, болѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, значится слѣдующее: Сейдякъ задумалъ разорить Тобольскъ, русскихъ людей въ немъ побить, чтобы тѣмъ отохотить другихъ селиться въ Сибирской землѣ, подступилъ къ городу со всѣми своими людьми и пошелъ на приступъ. Московскіе люди и Волжскіе казаки дали татарамъ приблизиться къ самымъ стѣнамъ города; тогда начали по нимъ стрѣлять и многихъ изъ нихъ убили. Между тѣмъ отъ казаковъ отдѣлился отрядъ, который подъ предводительствомъ атамана Мещеряка сдѣлалъ вылазку, многихъ бусурманъ побилъ и взялъ въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ Сейдякъ, который въ этомъ бою былъ раненъ. Спасшіеся отъ смерти и отъ плѣна не устояли, кинули свой станъ и все свое богатство, которое находилось въ станѣ, пошли на утекъ. Въ этомъ бою былъ убитъ предводитель побѣдоноснаго отряда, атаманъ Матвѣй Мещерякъ. Сиб. Лѣт. изд. Спасскимъ; 64—65.

суждалъ однакожъ иначе: только послѣ того, какъ, въ 1591 году, кн. Масальскій разбилъ его близъ озера Чили-Кула и при этомъ взялъ въ плѣнъ двухъ женъ и сына его Абулъ-Хаира, только послѣ этого онъ рѣшился показать уступчивость предъ Московскою властію. Но условія подданства Великому Государю, предложенныя Кучюмомъ, были такого рода, что Московское правительство должно было смотрѣть на миролюбіе его не иначе, какъ на проволочку дѣла, затѣянную ханомъ для того, чтобы ему удобнѣе собраться съ силами для продолженія борьбы съ русскими: Кучюмъ потребовалъ, чтобы ему возвращенъ былъ Сибирскій юртъ, чтобы отданъ былъ ему назадъ племянникъ его Магметъ-Кулъ, и подъ этими только условіями обѣщался стать подъ высокую царскую руку. Отвѣта на такое предложеніе хана не послѣдовало. Между тѣмъ онъ не терялъ времени даромъ: нападалъ на русскихъ и тѣхъ инородцевъ, которые держались Московской власти, завелъ сношенія съ ногайцами, которые прислали ему воинскихъ людей; успѣвалъ даже перезывать къ себѣ русскихъ служилыхъ людей ([110]). Бѣдствія, которыя между тѣмъ не переставали преслѣдовать хана, не умепьшили въ немъ рѣшимости возвратить себѣ отбитое у него царство. Русскіе стали стѣснять его и въ Барабинской степи; барабинцы смирились предъ огненнымъ боемъ служилыхъ людей и казаковъ; въ успѣшномъ исходѣ Кучюмова дѣла стали сомнѣваться люди, на вѣрность и мужество которыхъ онъ имѣлъ основаніе болѣе всѣхъ другихъ расчитывать: мать Магметъ-Кула, мурза Чанъ и ихъ улусные люди оставили стараго хана и добровольною сдачею московскимъ воеводамъ спѣшили снискать милость Великаго Государя; простые люди уходили отъ него толпами. Не смотря на эти удары, Кучюмъ, который между тѣмъ ослѣпъ и оглохъ, не думалъ отдаться безусловно подъ царскую высокую руку, не утратилъ сознанія своего царственнаго величія и не разстался съ мыслію о возможности продолжать борьбу съ могущественнымъ соперникомъ. «До сихъ поръ, увѣдомлялъ онъ тарскихъ воеводъ въ это время,—я пытался противъ васъ

([110]) Послѣ окончательнаго пораженія Кучюма русскими, возвратился къ воеводѣ Андрею Воейкову литвинъ Якубъ Григорьевъ, «и прежъ сего тотъ Литвинъ Якубъ сбѣжалъ съ Тобольскаго города къ Кучюму царю, при князѣ Володимерѣ Масальскомъ съ товарищи, и былъ у Кучюма десять лѣтъ». А. И. II, 4.

стоять; Сибирь не я отдалъ, сами вы взяли; теперь попытаемся помириться: на концѣ не будетъ ли лучше? Съ ногаями я въ союзѣ, и только съ обѣихъ сторонъ какъ станемъ, то княжая казна пошатнется. Я хочу мириться въ правду и для мира на всякое дѣло уступки сдѣлаю». Путь мира не привелъ Кучюма къ цѣли, къ которой онъ стремился. Московское правительство, какъ видно, по прежнему требовало отъ него, чтобы ѣхалъ онъ въ Москву, обѣщая ему въ общихъ выраженіяхъ: или устроить городами, волостями и денежнымъ жалованьемъ по достоинству, если онъ пожелаетъ быть при царскихъ очахъ, или пожаловать его на Сибирской землѣ царемъ и держать милостиво, если онъ захочетъ быть на прежнемъ юртѣ, въ Сибири. Кучюмъ не поѣхалъ въ Москву, какъ и слѣдовало ожидать. Напротивъ, это предложеніе со стороны Московскаго правительства должно было убѣдить его, что мировой между имъ и Великимъ Государемъ быть не можетъ. Кучюмъ рѣшился бороться со врагомъ до послѣдней крайности. Изъ поименной росписи взятыхъ русскими въ плѣнъ послѣ битвы съ Кучюмомъ на р. Оби, изъ описанія этой послѣдней схватки его съ русскими видно, что около него соединились по преимуществу князья и мурзы, также представители мусульманской вѣры, такъ что русскимъ служилымъ людямъ приходилось въ сущности имѣть дѣло съ аристократіей Сибирскаго царства (''''). Нѣсколько ясачныхъ волостей, которыя Кучюмъ успѣлъ было отвести отъ Московскаго государя, не только опять скоро были приведены въ московское холопство тарскимъ воеводою Андреемъ Воейковымъ, получившимъ приказъ въ 1598 году итти въ походъ на Кучюма и воевать не послушныя волости, но въ нихъ онъ успѣлъ узнать слѣдъ Сибирскаго царя. Имѣя подъ своимъ начальствомъ трехъ боярскихъ дѣтей, да голову татарскаго, да трехъ атамановъ, да четыреста безъ трехъ человѣкъ Литвы и казаковъ и юртовскихъ и волостныхъ татаръ, Воейковъ 4-го августа выступилъ въ походъ. Лучшіе люди волостей, державшихся хана и теперь снова покоренныхъ Московской власти разноязычнымъ ополченіемъ Воейкова, въ распросѣ и съ пытки говорили воеводѣ: «Кучюмъ царь кочуетъ на Оби на рѣкѣ, гдѣ онъ хлѣбъ сѣетъ, а въ собраньи съ Кучюмомъ 500 человѣкъ, и хочетъ итти

(''''') А. И. II, 2.

Кучюмъ подъ государевъ, царевъ городъ Тару и на Ялынскую и на Коурдацкую волость войною вскорѣ; да Кучюмовыхъ же людей живетъ на Икѣ озерѣ семей съ тридцать, не доходя Кучюмова кочевья четыре днища» ([113]). Получивъ это извѣстіе, воевода отправилъ немедленно отрядъ разгромить улусы на Икѣ. Жители этихъ улусовъ были перебиты всѣ, за исключеніемъ только 5 человѣкъ, которые были приведены къ воеводѣ и, преданные пыткѣ, сдѣлали такія же на распросѣ показанія о Кучюмѣ, какія получены воеводою отъ прежде пытанныхъ языковъ. Разница была та отъ прежнихъ показаній, что теперь воевода узналъ о существованіи другихъ приверженцевъ Сибирскаго царя,—кочевавшихъ на день или на два дня разстоянія отъ главной ставки Кучюма. Эти послѣдніе обречены были на ту же участь, какая постигла улусныхъ людей на озерѣ Икѣ: служилые люди подъ начальствомъ дѣтей боярскихъ Моисѣя Глѣбова и Ѳедора Лопухина неожиданно напали на этихъ людей, побили ихъ всѣхъ и ни одного человѣка не допустили до Кучюма съ вѣстію о приближавшейся къ нему бѣдѣ. Такимъ образомъ онъ ничего не зналъ относительно движенія и намѣренія воеводы Воейкова и оставался на Оби. Между тѣмъ самъ воевода шелъ на него, на спѣхъ, день и ночь и наконецъ 20 августа, на разсвѣтѣ, напалъ на его станъ. Какъ ни мало были подготовлены къ встрѣчѣ со врагомъ люди Кучюма, однако Воейковъ не скоро могъ одолѣть ихъ: съ утра до полудня бились они съ московскими служилыми людьми. Побѣда осталась на сторонѣ послѣднихъ; Кучюмъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Многіе изъ царевичей, мурзъ и служилыхъ людей его легли костьми на мѣстѣ битвы; другіе и въ томъ числѣ семейство царя и любимый сынъ его Асманакъ попались въ плѣнъ; нѣкоторые хотѣли уйти за Обь рѣку; но сто человѣкъ изъ этого отряда утонуло, другіе были перебиты: «потому что какъ поплыли они за Обь рѣку, государевы люди побивали ихъ съ берегу изъ пищалей и изъ луковъ: да съ 50 человѣкъ служилыхъ людей взяты были живыми, и воевода велѣлъ ихъ побить, а иныхъ перевѣшать». Пятьдесятъ человѣкъ, которые успѣли утечь съ бою, были пагнаны и всѣ избиты. Но торжество побѣдителей много омрачилось тѣмъ, что ничего не

([113]) Тамъ же II, I. Здѣсь излагаются всѣ извѣстныя подробности исторіи послѣдней борьбы Кучюма съ Москвою.

было имъ извѣстно о самомъ Кучюмѣ; неизвѣстно было живъ ли онъ, или утонулъ въ рѣкѣ во время бѣгства. Обстоятельство это казалось столь важнымъ воеводѣ, что онъ не отважился стоять долго на кочевьи Кучюмовомъ и, незаботясь о наложеніи ясака на волости, приведенныя теперь подъ царскую высокую руку, поспѣшилъ въ городъ Тару, захвативъ съ собою знатныхъ плѣнниковъ и лучшихъ волостныхъ людей. Между тѣмъ какъ эти плѣнники ѣхали въ Москву, терпя отъ сопровождавшаго отряда казаковъ немало притѣсненій и оскорбленій ([114]), въ это время тарскія власти розыскивали Кучюма. Еще на на третій день послѣ Обскаго побоища, находясь еще на мѣстѣ битвы, воевода Воейковъ сдѣлалъ необходимыя къ тому распоряженія. Для розыска царя и для переговоровъ съ нимъ на счетъ условій сдачи его Московскому государю,— въ случаѣ, если бы онъ оказался въ живыхъ, отправленъ былъ Тулъ Маметъ, сеитъ Сибирскаго царства, который вмѣстѣ съ другими попался въ плѣнъ во время битвы на Оби. Выборъ этотъ сдѣланъ былъ, по всей вѣроятности, въ тѣхъ расчетахъ, что главнаго духовнаго сановника царства скорѣе послушаетъ упрямый старикъ, считавшій, между прочимъ, дѣломъ совѣсти отстаивать свою и сибирской земли независимость. Неизвѣстно, былъ ли закупленъ русскими властями сеитъ, или вслѣдствіе убѣжденія въ неизбѣжности этого дѣла и полезности его для мусульманства принялъ исполненіе его на себя,— только онъ согласился взять на себя роль посредника между Московскимъ правительствомъ и своимъ прежнимъ царемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этому человѣку, съ котораго предъ отъѣздомъ его взята клятва въ вѣрности Московскому государю, приказано было ѣхать и въ Чаты и говорить лучшимъ чатскимъ людямъ, князьямъ и мурзамъ, Куземенкéю князю, да Токкашу, да Кожбахтыю мурзѣ съ товарищами, чтобы они всѣ чатскіе люди были подъ царскою высокою рукою, и лучшіе бы люди

([114]) Приставы съ дороги доносили между прочимъ: «пришелъ къ царевичамъ конной казакъ Пятуня Петровъ пьянъ, ночью, съ царевичами бранился и лаялъ царевичей матерны и татарина у нихъ отнялъ.... И мурзамъ отъ казаковъ тѣснота великая, и насъ холопей твоихъ не слушаютъ, ходятъ всегда пьяны, воруютъ, къ царевичамъ и царицамъ ходятъ безчинно, а насъ холопей твоихъ и атамановъ не слушаютъ: мы де вамъ не приказаны, таковы же де мы, что и вы» А. И. II, 12. Объ этихъ плѣнникахъ см. также: А. И. II, №№ 10, 11, 13, 16, 19—22.

пріѣхали въ новой городъ на Тару и ясакъ бы государю со всей своей волости давали и во всемъ бы государю служили и прямили; а будетъ Кучюмъ царь у нихъ въ Чатахъ, и они бы его изымали и къ Государю прислали, и Государь ихъ за то пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ и оберегать ихъ велитъ своею Государевою ратью ото всѣхъ ордъ; а будетъ не похотятъ быть чатскіе люди подъ государевой высокой рукою, то сеитъ долженъ былъ говорить имъ, что воевода, по повелѣнію Великаго Государя, стапетъ воевать ихъ волости ([115]). Посланецъ нашелъ царя, который успѣлъ самъ-третей уйти съ Обскаго боя, въ суднѣ, внизъ по Оби рѣкѣ, недалеко, — въ двухъ днищахъ отъ того мѣста, гдѣ произошло роковое для него побоище 20 августа; при немъ находились три его сына и человѣкъ 30-ть преданныхъ ему людей. Когда сеитъ именемъ воеводы сказалъ ему, чтобы ѣхалъ онъ къ Государю служить, и что Государь его за то пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ и дѣтей и женъ его велитъ ему отдать, то ханъ отвѣчалъ: «не поѣхалъ я къ Государю, по государевой грамотѣ, въ ту пору, когда я совсѣмъ былъ цѣлъ; а теперь за саблею мнѣ къ Государю ѣхать не по что; теперь сталъ глухъ и слѣпъ, и нѣтъ у меня ничего. Взяли у меня промышленника сына моего Асманака; хотя бы всѣхъ дѣтей у меня побрали, и одинъ остался Асманакъ, то я бы съ нимъ еще прожилъ, а теперь я самъ пойду въ Ногаи, а сына посылаю въ Бухары». Прежде отъѣзда старый ханъ счелъ своею обязанностію посѣтить то мѣсто, гдѣ было побоище 20 августа, и отдать послѣдній долгъ тѣмъ, которые сложили тутъ свои головы, отстаивая Сибирское царство. «И водилъ его сеита Кучюмъ съ собою по побоищу два дня, хоронилъ побитыхъ». За тѣмъ при немъ же сеитѣ посылалъ онъ людей своихъ, два человѣка, въ Чаты къ Кожбахтыю мурзѣ просить лошадей и платья, на чемъ бы ему можно было подняться, и Кожбахтый прислалъ ему коня и шубу; потомъ этотъ мурза и самъ пріѣхалъ и сталъ за рѣкою Обью противъ ставки Кучюма царя и хотѣлъ съ Кучюмомъ видѣться. Но Кучюмъ поостерегся его и, не дождавшись съ нимъ свиданія, побѣжалъ съ своего кочевья вверхъ по рѣкѣ Оби, чтобы потомъ проникнуть къ погаямъ. Тамъ, говорятъ, нашелъ онъ свою смерть. Сеитъ

([115]) А. И. II, 5.

между тѣмъ отправился въ Чаты. Отвѣтъ, который дали ему чатскіе люди на предложеніе стать подъ высокую царскую руку, доказываетъ, что Кучюмъ не ошибся, недовѣряясь въ тяжелые дни свои ни одному изъ этихъ лучшихъ людей (116). Они объявили: «до сихъ поръ мы государю не служили и ясаку ему не давали, держались Кучюма царя; потому что онъ былъ близко и владѣлъ нашими волостьми; а теперь Кучюма государевы люди побили и онъ пошелъ отъ насъ прочь,—и мы рады служить государю и давать ему ясакъ съ своихъ волостей». Только на Тару идти отказались подъ предлогомъ, что имъ нужно быть дома для защиты волостей отъ недруговъ—калмыковъ; а на счетъ способа доставленія въ казну государеву ясаку, сказали сеиту: «когда придетъ пора брать съ насъ ясакъ, то пусть съ Тары за ясакомъ прислали бы тебя сеита, а съ тобой бы прислали ясатчиковъ, русскихъ людей, юртовскихъ татаръ,—и мы ясакъ Государю дадимъ и лучшихъ людей на Тару пошлемъ. Очевидно, связь между чатскими людьми и Кучюмомъ была слабая: былъ онъ около нихъ съ своими мурзами и служилыми людьми,—они ему повиновались; побитъ онъ и пошелъ отъ нихъ прочь,—они готовы служить другому. Они не стояли за ясакъ, но хотѣли только, чтобы онъ сбирался съ нихъ справедливо, безъ отягощенія для нихъ, и потому требовали, чтобы въ ясатчикахъ къ нимъ пріѣзжали русскіе люди изъ юртовскихъ татаръ, т. е., магометане, и чтобы при нихъ былъ сеитъ, который своимъ вліяніемъ могъ отводить этихъ ясатчиковъ отъ злоупотребленій. Чтобы навсегда удержать въ покорности чатскихъ татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы удобнѣе пользоваться плодородіемъ страны ихъ, изобиліемъ въ ней лошадей и рогатаго скота, въ рѣкахъ рыбы и для безопасности со стороны калмыковъ и монголовъ, въ 1604 году правительство велѣло выстроить городъ Томскъ.

При такихъ обстоятельствахъ та сторона сибиряковъ, которая сочувствовала стремленіямъ Кучюма, которая не покидала мысли о возстановленіи Сибирскаго царства, не могла скоро усилиться и предпринять что нибудь рѣшительное противъ русской власти. У сыновей Кучюма, которые явились теперь представителями этой стороны, оказалось не

---

(116) Тамъ же.

болѣе 250 человѣкъ приверженцевъ. Не надѣясь съ этими силами удержаться противъ русскихъ, они рѣшились испробовать счастія въ переговорахъ съ Московскимъ правительствомъ. Но въ результатѣ вышло для нихъ то, чего они менѣе всего желали: двое изъ Кучюмовичей, едва только приступили къ этимъ переговорамъ, безъ дальнихъ разсужденій были отправлены воеводами въ Москву. Та же участь грозила и другимъ двумъ Кучюмовичамъ, которые пока оставались на свободѣ. Тѣ выступили открытыми врагами русской власти. Прежде всего они прекратили ссору, которая произошла было между ними по поводу вопроса, кому изъ нихъ быть преемникомъ отца и называться Сибирскимъ ханомъ (потому что у старшаго Кучюмовича, Али или Алея, родившагося отъ матери простой породы, оспаривалъ это право младшій—Канай, основывая свое преимущество предъ братомъ на происхожденіи отъ матери княжескаго рода); за тѣмъ вошли въ сношенія съ ногайцами и калмыками, которые тѣмъ охотнѣе готовы были подать имъ помощь, что союзъ съ Кучюмовичами давалъ имъ благовидный предлогъ къ грабительскимъ нападеніямъ на русскія поселенія. Въ 1606 году Кучюмовичи вмѣстѣ съ калмыками сдѣлали нападеніе на Тарскій уѣздъ. Хотя они и потерпѣли отъ русскихъ пораженіе, но послѣдніе не могли помѣшать калмыкамъ утвердиться въ земляхъ этого уѣзда. Чрезъ это партія Кучюмовичей пріобрѣла значительную и постоянную поддержку. Не замедлили сказаться ощутительныя для русской власти послѣдствія этого поселенія калмыковъ въ сибирскихъ земляхъ. Опираясь на калмыцкихъ тайдшей, Кучюмовичи успѣли отвести отъ Великаго Государя нѣсколько татарскихъ волостей, дѣлали опустошительные набѣги вплоть до самой Тары, отрѣзали русскихъ отъ иртышскихъ соляныхъ озеръ и чрезъ это заставили ихъ терпѣть великую нужду, пока въ 1613 году не открыто было соляное озеро Ямышь. Между тѣмъ другіе союзники Кучюмовичей, ногайцы не оставались праздными: въ 1608 году они напали на Тюменскій уѣздъ, разграбили многія селенія; въ 1610 году они напали на башкирцевъ, жившихъ у Міаса. Русскіе съ трудомъ держались въ Сибири, тѣмъ болѣе, что одновременно съ этими движеніями Кучюмовичей имъ приходилось бороться съ возстаніями ясачныхъ инородцевъ вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ. *Ишимъ*, убѣжавшій изъ Москвы и наслѣдовавшій своему брату Али въ ханскомъ достоин-

ствѣ (въ 1616 г.), возъимѣлъ намѣреніе однимъ ударомъ уничтожить власть русскую въ Сибири. Но пораженіе, которое нанесли ему и калмыкамъ русскіе въ степи между Иртышемъ и Тоболомъ, измѣнило положеніе дѣлъ Западной Сибири. Калмыки потеряли на нѣкоторое время охоту поддерживать партію Кучюмовичей, узнавъ на опытѣ, что не всегда можно безнаказанно грабить русскія селенія. Къ тому же Московское правительство успѣло въ это время привлечь на свою сторону мунгальскаго Алтынъ-Хана, который находился во враждѣ съ калмыцкими тайдшами и котораго тѣ не могли не опасаться. Какъ бы то ни было, только послѣ этого калмыки на нѣкоторое время перестали дѣйствовать за одно съ Кучюмовичами. Тайдша Урлукъ, не смотря на то, что дочь его была за Ишимомъ, откровенно объявилъ ему, чтобы тотъ не расчитывалъ на его помощь въ борьбѣ съ русскими.

Но Кучюмовичи, во главѣ которыхъ послѣ Ишима сталъ сынъ его *Аблай*, нашли новыхъ пособниковъ для своей партіи. Выше было замѣчено, что инородческія поколѣнія, входившія въ составъ Сибирскаго царства, безъ особенныхъ усилій со стороны русскихъ были отводимы отъ Кучюма и приводимы въ холопство Великому Государю. Дѣлаясь московскими данниками, они полагали, что ничего не теряютъ противъ прежняго, и желали одного,—чтобы имъ было не хуже подъ московскою властію, чѣмъ подъ властію сибирскихъ царей. Но опытъ показалъ иное: московскіе служилые люди, плохо защищая ихъ отъ набѣговъ калмыковъ, ногаевъ и киргизъ-кайсаковъ, въ то же время усердно дѣлали имъ всякаго рода несправедливости и утѣсненія. При этомъ, естественно, мысль ихъ должна была обращаться къ прошедшему, которое еще было такъ недалеко и казалось лучшимъ, чѣмъ настоящее ихъ положеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было родиться въ нихъ желаніе возвратить это прошедшее. Не могли они при этомъ въ своихъ мысляхъ обойти Кучюма, такъ какъ личность эта тѣсно была связана съ этимъ прошедшимъ. Чѣмъ горестнѣе были послѣдніе дни слѣпаго хана, чѣмъ несокрушимѣе была его энергія въ борьбѣ за Сибирское царство, тѣмъ чаще и съ большимъ благоговѣніемъ вспоминали объ немъ прежніе его подданные и ихъ дѣти. Старый сибирскій ханъ сталъ воскресать въ ихъ представленіи, окруженный сіяніемъ царственнаго величія и славы мученичества за независимость сибирской земли. Стали думать

что Русскіе несправедливо и насильственно лишили его власти, что незаконно сбираютъ съ нихъ дань, что прирожденные ихъ повелители—Кучюмовичи. Вслѣдствіе этого Кучюмовичамъ или сторонѣ мурзъ и князей не трудно было найти среди недовольнаго русскимъ господствомъ инородческаго населенія себѣ приверженцевъ. Какъ бы то ни было, только въ 1628 году, въ Барабинской степи вспыхнуло возмущеніе во имя Кучюмовичей. Барабинскіе татары убили боярскаго сына и 18 тарскихъ казаковъ, которые оставлены были въ той области для защиты татарскихъ волостей отъ калмыцкихъ набѣговъ. Отсюда возстаніе перешло въ Тарскій уѣздъ, гдѣ отпавшіе отъ русской власти татары огнемъ и мечемъ опустошили русскія селенія вплоть до самой Тары. Уѣздъ одними своими средствами былъ не въ состояніи подавить мятежъ. Изъ Тобольска нужно было двинуть на помощь Тарѣ значительный отрядъ служилыхъ людей. Но соединеннымъ силамъ двухъ городовъ едва ли бы скоро удалось побѣдить бунтовщиковъ, если бы послѣдніе, превосходившіе русскихъ численностію, не испортили своего дѣла своею неосторожностію. Занятые грабежемъ, они не слѣдили за движеніемъ русскихъ ратныхъ людей, которые между тѣмъ не упускали ихъ изъ виду и выжидали благопріятнаго случая нанести имъ ударъ. Случай такой скоро представился: мятежники съ награбленною добычею безпечно расположились у озера Чаны; русскіе произвели неожиданное на нихъ нападеніе и нанесли имъ столь жестокое пораженіе, что изъ многочисленной ихъ толпы успѣло спастись бѣгствомъ въ Барабу только 150 человѣкъ. Въ этомъ возстаніи непосредственнаго участія Кучюмовичи не принимали; мѣстомъ ихъ враждебной русскимъ дѣятельности былъ Томскій уѣздъ. Намѣреніе Аблая, какъ видно, заключалось въ томъ, чтобы, покамѣсть барабинскіе и тарскіе мятежники будутъ дѣйствовать противъ Тары и Тобольска, съ чатскими мурзами нанести ударъ Томску, который, будучи отрѣзанъ отъ Тары и Тобольска возстаніемъ татарскаго простонародья, повидимому, не въ состояніи былъ отразить этотъ ударъ. Знатнѣйшій изъ чатскихъ мурзъ, жившій въ Чатскомъ городкѣ, при р. Оби, на большой дорогѣ отъ Томска къ Тарѣ, Тарлавъ присталъ совершенно къ сторонѣ Кучюмовича. Этотъ мурза привлекъ къ мятежу Телеутскаго князя Абака, съ которымъ находился въ свойствѣ и который тѣмъ охотнѣе согласился дѣйствовать за одно съ партіей

Кучюмовичей, что самъ недоволенъ былъ русскою властію. Ему не въ первый разъ приходилось бороться съ русскими и измѣнять государю: еще въ 1624 году онъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на томскія селенія. Но замыселъ Тарлава и другихъ мурзъ при содѣйствіи теленгутскаго князя напасть на Томскъ былъ открытъ томскими служилыми людьми ранѣе, чѣмъ того желали заговорщики: два мурзы, жившіе въ сосѣдствѣ съ Тарлавомъ, послали сказать томскимъ воеводамъ, чтобы остерегались они нечаяннаго нападенія. Узнавъ объ этихъ спошеніяхъ своихъ сосѣдей съ русскими властями, Тарлавъ испугался и убѣжалъ къ своему тестю Абаку. Но тотъ, во имя котораго замышлялось истребленіе русскихъ въ Томскѣ, не считалъ нужнымъ откладывать задуманнаго дѣла, и открылъ войну нападеніемъ на Мурзинъ городокъ, гдѣ жили мурзы, измѣнившіе его дѣлу. Взять укрѣпленія этого городка Кучюмовичу не удалось, потому что онъ принужденъ былъ отступить, услышавъ, что на защиту ненавистныхъ ему мурзъ идетъ изъ Томска войско; но за то онъ въ разоръ разорилъ татарскія и остяцкія деревни, лежавшія около тѣхъ мѣстъ, за то, вѣроятно, что онѣ не слишкомъ усердно принимали его сторону. Пораженіе, нанесенное вскорѣ послѣ того Аблаю томскими казаками при р. Шагиркѣ, лишившее его множества его приверженцевъ, которые частію были перебиты, частію разбѣжались въ Барабинскую степь,—еще не совсѣмъ уничтожило средства его партіи продолжать борьбу. Слѣдующею весною (1630 г.) Теленгутскій князь и мурза Тарлавъ возобновили войну, въ которой прошлаго года Кучюмовичи потерпѣли неудачу вслѣдствіе ихъ же трусости. Начало ихъ предпріятія было удачно: нечаянно явившись подъ Мурзинъ городокъ, они безпрепятственно изрубили жителей, неожидавшихъ разбойническаго нападенія и спокойно занимавшихся въ поляхъ работами и за тѣмъ разграбили волость при р. Шагиркѣ. Но козацкій отрядъ, посланный изъ Томска, преградилъ путь къ дальнѣйшему опустошенію страны мятежниками, разбивъ въ нѣсколькихъ стычкахъ Тарлава и Абака. Неудачи эти, говорятъ, столь сильно подѣйствовали на мятежнаго Тарлава, что онъ съ горя померъ. Теленгутскій князь, видя, что безъ помощи зятя не можетъ держаться противъ русскихъ, въ 1632 году изъявилъ покорность предъ Московскою властію, прислалъ въ Томскъ своихъ внучатъ, дѣтей Тарлава, которые, получивъ изъ рукъ воеводъ отцов-

ское наслѣдство, признаны были мурзами надъ чатскими татарами.

Кучюмовичъ, вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, лишившійся самой надежной подпоры, обратился опять къ калмыкамъ. Но такъ какъ тайдши калмыцкіе находили неудобнымъ въ тогдашнемъ ихъ положеніи враждовать съ русскими, а между тѣмъ случая пограбить пропустить не хотѣли, то Талай-тайдша порѣшилъ дѣло тѣмъ, что позволилъ Кучюмовичу набрать изъ калмыцкихъ улусовъ человѣкъ 150 какъ бы безъ его вѣдома. Царевичъ съ этою помощію и толпой тарскихъ своихъ приверженцевъ могъ дѣлать только нечаянныя нападенія на беззащитныя селенія въ Тарскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ, и то только до тѣхъ поръ, пока не появились изъ Тары и Тобольска военные отряды на защиту разоряемыхъ. Тогда разбитый онъ бросился бѣжать, оставивъ большую часть своихъ сподвижниковъ въ руки козаковъ. Талай-тайдша поспѣшилъ заявить воеводамъ, что подданные его участвовали въ въ грабежахъ Кучюмовича безъ его тайдшина вѣдома; Тайдша Урлукъ также просилъ мира, который и данъ былъ ему. Казалось, что Кучюмовичи и со стороны калмыковъ лишены были теперь средствъ безпокоить сибирскія земли, но на дѣлѣ вышло иное. Миролюбіе калмыковъ было непродолжительно. Съ 1634 года идетъ рядъ нападеній ихъ, во имя Кучюмовичей, на русскія владѣнія въ Сибири, преимущественно въ Тарскомъ и Томскомъ уѣздахъ. «Не проходило, говоритъ Фишеръ, ни одной почти осени, въ которую бы не получали тутъ страшныхъ вѣстей о непріятелѣ». Къ дѣйствительно вѣрнымъ извѣстіямъ часто присоединялись преувеличенные слухи о силѣ искателя сибирскаго юрта; крестьяне со страху оставляли деревни и уходили въ города и остроги. Пораженія, которыя постоянно терпѣла партія Кучюмовичей, опиравшаяся теперь на калмыковъ, при всякомъ столкновеніи съ русскими служилыми людьми, мало на нее дѣйствовали: на мѣсто убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ являлись другіе приверженцы, или привлекаемые въ станъ потомковъ Кучюма жаждою грабежа, или иногда обольщаемые надеждой на возстановленіе Сибирскаго царства. Въ титулованныхъ атаманахъ этой партіи, превратившейся въ разбойническую шайку, также недостатка не было, благодаря плодовитости Кучюмова дома. Сходилъ одинъ изъ нихъ въ могилу,—на мѣсто его являлся другой съ громкимъ титуломъ Сибирскаго хана. Аблай въ 1635 году по-

пался въ плѣнъ русскимъ и окончилъ жизнь въ заключеніи въ Москвѣ,—на мѣсто его явился претендентомъ на Сибирь Девлетъ-Кирей; ему помогали грабить, во имя этихъ притязаній, Абугай, Кучукъ. Отъ времени до времени они изъявляли наклонность покориться Московскому Государю, входили поэтому по виду въ сношенія съ сибирскими воеводами; но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что они снова принимались за свои грабежи. Подробно разсказывать о такихъ событіяхъ нѣтъ надобности. Достаточно привести нѣсколько свидѣтельствъ о подвигахъ Кучюмовичей, чтобы видѣть характеръ борьбы, которую эта партія вела противъ Московской власти. Въ 1651 году приверженцы Кучюмовичей повоевали Исетскій Далматовъ монастырь, и объ этомъ такъ разсказывалъ самъ основатель этого монастыря: «былъ онъ старецъ Далматъ въ Туринскомъ острогѣ и въ слободахъ Тобольскаго уѣзда, и безъ него Далмата, пришедъ безвѣстно, воинскіе люди Исетскій монастырь повоевали, пять человѣкъ старцевъ и монастырскихъ служекъ и трудниковъ и крестьянъ съ женами и съ дѣтьми, человѣкъ съ полъшестьдесять, въ кельяхъ сожгли и побили, и въ полонъ поимали, и животы всѣ пограбили. и лошадей и всякій скотъ отогнали». Жилецъ монастырскій, Димитрій Ивановъ Кузнецовъ, который былъ очевидцемъ событія, разсказывалъ: «въ праздничный день Рождества Пречистой Богородицы ходилъ онъ Митька рыбной ловли смотрѣть на рѣку Течю, въ трехъ верстахъ отъ монастыря и около полудня увидѣлъ: горитъ Исетской монастырь,—и онъ Митька побѣжалъ тогда къ монастырю. И какъ онъ Митька прибѣжалъ близко Исетскаго монастыря,—его воинскіе люди, поимавъ, связали и, связавъ, мучили, били и топтали и оружьемъ стращали, а спрашивали монастырскаго живота, лошадей и скота. А какъ онъ Митька связанъ былъ въ полону, видѣлъ тюменскихъ ясачныхъ татаръ (слѣдуютъ имена), да уфимскихъ и башкирцевъ, и видѣлъ полоненныхъ мать свою, жену и дѣтей, и иныхъ монастырскихъ служекъ, крестьянъ съ женами и съ дѣтьми, а иныхъ побитыхъ и созженыхъ, и онъ Митька въ полночь развязался, изъ полону бѣжалъ ([117]). Въ началѣ 1660 года ясачные люди Тарскаго уѣзда пяти волостей Барабинской, Чойской, Кулебинской, Лю-

([117]) Доп. III, 90.

байской и Тунусской, уцѣлѣвшіе отъ погрому, произведеннаго царевичами и калмыцкими воинскими людьми, въ челобитной своей на имя Государю такія вещи разсказывали: «Въ нынѣшнемъ въ 168 году приходили войною на насъ, сиротъ вашихъ, царевичи, Кучюмовы внучата съ калмыцкими воинскими многими людьми и наши пять волостей повоевали, многихъ насъ, сиротъ вашихъ, побили, а иныхъ многихъ насъ сиротъ вашихъ и женишекъ и дѣтишекъ нашихъ въ полонъ взяли, больше семи сотъ душъ; а которые мы, сироты ваши, небольшіе людишки отъ калмыцкихъ воинскихъ людей и ушли и у тѣхъ насъ сиротъ вашихъ, женишекъ и дѣтишекъ всѣхъ въ полонъ поимали, и всякой животъ пограбили и совсѣмъ насъ, сиротъ вашихъ, разорили безъ остатку. А повоевавъ насъ, сиротъ вашихъ, и въ полонъ поимавъ женишекъ и дѣтишекъ нашихъ, царевичи и калмыцкіе люди пошли на свои жилища вверхъ по Иртышу. Да тѣжъ царевичи и калмыцкіе люди хвалятся быть въ другой разъ на наши сиротъ вашихъ волости, воевать и побивать послѣднихъ насъ сиротъ вашихъ; и женишекъ и дѣтишекъ въ полонъ забрать, и иные ваши государевы волости воевать и разорять до послѣдняго человѣка». Разоренные просили Государя послать на грабителей служилыхъ ратныхъ людей съ огненнымъ боемъ, промыслъ надъ ними учинить и полонъ отбить ([118]). Этотъ и другіе многочисленные случаи дѣятельности Кучюмовичей должны бы были убѣдить инородческое простонародье, что отъ нихъ ему добра ждать нечего. Однакожъ не смотря на то, что эта партія безъ разбору грабила и русскихъ и татаръ, меду инородцами прежняго Сибирскаго царства не умирала надежда освободиться отъ русской власти при помощи вождей этой партіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія возстаніе ясачныхъ охватило нынѣшнія губерніи Оренбургскую, Пермскую и Тобольскую; встали противъ русской власти уфимскіе черемисы, татары, башкирцы и вогуличи,—и возстаніе произведено было во имя Кучюмовичей и отчасти было возбуждено послѣдними. Что это возстаніе было въ связи съ движеніемъ Кучюмовичей, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: въ 1679 году нѣсколько татаръ, допося въ Тобольскъ о новыхъ замыслахъ Кучюмовичей напасть на русскія селе-

([118]) Доп. IV, 71.

нія въ Сибири между прочимъ говорили: «и въ прошлыхъ годахъ они же башкирцевъ къ измѣнѣ подговорили и сами воровали за одно» (119). Впрочемъ взбунтовавшіеся инородцы и не думали скрывать, что воруютъ за одно съ царевичами; При самомъ началѣ мятежа оповѣщено было бунтовщиками инородческому населенію края, «поднялся де на Русь ихъ царь». Прикащикъ Катайскаго острога Иванъ Широкой допосилъ между прочимъ: »нашли де они въ наволокѣ ранепаго татарина Илюшку Сабанчіева, и въ распросѣ онъ Илюшка сказалъ: говорили ему измѣнники Катайскіе, оброчные татары, теперь де мы повоевали Катайскій острогъ, а всѣ де татары, Уфимскіе, Пышминскіе и Епанчинскіе, и Верхотурскіе ясачные вогуличи руки подавали царевичамъ и хотятъ де итти войною на всѣ слободы» (120). Мятежныя дѣйствія прежде всего обнаружились на Исети. Въ теченіе августа 1662 года «на Исетѣ рѣкѣ воинскіе люди измѣнники Башкирцы и Черемисы и выѣзжіе татары многія слободы повоевали, людей побили и скотъ отогнали и дворы выжгли»; въ то же самое время другая шайка повоевала весь Кунгуръ, людей посѣкли, при чемъ оказалось, что татары стрѣляли чинеными ядрами. За тѣмъ у бунтовщиковъ было намѣреніе идти, подъ предводительствомъ царевичей, воевать, какъ крестьяне пожнутъ и складутъ хлѣбъ, слободы Тюменскаго, Верхотурскаго и Епанчинскаго уѣздовъ. Въ ихъ дѣлѣ приняли участіе человѣкъ 50 литовскихъ людей. Мятежники расчитывали получить помощь отъ крымскаго хана, съ которымъ, какъ видно, находились въ сношеніи и который ободрялъ ихъ къ продолженію мятежа. Насчитывали они до 20 тысячъ людей, которые отряжены были воевать въ Сибирь. Но всѣ эти предположенія мятежниковъ не удались: оказалось, что имъ подъ силу было только грабить беззащитныя селенія, и при каждой встрѣчѣ съ русскими служилыми людьми были разбиваемы. Даже не воинскіе люди русскіе напосили ихъ шайкамъ пораженіе; такъ «Невьянскаго монастыря строитель Давыдъ старецъ побилъ въ походѣ воровскихъ татаръ человѣкъ съ двѣсти». Лѣтомъ въ 1663 году собралась толпа болѣе, чѣмъ въ 1000 человѣкъ, и подъ начальствомъ царевича Кучука

(119) Доп. VIII, 15. VI.

(120) Тамъ же IV. 124. Здѣсь же заключаются подробности этого мятежа.

начала опустошать волости невьянскую и ирбитьскую, «въ селѣ Покровскомъ крестьянъ всѣхъ присѣкла, и церковь божію и ограду и дворы всѣ сожгла»; за тѣмъ мятежники двинулись къ Арамашевѣ слободѣ и на пути «во всѣхъ деревняхъ дворы всѣ прижгли и многихъ крестьянъ присѣкли, а иные по лѣсамъ разбѣжались, и женъ и дѣтей въ полонъ побрали, и скоть весь отогнали, и животы крестьянскіе всѣ пограбили». Въ то же время такое же опустошеніе произведено было по р. Рѣжѣ. Послѣ этого осадили они остроги Арамашевскій и Невьянскій. Отрядъ рейтаръ и солдатъ подъ начальствомъ маіора Ситтера и капитана Галасеина не въ состояніи былъ выдержать борьбу съ Кучукомъ, хотя ему дѣятельно помогали крестьяне, предводимые строителемъ Невьянскаго монастыря, и даже попалъ въ засаду въ трехъ верстахъ отъ Арамашевской слободы; только движеніе изъ Тобольска новыхъ силъ воинскихъ подъ начальствомъ полковника Полуехтова выручило его изъ бѣды: тогда Кучукъ удалился къ Покровскому селу, гдѣ и расположился станомъ. Но держаться здѣсь онъ былъ не въ силахъ; потому что вскорѣ изъ Тобольска, на помощь Полуехтову, двинуты были свѣжія войска изъ солдатъ, рейтаръ и служилыхъ татаръ. Царевичь бѣжалъ. Въ концѣ 1663 года башкирцы Уфимскаго уѣзда, ногайской и казанской дорогъ и ицкихъ (по р. Ику, впадаетъ въ Сакмару) волостей прислали сказать уфимскому воеводѣ князю Волконскому, что они хотятъ быть по прежнему подъ рукою Великаго Государя въ вѣчномъ холопствѣ, только чтобы аманатовъ ихъ перевели изъ Казани на Уфу и чтобы воевода прислалъ къ нимъ какого нибудь уфимца обнадежить ихъ милостію Великаго Государя. Волконскій обнадежилъ ихъ, что Великій Государь, милостивый нежелатель кровей ихъ, вины виноватыхъ милостію награждаетъ, если они бьютъ челомъ чистыми душами, безъ всякаго лукавства. По этому обнадеживанію башкирцы прислали въ Москву выборныхъ, которые въ приказѣ Казанскаго дворца предъ бояриномъ княземъ Ю. А. Долгорукимъ и предъ дьяками дали шерть на коранѣ—отъ калмыковъ и ногайцевъ отстать и возвратиться тою же зимою въ Уфимскій уѣздъ на прежнія свои жилища, служить Великому Гусадарю вѣрою и правдою и отдать всѣхъ плѣнниковъ и все пограбленное. По принесеніи присяги башкирскіе выборные видѣли Великаго Государя очи, «аки пресвѣтлое солнце», и получили жалованную грамоту на двухъ листахъ,

русскимъ и татарскимъ письмомъ. Уфимскій воевода отъ себя писалъ башкирцамъ, что «впредь имъ отъ Уфимцевъ, служилыхъ и торговыхъ людей никакихъ обидъ не будетъ, и подводъ лишнихъ, кромѣ государевыхъ дѣлъ, никто съ нихъ не возьметъ, и въ вотчинахъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ. Волконскій писалъ уфимскимъ башкирцамъ, чтобы они уговаривали къ покорности и башкирцевъ Сибирской и Осинской дорогъ» (121). Послѣдніе, а равно дѣйствовавшіе съ ними за одно татары, отчасти черемисы и вогулы и другіе приверженцы Кучука не переставали бунтовать до лѣта 1665 года. Обширныя пространства, большіе лѣса давали имъ возможность укрываться отъ преслѣдовавшихъ солдатъ и рейтаръ и, при случаѣ, дѣлать грабительскія нападенія на русскія селенія. Главное войско мятежниковъ подъ личнымъ начальствомъ Кучюмовича, послыша за собою ратныхъ людей, разбѣжалось за Камень по лѣсамъ и болотамъ врозпь на перемѣнныхъ коняхъ на легкѣ; но отдѣльные ихъ отряды продолжали еще вести войну. Такъ, въ маѣ 1665 года, въ одну ночь «подбѣжали воровскіе татары подъ Киргинскую слободу съ низу по Ницѣ рѣкѣ, и отогнали изъ Киргинской слободы многихъ лошадей и погнали ихъ въ низъ по Ницѣ рѣкѣ». Посланный за этими измѣнниками въ погоню отрядъ солдатъ и рейтаръ успѣлъ «ихъ доѣхать», отбилъ у нихъ лошадей, «а они воры отошлись болотами и рѣчками топкими, и ушли, пометавъ свое платье и сѣдла и котлы и топоры (122). Это было послѣднее извѣстное дѣло возстанія инородцевъ, произведеннаго въ 1662—1665 годахъ во имя и по намѣреніямъ Кучюмовичей.

Неудачный исходъ его для мятежниковъ, кажется, въ представленіи инородческаго простонародья значительно понизилъ царевичей Кучюмова дома и пошатнулъ въ немъ вѣру въ возможность добиться независимости отъ русской власти при содѣйствіи и руководствѣ этихъ царевичей. По крайней мѣрѣ съ этихъ поръ Кучюмовичи не являются уже въ челѣ, не перестававшаго отъ времени до времени волноваться, инородческаго простонародья въ прежнемъ Сибирскомъ царствѣ. Со сцены они не сходятъ однако; притязаній своихъ на господ-

---

(121) Исторія Россіи. Соловьева. XII, 303.

(122) Доп. V, 3.

ство надъ Сибирью не оставляютъ: такъ въ 1667 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, сибирскіе воеводы извѣстились, что «Кучукъ царевичъ стоитъ за Тоболомъ, въ Еитскихъ вершинахъ, а съ нимъ калмыцкихъ тайдшей четыре человѣка, а воинскихъ людей съ ними тысячъ съ двадцать, а наряжаются итти подъ государевы города и слободы войною». Въ концѣ августа того же года узнали въ Тарѣ и Тобольскѣ, что идетъ царевичъ подъ Тару, и воинскихъ съ нимъ людей, татаръ и калмыковъ и измѣнниковъ башкирцевъ двѣ тысячи человѣкъ. Чрезъ мѣсяцъ же послѣ того пришли совершенно иныя вѣсти; сбѣжали отъ царевича два башкирца съ семьями и сказали башкирцамъ, жившимъ около Маякъ-озера, а тѣ передали ихъ слова въ Катайскомъ острогѣ: «стоитъ де царевичь вверхъ по Ишиму, за горою Юпаромъ во днищѣ, а людей де у него человѣка ста съ четыре, худыхъ и добрыхъ, и прошалъ де царевичь у калмыковъ людей итти войною на государевы города и на слободы, и калмыки людей ему не дали, и Аблай де тайдша у него царевича аманатовъ взялъ въ томъ, чтобы опъ не ходилъ безвѣстно на государевы города и слободы воевать, а царевичь де сего лѣта войною никуды не бывалъ; и Аблай де тайдша съ башкирцовъ, которые пріѣхали съ царевичемъ, ясакъ взялъ, аималъ ясакъ коньми». Чрезъ мѣсяцъ еще сбѣжали отъ Кучука другіе его приверженцы, башкирцы Ямагузей съ товарищами и, объяснивъ въ Катайскомъ острогѣ, что при царевичѣ только человѣкъ сто калмыковъ «а живутъ де они въ гурбѣ и въ разъѣздѣ, а жены де ихъ и дѣти живутъ оплошно»,—указывали на возможность добыть такого царевича и предлагали свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, «вести ратныхъ людей на того Кучука и службу и радѣнье свое за вины свои Великому Государю показать» ([123]). Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что Кучюмовичи стали лишь орудіемъ въ рукахъ калмыцкихъ тайдшей, которые позволяли имъ дѣлать нападенія на русскія селенія лишь тогда, когда это совпадало съ ихъ видами. Собственныя средства ихъ совершенно истощились; приверженцы ихъ не только ихъ оставляютъ, но еще предлагаютъ правительству свое содѣйствіе совершенно ихъ уничтожить. Впрочемъ и калмыцкимъ тайдшамъ вскорѣ стало не до Кучюмовичей и не до русскихъ.

([123]) Доп. V, 49.

Владычество Хошотъ-калмыцкаго тайдши Аблая, окруженнаго безпокойными кочевыми племенами, было не прочно, вслѣдствіе чего онъ не желалъ ссориться съ Московскимъ государемъ. Кромѣ того, въ 1671 году между калмыками открылись междоусобія (124). Одинъ изъ ихъ тайдшей, Галданъ, сынъ Батуръ-Кунь-тайдши (ум. въ 1660 г.), задумавъ соединить всѣхъ калмыковъ подъ своею властію и назвавъ себя ханомъ и Бошокту,—титулъ, который до сихъ поръ носили только потомки Чингизъ-хана,—вытѣснилъ Аблая изъ его резиденціи и принудилъ бѣжать на Яикъ. Тамъ тотъ дѣлалъ частыя нападенія на тургутовъ, т. е., волжскихъ калмыковъ, наконецъ попался въ плѣнъ къ своимъ врагамъ и, выданный ими русскимъ, сосланъ былъ въ Астрахань, гдѣ и кончилъ жизнь въ глубокой старости. При такомъ положеніи калмыцкихъ дѣлъ Кучюмовичи были предоставлены своимъ только силамъ. Правительство московское однакожъ не считало возможнымъ относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ. Оно отправляло къ нимъ посланцевъ съ жалованьемъ и съ подарками (125). Безсильная сама по себѣ, эта партія еще могла находить людей, способныхъ и готовыхъ при удобномъ случаѣ грабить подданныхъ Московскаго государя. Впрочемъ эти нападенія, на сколько позволяютъ судить скудныя извѣстія, ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ подвиговъ мелкихъ разбойническихъ шаекъ. Такъ въ 1670 году царевичъ Кучукъ, имѣя у себя не болѣе 40 человѣкъ, сдѣлалъ набѣгъ на Кизильтяшъ-озеро, и татарскую деревню, десять юртъ ограбилъ, да сто лошадей отогналъ (125). Послѣ этого о Кучюмовичахъ извѣстно только слѣдующее: въ 1774 году, принимая шерть отъ тайдши Дундука, кочевавшаго по Ишиму, правительство московское высказало требованіе, чтобы онъ поймалъ Кучука; въ 1778 году пришла вѣсть въ Сибирь, «что подошелъ де салтана Кучюма капа внукъ близко, и когда де онъ салтанъ подошелъ близко, то де добро не будетъ, да съ нимъ салтаномъ 60 человѣкъ башкирцевъ, которые воевали съ Кучюкомъ салтаномъ Великаго Государя слободы въ прошломъ 171 году и, повоевавши, съ нимъ салтаномъ уѣхали въ степь» (126). Чрезъ нѣ-

---

(124) Риттеръ. Землевѣдѣніе Азіи II. 145—147.

(125) Доп. VI, 9.

(126) Доп. VIII, 15. III.

сколько времени вѣсти о Кучюмовичѣ разъяснились, и оказалось, что это былъ Дядябакъ, сынъ Бугая царевича, что онъ былъ въ плѣну у тайдши Галдана, что послѣдній наконецъ отпустилъ его отъ себя къ Малаю тайдшѣ, съ условіемъ, чтобы онъ былъ во всемъ имъ тайдшамъ послушенъ и кочевалъ на старинныхъ его кочевьяхъ по Ишиму рѣкѣ, гдѣ кочевали дѣдъ и отецъ его, и шелъ войною на башкирцевъ (127). Но послѣднее не состоялось. Галданъ кунъ-тайдша, запутавшись въ войну съ Китаемъ вслѣдствіе притязаній своихъ на власть надъ халхасами—монголами, войну, которая впослѣдствіи привела его царство къ паденію (128),—счелъ за лучшее для себя не тревожить русскихъ областей и войти въ переговоры съ Московскимъ правительствомъ (129). Что послѣ этого сталось съ Кучюмовичами,—мы не знаемъ. Но съ удаленіемъ ихъ со сцены, съ очевиднымъ упадкомъ кредита ихъ среди инородческаго народонаселенія по ту и по сю сторону Урала еще не уничтожились тѣ стремленія, которыя это народонаселеніе соединяло съ ними. Мысль о возможности освободиться отъ власти русскихъ, возстановить въ старинной полнотѣ мусульманскіе порядки находила еще многихъ послѣдователей; особенно въ Башкиріи мечтали объ этомъ и старались достигнуть того путемъ возстанія противъ русской власти. Причина такого настроенія Башкиріи заключалась въ особенностяхъ этой страны. Эта обширная и привольная страна, на которую до русскаго господства мало обращали вниманія князья, мурзы и муллы, заботясь только о сборѣ съ народонаселенія ея дани (130), теперь сдѣлалась пунктомъ, гдѣ укрывались (131) мусульмане, не хотѣвшіе подчиниться Московской власти. По мѣрѣ увеличенія такихъ бѣглецовъ, естественно, должна была усилиться въ странѣ та партія, которая мечтала о возстановленіи мусульманскаго царства,

(127) Тамъ же. VI.

(128) Риттеръ. Землевѣд. Азіи II. 147—150.

(129) Доп. VII. 15, VIII.

(130) Башкирцы до русской власти раздѣлялись на зауральскихъ, которые находились подъ властію сибирскихъ хановъ, бѣльскихъ, жившихъ по р. Бѣлой и Ику и платившихъ дань казанскимъ царямъ, и горскихъ, принадлежавшихъ ногайскимъ ханамъ. Оренбург. Топографія. I, 84.

(131) Тамъ же. 87.

усилиться элементъ, враждебный Москвѣ. То обстоятельство, что въ странѣ было мало городовъ, что правительственный надзоръ не достигалъ до горъ и лѣсовъ, гдѣ укрывались бѣглецы, поддерживало означенныя стремленія противниковъ русской власти. Неудача возстанія 1662—1665 годовъ, въ которомъ башкирцы, какъ мы видѣли, принимали дѣятельное участіе, лишь на время усмирила ихъ мятежный духъ. Въ 1676 году вспыхнуло новое возстаніе. «Зачинщикомъ и предводителемъ въ немъ былъ башкирскій старшина сеитъ, отъ котораго и бунтъ этотъ называется сеитовскимъ. Онъ не токмо на ту противность всю Башкирію преклонилъ, но и съ Киргизъ-Кайсаками соединясь, года съ три то свое бунтовщичье намѣреніе продолжалъ, и всѣ закамскіе пригороды съ большею частію Казанскаго уѣзда разорилъ и многія тысячи христіанъ побѣдилъ. Для усмиренія сего бунта присланъ былъ изъ Москвы полковой воевода Ѳедоръ Васильевъ сынъ Зелениnъ съ стрѣлецкими полками, у котораго въ командѣ донскіе, яицкіе и украинскіе казаки находились, и едва оной ихъ бунтъ по претерпѣніи безчисленныхъ убытковъ успокоенъ безъ всякаго тѣмъ злодѣямъ отмщенія» ([152]).

Волненіе продолжалось долѣе, чѣмъ какъ полагаетъ Рычковъ. Въ 1679 году въ Москвѣ узнали, что въ Башкиріи приготовляются на весну воевать Кунгуръ, сибирскія слободы и подгороды; что между башкирцами въ ходу такія рѣчи: «Чигирпиъ Турки и Крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа»; что башкирцы кормятъ лошадей, луки и стрѣлы дѣлаютъ, и ружья у нихъ много, у всякаго человѣка по двѣ и по три пищали винтовки. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно татары явились на лыжахъ подъ Кунгуръ, взяли острогъ и деревни вырубили. Лѣтомъ 1680 году узнали, что уфимскіе башкирцы хотятъ помириться съ калмыцкимъ тайдшею Аюкою, чтобы вмѣстѣ съ калмыками идти войною подъ казачьи городки, подъ Самару и другіе украйные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ больше трехъ тысячъ татаръ, калмыковъ и черкесовъ явились подъ Пензою, сожгли посадъ и ушли въ степь. Башкирцы также начали перевозиться за Волгу съ луговой стороны на ногайскую. Въ 1681 году по Тоболу неслись слухи, что башкирцы выѣхали изъ улусовъ

([152]) Оренбург. Топографія I. 88.

съ воинскимъ ружьемъ, только остались тѣ, которые на коняхъ сидѣть не могутъ (133).

—

б) Тяглые и ясачные люди. Свѣдѣнія о численности ихъ. Количество пушнаго дохода, которое получало правительство изъ инородческихъ земель и значеніе его въ жизни Москвы. Ясакъ, размѣры его; принципъ, принятый правительствомъ при его раскладкѣ, и способы примѣненія его на практикѣ. Другія повинности. Военная повинность. Общій взглядъ на цѣль, какую имѣла въ виду государственная власть, вводя другія учрежденія въ жизнь инородцевъ.

—

Въ этотъ разрядъ, на который преимущественно будетъ обращено вниманіе во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи, отнесено было государственною властію несравненно болѣе инородцевъ, чѣмъ въ отдѣлъ служилыхъ. Всѣ почти сибирскіе инородцы, не исключая и князцовъ, попали сюда. Масса инородческаго населенія въ прикамскихъ и при-уральскихъ земляхъ также отнесена была къ этой категоріи.

Говоря о прибыли, которую Московскій государь получалъ отъ труда этого отдѣла инородческаго населенія, для точнаго опредѣленія размѣровъ этой прибыли, необходимо, само собою разумѣется, прежде всего знать число лицъ трудившихся. Къ сожалѣнію всякая попытка найти даже приблизительно только вѣрную цифру инородческаго населенія и при томъ за одинъ какой либо промежутокъ времени должна остаться напрасною; о свѣдѣніяхъ относительно движенія народонаселенія и мечтать нельзя. Имѣются данныя только относительно количества народонаселенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ за нѣкоторые годы. Представлю эти данныя.

Въ Верхотурскомъ уѣздѣ ясачныхъ людей было въ 1634 году 340 человѣкъ; въ Чердынскомъ въ 1639 г. остяковъ, татаръ, черемисы, мордвы показано 72 двора (134). По разряднымъ книгамъ значилось:

---

(133) Ист. Россіи. Соловьева XIII. 299—300. Доп. VIII, 77.
(134) А. И. III, 180; 206.

	за 1625.	за 1629.	за 1635.
въ Казани — чуваш, черемисы и вотяковъ	6219 двор.	9949	7388
въ Уржумѣ — черемисы —	1553 —	1607	неизвѣс.
— Свіяжскѣ — чуваш и черемисы	2676 —	3488	3955
— Чебоксарахъ — —	1735 —	1784	1993
— Кузьмодемьянскѣ — черемисы	1742 —	1786	1903
— Ядринѣ —	913 —	945	1025
— Санчюрскѣ —	795 —	827	956
— Ранскѣ —	929 —	1226	непоказ.
— Царевококшайскѣ —	764 —	832	917
— Цивильскѣ —	1957 —	1989	2038
— Кокшайскѣ —	320 —	непоказано	
— Курмышѣ —	953 —	959	непоказ.
— Алатырѣ — мордвы —	871 —	непоказано	
— Темниковѣ — —	1120 —	—	—
— Кадомѣ — —	300 —	—	—
— Уфѣ — башкирцевъ —	непоказано —	888	2217 (въ 1636 г.)
— Арзамасѣ — мордвы —	1470 челов.	не показано	
— Нижнемъ-Новгородѣ —	482 —	—	—

Но очевидно, такія данныя во 1-хъ весьма недостаточны, такъ какъ не обнимаютъ собою всей массы инородческаго тяглаго населенія и такъ какъ съ другой стороны перечисленіе по дворамъ, не можетъ, по самой сущности его, привести къ опредѣленію количества жившихъ въ этихъ дворахъ людей; во 2-хъ вполнѣ довѣряться такимъ цифрамъ нельзя; потому что составители имѣли расчетъ уменьшать ихъ, чтобы собранный ясакъ съ людей, не вошедшихъ въ показанное число, положить въ свой карманъ, и чтобы за пропускъ извѣстныхъ дворовъ въ перечнѣ взять себѣ подарокъ ([135]). Да и самый добросовѣстный служилый человѣкъ не могъ доставать вѣрной цифры инородческаго населенія въ данной мѣстности, по той причинѣ, что повсюду инородцы жили, раскинутые на значительныхъ пространствахъ и, желая платить меньше ясаку и отправлять меньше повинностей, показывали начальству не то число душъ и дворовъ, какое на самомъ дѣлѣ было. Такъ царь Михаилъ Ѳедор. въ 1627 году

([135]) А. И. V. 119. А. А. Э. III. 122.

писалъ въ своей грамотѣ: «многіе Черемисы въ Цивильскомъ уѣздѣ живутъ дворами, отъ семей отдѣлились и ясаку денежнаго и посошнаго сбора не платятъ и дѣтей своихъ женатыхъ и холостыхъ таятъ» (136). Многіе, кромѣ того, бѣгали, чтобы не попасть въ списки. Даже въ мѣстахъ, сравнительно близкихъ къ Москвѣ, правительство, вслѣдствіе этихъ причинъ, не знало подлинной цифры тяглаго инородческаго населенія. Такъ въ 1685 году, дѣлая распоряженіе о размежеваніи земель мордовскихъ, чувашскихъ, черемисскихъ и вотяцкихъ, оно даетъ знать, что ему неизвѣстно настоящее число дворовъ. Что касается до инородцевъ по ту сторону Камня, то количество ихъ еще труднѣе было узнать, хотя правительство прилагало всевозможныя о томъ заботы и старалось вести счетъ тамошнему инородческому народонаселенію не по дворамъ, а по душамъ, какъ показываетъ вышеприведенная роспись ясачныхъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ или, напримѣръ, роспись 1676 года ясачныхъ людей въ Якутскомъ уѣздѣ (137), потому что препятствія, которыя дѣлали невозможнымъ вѣрный и точный счетъ народонаселенію по сю сторону Урала, въ Сибири были сильнѣе. Вслѣдствіе этого вычисленіе, сдѣланное Словцовымъ для сибирскаго инородческаго населенія, нужно смотрѣть не иначе, какъ на примѣрное, болѣе или менѣе вѣроятное; впрочемъ и самъ авторъ «Историческаго обозрѣнія Сибири», насчитавшій сибирскихъ инородцевъ до 288 т. къ началу 1662 года (138), не усвояетъ иного значенія этому вычисленію.

Болѣе положительныя свѣдѣнія имѣемъ относительно условій, въ которыя правительство Московское старалось поставить трудъ этого отдѣла инородческаго населенія, чтобы получить отъ того себѣ прибыль.

Имъ предоставлялось право, на равнѣ съ русскими, брать земли и угодья въ пользованіе за извѣстный оброкъ, количество котораго опредѣлялось размѣрами и цѣнностію этихъ земель и угодій. Впрочемъ такая форма труда во 1-хъ могла съ пользою для казны примѣняться далеко не ко всей массѣ инородческаго населенія того отдѣла, о которомъ идетъ рѣчь:

(136) Доп. II, 79.

(137) Доп. VI, 136.

(138) Историч. Обозрѣніе Сибири I, 146.

этотъ необязательный трудъ инородцевъ правительство допускало тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ земляхъ прежняго Казанскаго царства или въ Великой Перми, земли и угодья имѣли цѣнность, гдѣ можно было ожидать на нихъ спроса; въ Сибири же, гдѣ спросу на земли и угодья со стороны инородцевъ нельзя было ждать, принимая во вниманіе громадность пространства страны при незначительности населенія и образъ жизни тамошнихъ инородцевъ, такія условія назначались только для труда русскихъ поселенцевъ; во 2-хъ она была не единственная и не главная: правительство поставило трудъ инородцевъ, кромѣ того, въ извѣстныя обязательныя для нихъ условія. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые не вошли въ разрядъ служилыхъ людей, прежде всего обязаны были добывать мѣха и доставлять ихъ въ казну.

Какъ велика была прибыль отъ этого для казны, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: по свидѣтельству Флетчера, за удовлетвореніемъ домашнихъ потребностей, Московское правительство отправляло, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, за границу мѣховъ ежегодно на сумму отъ 400—500 тысячъ тогдашнихъ рублей, что составляло болѣе, нежели треть всего дохода, поступавшаго въ казну,—1,430000 рублей (139). Котошихинъ говоритъ: «присылаются изъ тѣхъ городовъ (низовыхъ) казна съ ясачныхъ людей: лисицы, куницы, бѣлки, горностаи, песцы, зайцы, волки не малое число». Говоря о Сибири и упомянувъ, что денежныхъ доходовъ съ тамошнихъ городовъ не бываетъ и что исходятъ они тамъ на жалованье служилымъ людямъ, онъ пишетъ: «а присылается изъ Сибири царская казна ежегодь соболи, мѣхи собольи, куницы, лисицы черныя и бѣлыя, и зайцы и волки, бобры, барсы; а сколько число той казны придетъ въ году, того описати не въ память, а чаятъ тоѣ казны приходу въ годъ больши шти сотъ тысячъ рублевъ» (140). Такимъ образомъ количество пушнаго дохода было не одинаково въ разное время; въ движеніи этой казны происходило колебаніе вслѣдствіе бунтовъ инородцевъ, уничтоженія нѣкоторыхъ инородческихъ колѣнъ, пріиска новыхъ земляцъ и другихъ обстоятельствъ. Но несомнѣнно, что постоянно въ московскій періодъ нашей исторіи эта статья

---

(139) Ист. Россіи Соловьева. VII. 398.

(140) О Россіи въ ц. Алексѣя Михайловича. 72—73.

составляла главнѣйшій источникъ богатства казны. Ни одна другая статья государственныхъ доходовъ не давала правительству столько средствъ закупать боярство, нанимать искусныхъ мастеровъ въ военномъ дѣлѣ, склонять на свою сторону вліятельнѣйшихъ людей сосѣднихъ державъ, какъ тотъ товаръ, который добывался трудомъ ясачнаго инородца. Въ проявленіи дѣятельности Московской власти соболь и лисица, привезенные въ Москву изъ сѣверовосточныхъ земель, принимали далеко не послѣднее участіе. На нихъ покупались заморскія вина и сласти, которыми отягощалась трапеза царей, и разноцвѣтные кафтаны, которыми щеголяли при дворѣ. Груды золота и серебра, которыя наполняли царскую казну и приводили въ изумленіе иностранцевъ, пріобрѣтались на мѣха ([141]). Соболями и лисицами, между прочимъ, платилъ царь за монашескія молитвы о здоровьи его и объ успокоеніи его предковъ и за воинскую доблесть и безъусловную покорность его холоповъ; наконецъ этою казною Московская власть привлекала съ себѣ византійскую и кіевскую мудрость, которая такъ усердно рѣтовала противъ всякихъ дѣйствительныхъ, а иногда и мнимыхъ уклоненій отъ православія. Можно съ вѣроятностію сказать, что инородцы, сами того не подозрѣвая,. могущественно содѣйствовали развитію до такой безграничности царскаго самодержавія, что не будь въ распоряженіи у московскихъ царей этихъ даровыхъ соболей, лисицъ и проч., власть ихъ, можетъ быть, имѣла бы иной видъ, и иные общественно-экономическіе порядки были бы въ русской землѣ.

Впрочемъ для насъ въ настоящемъ случаѣ важнѣе опредѣлить, какимъ порядкомъ собиралось съ инородцевъ это богатство, и сколько они должны были трудиться, доставляя Великому Государю такую знатную прибыль.

Прежде всего они доставляли правительству плоды своихъ трудовъ въ видѣ *ясака*, дани. Чтобы обезпечить имъ возможность всегда платить ясакъ безъ недобору, правительство запрещало другимъ своимъ подданнымъ промышлять звѣрей въ инородческихъ земляхъ; «не велѣно было ловить никому, кромѣ ясачныхъ, ловить звѣрей тенетами и бить изъ

([141]) Сказанія соврем. о Дим. Самозванцѣ ч. III. Маржеретъ. 46 и далѣе.

луковъ и изъ пищалей и инымъ обычаемъ» (142). Ясакъ ясачный человѣкъ обязанъ былъ платить не только за себя, но и со всѣхъ взрослыхъ мужескаго пола членовъ своего семейства. Сначала, кажется, брали ясакъ со всѣхъ безъ исключенія членовъ инородческой семьи, не принимая въ расчетъ малолѣтства, болѣзни, старости и другихъ обстоятельствъ, препятствующихъ человѣку работать. Но со времени Бориса Годунова принято было за правило, часто впрочемъ нарушавшееся исполнителями закона, не требовать вовсе ясака съ дѣтей, больныхъ, стариковъ, дряхлыхъ и худыхъ, но не иначе, какъ послѣ прямаго сыска, что въ извѣстной семьѣ или въ зимовьи нѣкоторые члены дѣйствительно подходятъ подъ одну изъ этихъ категорій. Съ подростковъ брали половинный ясакъ, а иногда вовсе запрещалось требовать его съ тѣхъ, кому было менѣе 18 лѣтъ (143). Подъ именемъ худыхъ разумѣлись лица, совершенно бѣдныя или разорившіяся вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ. Законъ между прочимъ указываетъ и признаки худости. «А придутъ худые ясачные татары и остяки и учнутъ говорить, что у нихъ ясаку нѣтъ, а будутъ вмѣсто него давать худыя шубенки соболи и всякія другія, которыя они сами посятъ, такъ вы бы этихъ шубенокъ, для бѣдности ихъ, пожаловали бы, не брали въ ясакъ» (144).

Послѣ уплаты ясака ясачный человѣкъ долженъ былъ доставить въ казну еще *ясакъ поминочный* для государя и его наслѣдника и для воеводъ. Сначала этотъ ясакъ не былъ обязательнымъ, а былъ добровольнымъ даромъ со стороны инородцевъ; но потомъ они обязаны были доставлять этотъ даръ.

Наконецъ то, что у ясачнаго человѣка оставалось отъ этихъ раздачъ, онъ могъ продать промышленному человѣку; съ служилыми людьми онъ не имѣлъ права вступать въ торгъ, да и промышленнику онъ могъ продать свой товаръ не прежде уплаты ясаку и поминокъ. При этомъ десятая часть всякаго пушнаго товара долженствовала поступить въ казну тоже даромъ. Это *десятинный ясакъ*. Хотя онъ былъ взимаемъ съ промышленныхъ людей, покупавшихъ у инородцевъ пушной

---

(142) Котошихинъ. 74. П. С. З. II, 1111.
(143) Доп. II, 79.
(144) А. И. II, 9.

товаръ и потомъ продававшихъ его въ казну, по тяжестію своею падалъ на однихъ ясачныхъ; потому что, если бы промышленному человѣку позволено было купленный имъ у инородца товаръ продавать, гдѣ и кому хотѣлъ, и по вольной цѣнѣ, то, разумѣется, эту десятую пошлину онъ бы взялъ съ покупателя; но онъ обязанъ былъ этотъ товаръ сдать въ казну въ извѣстномъ мѣстѣ, по цѣнѣ, назначенной особыми правительственными оцѣнщиками, и потому, при сдѣлкѣ съ инородцемъ, за десятую часть купленнаго товара ничего не платилъ.

Такими путями ([145]) то, что добывалъ инородецъ своими трудами, поступало въ казну. Спрашивается: какая прибыль оставалась отъ трудовъ инородца въ пользу его самаго? или, другими словами: какой процентъ желало получить правительство отъ прибыли, которая добывалась трудомъ ясачнаго?

Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что инородцы въ различныхъ мѣстахъ доставляли правительству ясакъ не одинаковой цѣнности. Въ Казанскомъ уѣздѣ, напр., въ XVII столѣтіи насчитывали 15464 ясачныхъ, и они должны были платить въ государеву казну ясаку вмѣстѣ съ оброкомъ на 21523 рубля, стало быть, почти по 1 р. 40 копѣекъ съ человѣка ([146]). Башкирцы, по словамъ Рычкова, обложены были легкимъ ясакомъ ([147]); съ верхотурскихъ ясачныхъ людей, которыхъ въ 1628 году насчитывали 340 человѣкъ ([148]), взято было ясаку, по цѣнѣ сибирской на 848 р., 19 алтынъ и 3 деньги ([149]),

---

([145]) Нѣкоторымъ инородцамъ не предстояло по всѣмъ этимъ тремъ путямъ проводить плоды своихъ трудовъ въ казну: ясачные въ земляхъ прежняго Казанскаго царства, не видно, чтобы платили поминки; ногаи и юртовскіе татары передавали свой товаръ—лошадей въ казну только послѣднимъ путемъ, т. е., они, не платя ни ясаку, ни поминокъ, не имѣли права свободнаго торга лошадьми, а должны были гонять ихъ въ Москву, гдѣ правительство выбирало для себя потребное количество коней по назначенной имъ цѣнѣ и за тѣмъ позволяло вольный торгъ съ платою пошлины. Котошихинъ, 73. Ист. Россіи. IX, 418. Маржереть. 45.

([146]) П. С. З. III, 1579.

([147]) Оренб. топограф. I, 85.

([148]) А. И. III, 180.

([149]) Тамъ же. 152.

стало быть около 2 р. 50 к. съ человѣка; съ пустозерскихъ самоѣдовъ брали по два песца съ лука или по алтыну за песца; тіунскіе самоѣды платили сначала тоже по два песца или по два алтына, но во второй половинѣ XVII столѣтія съ нихъ стали брать съ лука по пяти алтынъ на годъ ([150]); югорскіе самоѣды платили ясакъ соболями по одному соболю съ человѣка; кузнецкіе инородцы платили по одному и по два соболя съ человѣка; изъ актовъ ([151]), относящихся до управленія Якутскимъ уѣздомъ, за 1675—1676 г., видно, что тамъ въ иныхъ волостяхъ каждый инородецъ долженъ былъ платить по 4 соболя, а такъ какъ въ ту пору, какъ видно изъ другаго акта того же времени, соболи цѣнились отъ 30 до 300 р. за одинъ сорокъ ([152]), то принимая среднюю цѣнность, выйдетъ, что на каждаго приходилось подать въ 14 тогдашнихъ рублей,—въ другихъ по два по три соболя, не считая другихъ пушныхъ звѣрей; въ Мангазейскомъ уѣздѣ положенъ былъ ясакъ по три соболя съ человѣка ([153]); нѣкоторымъ предоставлялось приносить ясаку, сколько хотѣли. Такъ «при покореніи инородцевъ по Енисею, говоритъ Словцовъ, количество ясаку ограничивалось добровольнымъ приносомъ и нѣкоторою надбавкою при вымогательствѣ». И не только добываніе мѣховъ, но и вообще трудъ инородцевъ въ различныхъ мѣстахъ правительство ставило въ не одинаковыя условія, требовало себѣ не одинаковой прибыли; такъ черемисы Кунгурскаго уѣзда до времени царя Ѳедора Алексѣевича, кромѣ оброка, платили и стрѣлецкія деньги, между тѣмъ какъ смежные съ ними уфимскіе татары и черемисы были свободны отъ того ([154]); калмыки и татары, приводя на продажу въ Яицкую крѣпость лошадей, коровъ, барановъ и иные всякіе товары, освобождались отъ платежа пошлинъ, тогда какъ другіе, въ томъ числѣ и русскіе торговцы должны были платить эти пошлины ([155]); остяки и татары сылвенскіе и ирен-

---

([150]) Этнографич. Сборн. IV, 50.
([151]) Доп. VI, 136.
([152]) Тамъ же. 116.
([153]) Доп. V, 57.
([154]) А. И. V, 123.
([155]) Тамъ же. 210.

ские платили пошлины по четыре деньги съ рубля съ продаваемыхъ товаровъ ([156]).

Требуя такимъ образомъ для себя не одинаковой прибыли отъ труда разныхъ инородцевъ, правительство въ этомъ случаѣ руководствовалось правиломъ: «брать ясакъ, смотря по людемъ и по промысламъ, сколько мочно» ([157]). Правило, нѣтъ сомнѣнія, хорошее: въ самомъ дѣлѣ, весьма справедливо требовать большаго пожертвованія для государства отъ тѣхъ, у кого въ распоряженіи болѣе матеріальныхъ средствъ. Поэтому отъ чего правительству было не требовать въ свою пользу больше соболей тамъ, гдѣ ихъ много? Сами инородцы не возставали противъ этого; напротивъ нѣкоторые изъ нихъ, въ началѣ господства надъ ними русскихъ, безъ всякаго сопротивленія приносили ясакъ и съ охотою отдавали русскимъ излишекъ пушнаго товару; такъ поступали тунгусы и якуты ([158]); при-амурскіе туземцы также въ началѣ дружелюбно принимали русскихъ пришельцевъ и давали охотно государю, что могли. Но дѣло въ томъ, что поименованное правило «требовать отъ новыхъ подданныхъ себѣ прибыли сколько мочно, смотря по людямъ и по промысламъ»,—это правило правительство понимало не всегда какъ такой экономическій масштабъ, который указываетъ, сколько государство должно взять прибыли отъ труда подданнаго безъ всякаго для послѣдняго отягощенія; есть свидѣтельства, что подъ сказаннымъ правиломъ оно часто подразумѣвало: «бери какъ можно болѣе», если нѣтъ къ тому препятствій. Отсюда съ тѣхъ инородческихъ поколѣній, которыя, какъ, напримѣръ, башкирцы или киргизы, имѣли наклонность и возможность не безуспѣшно сопротивляться противъ излишней требовательности русской власти и производить противъ нея вооруженныя возстанія,—отъ тѣхъ требовала она только ничтожной сравнительно дани; отсюда съ тѣхъ инородцевъ, напримѣръ, самоѣдовъ, жившихъ въ глубинѣ сѣверныхъ тундръ, требовательность по отношенію къ которымъ повлекла бы за собою гораздо болѣе для правительства издержекъ, чѣмъ сколько можно было взять съ нихъ при самомъ усиленномъ вымогательствѣ,—

([156]) А. А. Э. III, 124.
([157]) А. И. III, 154; V, 70. Доп. VI, 79.
([158]) Фишеръ. Сибир. Ист. 278; 359.

брали то, что тѣ давали; отсюда понятенъ смыслъ наставленія правительственнаго искателямъ новыхъ землицъ: «съ тѣхъ новыхъ землицъ собирать государевъ ясакъ, смотря по людемъ и *примѣряясь къ новымъ ясачнымъ* людемъ» (159). Это значило, между прочимъ, что нельзя требовать большой дани отъ тѣхъ, кого тѣмъ можно ожесточить и отъ государевой милости отогнать, съ чьей стороны можно ждать опаснаго или затруднительнаго для русской власти сопротивленія такой требовательности. Что же касается до тѣхъ инородцевъ, которые не могли, повидимому, отражать силою излишнюю требовательность Московской власти, то иногда брали съ нихъ весь заработокъ въ ясакъ, оставляя имъ только худыя шубенки, требовали большей прибыли для казны, иногда не принимая въ уваженіе и обстоятельствъ, не благопріятствовавшихъ имъ въ добываніи мѣховъ. Вотъ на это свидѣтельства. Въ 1632 году ясачные люди всѣхъ волостей Верхотурскаго уѣзда въ съѣзжей избѣ подали челобитную, а въ челобитной ихъ написано: «что они, ясачные люди, бѣдны, голодны и оскудѣли, а хлѣбу въ Верхотурьи недородъ не по одинъ годъ, а ясакъ наложенъ на нихъ мягкою рухлядью не въ силу, противъ денегъ рубля по два и больше, а емлютъ съ нихъ ясаку соболей по 15 и больше съ человѣка». По изслѣдованіи дѣла дѣйствительно оказалось, что «многіе ясачные люди въ томъ обнищали и одолжали великими долгами, женъ и дѣтей позакладали и розбрелись врознь, и ясакъ на нихъ написанъ въ доимкѣ многой». Однакожъ въ Москвѣ не думали сбавить ясаку съ этихъ ясачныхъ людей, а вмѣсто того отъ имени царя пришла на Верхотурье къ воеводѣ и подъячему грамота, въ которой между прочимъ написано: «И вы бы о тѣхъ Верхотурскихъ бѣглыхъ ясачныхъ людяхъ, которые изъ Верхотурскаго уѣзда сбѣжали въ Тюменскій ясакъ, на Тюмень къ воеводѣ написали, чтобы онъ, тѣхъ Верхотурскихъ ясачныхъ людей сыскавъ на Тюмени или въ Тюменскомъ ясаку, прислалъ къ вамъ на Верхотурье тотчасъ; да и въ Чердынь бы къ воеводѣ о тѣхъ ясачныхъ людяхъ, которые сошли въ Чердынскій уѣздъ, потому жъ написали, чтобы онъ тѣхъ Верхотурскихъ ясачныхъ людей велѣлъ въ Чердынскомъ уѣздѣ сыскать, а, сыскавъ, прислалъ къ вамъ на Верхотурье. А доимочный ясакъ на Верхотурскихъ ясачныхъ людяхъ, на про-

(159) А. И. IV, 209.

шлые годы, на комъ будетъ что взять мочно, велѣли бы выбрать весь сполна безъ недобору» ([160]). Изъ грамоты 1681 года видно, что правительство брало съ верхотурскихъ ясачныхъ людей въ ясакъ весь пушной товаръ, который только они добывали, оставляя имъ для прокормленія пупки и хвосты собольи да лисьи лапы, и что такой порядокъ велся со времени основанія Верхотурья (1598 г.); но въ 1681 году оно пожелало и этотъ кормъ взять на себя и повелѣло, чтобы ясачные люди приносили Великаго государя ясакъ—соболей съ пупками и хвостами и лисицъ съ передними лапами, по окладу, весь сполна, чѣмъ повергло въ отчаяніе плательщиковъ и привело въ недоумѣніе воеводу ([161]). Такую же требовательность правительство предъявляло и по отношенію къ чердынскимъ ясачнымъ людямъ, нимало не обращая вниманія на интересы этихъ бѣдняковъ. Въ 1681 году чердынскій воевода, допося въ Москву, что ясачные люди не додали многихъ соболей, писалъ также, что онъ велѣлъ предъ приказною избою недоборъ этотъ на нихъ править, и они не смотря на то, что стояли на правежѣ долгое время, тѣхъ ясачныхъ соболей не заплатили, а вмѣсто того съ правежа этого подали челобитную, въ которой обстоятельно объясняли положеніе ихъ, лишавшее ихъ возможности доставлять ясакъ въ опредѣленныхъ прежде размѣрахъ, положеніе, которое не хотѣли взять въ расчетъ власти. Обстоятельства, которыя, по ихъ словамъ, дѣлали затруднительнымъ и даже невозможнымъ исполненіе требованій правительства были: уменьшеніе людей вслѣдствіе того, что многіе вогуличи отъ скудости сошли въ Сибирь на болѣе кормныя мѣста, а другіе перемерли,—между тѣмъ, какъ этого обстоятельства не хотѣли замѣтить и долю, причитавшуюся на умершихъ и ушедшихъ, брали на нихъ, остававшихся на прежнемъ мѣстѣ; умеьшеніе звѣря и наконецъ чрезвычайное обстоятельство—снѣжное ненастье, смѣнившееся оттепелью, разлитіемъ рѣкъ,—вслѣдствіе котораго ходить на ловлю звѣрей долгое время, до половины зимы, имъ было нельзя, отъ чего «почалъ быть у нихъ голодъ большой и съ голоду умерло три ясачныхъ человѣка, да пять семей сошло безвѣстно.» «Да отъ того же

([160]) А. И. III, 170.
([161]) Тамъ же V, 74.

голоду,—продолжаетъ любопытная челобитная, собаки у насъ вымерли и промышлять стало безъ собакъ и соболей и иныхъ звѣрей добывать нечѣмъ, и отъ такого, Государь, великаго голоду осталые мы сироты, боясь голодной смерти, зимою выходили съ Вишеры для кормленія и съ женишками и съ дѣтишками къ Чердыни къ Русскимъ погостамъ и деревнямъ, и скитались по міру межъ дворовъ, и кормились русскимъ палымъ скотомъ, потому что мы сироты Вогуличишки самые худые нищіе, пашенъ и сѣнныхъ покосовъ и хлѣба и никакого скота и дворишокъ и иныхъ никакихъ заводовъ не имѣемъ.... а какъ, Государь, въ прошлыхъ годахъ ловли почало быть мало, и твой Великаго Государя соболиной ясакъ платить за своихъ людей и за сошлыхъ и за умершихъ стало не въ мочь, и отъ того, Государь, мы сироты въ конецъ обнищали и русскимъ людямъ и сибирскимъ Вогуличамъ задолжали великими неоплатными долгами и вовсе разорились» (162).—Въ 1678 году якуты били челомъ Великому Государю, чтобы онъ ихъ ясачныхъ людей пожаловалъ, для ихъ нужды и бѣдности и для того, что на ихъ рѣкахъ звѣрь опромышлялся, велѣлъ съ нихъ брать въ свою казну за соболя по лисицѣ сиводущатой, или по двѣ лисицѣ красныхъ, или деньгами за соболя по два рубля, а за лисицу красную по рублю. Въ отвѣтъ на эту челобитную послѣдовалъ изъ Москвы такой отвѣтъ: сбирать съ ясачныхъ людей ясакъ по окладамъ ихъ, а вмѣсто соболей ни лисицъ, ни денегъ не принимать. Вслѣдствіе этого воевода, какъ онъ доносилъ въ Москву,—исполняя этотъ указъ, въ 1682 году сбиралъ ясакъ съ ясачныхъ людей въ Якутскомъ острогѣ съ великою нужею; потому что многіе Якуты за соболиною безпромыслицею, иные за бѣдностію, старостію и увѣчьемъ не могли заплатить его сполна по окладамъ «и въ томъ не оплатномъ ясакѣ тѣ Якуты стояли на правежѣ и въ тюрьмѣ сидѣли» (163). Такимъ образомъ оказывается, что правительство старалось не только о томъ, чтобы у инородцевъ всѣ мѣха, которые только они добывали своимъ не легкимъ трудомъ, забрать себѣ въ ясакъ, не оставляя имъ ничего въ ихъ

(162) Доп. VIII, № 3. стр. 16—17.
(163) Тамъ же, стр. 19.

пользу (164), но и о томъ, чтобы они непремѣнно добыли этихъ мѣховъ какъ можно больше, не принимая въ расчетъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ тому. Только въ видѣ особой милости Государя оно освобождало ясачныхъ отъ обязанности непосредственно самимъ ловить звѣрей,—позволяло имъ «у русскихъ людей наймоваться клади ихъ волочить и платить имъ Великаго Государя ясакъ русскими собольми, т. е., купленными или заработанными у русскихъ, чтобы имъ ясачнымъ людямъ въ конецъ не погибнуть и Великаго Государя ясаку не отбыть» (165).

Но трудъ инородцевъ на пользу государственной власти не ограничивался тѣмъ, что они доставляли ей цѣнныя произведенія животнаго царства или безъ всякаго вознагражденія за трудъ, въ видѣ поминокъ и ясаку, или съ вознагражденіемъ, опредѣлявшимся этою же властію: они кромѣ того обязаны были употреблять свой трудъ и на другія дѣла по требованію этой власти, должны были отправлять разныя повинности. Правительство считало себя въ правѣ требовать у нихъ содѣйствія въ постройкѣ крѣпостей, въ проведеніи дорогъ и вообще употреблять въ дѣло ихъ силы, по своему усмотрѣнію, или не освобождая ихъ отъ ясака, или освобождая, смотря по обстоятельствамъ (166). Такъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторые ясачные татары въ Сибири зачислены были въ *кречатьи помощники*, т. е., получили приказаніе добывать для двора кречетовъ съ освобожденіемъ ихъ за этотъ трудъ отъ платежа ясаку; другіе же, оставаясь кречатьими помощниками, продолжали платить ясакъ (167).

---

(164) Въ наказной памяти отъ 1656 года слободчикамъ Аѳанасію Гилеву и Флору Арапову написано, между прочимъ, слѣдующее: «Да емужъ Аѳонкѣ и Флоркѣ въ тѣхъ новыхъ слободахъ (чусовскихъ) ясачнымъ людемъ, и пашеннымъ крестьяномъ и проѣзжимъ всякимъ людемъ учинить заказъ крѣпкій, чтобы ясачные люди проѣзжимъ торговымъ и промышленнымъ и тутошнимъ всякимъ людемъ лисицъ черныхъ и чернобурыхъ и бурыхъ добрыхъ, и бобровъ и соболей добрыхъ не продавали и ни на какіе русскіе товары не промѣнивали, а приносили бы тѣ лисицы на Верхотурье въ государевъ ясакъ». Доп. IV, 20.

(165) Тамъ же 151.

(166) Тамъ же VI, 119.

(167) Тамъ же 124.

Такъ лялинскіе вогуличи и тюменскіе татары, платя ясакъ, отправляли ямскую гоньбу, возили ясачную казну, воеводъ и всякихъ служилыхъ людей по сибирской дорогѣ на разстояніи отъ Соликамска до Верхотурья и до Тюмени, и по жалобѣ ихъ на тяжесть повинностей въ царствованіе Бориса Годунова сдѣлано распоряженіе: «гонцовъ съ обычными грамотами а не съ вѣстьми съ Верхотурья до Соликамска воеводы должны были отпускать пѣшихъ, чтобы татарамъ въ подводахъ убытковъ не было; а которые гонцы погонятъ скорымъ дѣломъ,—воеводы должны были давать имъ подводы, имавъ у Верхотурскихъ Вогуличь и у Остяковъ» (168), уменьшить имъ ясакъ, ограждать отъ обидъ, отъ насильнаго завладѣнія лошадьми и вообще беречь ихъ, дабы не вздумали разбѣжаться (169). Въ случаѣ внѣшней опасности для извѣстной области или внутреннихъ безурядицъ въ ней, ясачные, по требованію властей, обязаны были являться въ опредѣленномъ мѣстѣ и потомъ подъ предводительствомъ русскихъ начальниковъ идти громить враговъ, спокойствія и безопасности края (170). Инородцы поволжья обязаны были чаще другихъ нести воинскую службу. Изъ татаръ, черемисы, мордвы, вотяковъ, чувашей, башкирцевъ прежняго Казанскаго царства, всегда почти, какъ ни вступала Москва въ войну, составлялось особое ополченіе, которое вмѣстѣ съ служилыми людьми изъ инородцевъ составляло особый отдѣлъ въ русскомъ войскѣ. Этотъ корпусъ, которому по преимуществу приписываютъ конечное опустошеніе Ливоніи при Грозномъ (171), употреблялся въ особенности тамъ, гдѣ нужно было произвести рѣзню и грабежъ, и по окончаніи похода распускался по домамъ. Обыкновенно, какъ значится по разряднымъ книгамъ, каждые три двора обязаны были поставить ратника. Въ XVII столѣтіи, когда стали формировать солдатскіе полки, инородцы прежняго Казанскаго царства также должны были давать даточныхъ. Въ 1633 г. эта повинность была распространена и на сибирскихъ татаръ, которые впрочемъ, какъ и русскіе сибиряки, «на сей разъ, въ первый и

(168) А. И. II, 8.

(169) Словцовъ. Ист. Обозр. Сибири I, 35.

(170) Доп. VIII, 21.

(171) Горсей. Библіот. для Чт. за 1865 г. №№ 1 и 2.

въ послѣдній должны были доставить, вмѣсто солдата, съ каждыхъ 150 четвертей земли по 20 рублей ([172]). Инородцамъ прежняго царства Казанскаго не удалось избавиться отъ этой повинности. По свидѣтельству Котошихина ([173]), изъ Казани и изъ понизовыхъ городовъ брали у татаръ, черемисъ и мордвы со ста дворовъ одного солдата; по окончаніи войны они впрочемъ распускались по домамъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ ясакъ сравнительно былъ малъ, гдѣ инородческое народонаселеніе жило осѣдлою земледѣльческою жизнію, какъ это было во владѣніяхъ прежняго Казанскаго царства, гдѣ звѣрь сталъ убывать, тамъ Московская власть старалась приравнять податной отдѣлъ его къ тяглымъ людямъ русскаго происхожденія и извлекать прибыль для казны изъ его труда точно также и въ той же мѣрѣ, какъ и въ какой мѣрѣ добывала прибыль отъ послѣднихъ. Она отдавала трудъ этихъ инородцевъ въ распоряженіе помѣщиковъ и вотчинниковъ, платя тѣмъ за службу послѣднихъ. Многочисленные поборы, которые налагала власть на тяглыхъ, особенно въ XVII столѣтіи, падали своею тяжестію и на татаръ, мордву, черемису, вотяковъ и чувашей.

Само собою понятно, нельзя было думать, чтобы ясачные и тяглые инородцы съ охотою подчинялись тѣмъ суровымъ опредѣленіямъ, которыми старалась обставить ихъ трудъ власть, долгое еще время казавшаяся имъ чужою. Само Московское правительство никогда не задавалось такими помышленіями, а напротивъ постоянно выражало сомнѣніе на счетъ вѣрности и покорности инородцевъ Московскому государю, смотрѣло на нихъ какъ на такихъ работниковъ, которые при первомъ благопріятномъ для нихъ случаѣ перестанутъ доставлять доходъ казнѣ. Необходимо, стало быть, было Московской власти принять по отношенію къ нимъ извѣстную систему мѣръ, утвердить среди нихъ извѣстные порядки, которые бы приводили къ разъ поставленной цѣли,—къ увеличенію прибыли казны на счетъ инородческаго труда.

Потребность въ утвержденіи извѣстнаго строя жизни среди покоренныхъ народовъ, думаютъ, могла вызываться въ

([172]) Словцовъ. Истор. обозр. Сибири I, 111.

([173]) О Россіи въ царств. Алексѣя Мих. 106, 109.—Бѣляевъ. О русскомъ войскѣ. М. 1846. 57.

Москвѣ и другими побужденіями: правительство христіанскаго государства,—говорятъ,—взявши въ свое распоряженіе землю и трудъ покоренныхъ, не могло устранить отъ своего сознанія мысль о необходимости даровать имъ или гарантировать извѣстный въ жизни ихъ нарядъ, который бы приводилъ къ высшимъ человѣческимъ цѣлямъ. Эта мысль очень часто выражалась въ Москвѣ; на заявленіе человѣколюбивыхъ желаній относительно подданныхъ всѣхъ разрядовъ Московское правительство не скупилось. Но дѣло въ томъ: на сколько эти гуманныя побужденія, выражавшіяся на бумагѣ, имѣли силы, когда дѣйствительно нужно было сдѣлать то или другое распоряженіе относительно инородцевъ. По справкѣ съ источниками оказывается, что въ дѣлѣ устроенія быта инородцевъ Московская власть руководилась исключительно стремленіемъ увеличить прибыль казны на счетъ ихъ труда. «Смотря по тамошнему дѣлу, Государю во всемъ прибыли искать»—вотъ основная мысль всѣхъ наказовъ, памятей, грамотъ, которыми снабжались воеводы и другіе служилые люди и въ которыхъ Московская власть выражала свой идеалъ хорошаго устроенія инородческихъ земель, да и русскихъ тоже. Не выходило въ теченіе всего московскаго періода нашей исторіи ни одной грамоты отъ имени Великаго Государя, въ которой бы побужденія иного разбора были сильнѣй этого, гдѣ это послѣднее было бы отодвинуто на второе мѣсто. Правительство московское, когда нужно было дѣло дѣлать, высказывалось прямо, не прикрывая настоящихъ своихъ стремленій красивыми фразами о народномъ благѣ, которыя многіе властители, обиравшіе народъ, пускали въ ходъ для изображенія своего безкорыстія. Истинная цѣль—«чтобы казнѣ не было порухи, какъ можно было прибыльнѣе»,—ничѣмъ не замаскировывалась. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вводились въ жизнь инородцевъ учрежденія дѣйствительно гуманныя и когда съ большимъ удобствомъ можно бы было похвастаться своимъ безкорыстіемъ, великодушіемъ и проч., и тогда Московская власть не прибѣгала къ увертками, не скрывала дѣйствительныхъ побужденій, вызывавшихъ эти мѣры и учрежденія къ жизни, а говорила прямо, что это нужно для сохраненія или увеличенія дохода. Запрещала ли она воеводамъ держать ясачныхъ людей на правежѣ,—говорила, что это за тѣмъ, чтобы они не разбѣжались, запрещала ли обращать ихъ въ холопство, преслѣдовать за вѣру—и тѣ, кого касался такой указъ, получали вмѣстѣ

съ тѣмъ объясненіе, что де это нужно за тѣмъ, чтобы ясачныхъ людей не ожесточить и отъ милости Государевой не отбгпать. Словомъ, весь парядъ въ жизни инородческаго простонародія, введенный Московскою властію, послѣдовательно развился изъ стремленія ея держать трудъ его въ отмѣченныхъ выше условіяхъ, чтобы казнѣ чрезъ то было прибыльнѣе.

---

4. Управленіе и судъ среди инородцевъ. Уѣзды и города; состояніе и значеніе городовъ въ исторіи Московскаго государства надъ инородцами. Значеніе мѣстныхъ инородческихъ властей, сотниковъ, князцовъ въ областномъ управленіи. Правительственныя мѣры къ успѣшному сбору прибыли съ труда тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ: описи и межеваніе земель; ясачные списки, правила сбора ясака. Мѣры къ предотвращенію непокорности ихъ и правила для воеводъ на случай мятежническихъ дѣйствій инородцевъ. Понятіе Московской власти объ измѣнѣ инородцевъ. Воевода, какъ слѣдователь и судья инородцевъ по указанію власти и на практикѣ.

По мѣрѣ завоеваній, которыя дѣлались русскими на сѣверовостокѣ нынѣшней Россіи, правительство образовывало уѣзды съ укрѣпленными мѣстами, носившими названія городовъ, остроговъ и зимовій. Одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ дѣлался центромъ уѣзднаго или областнаго управленія, которому подчинены были и инородцы, приписанные къ этому уѣзду и раздѣлявшіеся на волости. При такомъ административномъ дѣленіи инородческихъ земель не принимались въ расчетъ племенныя отличія между инородцами: къ одному и тому же уѣзду, какъ напримѣръ къ Казанскому, приписывались инородцы различнаго происхожденія, и на оборотъ, одинъ и тотъ же народъ распредѣлялся по разнымъ уѣздамъ; напримѣръ вогуличи приписаны были къ Чердыни, Верхотурью, къ Пелыми; башкирцы къ Казани, Уфѣ, Кунгуру, Мензелинску; не имѣлось въ виду и того, чтобы завоеванную страну дѣлить на равныя въ математическомъ отношеніи части; не много давалось цѣны и тѣмъ дѣленіямъ, которыя имѣлись въ инородческихъ земляхъ до прихода туда русскихъ, вслѣдствіе чего административныя дѣленія въ инородческихъ земляхъ существенно отличаются отъ правительственныхъ дѣ-

лепій, которыя имѣли мѣсто въ собственно русскихъ владѣніяхъ и которыя въ большинствѣ случаевъ совпадали съ историческими дроблепіями; напротивъ что было до русской власти единымъ, подчиненнымъ одному управленію, какъ напримѣръ Казанское царство, то дробилось теперь. При административномъ дѣленіи инородцевъ и назначеніи правительственныхъ центровъ Московская власть руководствовалась военно-хозяйственными соображеніями. Отмѣривали тѣ или другія границы для уѣзда, имѣя въ виду удобства сношеній съ волостями; назначали центральный пунктъ, расчитывая на то, чтобы сподручнѣе властямъ собирать доходы. Но по преимуществу военныя соображенія много значили, когда нужно было избрать средоточіе уѣзднаго управленія; имъ даже подчинялись хозяйственные расчеты правительства. Обыкновенно правительство старалось найти такое мѣсто въ уѣздѣ для главнаго въ немъ города, которое бы представляло удобства не только для фискальнаго наблюденія надъ инородцами, но и по преимуществу для защиты въ случаѣ наступательнаго ихъ мятежнаго движенія противъ русскаго господства. Въ этомъ обстоятельствѣ, т. е., въ томъ, что военныя соображенія правительства преобладали надъ побужденіями всякаго другаго рода, когда приходилось выбирать центральный пунктъ для уѣзднаго управленія на сѣверовостокѣ,—въ этомъ между прочимъ надо искать причины, почему многіе такіе города, важные въ свое время въ правительственномъ отношеніи, никогда не достигали замѣтной степени промышленнаго и торговаго развитія,—хотя строители городовъ часто не упускали изъ виду, чтобы мѣста, гдѣ воздвигался городъ, были ухожи для пашень, и чтобы не далеко отъ него были скотпный выпускъ и сѣнные покосы и рыбныя ловли ([174]).

Такимъ образомъ на сѣверовостокѣ Россіи возникло множество городовъ ([175]), уѣздовъ, волостей. Города и уѣзды сообщались между собою большею частію водяными путями. Но кромѣ того устроивались и сухопутныя дороги. Такъ въ 1598 году проведена была новая дорога Соликамско-Верхотурская на мѣсто прежней, которая шла чрезъ Чердынь по Косвѣ,

---

([174]) Доп. IV, 104. V. 22.

([175]) Неволинъ. Списокъ городовъ; въ VI т. его сочиненій. Словцовъ. Историч. Обозр. Сиб. I. 14—17.

Тавдѣ и Тоболу. Соликамско-Верхотурская дорога чрезъ Туринскъ впослѣдствіи вела въ глубь Сибири, зимою и лѣтомъ, по Иртышу, Оби, Кети до Енисейска, оттуда по В. Тунгускѣ до Илимска, гдѣ дѣлилась на двѣ вѣтви: къ сѣверовостоку чрезъ Устькутъ по Ленѣ до Якутска и далѣе и къ Юговостоку по Ангарѣ чрезъ Баргузинскъ и оз. Иргенской до Нерчинска. Была еще тропа изъ Туринска чрезъ Катайской острогъ на Уфу по западной сторонѣ Урала ([176]).

Однако оба эти средства управленія инородцами, города и дороги, не всегда находились въ такомъ положеніи, чтобы успѣшно содѣйствовать достиженію цѣли, для которой назначались. Города, изъ которыхъ Московская власть чрезъ служилыхъ людей собирала доходы съ уѣздовъ и надзирала за вѣрностію обитателей, не всегда снабжены были военными средствами въ достаточномъ количествѣ и должнаго качества ([177]). При томъ за исключеніемъ Нижняго, Казани, Астрани и Яика (крѣпость на Яикѣ построена въ 1645 году гостемъ М. Ѳ. Гурьевымъ), имѣвшихъ каменныя укрѣпленія, укрѣпленія остальныхъ городовъ сѣверовосточнаго края состояли изъ деревяннаго тына и земляныхъ насыпей, а въ острогахъ, менѣе значительныхъ, изъ одного тына. Сухопутныя дороги были плохо устроены. Сообщенія между городами особенно

([176]) Словцовъ. I. 137. А. И. II, 26. Доп. VI, 119.

([177]) Такъ въ 1614 году въ Чердыни оказалось, что «мосты и оболомки на городѣ и на башняхъ сгнили и кровля обвалилась, а у города четверо ворота да тайникъ завалилися»; военныхъ снарядовъ мало и тѣ никуда негодились; пушкарей, затинщиковъ и городовыхъ плотниковъ не было никогда. (А. И. III, 8). Въ Соликамскѣ было не лучше (А. И. III 43).—Въ 1625 году правительство узнало, что «на Верхотурьѣ на острогѣ и на башняхъ наряду никакого нѣтъ, а острогъ весь сгнилъ и во многихъ мѣстахъ повалился». (А. И. III, 136). Въ 1647 году енисейскій воевода Полибинъ представилъ такое описаніе Енисейскаго острога: «а острогъ, Государь не великъ, да тотъ весь подгнилъ и развалился; и рву, Государь, кругомъ острога и иныхъ никакихъ крѣпостей нѣтъ; а въ иныхъ мѣстахъ поставленъ былъ вмѣсто острога изъ давнихъ лѣтъ заметишко, и тотъ подгнилъ же и развалился». (Доп. III, 29). Исправленныя укрѣпленія въ этомъ городѣ были вновь испорчены въ 1660 году полноводьемъ (Доп. IV, 76). При нападеніи калмыковъ на уѣздъ не оказалось тамъ пушечныхъ запасовъ, ружей и мушкетовъ, да и достаточнаго количества ратныхъ людей (Доп. V; 33). Въ Красноярскѣ въ 1665 году,

въ Сибири были крайне затруднительны ([178]): нужно было ѣхать то водою, то сухимъ путемъ, подвергаясь иногда опасности погибнуть отъ голода или холода; цѣлые мѣсяцы нужно было употребить, чтобы проѣхать отъ Енисейска, напримѣръ, до Якутска ([179]). Всѣ эти недостатки правительство хорошо сознавало и всякими мѣрами старалось ихъ отвратить. Особенно городовое дѣло занимало московскихъ государей, такъ какъ въ хорошемъ состояніи его они видѣли самое вѣрное средство къ обузданію мятежныхъ подданныхъ не русскаго происхожденія ([180]), и потому постройки и исправ-

---

когда киргизы вторглись въ Томскій и Красноярскій уѣзды и когда вмѣстѣ съ тѣмъ возмутились татары,—по отпискѣ тамошняго воеводы, ружье и мушкеты, присланные изъ Москвы, дорогою переломаны и замки испорчены, и многое старое ружье у служилыхъ людей отъ стрѣльбы перепорчено, а пищальныхъ и замочныхъ мастеровъ нѣтъ, и людей ратныхъ мало (Доп. V, 4). Въ 1661 году тюменскій воевода доносилъ: «на Тюмени отъ Туры рѣки и Тюменки рѣчки водою подмыло а мѣстами городъ обсыпало, и башни и городъ, которыя мѣста водою подмыло, осѣли; а на городѣ и на башняхъ кровля сгнила и вѣтрами сломило, а угловая башня отъ Туры рѣки и отъ посада осѣла жъ и развалилась, а другой проѣзжей башни верхъ огнилъ и обвалился; а ровъ осыпался, а иныя мѣста засорены; никакихъ крѣпостей нѣтъ». Доп. IV, 95.—О неудовлетворительномъ состояніи городовъ, остроговъ, зимовій въ инородческихъ земляхъ, а равно и о мѣрахъ правительства къ исправленію этихъ недостатковъ см. Доп. VII, 74. VIII, 3 стр. 9; 15,—стр. 40, 43; 94 стр. 162—106.

([178]) Такъ о дорогѣ Соликамско-Верхотурской, проложенной Бабиновымъ, чрезъ два года послѣ ея открытія, доносили въ Москву: «та дорога чищена и мосты мощены худо, пенье сѣчено не изъ коренья, и заломы на дорогѣ великіе, и чищены дороги узко и мосты, которые были мощены на рѣчкахъ и на ручьяхъ и въ бояракахъ, вешнею водою посносило, а на грязѣхъ и болотахъ мосты испроломались, и выбои по той дорогѣ великіе... И ѣздити тою новою дорогою служилымъ людямъ нужа великая». А. И. II, 26. Въ 1665 году догадались, въ избѣжаніе большой нужи для проѣзжающихъ по этой дорогѣ, нѣсколько измѣнить ея направленіе, что бы обойти болотистыя мѣста по р. Чикману. Доп. VI, 119.

([179]) Доп. III, 6. IV, 4.

([180]) Такъ, дѣлая въ 1648 году распоряженіе объ устроеніи въ Березовѣ острога, разореннаго пожаромъ, правительство вполнѣ раздѣляетъ мысль воеводы, выраженную въ его отпискѣ Государю: «для ясачныхъ остяковъ безъ городу и безъ острогу быть не умѣти»,—а равно и опасеніе,—«какъ бы отъ Самояди безъ города и безъ острога надъ березовскими казачьими слободами какое дурно не учинилось. Доп. III, 41».

леніе укрѣпленій были объявлены повинностію всѣхъ подданныхъ, которые или деньгами или непосредственною работою обязаны содѣйствовать этому дѣлу. Но недостатки, о которыхъ идетъ рѣчь и которыми инородцы часто пользовались для мятежныхъ дѣйствій противъ Московской власти, были не такой силы, чтобы могли перевѣшивать другія качества городоваго дѣла въ инородческихъ земляхъ, несомнѣнно и могущественно содѣйствовавшія осуществленію стремленій этой власти. Если иные укрѣпленные пункты приходили въ вѣтхость, то это было уклоненіемъ отъ правительственныхъ плановъ, и правительство не скупилось на поправленіе дѣла; если города въ существѣ дѣла были весьма малонадежными крѣпостями, и каждый изъ нихъ могъ быть разрушенъ до основанія взводомъ солдатъ съ одною пушкою малаго калибра: то съ другой стороны нужно взять въ расчетъ, что инородцы, противъ которыхъ были и выстроены укрѣпленія, и въ сотой доли не обладали средствами не только современнаго воина, но и тогдашняго служилаго человѣка Московскаго государя. При томъ при оцѣнкѣ извѣстнаго предмета нужно принимать во вниманіе не только каждую часть его въ отдѣльности, но и самое расположеніе этихъ частей и взаимную связь между ними: укрѣпленія были не надежны, но общая система, по которой они возникали, взаимное ихъ соотношеніе таковы, что съ избыткомъ вознаграждали правительство за потери, которыя оно терпѣло вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ городоваго дѣла. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на карту, на точки, которыми означается географическое положеніе городовъ, построенныхъ въ инородческихъ земляхъ, оказывается, что строители ихъ понимали дѣло, цѣль, для которой строились города, не хуже строителей укрѣпленій въ прп-дунайскихъ и въ прп-рейнскихъ земляхъ. Въ каждой отдѣльной области городъ съ подвѣдомственными ему острогами, слободами, зимовьями разрѣзывалъ инородческое населеніе на части и не допускалъ эти части до единенія въ прежнее цѣлое. Въ общей сложности города, по своему отношенію другъ къ другу, представляли ряды крѣпостей, раздѣлявшіе на двое племена подозрительной вѣрности, крѣпостей, взаимно себѣ помогавшихъ. Всѣ эти ряды, идущіе въ разныхъ направленіяхъ, по Волгѣ, Камѣ, Уралу, сибирскимъ рѣкамъ, представляютъ сѣть, со всѣхъ сторонъ охватившую инородческое населеніе сѣверовосточной окраины Европы и

сибирскихъ земель. Возможно было ему освободиться отъ русской власти не иначе, какъ разорвавши и разметавши эту цѣпь; разрушеніе одного или нѣсколькихъ городовъ не могло потрясти эту власть: остальные города являлись ей на помощь; въ случаѣ опасности для извѣстнаго города и уѣзда со стороны внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ, города вступали въ пересылки, шли на помощь туда, гдѣ была опасность, забывая вражду или соперничество, которыя не рѣдко раздѣляли иные города ([181]). При томъ связь между городами поддерживалась и тѣмъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ усвоялось значеніе центральныхъ, первенствующихъ пунктовъ между другими, таковы: Казань, Астрахань, Тобольскъ, Томскъ, Енисейскъ.

Вся правительственная, а за нею и судебная власть въ уѣздахъ и городахъ сосредоточивались, какъ извѣстно, въ рукахъ воеводъ съ ихъ товарищами и дьяками; чрезъ нихъ Московское правительство приходило въ соприкосновеніе съ инородцами; чрезъ нихъ оно высказывало свои по отношенію къ нимъ требованія и чрезъ нихъ являло имъ свою милость. Здѣсь не мѣсто разсматривать общія обязанности и права воеводъ и другихъ служилыхъ лицъ; не буду здѣсь говорить и о томъ значеніи, которое имѣла на практикѣ въ жизни тяглаго инородческаго населенія дѣятельность служилыхъ людей, вѣдавшихъ это населеніе: этотъ пунктъ будетъ разсмотрѣнъ особо. Въ настоящемъ случаѣ необходимо показать, какіе чрезъ нихъ порядки старалась Московская власть ввести въ инородческія земли относительно управленія и суда примѣнительно къ инородцамъ.

Но прежде всего естественно рождается вопросъ: допускались ли подлѣ воеводъ и другихъ служилыхъ людей мѣстныя инородческія власти? И, если допускались, то какое имѣли значеніе въ областной администраціи и судѣ?

([181]) Такъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII столѣтія вошла распря между Енисейскомъ и Красноярскомъ по поводу того, что енисейцы, на которыхъ возложена была обязанность доставлять провіантъ Красноярску, небрежно исполнили это дѣло и тѣмъ привели въ стѣсненное положеніе послѣдній. (Фишеръ Сиб. ист. 344—345). Въ началѣ 30-хъ годовъ между Енисейскомъ и Мангазеею дѣло дошло до сильной ссоры изъ за якутовъ, изъ за права собирать съ нихъ ясакъ (тамъ же 359). Ссора Верхотурья съ Тобольскомъ за Чусовскую слободу (тамъ же 395).

У башкирцевъ (182), у верхотурскихъ татаръ (183) и у остяковъ (184) встрѣчаются *сотники*, у многихъ инородцевъ сибирскихъ — *князцы*. О сотникахъ имѣемъ мало свѣдѣній; кажется, эта должность была выборная; на счетъ утвержденія въ ней правительствомъ не находимъ въ источникахъ упоминанія. Но съ другой стороны не видно, на сколько времени и на какихъ основаніяхъ совершался выборъ въ эту должность. Также мало можемъ сказать на счетъ правъ и обязанностей сотниковъ. Извѣстныя мнѣ историческія свидѣтельства о сотникахъ между инородцами говорятъ лишь объ одномъ правѣ ихъ бить челомъ государю *во всѣхъ*, подвѣдомственныхъ имъ, *мѣсто*, входить отъ лица послѣднихъ съ жалобою на притѣсненія служилыхъ людей, съ челобитною о нуждахъ волостей. По всей вѣроятности по своему значенію въ ряду уѣздныхъ властей, правамъ и обязанностямъ они близко подходили къ князцамъ, о которыхъ имѣется болѣе извѣстій. Несомнѣнно, послѣдніе были наслѣдственные старѣйшины инородческихъ родовъ и колѣнъ. Московское правительство не отняло у нихъ родоваго значенія. Но поставляя ихъ выше остальныхъ *мужиковъ иноземцевъ*, правительство однакожъ присвоило себѣ право между княжескими фамиліями въ данной волости возвышать нѣкоторыхъ князцовъ надъ всѣми прочими въ достоинство *лучшихъ людей князцовъ*, точно также считало себя въ правѣ и простыхъ людей отличать отъ большинства нѣкоторыми званіями за службу и радѣніе государю (185). Общественная дѣятельность князцовъ и лучшихъ людей не только въ уѣздѣ, но и въ волости ихъ была поставлена правительствомъ въ тѣсныя рамки. Имъ предоставлено было, обычное тогда, право подавать на имя царя челобитныя за всѣхъ волостныхъ ясачныхъ людей; въ судебномъ разбирательствѣ по поводу незначительныхъ дѣлъ

---

(182) А. И. III, 178.

(183) А. И. V, 123.

(184) А. А. Э. III, 42.

(185) Такъ въ грамотѣ 1651 года Кузнецкому воеводѣ читаемъ: «по нашему указу велѣно быть Кузнецкаго уѣзда, Мраскія волости князцу Кунестейку Изерскову да улусному человѣку Карачайку Ишлычакову, за ихъ къ намъ службы и за радѣнье, въ ихъ улусѣ князцу Кунестейку лутчимъ человѣкомъ князцомъ, а улусному человѣку, Карачайку въ улусѣ улуснымъ ясауломъ.» А. И. IV, 45.

между волостными людьми дальнихъ волостей они принимали участіе, и безъ нихъ судья не могъ постановить рѣшенія. «И будетъ,—значится въ памяти подъячему, посланному въ якутскія волости за сборомъ ясака,—которые Якуты учнутъ бить челомъ Великимъ Государемъ цѣною въ пять рублевъ, и тебѣ въ такихъ искахъ имъ Якутамъ судъ давать и съ суда указъ учинить въ правду, безволокитно; потому что по указу В. Г. и по грамотѣ, по ихъ иноземному челобитью, въ дальнихъ ясачныхъ волостяхъ и зимовьяхъ ясачнымъ сборщикамъ велѣно иноземцовъ судить въ двухъ или въ трехъ или въ пяти рублехъ вмѣстѣ съ ихъ иноземскими князцы и и съ лутчими людьми, и безъ нихъ и въ малыхъ дѣлахъ не судити, чтобы убытковъ и обидъ и налоговъ не было». Этимъ права князцовъ и лучшихъ людей и ограничивались, если не считать церемонныхъ представленій ихъ новымъ воеводамъ, оффиціальнаго обѣда, которымъ они угощались тогда на счетъ казны. За то обязанности, исполненія которыхъ требовали отъ нихъ, были не легки. Князцы и лучшіе люди должны были содѣйствовать начальству въ составленіи ясачныхъ списковъ; во многихъ мѣстахъ, они должны были попеременно находиться въ острогахъ въ качествѣ аманатовъ; на нихъ лежала отвѣтственность въ случаѣ, если волость не вносила вполнѣ опредѣленнаго ясаку; ибо они обязаны были «давать государевъ ясакъ и поминки съ себя и съ улусныхъ людей, съ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и съ захребетниковъ и съ подростковъ по вся годы, полный, безъ всякаго недобору». Кромѣ того они обязаны были «и иныхъ, свою братью, подъ государеву царскую высокую руку приводить и во всемъ государю служить и радѣть и прямить». На нихъ лежала обязанность доносить про измѣну и про всякой злой умыселъ надъ служилыми и промышленными людьми сказывать ([186]). Вообще они должны были дѣйствовать «съ служилыми людьми за одинъ» и, потому стало быть, служить орудіемъ для достиженія правительственныхъ цѣлей относительно ясачныхъ людей, — не имѣя однакожъ участія въ областномъ управленіи и довольствуясь вліяніемъ на маловажныя домашнія дѣла.

([186]) А. И. III, 138, V. 119. Доп. IV, 30. См. также во всѣхъ другихъ наказахъ воеводамъ.

Областное управленіе въ примѣненіи къ инородцамъ долженствовало, по мысли правительства, слѣдовать опредѣленнымъ правиламъ, которыя выражались большею частію въ наказахъ воеводамъ, на ряду съ предписаніями относительно и другихъ пунктовъ уѣздной администраціи. Эти правила, какъ и слѣдовало ожидать, направлялись во 1-хъ къ тому, чтобы успѣшнѣе былъ сборъ прибыли съ труда тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ и во 2-хъ къ тому, чтобы предотвратить съ ихъ стороны возможность неповиновенія и непокорности Московской власти, сопротивленія силою ея распоряженіямъ.

а) Средства къ достиженію первой цѣли, которыя Московская власть указывала начальникамъ уѣздовъ въ инородческихъ земляхъ, были слѣдующія.

Мы видѣли, что инородцы въ нѣкоторыхъ областяхъ, въ особенности въ земляхъ прежняго Казанскаго царства, платили въ казну, кромѣ ясачной подати, еще оброки съ земель и угодій. Относительно успѣшнаго сбора оброковъ съ инородцевъ правительство держалось вообще тѣхъ же мѣръ, которыя употреблялись имъ и по отношенію къ тяглымъ людямъ русскаго происхожденія. Очевидно, тутъ расчетъ былъ тотъ, чтобы земли и угодья не лежали пустыми, а, будучи заняты, приносили опредѣленную казнѣ прибыль. Для того, чтобы земли были заселены, правительство давало извѣстныя льготы охотникамъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія. Такъ съ 1658 по 1661 годъ «прибрано было въ Катайскомъ острогѣ на денежный оброкъ пять семей русскихъ людей, да тридцать шесть семей Татаръ и Черемисъ на льготные годы, а льготы имъ указано по 170 и 171 и по 172; а какъ льготные годы отойдутъ, и имъ платить Великимъ Государямъ въ казну Русскимъ людямъ и Татарамъ и Черемиссѣ по 18 рублевъ и по 20 алтынъ на годъ; а Государева имъ жалованья дано на ссуду до льготныхъ годовъ 61 рубль([188])». Такъ въ началѣ XVII столѣтія указано было правительствомъ набрать изъ зырянъ въ служилые люди и на пашню въ Томской городъ 50 человѣкъ; пашлось охотниковъ только пять человѣкъ([189]).— Для того, чтобы земли и

([188]) Доп. IV. 84.
([189]) А. И. II, 52.

угодья, занятыя прежде и заселенныя вновь, приносили опредѣленную прибыль, правительство считало необходимымъ приводить въ извѣстность количество и качество этихъ земель и угодій, а равно число людей, ими пользовавшихся,— посредствомъ описей. Такимъ образомъ еще при Грозномъ и при Годуновѣ описаны были между другими и нѣкоторыя изъ прежнихъ инородческихъ земель, напр., Соликамскій и Чердынскій уѣзды. Въ царствованіе дома Романовыхъ въ разныя времена принимались за описываніе земель и въ томъ числѣ въ инородческомъ краю. Описана также и Сибирь, хотя весьма не исправно (189). Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь правила, которыми руководствовались тогда при описаніи земель. Но нельзя не отмѣтить здѣсь тѣхъ особенностей, которыя отмѣчали эту правительственную дѣятельность относительно нѣкоторыхъ инородческихъ земель. Долгое время правительство находило неудобнымъ «дозоромъ дозирать и воловымъ письмомъ писать участки», занятые инородцами, чтобы тѣмъ ихъ «не жесточити и не разогнати». Этой осторожности оно держалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напримѣр. у цивильской черемисы, «иные жили въ полудворѣхъ и бортными ухожеи владѣли, а въ казну оброку не платили» (190). Отъ времени правленія царевны Софіи остались статьи, относящіяся до размежеванія земель мордовскихъ, черемисскихъ и чувашскихъ (191). Изъ нихъ видно, что правительство смотрѣло на земли и угодья въ черемисскихъ, вотяцкихъ, чувашскихъ и мордовскихъ волостяхъ какъ на особый отдѣлъ государственнаго имущества и потому приказывало писать ихъ въ писцовыхъ книгахъ особо, не смѣшивать съ землями и угодьями помѣщиковъ и вотчинниковъ; что, при своемъ желаніи получить съ нихъ доходъ, оно не находило возможнымъ отдавать ихъ въ оброкъ никому, кромѣ инородцевъ, опасаясь, какъ бы въ противномъ случаѣ они не разбѣжались, и земли и угодья отъ того не запустѣли, и потому повелѣло тѣ земли, которыя въ большомъ количествѣ были захвачены русскими, отмѣривать и отмежевывать къ ясачнымъ землямъ, какъ было прежде, оставивъ за русскими

(189) Неволинъ. Объ успѣхахъ государств. межеванія въ Россіи до Екатерины II. 474–480.

(190) Доп. II, 79.

(191) П. С. З. II, 1111.

только опредѣленный надѣлъ. Предоставляя инородцамъ преимущественное право на владѣніе землями и угодьями въ ихъ волостяхъ, которыя, какъ свою собственность, считало себя въ правѣ отдать кому хотѣло, правительство наконецъ при Петрѣ I опредѣлило, чтобы никто, ни русскіе люди, ни мурзы, татары и чуваши и черемиса,—подъ страхомъ смертной казни, не смѣли брать въ закладъ ни въ какихъ долгахъ и писать въ какія бы то ни было крѣпости оброчныя и ясачныя земли у всякихъ чиновъ людей и также у вотяковъ, чуваши и черемисы (192). Надо полагать, что эти мѣры были направлены къ тому, чтобы не только успѣшно собирать доходъ въ казну съ земель и угодій, но чтобы и крѣпче ясачныхъ людей, какъ и русскихъ, привязать къ землѣ и чрезъ то удобнѣе извлекать выгоды изъ ихъ обязательнаго труда. Для достиженія этой послѣдней цѣли Московская власть почитала, кромѣ того, полезными такія мѣры: Воеводы должны были заботиться, чтобы въ спискахъ инородцевъ не были пропущены тѣ, которые подлежали податямъ и повинностямъ. Самая справа податей и повинностей по этимъ спискамъ сначала вообще производилась чрезъ особыхъ служилыхъ людей—ясатчиковъ, которые въ извѣстное время года ѣздили по волостямъ для этой цѣли съ обязанностію быть ласковыми къ иноземцамъ, не притѣснять ихъ и не грабить. Но потомъ, такъ какъ послѣднее условіе не исполнялось часто, то правительство стало разрѣшать многимъ ясачнымъ людямъ привозить самимъ, посредствомъ выборныхъ, ясакъ въ главный городъ уѣзда. Такимъ образомъ, какъ уже показано выше, дано такое право Остяцкому князцу Лугую (193),—привозить ясакъ на рѣку Вымь. Такъ Лже-Дмитрій I далъ позволеніе сылвенскимъ и иренскимъ остякамъ самимъ привозить ясакъ въ Верхотурье (194). Въ 1607 году дано такое же право, и также въ избѣжаніи злоупотребленій со стороны ясатчиковъ, вишерскимъ вогуличамъ (195) и въ 1623 году татарамъ сылвенскимъ и иренскимъ (196). Но такъ какъ

---

(192) П. С. З. III, 1579.
(193) Фишеръ. Сиб. Истор. 166.
(194) А. И. II, 62.
(195) Тамъ же 76. А. А. Э. II, 75.
(196) А. И. III, 125.

эта мѣра, если бы была примѣнена ко всѣмъ безъ исключенія инородцамъ, могла бы стѣснять многихъ изъ нихъ,— потому что многія волости находились въ слишкомъ далекомъ разстояніи отъ уѣздныхъ городовъ и остроговъ, то принято правиломъ: «которые ясачные люди живутъ не далеко отъ остроговъ, тѣмъ самимъ приходить съ ясакомъ въ острогъ, а которые живутъ далече и съ ясачною и поминочною рухлядью, для дальняго пути, въ острогъ сами приходити не учнутъ, къ тѣмъ посылать разъ въ годъ ясачныхъ сборщиковъ, грамотныхъ людей, которые, по полученіи ясака, должны были давать ясачнымъ отписи, что дѣйствительно, получили, за своими руками и печатями ([197])». Ясакъ весь сполна служилые люди обязаны были выбирать ласкою, а не жесточью. Но очень могло случиться и случалось, что съ ясачныхъ и другихъ тяглыхъ инородцевъ нельзя было никакимъ радѣньемъ, никакою ласкою взять ясака сполна или заставить ихъ отправлять какую либо повинность. Это могло происходить и происходило отъ оскудѣнія инородцевъ данной мѣстности, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ ими несчастій, отъ уменьшенія звѣря ([198]) и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, не зависѣвшихъ отъ воли плательщиковъ. Есть свидѣтельства, что сближеніе инородцевъ съ русскими, знакомство первыхъ съ обычаями послѣднихъ имѣли невыгодное для правительства вліяніе на трудъ этихъ инородцевъ. Такъ,—доносилъ въ 1636 году въ Москву верхотурскій воевода,—«Верхотурскіе многіе ясачные люди, живя между русскими дюдьми, навыкли русскому обычаю и узнавъ, что по царскому указу правежемъ на нихъ ясаку править не велѣно, стали платить ясакъ оплошно, а иные многіе ясачные люди играютъ зернью и что добудутъ въ ясакъ соболей и лисицъ или иного какова звѣря, то проигрываютъ, и промежъ собою живетъ у нихъ на зерни убойство, а сотниковъ и десятниковъ не слушаютъ и на промыслы, проигрывая зернью, не ходятъ» ([199]). Кромѣ того русскіе служилые и промышленные люди, принося съ собою въ инородческія земли такіе русскіе обычаи, приносили еще, какъ увидимъ ниже, разореніе своими притѣсненіями и обманами. Сверхъ того случалось не рѣдко,

([197]) Доп. IV, 46.
([198]) Доп. VIII, 3.
([199]) А. И. III, 193.

что иныя инородческія волости опустошались внѣшними врагами или разбойниками.—Въ отвращеніе этихъ, неблагопріятныхъ для казны, обстоятельствъ Московская власть издала привичныя узаконенія. Такъ для того, чтобы инородцы не навыкали русскимъ обычаямъ, требовавшимъ траты времени и имущества, запрещалось русскимъ играть съ ними зернью ([200]), возить къ нимъ на продажу вино, табакъ. Вообще торговыя сношенія инородцевъ съ русскими правительство старалось поставить въ большія ограниченія. Служилымъ людямъ было совершенно запрещено возить что либо на продажу въ инородческія волости ([201]). Торговые люди могли вести съ инородцами торгъ только послѣ уплаты послѣдними ясаку и при томъ въ гостинномъ только дворѣ ([202]), а промышленные могли промышлять только тамъ, гдѣ «ясачныхъ людей угодій и промыслищевъ не было», а туда, «гдѣ живутъ ясачные иноземцы и промышляютъ на государя ясакъ», имъ было запрещено ходить на промыслы, «чтобы ясачнымъ людямъ отъ торговыхъ и промышленныхъ людей изгони и налоговъ и ясачному сбору недобору не было». Исключенія изъ этого правила допускались рѣдко и только въ уваженіе самыхъ настоятельныхъ нуждъ инородцевъ. Такъ правительство дозволяло ѣздить торговымъ людямъ въ инородческія волости для продажи тамъ хлѣба и суконъ ([203]). Торгу инородцевъ съ русскими въ границахъ, намѣченныхъ властію, воеводы обязаны были содѣйствовать всѣми зависѣвшими отъ нихъ мѣрами. Воеводы астраханскіе, напримѣръ, должны были давать торговцамъ изъ инородцевъ защиту на воровскихъ казаковъ по Волгѣ ([204]). На воеводахъ лежала обязанность защищать инородческія волости отъ нападеній враговъ ([205]). Они же должны были наблюдать, чтобы не рубили и не жгли лѣсовъ, гдѣ водился звѣрь, дабы и звѣрь не переводился и ясачному сбору поруха не была» ([206]). Въ видахъ

([200]) Тамъ же.
([201]) Доп. IV. 30. А. И. V, 240.
([202]) А. И. III, 135; IV, 209, V, 124. Доп. VI, 97.
([203]) А. И. III, 143.
([204]) А. И. III, 154.
([205]) А. А. Э. IV, 298. Доп. I, 63. IV, 138.
([206]) А. И. V, 199.

сбереженія звѣря, въ Перми, въ 1635 году запрещено было ловить капканами бобровъ и выдръ ([207]). Но особливо воеводы должны были беречь, чтобы между русскими и инородцами было согласіе и миръ, чтобы розни между ними не было ни въ чемъ, «чтобы ихъ розпью Государеву дѣлу какой порухи не учинилось ([208]); должны были защищать иноземцевъ отъ насильства русскихъ людей и насильниковъ наказывать ([209]). Для того, чтобы это узаконеніе было не на словахъ только, чтобы насильники не оставались безъ наказанія, правительство постановило, чтобы всякій разъ вновь назначенный воевода спрашивалъ иноземцевъ, не дѣлалось ли имъ притѣсненій какихъ при старыхъ, и, если бы поступали жалобы отъ нихъ, то производимо бы было строгое разбирательство дѣла. Во всякомъ случаѣ каждый воевода долженъ былъ убѣждать инородцевъ, равно какъ и русскихъ людей всякихъ чиновъ, что, если имъ приходилось терпѣть какія несправедливости прежде, то это происходило вопреки указамъ. Всѣ эти, исчисленныя сейчасъ, мѣры направлялись противъ такихъ обстоятельствъ, которыя, неблагопріятствуя успѣшному сбору дани съ инородцевъ, не зависѣли однакожъ отъ ихъ намѣреній. Но инородцы, случалось не рѣдко, намѣренно не платили ясака, скрывали свое достояніе, или же бѣгствомъ спасали себя отъ обязанности работать на казну по требованію власти. Въ особенности же во второй половинѣ XVII вѣка обнаружились эти наклонности. Во всеобщемъ укло-

---

([207]) А. А. Э. III, 256.

([208]) А. И. III, 134, 154.

([209]) Такъ, напримѣръ, когда въ 1622 году отъ вогуличей поступила жалоба, что Строгановъ Максимъ посылалъ своихъ татаръ Муллинскихъ и русскихъ людей въ вотчины вагуличей украдомъ соболей и куницъ и бобровъ и всякаго звѣря ловить и что имъ вагуличамъ отъ ихъ насильства ясаку платить ставится нечѣмъ, и татары и вагуличи бредутъ розно», то правительство приказало верхотурскимъ воеводамъ послать въ Верхотурскій уѣздъ стрѣльцовъ и казаковъ, сколько пригоже, чтобы Чюсовскихъ вагуличей отъ Строгоновыхъ и сторонніхъ людей отъ обидъ и насильства беречь, насильниковъ брать и приводить въ Верхотурье для сыску и наказанія, дабы отъ насильства ихъ Чюсовскіе вагуличи розно не разбрались и ясачной сборъ въ томъ не залегъ. А. И. III, 112. см. также: А. И. II, 62, 113. IV. 209 А. А. Э. III, 42, 118; Доп. IV, 126 и мног. друг.

пеніи, путемъ бѣгства, тяглыхъ людей Московскаго государства отъ обязательнаго труда иноземецъ принималъ тогда живѣйшее участіе ([210]). Чтобы не платить ясаку, инородцы нарочно жгли лѣса. Въ отношеніи тѣхъ, которые, оставаясь дома, не вносили ясаку безъ недобору по своему упорству, воеводы, или посылаемые ими ясатчики сначала должны были дѣйствовать убѣжденіемъ, чтобы оставили свою дурость, заплатили ясакъ; потомъ, когда это не помогало,—употреблять должны были разныя принудительныя мѣры, напримѣръ заставлять такихъ исполнять разныя работы, возить царскую казну на своихъ лошадяхъ, далѣе, описывать ихъ имущество и наконецъ—правежъ ([211]). Эти мѣры должны были приводиться въ исполненіе при содѣйствіи князцовъ и лучшихъ людей; послѣдніе обязаны были тѣхъ ясачныхъ, которые отказывались платить ясакъ или чинили непослушанье и безчестье сборщикамъ и служилымъ людямъ,—сыскивать не укрывая и не паровя никому и отсылать въ острогъ. Въ случаѣ же, если бы князцы и лучшіе люди оказались на сторонѣ упорныхъ, въ стачкѣ съ ними, сыскивать и въ городъ отсылать ихъ не стали, а начали бы ихъ укрывать, то съ ними воеводы должны были поступать, какъ съ возмутителями, подвергать жестокому наказанію и казни ([212]). Что касается до тѣхъ, которые бѣгали, то относительно ихъ употреблялись тѣ же мѣры, какіе примѣнялись и къ бѣгунамъ русскаго происхожденія: назначались сыщики, которые должны были ловить бѣглыхъ и съ поруками, а если порукъ не были, то съ стрѣльцами, отсылать на мѣсто жительства, «чтобы платили по прежнему ясакъ, чтобы за государемъ пустыхъ дворовъ не было»,—предварительно наказавъ кнутомъ двухъ изъ десяти, «чтобы имъ впредь и инымъ не повадно было такъ воровать и бѣгать». Если бы оказалось, что бѣглые во время бѣганья учинили убійство или пожегъ, то такихъ велѣно было вершить, вѣшать, «чтобы другимъ было не повадно воровать такъ и бѣгать» ([213]).

b) Но инородцы имѣли возможность уклоняться отъ платежа податей и исправленія повинностей, кромѣ показанныхъ

([210]) Доп. IV, 48. П. С. З. II, 997.
([211]) Доп. VII, 23. VIII, 3.
([212]) А. И. V, 119.
([213]) Доп. IV, 48 П. С. З. II, 997.

способовъ, еще посредствомъ открытаго сопротивленія власти, или начальникамъ, поставленнымъ ею, путемъ вооруженнаго возстанія. Само собою разумѣется, что въ интересахъ правительства было прежде всего вести дѣло такъ, чтобы такихъ возстаній вовсе не было; нужно было ей придумать такія мѣры, которыя бы поставили инородцевъ въ невозможность сопротивляться власти, словомъ, нужно было прежде всего выдумать мѣры, предупреждающія возстаніе. Къ числу такихъ мѣръ нужно отнести слѣдующія: воеводы обязаны были всегда держать города на военномъ положеніи, не полагаться на вѣрность инородческаго населенія; особенно въ мѣстахъ, около которыхъ жили не мирные иноземцы «всего болѣе беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и въ острогѣ, на караулахъ и на сторожахъ было бережно и усторожливо, чтобы воинскіе люди, пришедъ безвѣстно, какого дурна не учинили и не искрали и обманомъ чего не сдѣлали; ходячи по ясакъ — велѣть служилымъ отъ ясачныхъ людей остерегаться, чтобы ихъ искрадомъ нигдѣ никакіе люди не побивали». Для узнанія того, на сколько надежна вѣрность иноземцевъ власти, служилые люди обязаны были, въ своихъ сношеніяхъ съ ними «шатости и измѣны высматривать и провѣдывать накрѣпко, тайно, чтобы имъ было не явно» ([214]). Помощниковъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ или шпіоновъ правительство рекомендовало находить въ средѣ самихъ ясачныхъ, посредствомъ подкупа и обѣщанія награжденія доносителей имуществомъ тѣхъ, на кого дѣлался обстоятельный доносъ. Въ каждой волости, въ обезпеченіе вѣрности ясачныхъ, брались аманаты изъ лучшихъ людей, которые содержались въ городахъ, на счетъ казны, на особыхъ дворахъ, подъ стражею, чтобы «изъ города никуда не ушли и дурна какого надъ Великаго Государя людьми и надъ собою не учинили«. Приходъ инородческихъ людей въ городъ или въ острогъ, хотя бы то по самымъ мирнымъ побужденіямъ, допускался не иначе, какъ съ большими ограниченіями. Воеводы могли позволять приходить иноземцамъ туда только немногими людьми, безъ оружія; мѣшкать тамъ и въ особенности ночевать не позволялось; запрещалось русскимъ входить въ близкія сношенія съ иноземцами, которые приходили въ городъ или въ острогъ, ѣсть и пить съ ними за одно ([215]). Строго

([214]) А. И. III, 154. V, 40.

([215]) А. И. III, 134, 154.

должны были воеводы наблюдать, чтобы инородцамъ не было продаваемо оружія, а также и металла ([216]). На необходимыя нужды олово, мѣдь, желѣзо позволялось отпускать иноземцамъ, но только непосредственно изъ рукъ воеводъ, по немногу, смотря по поминкамъ ([217]). Послы и гонцы отъ сосѣднихъ азіатскихъ ордъ, пріѣзжавшіе въ Москву, на возвратномъ пути подлежали тщательному обыску на заставахъ и, въ случаѣ, если бы найдено было у нихъ оружіе, порохъ и свинецъ, то все это конфисковалось ([218]).

Но всѣ эти мѣры предосторожности противъ вѣроломства инородцевъ оказывалиль часто недѣйствительными. Воеводы и другіе служилые люди не всегда были бдительными надсмотрщиками поведенія ясачныхъ мужиковъ; аманаты бѣгали изъ крѣпостей; порохъ, свинецъ и всякое оружіе инородцы успѣвали себѣ добывать и иногда въ не маломъ количествѣ; даже въ Москвѣ являлись ихъ агенты за покупкою этого товара ([219]). Вслѣдствіе этого и множества другихъ причинъ возмущенія въ средѣ ихъ, какъ извѣстно, были не рѣдки. Московская власть не оставила воеводъ безъ своихъ указаній и на эти случаи. Въ случаѣ, если бы воевода замѣтилъ въ какой волости шатость, если бы поведеніе ясачныхъ показалось ему подозрительнымъ, то онъ имѣлъ право, на основаніи одного подозрѣнія или тайнаго показанія правительственныхъ шпіоновъ, произвести надъ заподозрѣнными розыскъ, при чемъ черныхъ людей—пытать, а мурзъ держать за приставами, съ обязанностію однакожъ донести объ этомъ въ Москву ([220]). По понятію Московскаго правительства, на инородцевъ слѣдовало смотрѣть, какъ на измѣнниковъ и мятежниковъ въ такихъ

([216]) А. И. IV, 252, 255, 256; V, 40.

([217]) Доп. IV, 46. П. С. З. 1579.

([218]) А. И. V, 53.

([219]) Такъ въ 1675 году узнали въ Москвѣ, что «по Сибирской дорогѣ за Ураломъ, отъ города Уфы въ дальнихъ мѣстахъ объявились у многихъ Башкирцевъ пищали винтовки многіе, да и по городовую сторону Уфы пищали есть же, и пищальной стрѣльбѣ изучились, а лучную стрѣльбу покинули; а тѣ пищали и порохъ привозятъ въ Уфимскій уѣздъ и продаютъ имъ Башкирцамъ и ружьемъ наполниваютъ изъ Сибирскихъ гордоовъ». А. И. IV, 252. См. также: А. И. V, 237. А. А. Э. IV, 239; Доп. IV, 120; VI, 126.

([220]) А. И. III, 154.

случаяхъ: «буде князцы и улусные люди будутъ откладываться и ясаку платить не учнутъ, а учнутъ тѣ измѣнники и непослушники Великаго Государя служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей на промыслахъ побивать, или, собрався, на волости подъ остроги и города государевы приходить войною». Въ такихъ случаяхъ воеводы должны были посылать на тѣхъ измѣнниковъ и непослушниковъ ратныхъ людей съ огненнымъ боемъ и велѣть прежде ихъ уговаривать всякими мѣрами, ласкою, чтобы они въ винахъ своихъ добили Великому Государю челомъ и были подъ его высокою царскою рукою и ясакъ съ себя платили. Въ случаѣ, если бы эти увѣщанія остались безъ желаннаго дѣйствія, и измѣнники и непослушники начали бы биться съ служилыми людьми, то послѣдніе должны были надъ ними, прося у Бога милости, промышлять всякими обычаями, чтобы ихъ войною смирить и подъ царскую высокую руку привести и аманатовъ у нихъ взять, а себя отъ нихъ уберечь. Если бы случилось, что нѣкоторые изъ измѣнниковъ во время войны захотѣли, отъ воровъ отставъ, прямить Великому Государю, то служилые люди тѣхъ не должны были убивать, а напротивъ обязаны были ихъ беречь и обнадежить царскимъ жалованьемъ, говорить имъ, что государь вину имъ отдастъ и во всемъ имъ полегчитъ, и что, когда они на дѣлѣ окажутъ искренность своего раскаянія, правду свою покажутъ, т. е. когда собрався головами своими пойдутъ воевать упорныхъ непослушниковъ и на войнѣ будутъ ихъ побивать,—имущество повоеванныхъ ими, женъ ихъ и дѣтей отдастъ имъ въ полную собственность. По успѣшномъ окончаніи воинскаго поиска надъ измѣнниками и непослушниками, пущихъ воровъ и заводчиковъ служилые люди должны были отправить въ острогъ, гдѣ воевода сажалъ ихъ въ тюрьму до указу Государя, отписавъ объ этомъ въ то же время въ Москву къ царю ([221]).

Тогда назначался судъ. Высшая инстанція суда надъ инородцами были приказъ Казанскаго дворца и соединенный съ нимъ Сибирскій приказъ. Туда впрочемъ поступали для рѣшенія дѣла только наибольшей важности, возникавшія, напримѣръ, по поводу жалобъ инородцевъ на притѣсненія воеводъ. Въ существѣ же дѣла вся судебная власть находилась въ рукахъ

([221]) А. И. IV, 209; V, 240. Доп. I, 120 и мн. друг. наказы.

воеводъ, которые должествовали давать инородцамъ судъ въ правду по всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Участіе въ судѣ самихъ инородцевъ, въ лицѣ ихъ князцовъ и лучшихъ людей, было допускаемо, какъ мы уже видѣли, только въ маловажныхъ гражданскихъ дѣлахъ, которыя поручались, подвѣдомственнымъ воеводскому управленію, прикащикамъ слободъ, сборщикамъ ясака. Въ уголовномъ судѣ инородцы принимали участіе только какъ свидѣтели. Голоса въ опредѣленіи, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ и на сколько виновенъ, и въ назначеніи наказанія они не имѣли. Все это безраздѣльно принадлежало воеводѣ. Какъ слѣдователь и судья, онъ руководствовался тѣми же обычаями и законами, которые дѣйствовали и между русскими. Сибирскіе и астраханскіе воеводы имѣли то отличіе въ этомъ отношеніи отъ другихъ воеводъ, что пользовались правомъ, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, по причинѣ отдаленности ихъ уѣздовъ отъ Москвы, казнить за важныя преступленія простыхъ инородцевъ, не испрашивая на то указу царскаго, съ обязанностію только доносить въ Москву, кто и за что и какою смертію казненъ ([222]). Съ теченіемъ времени Московская власть должна была впрочемъ убѣдиться, что такой порядокъ въ инородческихъ земляхъ приводитъ совершенно къ инымъ результатамъ, чѣмъ на какіе онъ былъ расчитанъ: такою страшною властію часто воеводы злоупотребляли, пользуясь ею для корыстныхъ цѣлей; пытки давали возможность воеводамъ возводить всякій несправедливо начатый процессъ на степень законно-необходимаго; подчиненные инородцы разорялись вслѣдствіе этого, переставали платить ясакъ и ожесточались. Въ отвращеніе этихъ неудобствъ Московская власть постоянно дѣлала внушенія воеводамъ судить въ правду, запрещала пытать и казнить безъ царскаго указу сначала однихъ мурзъ и князей, а потомъ и простыхъ людей ([223]). Но, какъ показываетъ указъ Петра I въ 1695 году, эти мѣры были безсильны искоренить зло, которое порождалось самымъ судебнымъ устройствомъ, оставшимся неприкосновеннымъ; ибо указъ Петра, по которому подтверждалось сибирскимъ воеводамъ не пытать и не казнить смертію ясачныхъ иноземцевъ, а

([222]) О Россіи въ ц. Алексѣя Михайловича. 98.

([223]) П. С. З. III, 1526.

равно и русскихъ, ни въ какихъ дѣлахъ,—не сослався съ Государемъ,—и угроза смертною казнію и отобраніемъ имущества на Государя ослушникамъ этого повелѣнія не измѣняли существа судоустройства и судопроизводства. Допустимъ, что воеводы дѣйствовали согласно съ этимъ закономъ, не пытали и не казнили ясачныхъ иноземцевъ безъ разрѣшенія Государя, все же они оставались судьями и могли представить въ Москву дѣло такъ, что подсудимые не могли избѣжать пытокъ и казни: для послѣднихъ была не большая выгода, что такую напасть приходилось имъ терпѣть не непосредственно отъ воеводскаго рѣшенія, а отъ опредѣленія свыше, по представленію того же воеводы. Отдѣлить власть судебную отъ административной, что бы слѣдовало, въ Москвѣ не думали. Одна была защита у инородцевъ противъ произвола судей, который былъ такимъ образомъ результатомъ соединенія судебной и административной власти въ однихъ рукахъ,— это право жалобы на несправедливость суда. Но во 1-хъ по причинѣ отдаленности инородческихъ земель отъ Москвы и благодаря московской волокитѣ эти жалобы не всегда могли достигнуть до царя въ нужное время; во 2-хъ опредѣлено было закономъ разбирать жалобы на воеводъ лишь по истеченіи срока ихъ воеводской власти, вслѣдствіе чего тѣ имѣли возможность схоронить концы всякихъ неправильно веденныхъ ими дѣлъ.

—

5. Соціальныя отношенія и религіозно-нравственная жизнь ясачныхъ инородцевъ по видамъ Московской власти. Общее сужденіе о вліяніи русскаго господства на эту сторону быта инородцевъ. Три главные пути, по которымъ шло разложеніе этого быта въ силу русскаго господства: выходъ въ служилые, брачныя соединенія, закладничество, и отношеніе Московской власти къ каждому изъ нихъ и въ особенности къ послѣднему. Воззрѣніе ея на магометанство и язычество инородцевъ. Степень и характеръ участія ея въ православно-христіанской пропагандѣ въ инородческомъ мірѣ.

—

Овладѣвъ поземельнымъ богатствомъ инородцевъ, взявъ въ свое распоряженіе ихъ трудъ, присвоивъ себѣ закономда-

тельную, правительственную и судебную власть надъ ними, Московское правительство, понятно, не могло не коснуться соціальнаго и религіозно-нравственнаго быта этихъ своихъ подданныхъ. Мы видѣли уже, что большинство аристократіи прежнихъ царствъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, князей и мурзъ, поставлено было имъ въ такое положеніе, что связь этой аристократіи съ инородческимъ простонародьемъ была разорвана; что вліяніе, которымъ эти князья и мурзы прежде пользовались среди инородческой массы, правительство старалось уничтожить и замѣнить значеніемъ для нихъ иного рода, и что, наконецъ, попытки князей и мурзъ возвратить это отнятое у нихъ вліяніе посредствомъ мятежей не удались. Общественный порядокъ, который въ этихъ земляхъ прежде господствовалъ, наконецъ палъ совершенно. Мы видѣли и то, что сибирскіе князцы и лучшіе люди низошли на степень ясачныхъ, удержавъ за собою лишь внѣшній почетъ, который не давалъ имъ никакихъ преимуществъ предъ остальными сибиряками, если не считать преимуществами не легкихъ обязанностей, на нихъ возлагавшихся. Вообще говоря, русское владычество потрясло въ самомъ основаніи существовавшія прежде въ инородческомъ мірѣ соціальныя дѣленія. Однакожъ далеко нельзя сказать того, чтобы Московская власть одна была въ этомъ повинна. Изъ Москвы не вышло ни одного прямаго закона, которымъ бы разрушался старинный соціальный порядокъ въ инородческихъ земляхъ; напротивъ Московская власть эту сторону быта инородцевъ, повидимому, оставила неприкосновенною; она повсюду отличаетъ князцовъ отъ простыхъ людей; отъ Московскаго Государя инородцы никогда не слыхали, что можно не повиноваться князцамъ; Москва предоставляла имъ на волю имѣть рабовъ или нѣтъ; она не входила въ семейныя отношенія, мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ; начальники родовъ и родичи были, повидимому, оставлены этою властію въ тѣхъ же отношеніяхъ, какія были между ними прежде; словомъ, Московская власть, по видимому, явилась охранительницею старинныхъ соціальныхъ порядковъ въ инородческомъ мірѣ. Но въ силу вышесказанныхъ причинъ такая терпимость Московской власти къ соціальнымъ порядкамъ, имѣвшимъ мѣсто среди инородческаго народонаселенія сѣверовосточнаго края, не могла служить къ поддержанію этихъ порядковъ. Новый экономическій порядокъ, новыя формы управленія и

суда, введенныя въ жизнь инородцевъ этою же властію, дѣлали свое дѣло: ясакъ сравнялъ и князца и его улуснаго человѣка; приказная изба относилась одинаково и къ женщинѣ и мущинѣ; зависимый родичъ, въ случаѣ недовольства своимъ положеніемъ, могъ легко освободиться отъ тяготѣнія надъ нимъ родопачальника; каждый ясачный человѣкъ могъ уйти изъ улуса и поступить въ служилые русскіе люди; каждый ясачный могъ надѣяться, при помощи русской власти, сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ; женщина въ инородческой семьѣ имѣла возможность освободиться отъ безграничной власти мущины, убѣжавъ къ русскимъ; послѣдніе могли силою уводить къ себѣ людей изъ инородческаго міра. Вообще для разложенія прежнихъ соціальныхъ отношеній между инородцами, постоянно все болѣе и болѣе исчезающихъ, и во время московскаго періода открывался великій просторъ, открывалось много путей, по которымъ это разложеніе могло идти безостановочно, и это было не только возможнымъ дѣломъ, но, напротивъ, дѣйствительнымъ явленіемъ инородческой жизни и притомъ столь глубокимъ и замѣтнымъ, что его нельзя не признать однимъ изъ коренныхъ явленій исторіи сѣверовостока тогдашней Россіи. Рядомъ съ разложеніемъ соціальнаго быта инородцевъ шли измѣненія въ правахъ и вѣрованіяхъ ихъ и притомъ въ такой же степени, въ какой совершалось первое. Московская власть не могла не замѣтить этого явленія и, замѣтивъ, не могла отнестись къ нему равнодушно. Она не могла желать предоставить этому движенію идти свободно: ибо въ такомъ случаѣ пострадали бы выгоды казны; остановить его она была не въ силахъ; разъ начавшееся жизненное движеніе ни одна власть остановить не можетъ; а притомъ если бы это и возможно было для нея, то не иначе, какъ подъ тѣмъ условіемъ, если бы она отказалась отъ права на землю и трудъ инородцевъ и предоставила бы экономическому быту возвратиться въ прежнее свое положеніе, чего конечно она не могла желать. Ей оставалось придумать границы этому движенію; она объ этомъ и заботилась.

Она обратила вниманіе на три главные пути, по которымъ шло разложеніе старинаго соціальнаго быта инородцевъ, попавшихъ въ разрядъ тяглыхъ и ясачныхъ: это во 1-хъ выдѣленіе членовъ инородческихъ колѣнъ и родовъ посредствомъ поступленія въ служилые люди, во 2-хъ смѣшеніе

инородцевъ съ русскими посредствомъ брачныхъ соединеній, принимая слово брачный въ обширномъ смыслѣ. Тотъ и другой способъ выхода инородцевъ изъ инородческихъ обществъ и семей Московская власть ограничила условіемъ добровольнаго принятія крещенія. Кромѣ того, что касается до послѣдняго пути, то она постоянно строго запрещала русскимъ уводить инородческихъ женщинъ насильно; связи русскихъ съ инородческими женщинами и по обоюдному согласію Московская власть признавала незаконными и преслѣдовала, если онѣ не освящались церковію. Другой вопросъ—на сколько достигали цѣли указы, стремившіеся поставить въ опредѣленныя границы метисацію, о которой столь обстоятельно изложилъ г. Щаповъ (224). Въ послѣдующемъ изложеніи будутъ представлены и такія свидѣтельства, на основаніи которыхъ можно сдѣлать то или другое заключеніе относительно этого предмета. Здѣсь можно замѣтить лишь одно, что одни наказы да угрозы ослушникамъ ихъ наказаніемъ оказывались безсильными держать метисацію въ намѣченныхъ границахъ. Другихъ мѣръ, кромѣ наказовъ да угрозъ, Московская власть не употребляла для того, чтобы смѣшеніе инородцевъ съ русскими посредствомъ брачныхъ соединеній шло по ея указанію. Во всѣхъ наказахъ постоянно повторяется одно и тоже относительно этого предмета: «жонъ и дѣтей во дворъ не имать и не крестить насильно, а буде изъ женскаго пола жонки и дѣвки похотятъ креститься, и тѣхъ жонокъ и дѣвокъ велѣть крестить и выдавать за мужъ за новокрещенныхъ и за русскихъ служилыхъ людей»,—и за тѣмъ слѣдуетъ обычная угроза ослушникамъ закона.

Болѣе разнообразныя мѣры Московская власть употребляла къ стѣсненію третьяго пути, по которому шло также разслабленіе старинныхъ соціальныхъ инородческихъ порядковъ. Это закабаленіе инородцевъ, добровольное и принужденное, за частными людьми и преимущественно за русскими. Его не нужно смѣшивать съ крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостное состояніе Московская власть охотно вводила въ инородческій міръ; такъ инородцевъ, входившихъ въ составъ прежняго Казанскаго царства она отдавала помѣщикамъ и вотчинникамъ; но съ ея точки зрѣнія это не было рабствомъ или холопствомъ, хотя на дѣлѣ мало чѣмъ отъ него отличалось. Съ другой

(224) Историко-географич. распред. русск. нас.—Русское Слово за 1865 г.

стороны, допуская эту форму зависимости, правительство думало, что казна отъ этого ни мало не потерпитъ: потому что, по ея соображенiи, это закрѣпленiе было не что иное, какъ хозяйственная мѣра, принятая за тѣмъ, чтобы съ большимъ удобствомъ содержать служилый классъ и собирать войско. Другое дѣло было закабаленiе. Съ того, кто былъ закабаленъ, нельзя было требовать подати или ясаку, такъ какъ онъ становился полною собственностiю господина. Поэтому правительство допускало закабаленiе лишь въ исключительныхъ случаяхъ, именно въ тѣхъ, когда отъ подлежавшихъ закабаленiю не предвидѣлось никакого проку и когда между тѣмъ тѣхъ, кто закабалялъ, можно было задобрить въ свою пользу согласiемъ на право закабаленiя. Такъ оно отдавало въ полную власть самимъ инородцамъ тѣхъ изъ ихъ братiй, которые отказывались платить ясакъ и вступали въ открытую борьбу съ русскими, отдавало въ случаѣ, если они такихъ захватывали во время войны въ плѣнъ. Впрочемъ, какъ видно, правительство допускало и это правило не часто. По крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ историческихъ свидѣтельствъ видно, что правительство за содѣйствiе инородцевъ къ подавленiю инородческихъ мятежей или къ открытiю измѣны платило большею частiю такимъ усердпымъ своимъ подданнымъ имуществомъ виновныхъ, не касаясь ихъ личности. Вообще же Московская власть всегда была противъ закабаленiя частными лицами ясачныхъ или тяглыхъ; она не допускала даже закладничества ихъ, штрафуя отобранiемъ закладныхъ у тѣхъ, у кого закладывались, безъ платежа денегъ за нихъ, и возвращая заложившихся въ прежнiе тягла и ясаки ([225]). Что же касается до полнаго холопства, то воеводамъ постоянно вмѣнялось въ обязанность смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ покупать

([225]) Въ одной изъ грамотъ уфимскому воеводѣ значится: «Въ прошломъ въ 148 году писано тебѣ отъ насъ въ нашей грамотѣ, а велѣно по прежнимъ и по той нашей грамотѣ, которые всякихъ чиновъ люди, крещеные и некрещеные, напередъ сего жили и нынѣ живутъ во закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, велѣть имъ жить тяглымъ въ тяглѣ, а ясачнымъ на ясакахъ по прежнему, а денегъ по кабаламъ и по закладнымъ и по всякимъ крѣпостямъ заимщикамъ платить не велѣть и истцамъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать и крѣпости всякiя на закладныхъ людей взять въ нашу казну, для того, чтобы впредь никто никакихъ людей ни по какимъ крѣпостямъ въ заклады не ималъ». А. И. III, 213.

ясачныхъ людей, ни женъ и дѣтей, и возить ихъ къ Москвѣ, чтобы тѣмъ иноземцевъ не ожесточити, чтобы Сибирская земля простиралась а не пустѣла (226). Само собою разумѣется, что насильственное порабощеніе ясачныхъ еще болѣе преслѣдовалось правительствомъ; оно не дозволяло даже брать въ холопы ясырь, взятый въ немирныхъ землицахъ, а приказывала держать этотъ ясырь на аманацкомъ дворѣ впредь до выкупа, или до закрѣпленія немирной землицы за высокою царскою рукою, послѣ чего ясырь дѣлался свободнымъ или пристроивался въ ясакъ.

Уложеніе измѣнило эту статью, позволивъ покупать въ Астрахани и въ Сибири татаръ и татарченковъ всѣмъ, кромѣ воеводъ и приказныхъ людей, запретивъ только насильственное или посредствомъ кражи пріобрѣтеніе холоповъ (227). Но очевидно, это измѣненіе относится къ тѣмъ инородцамъ, которые прежде изданія Уложенія, находились уже въ холопствѣ; позволялось только такими торговать. Относительно же ясачныхъ и тяглыхъ или даже плѣнныхъ сохранились во всей силѣ прежнія указныя грамоты. Такъ отъ того же года, когда издано Уложеніе, между прочимъ осталась грамота, въ которой Государь подтверждаетъ, чтобы точно исполнялись прежнія указныя грамоты относительно сибирскихъ полоняниковъ и ясыря, «чтобы на заставахъ того берегли и смотрѣли накрѣпко, какъ изъ сибирскихъ городовъ воеводы, дьяки и письменные головы, и ихъ братья, дѣти и племянники и люди, и дѣти боярскіе, и сибирскіе служилые и торговые и всякихъ чиновъ люди поѣдутъ къ Руси, къ Москвѣ или въ иные которые городы и повезутъ съ собою сибирскихъ татаръ и остяковъ и ихъ женъ и дѣтей, и тѣхъ всякихъ чиновъ людей осматривать и обыскивать накрѣпко, и у кого объявится ясырь, то его, если онъ некрещенъ, возвращать назадъ строить въ ясакъ, а жонокъ и дѣвокъ отдавать ихъ отцамъ и матерямъ и мужьямъ и роду и племени» (228). Во все послѣ-

(226) А. И III, 135, 213; IV, 209; V, 240 и друг. наказы.

(227) Сказавъ, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ запрещено было всякимъ людямъ покупать въ Сибири и въ Астрахани татаръ и татарченковъ мужескаго и женскаго полу, и даромъ имать, и на Русь высылать,—Уложеніе продолжаетъ: «нынѣ Государь указалъ такихъ татаръ и татарченковъ въ Астрахани и въ Сибири покупати всякимъ людемъ по прежнему, опричь воеводъ и всякихъ приказныхъ людей» П. С. З. I, стр. 132.

(228) Доп. III, 62.

дующее за Уложеніемъ время Московская власть относительно описываемаго предмета стремится къ тому, чтобы воспрепятствовать обращенію въ холопство ясачныхъ и тяглыхъ инородцевъ и чтобы, съ другой стороны, уменьшить число находившихся уже въ холопствѣ инородцевъ.

Первой цѣли достигнуть было легче, чѣмъ второй. По крайней мѣрѣ вопросъ не былъ столь сложнымъ, какъ второй; впрочемъ и тутъ не обошлось безъ сильныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ 1697 году оно нашлось вынужденнымъ постановить смертную казнь для тѣхъ, кто вздумалъ бы крещеныхъ или не крещеныхъ въ какія либо закладныя записи или кабалы или въ иныя какія крѣпости писать, опредѣливъ при этомъ, что эти закладныя записи и заемныя кабалы и иныя крѣпости, совершенныя прежде указа, должны быть возвращены заимщикамъ безденежно, а сами они должны жить въ тяглахъ и ясакахъ по прежнему (229).

Постановленія, имѣвшія цѣлію уменьшить число холоповъ изъ инородцевъ, были не одинаковы для холоповладѣльцевъ изъ христіанъ и нехристіанъ. Что касается до первыхъ, то Уложеніе постановило: господинъ татаръ, имъ купленныхъ, буде ихъ креститъ, не имѣлъ права продавать; новокрещенный татаринъ получалъ право искать свободы, если, по смерти господина, купившаго его, не осталось духовной или даже, если духовная осталась, но въ этой духовной онъ никому не былъ писанъ и въ купчихъ притомъ не было обозначено, что купившій его купилъ не для себя только, но и для жены и дѣтей (230). Относительно холоповладѣльцевъ изъ нехристіанъ, Уложеніе совершенно запретило имъ имѣть у себя въ холопствѣ людей православной вѣры, подъ тѣмъ предлогомъ, что этимъ послѣднимъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и осквернепіе, и многіе безъ покаянія, безъ отцовъ духовныхъ помираютъ, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякой скоромъ ѣдятъ неволею; при этомъ было постановлено взять изъ дворовъ у нихъ православныхъ христіанъ съ предоставленіемъ имъ права держать у себя въ холопствѣ только некрещеныхъ (231). Но и эти послѣдніе въ случаѣ, ес-

---

(229) П. С. З. II, № 1699; III, 1579.
(230) П. С. З. I, стр. 129.
(231) Тамъ же стр. 124.

ли бы приняли крещеніе, переставали быть холопами и освобождались отъ своихъ господъ некрещеныхъ на такихъ условіяхъ: «буде которые иноземцы крестятся въ православную вѣру, а у татаръ и бухарцевъ они куплены и положатъ тѣ татары и бухарцы какія купчія, и буде, которые купчихъ не положатъ, а по розыску объявится, что они у нихъ купленые: и за тѣхъ новокрещеновъ, которые написаны будутъ въ службу, давать тѣмъ иноземцамъ, чьи они были, изъ государевой казны деньги противъ ихъ купчихъ, а безъ купчихъ, почему доведется, освидѣтельствовавъ про то сторонними людьми. А которые похотятъ жить у митрополита, или въ монастырѣхъ, или у жилецкихъ людей: и за тѣхъ новокрещеновъ, у кого они станутъ жить, имать у нихъ тѣмъ иноземцамъ деньги жъ» (232).

Очевидно, такія постановленія не могли нравиться холоповладѣльцамъ: они смотрѣли на холоповъ какъ на товаръ, старался извлечь изъ него какъ можно больше прибыли; могли держать холоповъ у себя и пользоваться ихъ трудомъ, или продать ихъ, при случаѣ, по хорошей цѣнѣ. Между тѣмъ въ силу сказанныхъ постановленій они должны были разстаться съ этимъ товаромъ, и иногда не получивъ за него ничего; потому что легко могло случиться, что нѣкоторые изъ нихъ держали холоповъ безъ всякихъ письменныхъ актовъ и не могли доказать другими способами при розыскѣ, что этотъ товаръ дѣйствительно ими купленъ. Не меньшая непріятность дѣла являлась для нихъ съ другой стороны; случалось, холопъ, уходя креститься, обкрадывалъ своего господина; да и крестились многіе изъ холоповъ, какъ видно, изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, а не по убѣжденію въ превосходствѣ христіанской религіи предъ тою, которую до того исповѣдывали. Московская власть почитала для себя невыгоднымъ такое положеніе дѣла, ибо это «татаръ, бухарцевъ и иныхъ земель пріѣзжихъ иноземцевъ могло ожесточить и отъ государской милости отгонять», а между тѣмъ не хотѣла отказаться отъ принятой системы относительно иновѣрцевъ, находившихся въ холопствѣ у иновѣрцевъ же. Для соглашенія своихъ и рабовладѣльческихъ интересовъ она постановила такія правила: а) Никто не могъ взять холопа у господина,

---

(232) П. С. З. II, № 1117.

если только первый, т. е., холопъ самъ добровольно не заявлялъ о своемъ желаніи креститься. Дозволялось и даже вмѣнялось въ обязанность духовнымъ и свѣтскимъ властямъ дѣйствовать на иновѣрцевъ увѣщаніемъ, призывать ко крещенію ласкою и привѣтомъ и обѣщаніемъ милости государской. b) Холопъ иновѣрецъ, желавшій принять крещеніе, долженъ былъ подать челобитную въ приказную избу. Въ случаѣ, если бы онъ принесъ челобитную въ митрополичій дворъ,—то митрополитъ не имѣлъ права приступить къ совершенію надъ нимъ таинства, не снесясь предварительно съ приказной избой и не получивъ отъ нея увѣдомленія, что къ тому препятствій нѣтъ. c) Приказная изба обязана была розыскать, добровольно, или нѣтъ, холопъ-иновѣрецъ хочетъ принять крещеніе, а, главное, узнать, не своровалъ ли онъ и не обокралъ ли своего господина и не учинилъ ли ему другаго какого разоренья. d) Если въ теченіи мѣсяца на холопа не поступитъ отъ его господина челобитной въ сносѣ или въ другомъ какомъ разореньи, или, если поступитъ, но по розыску съ очныхъ ставокъ объявится, что холопъ бьетъ челомъ о крещеньи впрямь, добровольно, не своровавъ, то его отсылать для крещенья изъ приказной избы на митрополичій дворъ; въ противномъ же случаѣ по розыску доправить на немъ искъ господина и учинить, по Уложенью, наказаніе, смотря по преступленью. Послѣ этого воеводѣ допрашивать, остается ли наказанный при своемъ прежнемъ желаніи относительно крещенія и «будетъ пожелаетъ, отсылать его для крещенья на митрополичій дворъ, а буде послѣ правежу и наказанья скажетъ, что быть въ православной вѣрѣ не хочетъ, то отдавать его тому, чей онъ былъ» ([233]).

Не трудно оцѣнить по достоинству отмѣченное вмѣшательство государственной Московской власти въ соціальныя отношенія инородцевъ. Возставая противъ всякихъ формъ закабаленія, личной зависимости инородцевъ отъ частныхъ лицъ, стремясь освободить отъ такой зависимости тѣхъ изъ нихъ, кого къ ней привела сила обстоятельствъ, эта власть тѣмъ самымъ не допустила развиться въ странѣ плантаторскому элементу въ томъ видѣ, въ какомъ онъ укоренился въ западно-европейскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Намъ нѣтъ

([233]) П. С. З. II, 1163; III, 1594.

нужды что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, она руководствовалась корыстными побужденіями; что не допуская утвердиться въ великой странѣ сословію рабовладѣльцевъ, она имѣла въ виду чрезъ то отвратить одно изъ препятствій къ тому, чтобы самой успѣшно пользоваться трудомъ инородцевъ: для насъ важно то, что она не желала допустить, чтобы страна осквернилась и этою заразою; что она дѣйствовала въ этомъ случаѣ, какъ благотворная сила, для которой нѣтъ разницы между людьми, какого бы они происхожденія ни были, которая не хочетъ, чтобы одинъ былъ рабомъ другаго. Въ этомъ ея направленіи, въ этомъ стремленіи ея къ уравненію людей скрывается одно изъ объясненій того, почему держались ея народы, раскинутые на огромномъ пространствѣ. Но, съ другой стороны, она не видѣла инаго средства воспрепятствовать стремленію частныхъ людей закабалять инородцевъ, кромѣ поддержанія стариннаго соціальнаго устройства послѣднихъ. Поддерживая значеніе родовъ и семей въ инородческомъ мірѣ въ этихъ видахъ, она тѣмъ самымъ поддерживала въ средѣ ихъ старинныя преданія о вольности ихъ отцовъ: князцы не могли еще потерять уваженіе своихъ родичей, не могли позабыть о своемъ прежнемъ вліяніи; словомъ, не могъ исчезнуть старинный соціальный ихъ строй. Съ этимъ вмѣстѣ сохранялась одна изъ причинъ возстаній инородцевъ противъ русскаго господства.

Изъ сказаннаго можно отчасти видѣть характеръ отношеній Московской власти къ религіозно-нравственной жизни инородцевъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что религіозныя вѣрованія ихъ и многіе изъ обычаевъ не могли найти покровительства со стороны Московскаго правительства; весьма вѣроятно, что оно, согласно съ мнѣніемъ православнаго духовенства ([234]), эти инородческія религіи производило отъ дьявола и людей, державшихся этихъ ученій, искренно презирало, въ убѣжденіи, что ихъ ждетъ на томъ свѣтѣ огнь неугасимый и тьма кромѣшная. Не смотря однакожъ на это, инородческія религіи не нашли въ Московской власти гонительницу. Это не значитъ, чтобы она въ своемъ практическомъ отношеніи къ религіямъ новыхъ подданныхъ

([234]) Соборн. посланіе Росс. духов. на Угру А. И, I, 90.—Посланіе Митрополита Макарія къ царю Ивану IV. А. И. I, 160.

являлась похожею на государственную власть императорскаго Рима, дававшую мѣсто въ пантеонѣ божествамъ покоренныхъ народовъ: когда вопросъ касался правъ этихъ религій, то Московская власть, конечно, не могла поставить ихъ на одну доску съ вѣрой православной; вблизи того мѣста, гдѣ воздвигался храмъ Бога живаго, она не могла позволить стоять магометанской мечети или шаманскому капищу ([235]); служители инородческихъ религій не получали отъ нея никакихъ особенныхъ правъ и были сравнены съ тяглыми и ясачными. Не означаетъ это и того, чтобы Московская власть была чужда желанія обратить инородцевъ къ христіанству и перемѣнить ихъ поганые нравы на христіанскіе обычаи: что хотѣлось ей видѣть своихъ новыхъ поддапныхъ христіанами, это весьма понятно, если взять въ расчетъ, что она по натурѣ своей была строго православной,—и подтверждается многими фактами. Но эти ея стремленія, совпадавшія съ религіозною ревностію многихъ поддапныхъ русскаго происхожденія и въ особенности духовенства, сталкивалась съ фискальными ея стремленіями, въ значительной степени умѣрялись. Опасеніе, какъ бы этою ревностію не

([235]) Когда взята была Казань и поставлены были тамъ въ крѣпости христіанскіе храмы, то мечети были разорены; и вообще послѣ этого было постановлено, чтобы ни въ какомъ городѣ, населенномъ христіанами, не было мечетей, чтобы послѣднія стояли вдали отъ христіанскихъ храмовъ. Если случались уклоненія отъ этого правила, то правительство считало своею обязанностію исправить дѣло; такъ въ 1593 году царскимъ указомъ повелѣно было разрушить выстроенныя вновь въ Казани мечети и самихъ татаръ выслать изъ города (Рыбушкинъ. Краткая исторія Казани. Предисл., II); въ Тобольскѣ было завелись мечети, и когда сибирскій митрополитъ Филофей сдѣлалъ представленіе Петру I «чтобы мечетямъ татарскимъ между церквами божіими и житію ихъ татарскому съ христіаны не быть,—потому что отъ мечетевъ церквамъ божіимъ бываетъ прешкода, а христіанамъ, живущимъ въ сосѣдствѣ съ татары, не безъ того, чтобы съ ними не пили и не ѣли и праздниковъ татарскихъ не праздновали и въ блудѣ не пали съ поганы, и поганы съ христіаны; да иные же татары, живучи съ христіаны смѣсно въ великій постъ веселіе свое поганое отправляютъ на соблазнъ христіанамъ»,—то Петръ I нашелъ уважительнымъ это представленіе и велѣлъ выслать татаръ изъ города и поселить за Знаменскимъ монастыремъ и мечети имъ тамъ дѣлать. Чт. М. О. Истор. и Др. 1863 г. № 4.

ожесточить инородцевъ, заставило Московское правительство поставить эту религіозную ревность въ извѣстныя границы, изъ которыхъ не имѣли права выходить лица, имѣвшія непосредственное отношеніе къ религіозной жизни инородцевъ. Въ самую первую пору своей просвѣтительной дѣятельности, въ первую половину XVI столѣтія, у Московскаго правительства (ибо до того времени въ дѣлѣ просвѣщенія инородческаго простонародья христіанствомъ оно мало принимало участія, предоставляя это ревности частныхъ лицъ) сложилось убѣжденіе, что приневоливать ко крещенію не слѣдуетъ, но что полезно возбуждать къ тому волю иновѣрцевъ, кромѣ поученія, разными наградами (236). Но опытъ показалъ,

(236) Въ инструкціи, данной первому казанскому архіепископу, значится, между прочимъ, слѣдующее: «которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи, тѣхъ велѣть крестить и лучшихъ держать у себя въ епископіи, поучать христіанскому закону, покоить какъ можно, а другихъ раздавать крестить по монастырямъ; когда новокрещеные изъ поднаученія выдутъ, архіепископу звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, и послѣ стола посылать ихъ поить медомъ на загородный дворъ. Которые татары станутъ приходить къ нему съ челобитьемъ, тѣхъ кормить и поить у себя на дворѣ квасомъ же, и медомъ поить на загородномъ дворѣ, приводить ихъ къ христіанскому закону, при чемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а жестоко съ ними не говорить. Если татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ архіепископу отъ опалы и захочетъ креститься, то назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а крестить, покоить у себя и посовѣтоваться съ намѣстниками и воеводами: если приговорятъ держать его въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясаку, то держать его на старой его пашнѣ и на ясаку, а нельзя будетъ его держать въ Казани изъ опасенія новой измѣны, то, крестивъ, отослать къ Государю. Котораго татарина за вину какую нибудь воеводы велятъ казнить, а другіе татары придутъ къ архіепископу бить челомъ о печаловании, то архіепископу посылать отпрашивать виновнаго и, по совѣту намѣстника и всѣхъ воевод, взять его у намѣстника и у воеводъ за себя и, если можно, держать его въ Казани, и, если нельзя, отослать къ Государю. Держитъ архіепископъ совѣтъ съ намѣстникомъ и воеводами: на которыхъ татаръ будетъ отъ нихъ опала не великая, и захотятъ острастить казнію, а до казни не дойдутъ, о такихъ пусть они сказываютъ архіепископу, и архіепископу отъ казни ихъ отпрашивать, хотя ему отъ нихъ и челобитья не будетъ. Всѣми способами, какъ только можно, архіепископу татаръ къ себѣ пріучать и приводить ихъ любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію ни-

что эти возбужденія, — несогласныя, надо замѣтить, съ достоинствомъ нашей вѣры,—не всегда вели къ благому дѣлу: магометане и язычники, изъ за матеріальныхъ выгодъ переходившіе въ христіанство, снова возвращались къ вѣрѣ отцовъ, какъ скоро успѣвали воспользоваться этими выгодами ([237]),—не говоря уже о томъ, что въ душѣ оставались прежними язычниками или магометанами и въ то время, когда были погружаемы въ св. купель. Съ другой стороны, правительство должно было убѣдиться, что задариваніемъ склонять инородцевъ ко крещенію для него убыточно, ибо этотъ способъ, если бы ему стали слѣдовать рачительно, требовалъ большихъ издержекъ; кромѣ того, такъ какъ, между прочимъ, признано было необходимымъ отдѣлять новокрещеныхъ отъ поганой ихъ братьи большею частію посредствомъ зачисленія въ служилый классъ, то чрезъ то стало бы уменьшаться число тяглыхъ и ясачныхъ. Для соглашенія интересовъ религіозныхъ и фискальныхъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ придумано было слѣдующее: «Такъ какъ, — писалъ царь къ ядринскому воеводѣ въ 1681 году,—Ядринскаго уѣзда и иныхъ городовъ и уѣздовъ мурзы и татары и мордва и иныхъ вѣръ иновѣрцы многіе крестятся въ православную христіанскую вѣру греческаго закона, а нашего Великаго Государя жалованья, за недоборомъ денежной казны, имъ за крещенье не дано, а инымъ дано не сполна противъ указныхъ статей, и о томъ жалованьи новокрещены намъ Великому Государю челомъ бьютъ, а денежную казну собрать вскорѣ не можно»: то «мы Великій Государь пожаловали, Ядринскаго уѣзду и иныхъ городовъ и уѣздовъ мурзъ и татаръ и мордву и черемису и всякихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ, которые сами добровольно похотятъ креститься въ православную христіанскую вѣру греческаго закона, и ихъ крестить безволокитно; а для того крещенья вмѣсто нашего Великаго Государя жалованья имъ новокрещенымъ мурзамъ и татарамъ и всякаго служиваго чину людямъ въ нашей Великаго Государя служ-

---

какъ не приводить». Соловьевъ. Ист. Росс. VII, 89, 90. Такой же наказъ былъ данъ и сибирскимъ архипастырямъ, относительно того, какъ обращаться съ туземцами, окрестившимися и некрещенными (дошелъ до насъ наказъ, данный преемнику Кипріана, перваго сибирскаго архіерея, Макарію). Тамъ же; IX, 431.

([237]) Истор. Русс. Церкви. Рига. 1847. IV, 66.

бѣ давать льготы на шестъ лѣтъ, а ясачнымъ людямъ въ ясакѣ и всякихъ податяхъ въ платежѣ льготы на шесть лѣтъ же; а денежнаго нашего Великаго Государя жалованья, и соболей и суконъ, за крещеніе не давать (238). Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалось исполнять прежніе указы о томъ, чтобы «сильно не крестити» (239), и притомъ столь настойчиво, что лица, до которыхъ касались эти предписанія, могли подумать, что дѣло обращенія невѣрныхъ въ христіанство вовсе возбранено. Въ 1681 году одинъ изъ сибирскихъ воеводъ, замѣтивъ, что охотниковъ между ясачными креститься изъ за выгодъ, изъ за жалованья, изъ за льготъ, весьма не мало, между тѣмъ какъ ему не было указано, откуда брать это жалованье, пришелъ въ сомнѣніе, слѣдуетъ ли ихъ крестить, и обратился въ Москву съ вопросомъ: «и тѣхъ, Государь, всѣхъ остроговъ ясачныхъ людей, которые станутъ ко мнѣ холопу твоему приходить, крестить велѣть ли и ясакъ съ нихъ снимать ли» (240)?

Вообще, по намѣренію государственной Московской власти, органамъ ея не слѣдовало вмѣшиваться въ религіозно-нравственную жизнь тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ; отсылать ко крещенію воеводы должны были тѣхъ лишь изъ нихъ, которые сами заявляли о томъ желаніе. Инородцы могли вѣровать по прежнему, держаться обычаевъ предковъ, или нѣтъ. Духовное развитіе ихъ было предоставлено ихъ собственной волѣ. Правительство, кромѣ добровольнаго крещенія, другихъ средствъ къ улучшенію этой стороны ихъ жизни не давало и не указывало. Оно не хотѣло трогать и обычаевъ ихъ домашней жизни. Только тѣ привычки въ домашнемъ ихъ быту запрещались, которыя, по мнѣнію правительства, влекли за собою уменьшеніе ясачнаго сбора; такимъ образомъ преслѣдовалась игра зернью, употребленіе вина и табаку (241), каковыя преслѣдованія впрочемъ, какъ и всегда

(238) Доп. VIII, 89.

(239) А. И. III, 135; V, 240; П. С. З. II, 1117; 1163 и мног. друг.

(240) Доп. VIII, 89.

(241) А. И. III, 193; IV, 209. Въ концѣ XVII столѣтія Петръ I запретилъ посылать въ инородческія волости для выемки табаку и повелѣлъ никого изъ иноземцевъ съ табакомъ въ городѣ не имать и убытковъ и разоренья имъ въ томъ не чинить. Запрещена была только корчемная продажа табаку и вина. П. С. З. III, 1579.

бываетъ со всякимъ вмѣшательствомъ власти въ домашнее поведеніе подданныхъ, не приводили къ цѣли, на которую были расчитаны, а давали только новую пищу для злоупотребленій блюстителямъ закона.

Предоставляя такимъ образомъ инородцамъ свободу вѣроисповѣданія, правительство однакожъ требовало, чтобы они отнюдь не выражали неуваженія къ обрядамъ господствующей религіи, чтобы, напримѣръ, они, когда бываетъ шествіе со святыми иконами, «стояли со страхомъ, вѣжливо, безъ шапокъ, и смѣхотворенія и безчинства никакого не чинили» ([242]).

([242]) П. С. З. II, 1163.

II.

СЛУЖИЛЫЙ КЛАССЪ ВЪ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

1. Духовенство. Постановка вопроса. Дѣятельность православнаго духовенства въ инородческихъ земляхъ до подчиненія ихъ Москвѣ. Св. Стефанъ Великопермскій. Успѣхи христіанства въ московскую эпоху, въ Казанскомъ царствѣ, въ Перми, въ Сибири. Слабость духа пропаганды въ православномъ духовенствѣ, явившемся въ инородческихъ земляхъ. Объясненіе этого.

Само собою разумѣется, что цѣль, во имя которой должны были дѣйствовать въ инородческихъ земляхъ служители православной вѣры, заключалась въ распространеніи ея истинъ и утвержденіи православнаго благочестія между населеніемъ этихъ земель. Къ этому обязывало и самое ихъ званіе, и собственные интересы ихъ должны были побуждать ихъ къ тому; потому что только по мѣрѣ достиженія этой цѣли духовенство могло увеличивать свое матеріальное благосостояніе и общественное значеніе въ странѣ, между новыми подданными Великаго Государя.

Спрашивается же: на сколько цѣль эта была достигнута и въ какой степени принимало участіе въ этомъ дѣлѣ само духовенство?

Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что дѣятельность православнаго московскаго духовенства въ нѣкоторыхъ инородческихъ земляхъ началась прежде окончательнаго подчиненія ихъ Московской власти. Впрочемъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ мы не имѣемъ. Извѣстно только то, что во владѣніяхъ прежнихъ властителей Золотой Орды существовала особая епархія—Сарайская и что московскія духовныя власти входили въ спошенія съ царствомъ Казанскимъ. Но ничего нельзя сказать опредѣлительнаго о дѣятельности сказанной епархіи въ средѣ нехристіанскаго населенія края (¹). По всей вѣроятности она ограничивалась богослуженіемъ для христіанъ, жившихъ во владѣніяхъ хановъ Золотой Орды, и особаго вліянія на чтителей шамановъ и Мухаммеда не имѣла. Самые начальники этой епархіи, называвшіеся сначала сарайскими, а потомъ сарскими, подонскими и крутицкими, не жили тамъ, а имѣли пребываніе въ Москвѣ, на Крутицахъ, и, конечно, находясь въ столь далекомъ разстояніи отъ своей паствы, едва ли имѣли возможность подвигать дѣло распространенія христіанства въ поволжьи. Спошенія Московской церкви съ царствомъ Казанскимъ, до окончательнаго покоренія его подъ власть Московскаго Государя, имѣли не бо́льшій результатъ въ этомъ отношеніи. Нельзя сказать положительно, были или нѣтъ христіанскія церкви во владѣніяхъ казанскихъ царей. Между историческими свидѣтельствами, касающимися старой Казани, нѣтъ ни одного, которое бы говорило о миссіонерской дѣятельности московскаго духовенства въ этой странѣ въ сказанную эпоху. Спошенія московскихъ митрополитовъ съ казанскими царями, какъ кажется, ограничивались хозяйственными дѣлами. Такъ въ 1460 году митрополитъ Іона обращался къ казанскому царю Ахмету съ просьбою, чтобы онъ царь слугу его, отправленнаго съ рухлядью въ Казань, въ пошлинахъ велѣлъ своимъ жаловать, какъ ему Вышній Богъ положитъ на сердце, чтобы этотъ слуга не былъ изо-

(¹) Исторія Росс. Іерархіи, т. I, стр. 11.—Состояніе православной церкви въ царствѣ Кипчакской, или Золотой Орды. *Саблукова*, въ Ученыхъ Зап. Каз. унив. за 1842 кн. 2.

бижепъ пичѣмъ и ни отъ кого,—и въ посланіи своемъ похвалялъ царя за то, что въ земляхъ казанскихъ подъ его господствомъ купцамъ русскимъ и иныхъ земель «не бываетъ щкоты и убытковъ никоторыхъ ни отъ кого, что накости нѣтъ никому ни отъ кого» (2). Когда приблизилось время паденія царства и построенъ былъ Свіяжскъ, то духовенство московское, въ лицѣ митрополита, проявило свою ревность по вѣрѣ по отношенію къ этому царству; такъ митрополитъ Макарій убѣждалъ царское войско оставить порочныя наклонности, которыя обнаружились въ средѣ его, поставляя на видъ, что такимъ недостойнымъ поведеніемъ своимъ воинство, прогнѣвляя Бога, отводитъ отъ благочестиваго царя тамошнихъ людей (3). Въ тоже самое время московскій архипастырь настоятельно убѣждалъ царя скорѣе порѣшить съ нечестивою Казанью (4). Вѣроятно ревность московскаго духовенства по вѣрѣ по отношенію къ Казанскому царству, до его покоренія подъ русскую власть, и ограничивалась этимъ, если не принимать въ расчетъ старанія его обратить ко крещенію татаръ, попадавшихся въ плѣнъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ объ апостольской дѣятельности московскаго духовенства среди народовъ, жившихъ по Двинскому и Камскому бассейнамъ, въ ту эпоху ихъ жизни, когда еще не были они вполнѣ подчинены Москвѣ; извѣстно и лице духовное, которое входило въ непосредственное сношеніе съ языческими племенами этихъ земель съ цѣлію утвержденія среди нихъ христіанства; извѣстенъ и характеръ его проповѣди. Разумѣю св. Стефана Великопермскаго (5). Родомъ изъ Двинской области, онъ еще въ ранней молодости, въ званіи простаго инока, примкнулъ къ московскому духовенству. Въ средѣ его онъ скоро постигъ всю ту книжную мудрость, которая находилась въ обращеніи въ тогдашней Московіи, и на-

(2) А. И. I. 67.

(3) Тамъ же 159.

(4) Тамъ же 160.

(5) Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ Пермскомъ. Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко подъ редакц. Н. Костомарова. Вып. IV.—Сказанія о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа Пермскаго. Арх. Макарія. 1856 года.—Распространеніе христіанства въ Пермской епархіи. Его же. Ж. М. Н. П. 1857 г. XCIII.

учился тѣмъ добродѣтелямъ, которыя требовались отъ монаха. Монастыри московскіе сдѣлались тѣсны для него. Воспитанникъ московскаго духовенства, онъ вспомнилъ, что на родномъ ему сѣверѣ для его подвиговъ найдется болѣе простору, что идолослужители живутъ въ смежныхъ съ его родиной странахъ, что «дѣйство діавольское царюетъ тамъ». Стефанъ вознамѣрился разрушить это дѣйство и съ благословенія коломенскаго епископа Герасима, намѣстника на Москвѣ, отправился въ страну, носившую общее названіе Великой Перми, предварительно изучивши языкъ тѣхъ племенъ, которыхъ онъ хотѣлъ обратить ко Христу. Пунктомъ, съ котораго онъ началъ дѣло проповѣди, были земли по нижнему теченію Вымы (впад. въ Вычегду)—Усть-Вымь (Вологодской губ. Яренскаго уѣзда). Неизвѣстно, далеко ли на сѣверъ простиралась дѣятельность этого апостола. По преданію, св. Стефанъ доходилъ до самыхъ предѣловъ Чердыни. Время, къ которому относится эта дѣятельность,—вторая половина XIV столѣтія. Св. Стефанъ съ безпощадною суровостію относся къ вѣрованіямъ и обрядамъ язычниковъ; кумиры ихъ были низвергаемы, капища разоряемы. Само собою разумѣется, что если бы проповѣдь Св. Стефана шла только этимъ путемъ, то едва ли могла привести къ желанному имъ результату. Но съ такою ревностію московскаго выходца соединились другія качества. Въ самой разрушительной дѣятельности проповѣдника нельзя было не замѣтить его безкорыстія, которое во мнѣніи толпы не могло не выдвинуть его впередъ предъ мѣстными жрецами; въ капищахъ, которыя онъ разрушалъ, ничего не бралъ онъ изъ богатства, собраннаго съ идолопоклонниковъ и хранившагося въ этихъ мѣстахъ, а все уничтожалъ огнемъ: и соболей, и лисицъ, и бобровъ, и медвѣдей, и бѣлокъ, которые во множествѣ были снесены сюда и повѣшены около идоловъ. «Зѣло дивляхуся, говоритъ сказаніе о жизни св. Стефана, Пермяне, глаголюще: како не пріимаше себѣ всего того въ корысть? Како не искаше себѣ въ томъ прибытка, како отринуся и презрѣ толикія имѣнія си, како повръже и потопта ногами си толика стяжанія? И рѣша другъ къ другу: по истинѣ сей есть божій рабъ, се есть божій угодникъ, се по истинѣ на наше спасеніе Богомъ посланъ есть и еже вся творитъ Бога ради и нашего ради спасенія, а не своего дѣля прибытка». Разоряя такимъ образомъ древнюю вѣру народонаселенія, онъ не убоялся тѣхъ, кого это по преиму-

ществу оскорбляло и кому въ особенности наносило ущербъ. Жрецы не могли остаться равнодушными, видя такія дѣла московскаго выходца. Они употребили всѣ средства, чтобы воспрепятствовать благотворному дѣйствію проповѣди его на народъ; они взывали къ его старымъ преданіямъ, приводили ему на память, что отцы ихъ свято хранили ту вѣру, которую теперь попираетъ московскій выходецъ; они указывали народу и на то, что вслѣдъ за вѣрой, которую тотъ проповѣдуетъ, укоренятся въ странѣ московскіе порядки, что отъ Москвы не можетъ быть добра; что отъ нея можно ждать только налоговъ всякихъ, насилій и утѣсненій. Слова жрецовъ не проходили даромъ; народъ воздвигался на московскаго монаха и его учениковъ не однократно съ рѣшительнымъ намѣреніемъ убить ихъ. Но Стефанъ не бѣжалъ отъ опасности, безстрашно безоружный выходилъ противъ поднимавшихся на него топоровъ. Подобное мужество всегда располагаетъ толпу въ пользу того, кто его выказываетъ, и дѣла, которое онъ старается совершить. Но что всего болѣе въ проповѣди Стефана дѣйствовало на язычниковъ, такъ это, кажется, то, что евангельское ученіе любви и милосердія онъ проповѣдывалъ не словомъ только, но и дѣломъ. Онъ обращался по преимуществу къ самой бѣднѣйшей и зависимой части народонаселенія и интересы ея близко принималъ къ сердцу. Зырянъ, которыхъ онъ поучалъ слову божію, и сосѣдей ихъ, другихъ инородцевъ, обирали собственные ихъ жрецы и притѣсняли выходцы русскіе; Москва, Новгородъ, и Вятка высылали своихъ людей, чтобы подчинить ихъ своей власти. Стефанъ являлся защитникомъ угнетенныхъ. По свидѣтельству сказанія объ его жизни, «онъ ко князю о жалобѣ ихъ и о льготѣ и о пользѣ моляшеся и ходатайствоваше и промышляше къ боляромъ, къ началомъ, властемъ міра сего, былъ имъ заступникъ теплъ, многажды избавляя ихъ отъ насилія и работы, и тивуньскія продажи и тяжкія дани облегчая ихъ. Но и сами Новгородци, ушкуйницы, разбойницы словесы его увѣщеваеми бываху еже не воевати ихъ». Дѣятельность св. Стефана вообще принесла столь видные плоды, что духовныя власти въ Москвѣ, съ согласія великаго князя, въ 1383 году порѣшили общинѣ новообращенныхъ и соединившихся съ ними русскихъ поселенцевъ дать правильное устройство, образовать изъ нея епархію съ цѣлію успѣшнѣе поддерживать дѣло Стефана и распространять слово божіе да-

лѣе на сѣверъ и востокъ. Однакожъ дѣло это послѣ смерти пермскаго апостола (1396) не быстро подвигалось впередъ. Преемники его не имѣли недостатка въ желаніи распространять христіанство далѣе: нѣкоторые изъ нихъ даже пали жертвою этой ревности. Но паства не увеличивалась, не смотря на это. Только подъ 1462 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что христіанство перешло въ предѣлы нынѣшней Пермской губерніи ея, что епископъ пермскій Іона крестилъ Великую Пермь и ея князя, поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ. Причины этой медленности распространенія христіанства въ прикамскихъ земляхъ, заключались въ слѣдующемъ: дѣло, начатое такъ успѣшно св. Стефаномъ, затрогивало сильно интересы языческихъ жрецовъ. Пораженные въ началѣ борьбы съ новымъ ученіемъ, они не хотѣли отказаться отъ продолженія этой борьбы. Средства у нихъ еще были. Чѣмъ далѣе на востокъ и на сѣверъ отъ Усть-Выми, тѣмъ тверже былъ старинный бытъ инородцевъ вслѣдствіе недостатка частыхъ соприкосновеній ихъ съ русскими. Здѣсь жречество языческое легко могло найти себѣ поддержку и, опираясь на нее, могло дать тѣмъ скорѣе отпоръ проповѣдникамъ новаго, стремившагося ниспровергнуть ихъ вѣковое вліяніе на народъ, ученія, что послѣдніе были поставлены въ не совсѣмъ благопріятныя условія для продолженія дѣла св. Стефана. Въ первую половину XV столѣтія Московская власть не была прочною въ прикамской странѣ: Новгородъ и Вятка еще оспаривали у Москвы вооруженною рукою владычество надъ этими землями. Въ половинѣ XV столѣтія, напримѣръ, вятчане страшно опустошили тѣ мѣста, которыя были ознаменованы апостольскою дѣятельностію св. Стефана. Въ своемъ посланіи къ вятчанамъ митрополитъ Іона, между прочимъ, пишетъ: «зоветесь именемъ христіане, а живете дѣлающе злая горше нечестивыхъ.... христіанство губите убойствомъ, полономъ и грабленіемъ, и церкви божіи разоряете и грабите вся церковныя священныя приходія, кузнь и книги и колоколы, и вся творите злая и богомерская дѣла, якоже поганіи. И нынѣ ново, сими часы, воевали есте Великаго князя вотчину, Сысолу и Вымь и Вычегду, да людей есте православнаго христіанства много перемучили, переморили, а иныхъ въ воду пометали, а иныхъ въ избы и въ хоромы насаживая, мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ безчисленно пожигали, а инымъ очи выжигали, а иныхъ младенцевъ на колъ сажая умерщвляли, подо-

бяся злочестивому губителю и христіаномъ убійцѣ Ироду; а полону есте взяли болѣе полуторы тысячи душъ, да который нынѣ себѣ держите, а иныхъ въ поганство продаете и въ дары даете; да отъ того своего злаго дѣла не престанете, а своему господарю В. К. за вся грубите и челомъ ему за свою грубость не бьете» (6). При такихъ обстоятельствахъ духовенство страны было предоставлено своимъ силамъ; помощи отъ Москвы ждать было нечего, такъ какъ и тамъ въ это время было не спокойно, такъ какъ и тамъ шла жестокая усобица. Находясь въ опасности быть истребленнымъ съ двухъ сторонъ, со стороны язычниковъ и со стороны близившейся къ концу вятской и новгородской вольницы, это духовенство естественно, должно было думать прежде всего о своей безопасности. Но обстоятельства наконецъ перемѣнились. Новгородъ и Вятка должны были уступить Москвѣ. Земли по Выми и Вычегдѣ освободились отъ опаспости съ этой стороны. Внутри Московіи усобицы стихли,—и вотъ христіанство переходитъ въ Великую Пермь. Это было не задолго до покоренія ея подъ власть Московскаго Государя.

Вотъ всѣ главнѣйшіе факты, касающіеся дѣятельности православнаго духовенства въ инородческихъ земляхъ, до подчиненія ихъ Московской власти.

Теперь посмотримъ на дѣло распространенія христіанства между инородцами въ ту пору, когда они входили въ составъ полныхъ подданныхъ Московскаго Государя, и на то участіе, которое въ этомъ дѣлѣ принимало духовенство. Замѣтимъ прежде всего на счетъ обстоятельствъ, въ которыя поставлено было духовенство, появившееся въ инородческихъ земляхъ. Обстоятельства эти по видимому благопріятствовали тому, чтобы ему съ успѣхомъ вести дѣло христіанскаго просвѣщенія иновѣрцевъ. Инородческія земли получили въ церковномъ отношеніи правильную организацію. Учреждены были епархіи; кромѣ епархіи Пермской, около 1560 года переведенной въ Вологду,—послѣ чего тамошніе епископы стали именоваться Вологодскими и Велико-пермскими,—а съ 1663 соединенной съ Вятской, учреждены были: въ 1555 году Казанская, которая вѣдала земли прежнихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, въ 1607 году отдѣльная Астраханская, въ 1621 году Сибирская. Начальникамъ этихъ епархій усвое-

(6) А. И. I, 261.

но было важное значеніе; они, по крайней мѣрѣ казанскій и сибирскій владыки, не только завѣдывали дѣлами церковными каждый въ своей епархіи, но и получили право наблюдать за ходомъ дѣлъ мірскихъ, направлять ихъ къ выгодамъ церкви (7). Содержаніе которымъ они пользовались, было болѣе, чѣмъ безбѣдное (8). Въ монастыряхъ, на которыхъ по преимуществу лежалъ долгъ проповѣди иновѣрцамъ, недостатка не было, а напротивъ ихъ размножилось на столько, что правительство наконецъ увидѣло надобность положить предѣлъ дальнѣйшему ихъ размноженію по крайней мѣрѣ по отношенію къ Восточной Сибири (9). Большая часть изъ нихъ въ ма-

(7) «Услышитъ,—говорится въ наказѣ архіепископу Гурію,—архіепископъ безчиніе въ Казанскихъ и Свіяжскихъ воеводахъ, въ дѣтяхъ боярскихъ и во всякихъ людяхъ, или въ самыхъ намѣстникахъ относительно закона христіанскаго, то поучать ихъ съ умиленіемъ: не станутъ слушаться—говорить съ запрещеніемъ; не подѣйствуетъ и запрещеніе—писать объ ихъ безчиніяхъ къ царю. Если архіепископъ узнаетъ, что у намѣстника и воеводъ въ городѣ небережно, или людямъ насиліе, то говорить объ этомъ намѣстнику и воеводамъ дважды и трижды, чтобы такъ не дѣлали; если же не послушаютъ, то писать государю». Соловьевъ. Ист. Россіи. VII, 90, 91.

(8) Казанскій архіерей, кромѣ недвижимыхъ имуществъ, жалованная грамота на которыя приведена выше, получалъ деньгами 855 рублей, да изъ Казанской, Свіяжской и Чебоксарской таможенной пошлины 155 рублей 11 алтынъ; кромѣ того столовые припасы шли натурою отъ ржи до пряныхъ кореньевъ (тамъ же). Сибирскіе архіереи кромѣ дохода съ недвижимыхъ имуществъ, увеличенію которыхъ правительство наконецъ почло нужнымъ положить предѣлъ запрещеніемъ частнымъ лицамъ продавать и чрезъ вклады уступать архіерейскому дому, а равно монастырямъ, помѣстья, земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли и всякія угодья (А. П. У, 32; 249; П. С. З. II, 731; III, 1541),—получали отъ казны жалованье денежное, хлѣбное, столовые припасы, хлѣбное вино, соль, медъ (Чт. Моск. О. И. и Д. 1863 г. № 4. Челобитная митроп. Филофея). Вятскій архіерей имѣлъ свыше 8 тысячъ душъ крестьянъ; получалъ, кромѣ того, нужное количество запасовъ, жалованье хлѣбное и денежное (Доп. VI, 14); Вологодскій свыше—6 тысячъ душъ крестьянъ (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чт. М. О. И. и Д. 1860 г. кн. 3). Кромѣ того архіереи получали большіе доходы съ разнаго рода пошлинъ, вѣнечныхъ, ставленыхъ и проч. (Чт. М. О. И. и Д. 1863 № 4. Челоб. митроп. Филофея).

(9) Въ 1698 году Петръ въ указѣ воеводѣ Глѣбову сказалъ, что монастырей въ Сибири довольное число есть (всѣхъ монасты-

теріальномъ отношеніи были совершено обезпечены (10). Дѣло распространенія православной вѣры при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ инородческихъ земляхъ представляется въ такихъ фактахъ:

Въ земляхъ *царства Казанскаго* лѣтописи въ общихъ выраженіяхъ отмѣчаютъ крещеніе нѣсколькихъ тысячъ магометанъ и язычниковъ, совершившееся вскорѣ послѣ паденія царства, приписывая это дѣло первому казанскому архіепископу Гурію и его помощникамъ Герману и Варсонофію. Однакожъ дѣло казанскихъ чудотворцевъ оказалось не совсѣмъ прочнымъ. Въ 1593 году казанскій владыка Гермогенъ въ посланіи своемъ къ царю представляетъ это дѣло въ такомъ печальномъ видѣ: «Въ Казани и въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещены вмѣстѣ съ Татарами, Чуващами и Вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ; обвѣнчавшись въ церкви, перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ; ѣдятъ скоромное въ посты, живутъ мимо своихъ женъ съ нѣмецкими плѣнницами. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, и совершенно отъ христіанской вѣры отстали, и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ, отъ церквей далеко; и видя такое невѣрье въ новокрещеныхъ, иные татары не только не крестятся въ православную вѣру, но ругаются ей; да прежде, въ сорокъ лѣтъ отъ Казанскаго взятья, не бывали въ татарской слободѣ мечети, а теперь стали мечети ставить близъ посада, на лучной выстрѣлъ». Гермогенъ писалъ также, что многіе русскіе люди живутъ у Татаръ, Черемисы, Чувашей,

---

рей тамъ къ концу XVII столѣтія было 37. Словцовъ. Историч. Обозр. Сибири I, 332) и потому запретилъ вновь строить монастыри безъ Высочайшаго указа. (II. С. З. III; 1629).

(10) Только монахи Верхотурскаго Николаевскаго монастыря жаловались въ 1627 году, что «у нихъ казны монастырскія нѣтъ, пашни пашутъ собою... и монастырскія пашни запустѣли, и нынѣ де они питаются въ мірѣ христовымъ именемъ» (А. И. III, 148), да монахини Покровскаго Верхотурскаго монастыря жаловались въ 1645 году также на бѣдность (А. И. III. 297).

женятся у нихъ, многіе живутъ у Нѣмцевъ по слободамъ и деревнямъ добровольно и въ деньгахъ, и всѣ эти люди отъ христіанской вѣры отпали, обратились у Татаръ въ татарскую вѣру, а у Нѣмцевъ въ Римскую и Лютеранскую». По настоянію этого ревностнаго пастыря правительство нашло нужнымъ принять гражданскія мѣры къ поддержанію христіанства въ странѣ; приказано было построить слободу съ церковію и туда переселить всѣхъ новообращенныхъ изъ уѣзда; кто изъ нихъ не захочетъ переселиться и ставить себѣ дворъ въ слободѣ, тѣхъ давать на поруки, а иныхъ въ тюрьму сажать; чтобы воеводы выбрали сына боярскаго добраго и приказали ему эту слободу вѣдать, беречь, чтобы новокрещены христіанскую вѣру держали крѣпко, женились бы у русскихъ людей и дочерей своихъ выдавали бы за русскихъ; которые не станутъ христіанской вѣры крѣпко держать, тѣхъ смирять, въ тюрьму сажать въ цѣпи, въ желѣза, бить, а другихъ отсылать къ владыкѣ, чтобы налагалъ эпитимію. Всѣ мечети воеводы должны были посметать и въ конецъ ихъ извести. Кромѣ того они должны были распорядиться, чтобы русскіе люди не жили у татаръ и у нѣмцевъ. Должниковъ, которые служатъ въ небольшихъ деньгахъ, выкупить, а которые въ большихъ, тѣхъ отдать новокрещенымъ, у которыхъ въ замѣнъ взять Литву и Латышей и отдать татарамъ и нѣмцамъ, которымъ запретить, чтобы они русскихъ людей впередъ не принимали и денегъ имъ въ займы не давали» (11). Очевидно, эти мѣры, принятыя въ интересахъ православной вѣры, по настоянію духовенства, нельзя считать наступательнымъ движеніемъ его противъ магометанства и язычества; не видно, чтобы много прибавлялось къ тѣмъ новообращеннымъ, которыхъ хотѣли спасти отъ вліянія на нихъ лжевѣрія и которыхъ въ концѣ XVI столѣтія нашлось въ Казанскомъ уѣздѣ лишь столько, что можно ихъ было помѣстить въ одну слободу. Впрочемъ, по свидѣтельству церковныхъ историковъ, въ теченіе XVII вѣка было нѣсколько частныхъ обращеній Мордвы казанской и въ мещерскихъ земляхъ. Рязанскій епископъ Мисаилъ былъ посылаемъ патріархомъ Никономъ проповѣдывать православную вѣру мордвѣ и татарамъ въ

---

(11) Соловьевъ. Ист. Россіи. VII, 420—421.—Истор. Русской Церкви IV, 67—68.

Шацкомъ и Тамбовскомъ уѣздахъ и успѣлъ крестить 4200 человѣкъ. Извѣщая объ этомъ патріарха, онъ просилъ благословенія у него снова отправиться на проповѣдь въ Касимовъ, Шацкъ и Темниковъ. Но на этотъ разъ ревностный пастырь поплатился жизнію за свое усердіе къ святому дѣлу, былъ убитъ языческою мордвою близъ Шацка въ 1655 году. Темниковскую мордву приводили къ святой вѣрѣ иноки Темниковскаго Пурдышевскаго монастыря, стоявшаго на берегу рѣки Мокши (12). О незначительности результатовъ такой просвѣтительной дѣятельности духовенства можно судить по тому, что наконецъ въ 1681 году правительство сочло нужнымъ употребить свое вліяніе, чтобы подвинуть дѣло просвѣщенія язычниковъ и магометанъ въ краю. Въ то время, какъ служилые люди изъ инородцевъ приглашались оставить поганьство, чиновники, исполнявшіе это порученіе, должны были говорить тяглымъ и ясачнымъ татарамъ и мордвѣ, чтобы тѣ крестились, что они за это получатъ льготу во всякихъ податяхъ.

Въ Великой Перми, послѣ окончательнаго подчиненія ея Москвѣ, дѣло распространенія христіанской вѣры идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ земляхъ царства Казанскаго. Въ XVII столѣтіи эта страна является совершенно христіанскою, такъ что объ язычникахъ тамошнихъ рѣдко и упоминается въ источникахъ. Но фактовъ, свидѣтельствующихъ о непосредственномъ участіи духовенства въ произведеніи такого результата, мы мало знаемъ. Извѣстенъ отзывъ о томъ, сдѣланный Герберштейномъ въ общихъ выраженіяхъ: «у Пермяковъ, говоритъ онъ, хотя остается въ лѣсахъ много идолопоклонниковъ, но иноки и пустынники не перестаютъ ихъ обращать отъ заблужденія и суевѣрнаго служенія» (13), — отзывъ, авторитетность котораго впрочемъ значительно ослабляется свидѣтельствомъ, почти современнымъ Герберштейну, митрополита Симона, въ 1501 году жестоко порицавшаго пермское духовенство за равнодушіе его къ дѣлу укрѣпленія истинной вѣры въ странѣ и за поведеніе, несогласное съ высокимъ званіемъ служителей церкви (14). Извѣстны только не многія

(12) Тамъ же.

(13) Histor. ruth. script. ext. I, 58.

(14) Въ посланіи своемъ въ Великую Пермь и во всѣ пермскія области игуменамъ, попамъ и дьяконамъ, митрополитъ между прочимъ

имена лицъ, трудившихся надъ обращеніемъ пермяковъ. Церковные историки упоминаютъ о священникѣ, прибывшемъ изъ Казани, Іоаннѣ Поповѣ, какъ просвѣтителѣ инородцевъ, приписывая ему обращеніе вотяковъ, жившихъ въ селѣ Черновскомъ (Охапскаго уѣзда) (15). Болѣе подробностей передаютъ о другомъ ревнителѣ вѣры въ Пермской странѣ — Трифонѣ Вятскомъ. Этотъ благочестивый мужъ, апостольская дѣятельность котораго относится ко второй половинѣ XVI столѣтія, былъ мезенскимъ уроженцемъ; прибывъ въ Пермь изъ Устюга въ качествѣ странника, онъ вскорѣ постригся въ монахи въ Пыскорскомъ монастырѣ. Но вслѣдствіе непріятностей, которыя ему пришлось здѣсь терпѣть, онъ оставилъ монастырь и удалился внизъ по Камѣ, въ мѣста около нынѣшняго города Перми. Тутъ жили тогда остяки подъ управленіемъ князя Амбала, и онъ рѣшился ихъ обратить ко Христу. Сначала онъ дѣйствовалъ на язычниковъ поученіями, но потомъ отважился уничтожить самое идольское мольбище, которое находилось недалеко отъ этихъ мѣстъ и куда собирались язычники со всѣхъ окрестностей, съ р. Печоры, Сылвы, Обвы, Косвы и другихъ для жертвоприношенія подъ обожаемымъ ими деревомъ. Вооружившись молитвою и сѣкирой, подаренной ему однимъ промышленникомъ, который велъ торгъ съ невѣрными, онъ срубилъ это дерево и вмѣстѣ съ нимъ сжегъ всѣ жертвенные дары, которые находились на немъ. Это обстоятельство должно было убѣдить язычниковъ, что святыня ихъ вовсе не имѣетъ той силы, которую они ей приписывали, полагая, что бѣда постигнетъ того, кто бы замыслилъ срубить это дерево. Однакожъ князь Амбалъ и многіе изъ идолопоклонниковъ крайне были огорчены такимъ поступкомъ пришельца. Когда ихъ жалоба на него началь-

---

пишетъ: «слышу о васъ, что деи о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи нерадите и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ не брежете и душевныя пользы не ищете. Да прежъ деи сего Пермскій епископъ Филоѳей не единова посылалъ къ вамъ свои грамоты о томъ же, поучая васъ, чтобы есте отъ ракоядѣнія и отъ питія воздержались, и дѣтей своихъ духовныхъ новокрещеныхъ христіанъ учили всяко закону божію, вѣрѣ христіанстѣй; и вы деи о всѣхъ сихъ небрегосте и отъ епископа своего божественныхъ писаній не внимасте». А. И. I, 112.

(15) Распростран. христіанства въ Пермской епархіи. Арх. Макарія. Ж. М. Н. П. XCIII, 254.

ству осталась безъ послѣдствій, то они рѣшились убить этого инока въ разодранныхъ ризахъ, который нанесъ такое поруганіе ихъ вѣрѣ и котораго, кромѣ того они боялись какъ человѣка, могущаго, по ихъ мнѣнію, открыть ихъ жилища черемисѣ, въ то время готовившейся идти на нихъ войною. Но этотъ замыселъ не былъ приведенъ въ исполненіе: по преданію, убійцы, пришедши въ келью преподобнаго, никакъ не могли его найти, хотя онъ никуда и не удалялся. Узнавъ объ этомъ, они, потому жъ преданію, удивились, пришли въ умиленіе, прославили Бога и восхвалили великаго его угодника. Отселѣ язычники начали имѣть вѣру къ словамъ преподобнаго Трифона. Вскорѣ послѣ того увѣровали въ истиннаго Бога и крестились не только многіе простые остяки, но и дочери князя Амбала и вогульскаго князя Бебека. Пустынникъ между тѣмъ продолжалъ дѣло обращенія невѣрныхъ, пока не вызванъ былъ оттуда опять въ Пыскорскій монастырь. Но здѣсь онъ опять прожилъ не долго, а отправился въ уединенное мѣсто на высокой горѣ надъ рѣкой Чюсовой, мѣсто, считавшееся обиталищемъ злаго духа, который наводилъ страхъ на всю окрестность своимъ крикомъ и подвергалъ мученіямъ всякаго, кто бы осмѣлился взойти на гору. Здѣсь онъ пробылъ девять лѣтъ, пока не вооружилъ противъ себя окрестныхъ жителей тѣмъ, что по неосторожности произвелъ лѣсной пожаръ, истребившій лѣсъ и дрова, приготовленныя Строгановыми, владѣльцами этой мѣстности, для соляныхъ варницъ. По совѣту Строганова онъ удалился отсюда и ушелъ въ Вятку, гдѣ въ построенномъ монастырѣ скончался въ 1613 году, въ санѣ архимандрита (16).

За Ураломъ, въ сибирскихъ земляхъ, о распространеніи христіанства между инородцами церковные историки приводятъ слѣдующія извѣстія. Здѣсь прежде всего заслуживаетъ вниманія, приводимое этими историками, слѣдующее свидѣтельство лѣтописи: «По повелѣнію Государя царя и Великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и по немъ сына его Государя царя и Великаго князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, начася въ Сибирской землѣ городы и остроги

(16) Подробности о Трифонѣ взяты изъ «Распростр. христіанства въ Перм. епарх.».

поставлятися, и разпространятися въ Сибирской странѣ крестьянская православная вѣра, и церкви Божія воздвигпушася, и проповѣдь Евангельскаго ученія обтече во вся концы Сибирскія земли, и псаломскій громъ огласи на мнозѣхъ мѣстѣхъ; повелѣніемъ ихъ государей поставишася грады и остроги христіанскія, и въ нихъ церкви Божія воздвигпушася, и монастыри составишася въ славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу. И видѣвше невѣрніи таковую благодать въ ихъ странѣ просіявшу и государскую высокую руку надъ собою возвысившуюся, и подъ его государеву руку мнози покорншася, и оставльше свою богомерскую вѣру, и мнози невѣрніи приходяще въ крещеніе и крестяшеся живуще въ православной вѣрѣ, и всюду убо Божія благолать разпространяшеся и богатно изліяся въ Сибирской странѣ земли» (17). За тѣмъ говорятъ, что при Кипріанѣ, первомъ сибирскомъ архипастырѣ, крещены многіе невѣрные; упоминаютъ о крещеніи кодскихъ остяковъ при сибирскомъ митрополитѣ Симеонѣ и о попыткѣ митрополіи распространить христіанскую вѣру въ Дауріи (18).

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ относительно распространенія христіанства въ инородческой массѣ, дѣлаю слѣдующій выводъ, долженствующій служить отвѣтомъ на поставленный въ началѣ статьи вопросъ:

1) Успѣхи христіанства между инородцами были вообще незначительны; въ земляхъ царства Казанскаго оно встрѣтило сильный отпоръ со стороны мѣстныхъ религій; инородческая масса коснѣла или въ магометанствѣ или въ язычествѣ. Ногаи, башкирцы, астраханскіе татары продолжали исповѣдывать вѣру отцовъ. Въ большей части сибирскихъ земель продолжалъ царствовать мракъ древняго язычества или магометанства. Магометанская пропаганда среди языческаго народонаселенія страны имѣла несравненно болѣе успѣха, чѣмъ православно-христіанская (19).

2) Тѣми успѣхами, которые христіанство сдѣлало между инородцами, оно обязано частію трудамъ отдѣльныхъ лицъ, а

---

(17) Лѣтоп. Сибирская. Спасскаго. 65—66.

(18) Исторія Русской Церкви. IV. 60—63.

(19) Словцовъ. Историч. Обозр. Сиб. I. 163.—Челобитная Митроп. Филофея. Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1863. № 4.

болѣе силѣ событій; они были результатомъ того жизненнаго процесса, который обыкновенно совершается, когда побѣдители и побѣжденные сходятся жить на одной почвѣ, и тѣхъ выгодъ, которые доставлялись новообращеннымъ государственною властію. Поэтому успѣхи христіанства значительнѣе между инородцами тѣхъ областей, гдѣ былъ сильнѣе наплывъ русскаго населенія. Лѣтописцы, а за ними изслѣдователи церковной исторіи не пропускаютъ своимъ вниманіемъ этого обстоятельства, когда говорятъ о распространеніи христіанства въ Перми и въ Западной Сибири. Изъ вышеприведеннаго свидѣтельства Сибирской лѣтописи нельзя не видѣть, что распространеніе христіанства по ту сторону Камня было результатомъ заселенія тамошнихъ земель русскими. Авторъ «Распространенія христіанства въ Пермской епархіи», желая объяснить успѣхи христіанства въ той или другой мѣстности, постоянно почти ищетъ видимой причины тому въ этой же колонизаціи. Однакожъ русская колонизація не вездѣ сопровождалась такимъ результатомъ. Въ среднемъ поволжьи русскихъ поселилось не меньше, чѣмъ и въ при-камскихъ земляхъ; между тѣмъ успѣхи христіанства здѣсь были незначительны. Объясненія этого, кажется, нужно искать въ старинномъ общественномъ строѣ инородческаго населенія. По крайней мѣрѣ замѣчается, что тамъ, гдѣ до русскаго господства силенъ былъ аристократическій элементъ, гдѣ духовенство имѣло прочную организацію, какъ было въ татарскихъ юртахъ, гдѣ поэтому жизнь складывалась по началамъ противоположнымъ основамъ русской жизни, христіанство съ трудомъ пріобрѣтало себѣ послѣдователей.

3) Того миссіонерскаго духа, которымъ проникались духовенства другихъ народовъ въ отношеніи къ покореннымъ, Московское духовенство не обнаруживало относительно инородцевъ. Ревнители по вѣрѣ, какъ мы видѣли, являлись отъ времени до времени въ его средѣ, ходили проповѣдывать слово божіе невѣрнымъ. Но они стоятъ особнякомъ и, какъ показываетъ исторія Трифона Вятскаго, не всегда находятъ поддержку со стороны другихъ духовныхъ въ дѣлѣ обращенія язычниковъ или магометанъ. Подвиги ихъ были слѣдствіемъ личнаго ихъ настроенія; это были личности исключительныя. Духъ религіозной пропаганды, который создаетъ извѣстную систему дѣйствій по отношенію къ разновѣрцамъ и который столь ощутителенъ въ римско-католической цер-

кви, былъ чуждъ Московскому духовенству. Строились церкви, воздвигались монастыри въ инородческихъ земляхъ, а священникамъ и монахамъ какъ будто бы не было дѣла до тѣхъ людей, которые жили вблизи ихъ и которыхъ они считали обреченными на вѣчную гибель за ихъ духовную слѣпоту. Инородцы могли быть спокойными и съ этой стороны и безмятежно коснѣть въ вѣрованіяхъ своихъ отцовъ. Все, что духовенство наше дѣлало для обращенія иновѣрныхъ, ограничивалось обычною общественною молитвою къ Богу о вразумленіи слѣпотствующихъ. Само правительство, кажется, не иначе смотрѣло на настроеніе духовныхъ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда приходила охота крестить поганыхъ, исполненіе этого намѣренія оно поручало не однимъ духовнымъ, но и гражданскія власти вводило въ дѣло. Наконецъ, задумавъ въ 1681 году обратить ко Христу мордву и татаръ оно, какъ мы уже видѣли, приказало подъячимъ склонять ихъ къ перемѣнѣ вѣры. Мы должны объяснить такую настроенность духовенства; объясненіе это дастъ намъ случай ближе ознакомиться съ духовенствомъ, поселившимся въ инородческихъ земляхъ или приходившимъ въ то или другое соприкосновеніе съ инородцами.

Прежде всего нужно при этомъ обратить вниманіе на положеніе духовенства въ ряду другихъ элементовъ государства. Духовенство московское никогда не составляло отдѣльной отъ народа корпораціи; оно не составляло государства въ государствѣ, какъ римско-католическое или какъ пожалуй и русское въ первую пору христіанства въ Россіи. Оно было служилымъ классомъ того государства, гдѣ проходила его дѣятельность, изъ его подданныхъ составлялось, и въ такомъ же отношеніи находилось къ верховной государственной власти, въ какомъ и свѣтскій служилый классъ. Имѣя безспорно весьма замѣтное вліяніе на характеръ и направленіе государственной дѣятельности, оно никакъ не могло дать преобладаніе этому своему вліянію надъ вліяніями, которыя дѣйствовали на нее съ другихъ сторонъ. Отдѣлить свои интересы отъ интересовъ государственной власти и этимъ путемъ добиться простора для своей дѣятельности, осуществленія своихъ исключительныхъ стремленій оно не могло, хотя и были попытки въ такомъ родѣ. Поэтому свои дѣйствія оно должно было волею неволею сообразовать съ опредѣленіями, выходившими отъ государственной власти, и дѣлать то только, что та одобряла. Замѣчено выше, что въ интересахъ

духовенства было между прочимъ обратить язычниковъ и магометанъ, покоренныхъ русской власти, въ христіанство. Представитель верховной власти, постоянно окруженный духовными лицами, не могъ не принять къ сердцу этихъ интересовъ,—и вотъ отсюда указы, предписывавшіе мірскимъ властямъ заботиться объ обращеніи невѣрныхъ ко Христу, содѣйствовать всякими мѣрами духовенству въ этомъ дѣлѣ; отсюда вскорѣ послѣ похода царя Ивана IV, положившаго конецъ Казанскому царству, за походами казаковъ, разгромившихъ царство Кучюма и завладѣвшихъ Сибирью во имя Великаго Государя, снаряжаются въ своемъ родѣ тоже походы—Гурія и Кипріана въ земли невѣрныхъ, походы, имѣвшіе цѣлію покорныхъ власти земнаго царя инородцевъ покорить еще царству Христа. Дѣло новаго покоренія инородцевъ совершается успѣшно. Но Московскаго царя, который празднуетъ эту новую побѣду не менѣе торжественно, чѣмъ и мірское взятье Казани и Сибири, окружаютъ кромѣ духовныхъ служилыхъ людей еще другаго рода служилые, воины, дьяки; до царя доносится голосъ тяглыхъ людей; онъ узнаетъ, что скорое обращеніе невѣрныхъ ко Христу влечетъ за собою невыгоды для нихъ, а чрезъ то и для казны; что недавно покоренные возстаютъ и оправдываютъ свои мятежи тѣмъ, что будто они защищаютъ вѣру отцовъ, притѣсняемую побѣдителями, что благодаря этимъ возстаніямъ не безопасенъ трудъ промышленнаго и торговаго человѣка и земледѣльца, что отъ этого много теряетъ государская казна. Въ видахъ соглашенія этихъ различныхъ требованій, положено было, какъ мы видѣли, что заботиться объ обращеніи невѣрныхъ слѣдуетъ, но что нельзя крестить ихъ сильно, дабы тѣмъ ихъ не ожесточать и проч. А такъ какъ сомнѣвались, чтобы ревнители по вѣрѣ надлежащимъ образомъ послѣдовали этому правилу, то сочли нужнымъ дать подробныя инструкціи, какъ поступать при обращеніи невѣрныхъ, обставить дѣло обращенія ихъ извѣстными формальностями, отдать его подъ контроль гражданской власти, обязавъ послѣднюю строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ главнаго условія при обращеніи, т. е., чтобы не было никакого принужденія, чтобы не было порухи казнѣ. Понятно, при такой постановкѣ дѣла трудно было найти охотниковъ между духовными людьми, которые взяли бы на себя трудъ проповѣди; ибо очевидно, что правительство дѣло обращенія

подчиняло мірскимъ расчетамъ, давая послѣднимъ значительный перевѣсъ надъ первымъ; отсюда проповѣднику истинной вѣры, хотя бы онъ дѣйствовалъ на невѣрныхъ единственно проповѣдію, не прибѣгалъ къ принужденію, къ насилованію ихъ совѣсти,—легко могло угрожать невыгодное для него столкновеніе съ мірскими властями, легко могло случиться то, что случилось въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ рижскимъ епископомъ Иринархомъ.

Внутренній строй духовенства, какъ общественнаго элемента, независимо отъ отношенія его къ государственной власти, былъ таковъ, что едвали могъ воспитать въ немъ стремленіе къ обращенію невѣрныхъ. Два отдѣла рѣзко выдавались въ средѣ духовенства какъ въ собственной Россіи, такъ и инородческой, въ отношеніи экономическаго положенія и вліянія: черное и бѣлое духовенство. Монахи за немногими исключеніями были богаты; монастыри были снабжены всѣми извѣстными тогда средствами къ спокойной и довольной жизни; за стѣнами ихъ не легко было врагу потревожить ихъ безопасность и ограбить собственность; въ погребахъ ихъ скрывались бочки съ виномъ: житницы ихъ были полны хлѣба, добытаго крестьянскимъ трудомъ; въ рукахъ монаховъ находилось и высшее управленіе церковное и областное. Бѣлое духовенство, которому выпало на долю приходить въ близкое соприкосновеніе съ земствомъ, было и бѣдно и зависимо, а монахи, властвовавшіе надъ нимъ, не всегда пользовались своею властію умѣренно. Поповскіе старосты на дѣлѣ были орудіями архіерейской власти. Въ инородческихъ земляхъ экономическая несостоятельность бѣлаго духовенства и зависимость его отъ чернаго была сильнѣе. Правительство не всегда дѣлало пособіе ему, предоставляя кормиться тѣмъ, что дадутъ прихожане ([20]). Въ Сибири священники не имѣли земель, а въ иныхъ приходахъ прихожане не платили имъ руги ([21]). Поповскихъ старостъ тамъ не было и всѣми дѣлами церковнаго благочинія и порядка завѣдывали архіерейскіе чиновники ([22]). Отъ этого чрезвычайно неравномѣрнаго и несоотвѣтственнаго труду распредѣленія богатства и вла-

---

([20]) Доп. III, 8.

([21]) Челобитная митроп. Филовея. Чт. М. О. И. и Д. 1863 № 4.

([22]) Тамъ же.

сти между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ происходило то, что между этими двумя отдѣлами класса духовныхъ не было крѣпкой внутренней связи, не выходило ихъ нихъ такого цѣлаго, гдѣ одна часть стоитъ за другую, что одна дѣлаетъ, о томъ хлопочетъ другая. Между тѣмъ дѣло обращенія невѣрныхъ, очевидно, требовало согласнаго дѣйствованія обѣихъ половинъ духовенства. Этимъ же положеніемъ дѣла условливались тѣ вредныя для религіозной пропаганды слѣдствія, которыя намѣтилъ царь Иванъ IV въ своемъ посланіи архіепископу казанскому Гурію, стараясь доказать ему, что не слишкомъ слѣдуетъ обогащать монаховъ, а равно и оставлять ихъ въ скудости: «Не добро монастыри богатити чрезъ потребу и великія отчины давати; они симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся, а праздность на всякое зло влечетъ; а коли убоги, то болѣе трудятся, какъ бы достати хлѣбъ и одежду, а другое (т. е. дѣтей поучати, поганыхъ въ вѣру обращати, учити младенцевъ не только читати и писати, по и читаемое право разумѣвати, и да могутъ иныя научити) въ голову ему не пойдетъ» ([23]). И дѣйствительно и богатый и бѣдный классъ, и властвовавшій и зависимый въ одинаковой степени уклонялись отъ прямаго назначенія служителей церкви. Богатому классу не было особой нужды стараться о просвѣщеніи невѣрныхъ: онъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, которымъ не всегда пользовался назидательнымъ для народа образомъ ([24]); что касается до бѣ-

([23]) Рыбушкинъ. Краткая ист. Казани. 42—43.

([24]) Такъ, напримѣръ, черный попъ изъ Перми Іосифъ въ 1606 году доносилъ въ Москву о Пермскомъ Вознесенскомъ монастырѣ: «старцы живутъ не по монастырски, безчинно, по своей волѣ, какъ и прочіе мірскіе люди, и ходятъ за монастырь къ своимъ посестрѣямъ, и спятъ за монастыремъ ночей по десяти и больше, и у иныхъ въ монастырѣ въ кельяхъ посетрѣи и дочери и племянницы ихъ и чужія жонки и пьютъ и ночюютъ; а въ монастырѣ они денегъ не держатъ; кто что дастъ вкладу или откуда какія деньги привезутъ, и они дѣлятъ по себѣ и оттого богатѣютъ, а книгъ приходныхъ и расходныхъ у себя не держатъ, чтобы ихъ не почему было считать; а хлѣба что упашутъ, и роздаютъ своимъ посестрѣямъ и дѣтямъ.... и они забогатѣли, а скопили крадучи изъ монастырскаго дохода и отдаютъ въ долги въ кабалы изъ росту». (А. А. Э-II, 56).—Въ 1698 году Петръ I писалъ въ своей грамотѣ Верхотурскому воеводѣ о поведеніи митрополичьихъ десятинниковъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что богомольца нашего, пресвященнаго Игна-

лаго духовенства, сравнительно бѣднѣйшаго, то умственная его настроенность и поведеніе тоже, но въ силу бѣдности, или въ противорѣчіе съ стремленіями и идеалами церкви и потому весьма мало представляли ручательства, что содѣйствіемъ его успѣшно будетъ распространяться христіанство между иновѣрцами. На священническія мѣста трудно было находить людей достойныхъ; чѣмъ глубже на востокъ, тѣмъ трудность эта увеличивалась болѣе. Въ Сибири многія церкви были безъ причтовъ ([25]). Тамъ, гдѣ мѣста не оставались праздными, тамъ священники большею частію выходили изъ міра и приносили съ собою на священническую каѳедру привычки и понятія, господствовавшія въ міру. Эти привычки и понятія были не такого рода, чтобы могли поддержать въ духовенствѣ тотъ духъ, который привлекаетъ иновѣрца къ служителю религіи, а чрезъ него и къ самой религіи, которой тотъ служитъ. Міряне, появившіеся въ инородческихъ земляхъ, въ поведеніи своемъ обнаруживали по большей части такія качества, которыя совершенно противорѣчили идеаламъ православія. Неуваженіе къ служителямъ религіи и предметамъ, чтимымъ церковію, равнодушіе къ богослуженію, вѣра въ колдуновъ, пьянство и страсть къ азартнымъ играмъ и благодаря имъ кровавыя ссоры, развратъ иногда въ отвратительныхъ формахъ, привычка на мѣсто права поставлять силу, особенно замѣтная въ служилыхъ людяхъ, въ торговлѣ обманъ, въ бесѣдахъ сквернословіе,—вотъ тѣ печальныя качества, которыя русскіе мірскіе люди принесли съ собою въ инородческія земли вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и мужествомъ ([26]). И съ такими то

тія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, домовые дѣти боярскіе посланы были во всѣ Сибирскіе городы и слободы десятильниками и тѣ десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многія чинятъ разоренья, обиды и налоги и, бивъ, заставляютъ по неволѣ дѣвокъ и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ великихъ добрыхъ людей блудное воровство, и по тѣмъ ложнымъ наговорамъ емлютъ себѣ взятки великія, а иныхъ де дѣвокъ разболокаютъ нагихъ и груди давятъ до крови и всякое ругательство чинятъ; а иныя дѣвки и вдовы, изъ такого ихъ десятильниковъ мучительства, въ томъ не винятся; и тѣхъ дѣвокъ и вдовъ они продаютъ такимъ людямъ, за какихъ никто бы своей дочери не далъ, и деньги берутъ себѣ». (А. И. V, 237. П. С. З. III, 1605).

([25]) Челобитная митроп. Филофея.

([26]) Приведу здѣсь свидѣтельства о нравственномъ состояніи русскаго населенія въ инородческихъ земляхъ, чтобы не возвращаться

качествами являлся священникъ предъ глазами людей. Постоянная экономическая зависимость отъ прихожанъ конечно

къ этому предмету, когда будетъ рѣчь объ отношеніи разныхъ отдѣловъ этого населенія къ инородцамъ. *Непослушаніе духовнымъ властямъ и неуваженіе къ служителямъ религіи и священнымъ предметамъ.* «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ между прочимъ царь въ 1622 г. верхотурскимъ воеводамъ, что въ Сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди въ духовныхъ дѣлахъ богомольца нашего архіепископа Кипріана и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходити не хотятъ, и научаютъ межъ себя на архіепископа служилыхъ и всякихъ чиновъ людей во всѣхъ сибирскихъ городахъ шумѣть, а вы воеводы имъ въ томъ потакаете» (А. И. III, 113). Въ 1691 году сибирскій митрополитъ Павелъ отлучилъ отъ церкви боярскаго сына Якова Елагина за то, что «онъ будучи въ брацкомъ острогѣ на приказѣ, ругаясь монашескому чину, ималъ Спасской пустыни строителя, старца Савватія, изъ Спасской пустыни въ съѣзжую избу, сильно, со всякимъ невѣжествомъ, и держалъ скованнаго за карауломъ многое время, а сына его Ивашку билъ кнутомъ, а послѣ его же да вкладчика Герасимку батогами на смерть, безвинно». Распорядился такъ Елагинъ по ложному челобитью посадскаго человѣка Агапитки Дмитріева, который «прежъ своего челобитья, напившись пьянъ, приходилъ въ монастырь деннымъ разбоемъ и, приступая у кельи и амбара, кровли ломалъ, и его строителя билъ и топталъ ногами» (А. И. V, 211). Въ 1696 году одинъ подъячій былъ судимъ «за его дуровство и за поруганіе православной христіанской вѣры, что онъ на кружечномъ дворѣ, снявъ съ себя крестъ, закладывалъ его въ пропой на вино. (А. И. V, 253). *Развратъ и пьянство:* Въ 1623 году Верхотурскіе воеводы между прочимъ доносили въ Москву: «Верхотурскіе служилые люди, стрѣльцы и казаки и ямскіе охотники и пашенные крестьяне на Верхотурскомъ кабакѣ многіе пропились, и Верхотурскіе служилые люди отъ службы отбыли, и ямскіе охотники, пропився, многіе разбрелись, а пашенные крестьяне отъ того же кабака многіе одолжали и обнищали» (А. И. III, 122). Въ Свіяжскѣ неблаговидное поведеніе служилыхъ людей, по мнѣнію митрополита Макарія, было причиною того, что казанцы и подвластные Казанскому царю народы, изъявившіе было готовность покориться Московскому Государю, отложились отъ него, видя нечестивую жизнь его служилыхъ людей. По свидѣтельству этого пастыря, воины не оказывали уваженія къ церкви, безъ вниманія и благоговенія слушали пѣніе церковное, проводили время въ пьянствѣ; на пирахъ, во время ѣды, предавались пустошнымъ бесѣдамъ, срамнымъ словамъ и глумленію и всякому смѣхотворенію, закону божію не повиновались, «сопротивная творяще, женамъ угодіе творяще и увы! забывше страхъ божій и царскую заповѣдь презрѣвше и свою совѣсть поправше: иже въ православной вѣрѣ сущимъ

не могла въ немъ воспитать иныхъ свойствъ, напротивъ побуждала его снисходить къ многимъ обычаямъ, которыхъ никакъ не могла одобрить церковь. Живя въ міру, питаясь не-

---

рабамъ не подобаетъ творити тако и сице безумiемъ своимъ и законопреступленiемъ, безсрамно и безстудно блудъ содѣвающе съ младыми юноши, содомское, злое и скаредное и богомерзкое дѣло»...; оскверняли и разтлѣвали богомъ данныхъ плѣнниковъ изъ поганыхъ рукъ добрыхъ дѣвицъ (А. И. I, 159). Развратъ былъ особенно силенъ въ Сибири вслѣдствіе трудности доставать законныхъ женъ. Высшее духовенство по преимуществу тѣмъ огорчалось въ этомъ случаѣ, что русскіе вступали въ грѣховныя связи съ инородческими женщинами нехристіанскаго исповѣданія (Ист. Русской Церкви IV, 60; Собран. госуд. грам. III, 60, Челобитная митроп. Филофея. Чт. М. О. И и Д. 1863, IV). *Уклоненіе мірянъ къ обычаямъ и вѣрованіямъ языческимъ. Забавы и увеселенія.* Въ 1501 году писалъ въ Пермь митрополитъ Симонъ: «И кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не пріимали, ни Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаю, и всѣхъ Богу ненавидимыхъ тризницъ не творите идоламъ, ни женитвъ незаконныхъ не творите богомерзкихъ, якоже слышу о васъ, что деи у васъ поимаются въ племени по ветхому и по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, и вторый деи его братъ жену его поимаетъ, а третій деи его братъ такожде творитъ; а жены деи ваши ходятъ простоволосы, непокровенными главами. Ино то чинится не по закону христіанскому, то есть развратно вѣрѣ нашей православной» (А. И. I, 112). Въ половинѣ XVII столѣтія Верхотурскій воевода Всеволожскій въ своей памяти прикащику Ирбитской слободы между прочимъ прописалъ слѣдующую замѣчательную царскую грамоту Тобольскому воеводѣ, не задолго до того послѣднимъ полученную и доставленную имъ Всеволожскому для руководства: «Вѣдомо Государю учинилось, что въ Сибири, въ Тобольскѣ и въ иныхъ Сибирскихъ городахъ и въ уѣздахъ мірскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти, въ воскресенье и въ Господскіе дни и великихъ святыхъ, во время святаго пѣнія къ церквамъ божіимъ не ходятъ, и умножилось во всякихъ людяхъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми; и отъ тѣхъ сатаниныхъ учениковъ въ православныхъ христіанахъ учинилось многое нечестовство: многіе люди, забывъ Бога и православную хрестьанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ скоморохамъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ, на поля̀хъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужескаго и женскаго полу; въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ и многихъ людей чародѣйствомъ своимъ прельщаютъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣткамъ, и тѣ волхвы надъ

посредственно отъ него, работая при этомъ самъ въ потѣ лица для списканія пропитанія своему семейству, онъ отличался отъ міряпъ только священническою одеждою, и то въ церкви, а во всемъ остальномъ онъ оставался такимъ же, какъ прочіе, міряниномъ, со всѣми хорошими и дурными качествами тогдашняго земства. Напрасно митрополиты и архіереи убѣждали священниковъ исправиться; частое повтореніе этихъ увѣщаній доказываетъ ихъ безплодность. Міръ, среди котораго дѣйствовали священники, подчинялъ ихъ себѣ. У священника съ этимъ міромъ была крѣпче связь, чѣмъ съ властвовавшею и богатѣющею все болѣе и болѣе частію доховенства, отъ которой кромѣ этихъ увѣщаній, да поборовъ, униженій

больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ; да въ городахъ же и уѣздахъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужескаго и женскаго пола, по зорямъ и ночамъ чародѣйствуютъ, съ солнечнаго схода перваго дня луны смотрятъ, и въ громкое громленіе на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здравія, и съ серебра умываются, и медвѣдей водятъ и съ собачками пляшутъ, и зернью и картами и шахматами и лодыгами играютъ и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе, и поютъ бѣсовскія пѣсни, а на святой недѣлѣ жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а о Рождествѣ Христовѣ и о Богоявленьевѣ дни сходятся мужескаго и женскаго пола многіе люди въ бѣсовское сонмище, играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рождества Христова и Васильева дня и Богоявленья Господня клички бѣсовскія кличутъ, Коледу и Таусень и Плуту; и многіе люди неразумѣньемъ вѣруютъ въ сонъ, и въ встрѣчу, и въ полазъ, и въ птичей грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небылыя, и празднословіемъ и смѣхотворсніемъ и кощунствомъ души свои губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами; и накладываютъ на себя личины и платье скоморошское, межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ: и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадываютъ и незапною смертію умираютъ, и въ той прелести христіане погибаютъ, и съ качели многіе убиваются до смерти. Да въ городахъ же и уѣздахъ у многихъ людей на свадьбахъ бываютъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бѣсовскими играми, и уклоняются православные христіане къ бѣсовскимъ прелестямъ и къ пьянству, а отцовъ духовныхъ и по приходамъ поповъ и учительныхъ людей наказанья не слушаютъ и за наказанье отцамъ духовнымъ и приходскимъ попамъ и учительнымъ людямъ поруганье и укоризну и безчестье и налогъ дѣлаютъ» (А. И. IV, 35).

и оскорбленій подъ часъ онъ ничего не видѣлъ. Въ міру этотъ священникъ, который падалъ въ прахъ предъ архіереемъ, былъ личностію съ значеніемъ, съ голосомъ. Онъ ему за то и служилъ по преимуществу, ему поддавался. Въ этомъ— его безсиліе духовное, но въ этомъ и великая его общественная сила; въ этомъ великое образовательное его вліяніе на жизнь въ будущемъ. Однакожъ такое положеніе дѣла въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, когда міръ не запасся достаточными нравственными и умственными силами, проповѣдь духовныхъ его отцевъ, если и была, то, не подкрѣпляемая примѣромъ проповѣдниковъ, не могла имѣть силы въ кругу обращаемыхъ инородцевъ, которые не настолько были развиты, чтобы отдѣлять религію отъ ея служителя, которые судили о вѣрѣ по внѣшнимъ ея выраженіямъ. Поведеніе православнаго міра и служителей православія слишкомъ рѣзко противорѣчило христіанству, чтобы дать незнакомымъ съ послѣднимъ хотя приблизительное о немъ понятіе. Впрочемъ вещественная и умственная несостоятельность священника не давала ему возможности, если бы онъ и хотѣлъ, явиться въ званіи распространителя вѣры между языческимъ и магометанскимъ населеніемъ края. Въ Сибири являлись препятствія въ этомъ дѣлѣ и со стороны мѣстныхъ условій: громадность пространствъ, при разбросанности и разноязычіи племенъ, часто наклонныхъ къ мятежу, при трудности путей сообщенія, преграждала къ тому всякую возможность.

Къ числу причинъ, повергавшихъ православное духовенство въ инородческихъ земляхъ въ бездѣйствіе относительно разновѣрцевъ, нужно присоединить смутное направленіе историческаго движенія тогдашняго русскаго общества. То была тяжелая пора общественно-экономической розни въ русскомъ народѣ: такія явленія, какъ терроръ въ эпоху Грознаго, Смутное время, Разинскій бунтъ, при постоянныхъ трудныхъ войнахъ внѣшнихъ, заставляли каждаго думать не о другихъ, а о своей безопасности, о кускѣ хлѣба, заставляли монаха жаться въ монастырѣ, бѣлаго попа сидѣть за валами крѣпостей, или съ своимъ приходомъ укрываться гдѣ либо въ глуши лѣса. Эта розпь была тѣмъ тяжелѣй, что сопровождалась бореніемъ въ духовной сферѣ общества. Покамѣсть огнемъ и мечемъ истреблялись ересическія ученія, приходившія въ Москву съ сѣвера, незамѣтно подготовлялось то явленіе, которое зовутъ расколомъ. Расколъ пащелъ ссбѣ

притонъ и въ инородческихъ земляхъ (27). На однихъ священниковъ, естественно, находило сомнѣніе, какое ученіе лучше; другіе должны были защищать православіе отъ этого врага (28). Заботиться объ обращеніи иновѣрцевъ, когда была шатость въ самой христіанской общинѣ, когда свои отдѣлялись отъ церкви, конечно было несвоевременно.

---

2. Собственно служилые люди въ инородческихъ земляхъ. Свидѣтельства о злоупотребленіяхъ ихъ въ инородческомъ мірѣ. Происхожденіе этого явленія и причины крѣпости его въ жизни: отношеніе служилыхъ людей къ государственной власти, составъ этого класса, характеръ умственнаго и нравственнаго ихъ развитія. Результаты ихъ дѣятельности въ инородческихъ земляхъ для инородцевъ.

Если въ силу показанныхъ причинъ вліяніе духовенства на инородцевъ было такимъ образомъ не ощутительно, то далеко того нельзя сказать на счетъ отношеній къ нимъ того класса, которому собственно и усвоено было названіе служилыхъ людей Московскаго государства. Въ своемъ мѣстѣ было показано, чего требовала отъ ихъ дѣятельности въ инородческихъ земляхъ верховная государственная власть; въ настоящемъ случаѣ подлежитъ разъясненію вопросъ: какъ на практикѣ проявлялась эта дѣятельность ихъ, т. е., какого сорта правителей, судей, блюстителей внутренняго благочинія и порядка, охранителей внѣшней безопасности находили въ нихъ инородцы. Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе отношеній къ инородцамъ тѣхъ служилыхъ людей, которые кормились помѣстьями и вотчинами, населенными инородцами, частію по тому, что нѣтъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, частію потому, что немногимъ инородцамъ, только нѣкоторой части въ владѣніяхъ царствъ Казанскаго и Сибирскаго,—приходилось вѣдаться съ такого рода служилыми людьми. Несравненно же большее число ихъ приходило въ соприкосновеніе съ такими служилыми людьми, которые кормились въ ихъ земляхъ отъ дѣлъ.

---

(27) Преосв. Макарія. Исторія раскола.—Обозрѣніе Пермскаго раскола. А. П. С.ПБ. 1863.

(28) Доп. VIII, 50.

О неправосудіи и произволѣ воеводъ и другихъ служилыхъ людей въ инородческихъ земляхъ писано такъ много, что разсужденіе объ этомъ предметѣ легко, повидимому, можетъ быть причислено къ общимъ мѣстамъ. Однакожъ я не могу обойти этотъ фактъ. То, что служилые люди дѣйствовали по отношенію къ инородцамъ съ забвеніемъ всякой справедливости и умѣренности, допуская всевозможный произволъ и беззаконіе, слишкомъ глубоко отзывалось на жизни инородческаго населенія, да и на быту чисто-русскомъ, чтобы удовольствоваться заявленіемъ голаго факта, безъ болѣе или менѣе тщательнаго обслѣдованія его.

Явленіе это сдѣлалось до того крѣпкимъ во всемъ Московскомъ государствѣ и преимущественно въ инородческихъ земляхъ, что правительство каждому новому воеводѣ наказывало отъ имени царя торжественно предъ инородческимъ населеніемъ области, куда онъ отправлялся на воеводство, признаваться, что при прежнихъ правителяхъ дѣйствительно имъ приходилось терпѣть отъ служилыхъ людей всякаго рода обиды и насилія, и обѣщать, что впредь этого не будетъ ([29]). Помимо этого удостовѣренія есть множество свидѣтельствъ, говорящихъ о дѣйствительности и крѣпости этого явленія. Я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ для большей наглядности

([29]) «Сказать ясачнымъ князцамъ и ясачнымъ людямъ,—говорилось обыкновенно въ царскихъ наказахъ,—царево Великаго Князя и всея Россіи самодержца жалованное слово: что прежъ того отъ воеводъ и отъ головъ, и отъ приказныхъ людей, и отъ дѣтей боярскихъ и отъ атамановъ, и отъ стрѣльцовъ и отъ казаковъ и отъ ихъ братьи отъ ясачныхъ и отъ иныхъ отъ всякихъ людей было небреженье и налоги и продажи великіе; какъ они платятъ ясаки, и у нихъ имали ясаки съ прибавкою, не по государеву указу, и тѣмъ сами корыстовались; а воеводы того не берегли и суда имъ прямого не давали, и въ волости къ нимъ воеводы посылали для ясаковъ дѣтей боярскихъ и толмачей и казаковъ, и тѣ дѣти боярскіе и казаки и толмачи, пріѣзжая къ нимъ, ихъ ясачныхъ людей продавали, имали у нихъ посулы и поминки; и государь пожаловалъ ихъ: велѣлъ имъ во всемъ на тѣхъ людей, кто ихъ чѣмъ изобидѣлъ, или посулы и поминки и малъ, давать судъ и сыскъ праведный и расправу, и оборонъ отъ русскихъ и отъ всякихъ людей велѣлъ чинить и во всемъ ихъ беречь, чтобы имъ насильства и убытковъ и продажи и налоговъ ни отъ кого не было». Доп. IV, 46 и другіе наказы.

дѣла. Въ 1606 году сылвенскіе и иренскіе остяки жаловались, что ясатчики, посылаемые къ нимъ воеводою, берутъ съ нихъ, кромѣ положеннаго ясаку, еще по куницѣ съ человѣка; что «живутъ тѣ ясатчики у нихъ не выѣзжая, отъ перемѣны до перемѣны, и живучи у нихъ, чинятъ имъ продажи и убытки великіе, правятъ на нихъ кормъ, а емлютъ за хлѣбъ по гривнѣ, а за колачь во два алтына, и емлютъ отъ юрта до юрта подводы, и, ѣздя по юртамъ, велятъ на себя меды ставить; а что они у русскихъ людей купятъ хлѣбца или иное что или сами продадутъ, или за долгъ кому что дадутъ, и въ томъ на нихъ правятъ протаможья по два рубли по четыре алтына» (30). Такого же содержанія жалоба поступила въ 1607 г. отъ вишерскихъ вогуличей, которые показали, что верхотурцы, служилые люди, пріѣзжающіе къ намъ за ясакомъ, кромѣ 5 соболей съ человѣка опредѣленнаго ясаку, берутъ съ нихъ силою въ свою пользу по два соболя съ человѣка, «да съ нихъ же ясатчики емлютъ кормы и посулы великіе и женъ ихъ и дѣтей емлютъ на постели; да у нихъ же емлютъ съ Вишеры, отъ ихъ юртовъ до Верхотурья, съ лыжами и съ нартами провожатыхъ, а иногда за подводы емлютъ деньги и соболи, и имъ отъ тѣхъ Верхотурскихъ ясатчиковъ чинятся въ томъ убытки великіе; и отъ того Вишерскіе Вагуличи многіе разбрелись, а иные померли» (31). Башкирцамъ, приписаннымъ къ Верхотурскому воеводству, было не легче отъ служилыхъ людей, пріѣзжавшихъ къ нимъ за ясакомъ (32). Въ 1622 году царь писалъ въ своей грамотѣ верхотурскимъ воеводамъ: «Вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ Сибирскихъ городахъ, служилые наши люди, которыхъ посылаете къ татарамъ, и къ Вагуличамъ и Остякамъ, сбирати нашей казны, и тѣ люди татарамъ, и Остякамъ и Вагуличамъ чинятъ всякое насильство, и посулы емлютъ великіе, и нашей казнѣ прибытковъ ни въ чемъ не ищутъ» (33). Легкость пожитки посредствомъ грабежа инородцевъ возбуждала въ служилыхъ людяхъ охоту къ нимъ ѣздить и безъ всякой законной

(30) А. И. II, 62.
(31) А. И. II, 76.
(32) А. И. III, 178.
(33) А. И. III, 113.

надобности; въ этихъ же видахъ сочинялись особыя должности безъ вѣдома правительства. Въ 1677 году царь писалъ: «вѣдомо намъ учинилось, что въ низовыхъ городахъ ходятъ въ съѣзжихъ избахъ вмѣсто приставовъ, для толмачества, всякихъ чиновъ многіе люди, безъ нашего указу собою и въ уѣзды ѣздятъ и изъ уѣздовъ ясачную Черемису, взявъ изъ домовъ ихъ, привозятъ къ себѣ на дворы и держатъ ихъ у себя дома въ цѣпяхъ и въ желѣзахъ и морятъ голодомъ и которые ясачные люди даютъ большіе откупы, и тѣхъ свобожаютъ, и которымъ откупитца нечѣмъ, и тѣ у нихъ въ домахъ помираютъ; а на иныхъ ясачныхъ людей емлютъ тѣ толмачи пцсьма въ большихъ долгахъ безденежно, и тѣхъ ясачныхъ людей держатъ у себя въ домахъ, въ закладахъ, въ всякой работѣ съ женами и съ дѣтьми, многіе годы, и мучатъ всякими муками, и землями ихъ владѣютъ они же толмачи, а ясаки ихъ учинились пусты и наши подати въ доимкѣ, и всякое разоренье ясачнымъ людямъ тѣ толмачи чинятъ многое; а тѣхъ городовъ воеводы и приказные люди тѣмъ толмачамъ чинятъ во всемъ поноровку» (34). Чѣмъ дальше на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше разыгрывался произволъ служилыхъ людей, направляясь не только противъ собственности, но и личной свободы, чести и даже жизни инородцевъ. Сибирскіе народы должны были перепосить, когда служилые люди, отнявъ у нихъ достояніе, насильно брали у нихъ дѣтей и продавали ихъ или увозили въ русскія селенія, когда отнимали и потомъ оскверняли ихъ дочерей и женъ. Не у кого было искать защиты инозсмцу, ограбленному и оскорбленному въ самыхъ живыхъ его чувствахъ. Грабежъ собственности ясачныхъ иноземцевъ, подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ, уводъ женъ и дѣтей возведены были въ систему: воеводы, на которыхъ лежала обязанность защищать интересы ясачныхъ, стояли обыкновенно во главѣ этихъ грабителей; за извѣстный выдѣлъ изъ отнятаго или мошеннически присвоеннаго кѣмъ либо имущества дикаря, они готовы были поддерживать и поддерживали всякаго ловкаго плута и разорителя: они были за одно съ богатыми промышленниками, эксплоатировавшими простодушныхъ ясачныхъ людей, съ сборщиками ясака и цѣловальниками (35). Обкрадывая вмѣстѣ съ ними казну, они

(34) Доп. VIII, 29.

(35) А. И. V, 260. Доп. IV, 59.

сами непосредственно грабили ясачныхъ; пользуясь судебною и административною властію безъ всякаго ограниченія, кромѣ угрозы изъ за далека опалою, они всякими беззакопіями, возмутительнымъ насиліемъ вымогали у ясачныхъ ихъ достояніе. Указы о томъ, чтобы управлять инородцами ласкою, не жесточить ихъ, не трогать ихъ собственности, не вторгаться въ ихъ семейную жизнь, не насиловать ихъ совѣсти принужденіемъ креститься,—всѣ эти человѣколюбивые законы оставались лишь на бумагѣ. Постоянное повтореніе ихъ говоритъ о постоянномъ ихъ нарушеніи. Особенно въ дѣлахъ сыскныхъ и судныхъ проявилась во всемъ безобразіи безчеловѣчная жестокость, которая, вслѣдствіе привычки къ ней, употреблялась даже безъ всякаго грабительскаго побужденія, а такъ, ради нея самой. Жизнь иноземцевъ цѣнилась ни за что. Страданіями и раздирающими воплями ихъ въ истязаніяхъ пытки даже забавлялись нѣкоторые изъ такихъ правителей.

И трудно было ожидать инаго поведенія служилыхъ людей по отношенію къ инородческому населенію страны.

Однакожъ насилій и угнетеній, которыя шли въ среду инородцевъ со стороны служилыхъ людей, нельзя объяснять племенною непріязнію русскаго къ дикарю, или религіознымъ фанатизмомъ, по которому погапаго ограбить и убить даже ничего не значитъ. Источники, сообщающіе извѣстія о поведеніи служилыхъ людей въ сѣверо-восточномъ краю Россіи, нигдѣ не приводятъ этихъ обстоятельствъ, какъ главнѣйшихъ побужденій къ совершенію варварскихъ дѣлъ служилыми людьми надъ ясачными. Напротивъ они прямо и ясно говорятъ, что это происходило вслѣдствіе стремленія ихъ къ поживѣ, къ корысти, ради прибытка. Вслѣдствіе этого на грабительства и непстовства служилыхъ людей въ инородческихъ земляхъ нужно смотрѣть какъ на одну изъ главъ той самой исторіи, которая велась и внутри Московскаго государства и по которой значится, что между русскими было много людей, желавшихъ кормиться на счетъ другихъ, что кто пріобрѣталъ къ тому возможность какую либо, тотъ не разбиралъ средствъ, лишь бы только добыть сытный кормъ и что, такъ какъ у служилыхъ людей была въ распоряженіи узаконенная возможность къ тому, въ рукахъ ихъ было силы больше, чѣмъ у другихъ людей, то и выходило, что отъ нихъ больше всего терпѣли люди, необладавшіе этою возможностію, этою силою.

Это же самое направленіе жизни, перенесенное въ инородческія земли, захватило и бытъ инородцевъ. Для московскаго служилаго человѣка было все равно, на чей бы счетъ ни поживиться, надъ кѣмъ бы ни показать свою силу. Что насильственныя и беззаконныя мѣры къ поживѣ и къ самодурствованію чаще всего примѣнялись служилыми людьми по отношенію къ ясачнымъ и тяглымъ инородцамъ, это объясняется тѣмъ, что послѣднихъ легче и безопаснѣе было обманывать, легче дѣлать было имъ несправедливости, такъ какъ, живя вдали отъ центральной власти, инородцы плохо еще знали русскіе закопы и, не научившись еще русскому языку, не знали подъ часъ, гдѣ искать управы на притѣснителей и грабителей. Тѣ же изъ нихъ, которые пріобрѣтали какую либо силу, сами въ свою очередь поступали въ разрядъ людей, стремившихся кормиться сытно на счетъ другихъ и надъ ними свою власть показывать; многіе изъ нихъ охотно помогали служилымъ и вообще сильнымъ людямъ грабить свою братью. На это указываютъ и наказы, когда, перечисляя притѣснителей ясачнаго люда, помѣщаютъ между ними и братью ясачныхъ; объ этомъ говорятъ многочисленные факты исторіи инородческихъ земель; такъ, между прочимъ, инородцы же помогали Строгановымъ притѣснять ясачныхъ людей; инородцы же указывали пути служилымъ людямъ къ пріисканію новыхъ землицъ. Вообще служилые люди грабили и утѣсняли инородцевъ не потому, чтобы считали безгрѣшнымъ дѣйствовать такъ по отношенію къ нимъ, въ силу ихъ иноземства, а потому, что таково было направленіе жизни въ Московскомъ государствѣ. Сильные люди, а потому и служилые, съ такою же наглостію показывали свой произволъ и надъ русскими, съ какою относились и къ инородцамъ. Источники представляютъ множество свидѣтельствъ въ подтвержденіе этого. Я ограничусь здѣсь тѣмъ, что въ примѣчаніи приведу только нѣкоторыя извѣстія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ къ дополненію характеристики служилаго произвола въ сѣверо восточныхъ земляхъ Россіи ([36]). Однакоже что же поддерживало это

([36]) Въ 1665 году царь писалъ объ енисейскомъ воеводѣ Голохвастовѣ слѣдующее: «И нынѣ намъ Великому Государю вѣдомо учинилось, что онъ Василій, будучи въ Енисейскомъ, безъ нашего Государева указа, для своихъ пожитковъ, прибираетъ въ нашу службу гулящихъ и промышленныхъ людей, а не стрѣлецкихъ и не

смрадное направленіе? Отъ чего, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ тяжелѣе было отъ служилыхъ людей инородцамъ? Вопросъ

казачьихъ дѣтей, и отъ того емлетъ наше государево жалованье денежное и хлѣбное и соляное, годовые оклады; да онъ же Василій Енисейскихъ посацкихъ людей записалъ въ ямскую гоньбу, и отъ того взялъ съ нихъ сто пятьдесятъ рублей, и многимъ посадскимъ людямъ, и ихъ братьѣ и дѣтямъ, и племянникомъ своими приметами учинилъ убытки великіе, работныхъ людей у нихъ отогналъ, и они де промысловъ своихъ отбыли, а иныхъ чиновъ людей своими приметами испродалъ, и билъ и мучилъ и во тюрьму сажалъ. Да онъ же Василій, для своихъ пожитковъ, отдаетъ на откупъ помѣсячно, зернь и корчму и безмужныхъ жонъ на блудъ, и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по сту и больше, и тѣмъ блуднымъ жонкамъ велитъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ людей, по ихъ оговору, безъ сыску и безъ распросу, сажаетъ въ тюрьму, а къ тюрьмѣ присылаетъ онъ Василій вѣдомыхъ воровъ и ушниковъ и ссорщиковъ, деньщика Алешку Тимофѣева, да ссыльнаго вора и зерноваго откупщика Ѳедьку Булгакова уговариваться, и отъ того емлетъ съ торговыхъ и промышленныхъ людей, тюремною тѣснотою и всякимъ мученьемъ, по сороку и по два сорока соболей, а съ иныхъ емлетъ деньгьми рублевъ по тридцати и больше. А которыхъ служилыхъ и посадскихъ люди остаются дома жоны, а они сами въ то время бываютъ въ отъѣздахъ, и онъ де Василій, свѣдавъ ихъ пожитки, женъ ихъ емлетъ въ застѣнокъ, ночью, и пытаетъ и спрашиваетъ серебряныхъ денегъ и тѣми приметами и мученіемъ до конца разорилъ. Да онъ же Василій емлетъ къ себѣ на дворъ наши государевы поваренные большіе и малые котлы для своихъ обиходовъ; да онъ же Василій, для своихъ пожитковъ, велитъ вино курить на свои обиходы, въ городѣ, на нашей государственной поварнѣ, а работниковъ къ себѣ емлетъ тюремныхъ сидѣльцевъ; а люди его на себя вино курятъ же и продаютъ на деньги и на соболи въ чаркахъ. И въ воскресные дни, до обѣдни, ѣздитъ онъ Василій на поле съ собаками съ вѣдомымъ воромъ съ тюремнымъ сидѣльцемъ, Григоріемъ Плещѣевымъ и съ Михаиломъ Селинымъ.... и съ ними (слѣдуютъ имена) на Енисейскихъ посадскихъ людей умышляетъ всякія затѣйныя бѣды и тѣми своими затѣйными налогами ихъ разоряютъ» (А. И. IV, 182). Якутскій воевода Петръ Головинъ два года держалъ въ тюрьмѣ товарищей своихъ Матвѣя Глѣбова и дьяка Филатова (Доп. II, 101; III, 5; 37). Мангазейскій воевода Кокоревъ распоряжался между прочимъ такъ: «который промышленный или торговый человѣкъ не придетъ къ воеводѣ, къ женѣ и сыну съ большимъ припасомъ, того воевода кидаетъ въ тюрьму, да не только его самаго, но собакъ его посадитъ въ тюрьму, да беретъ потомъ выкупъ и съ самаго и съ собакъ. Когда у

общій и сложный. Укажу тѣ стороны его, которыя касаются инородческихъ земель.

Общая организація управленія и суда въ этихъ земляхъ и въ примѣненіи къ туземцамъ, была, какъ уже показано отчасти выше, не такова, чтобы съ успѣхомъ противоборствовать этому направленію. Государственная власть, устроивавшая извѣстные намъ порядки между инородцами, сама не мало способствовала его укорененію и развитію. Предписывая воеводамъ держать ласку и привѣтъ къ инородцамъ, она въ тоже время ясно давала знать, что эти люди существуютъ для увеличенія казны, что воеводы и другіе служилые люди посылаются къ нимъ за тѣмъ, чтобы собирать съ нихъ доходъ и добыть самимъ себѣ кормъ. Если власть находила

воеводы бываютъ пиры на торговыхъ и промышленныхъ людей, и если кто къ нему или къ его женѣ или къ сыну принесетъ мало, то приносъ бросаютъ въ глаза и до воротъ провожаютъ въ шею; люди воеводины берутъ у торговыхъ людей въ гостиномъ дворѣ товары безъ платы; къ сыну воеводину промышленные люди ходятъ ежедневно вино продажное пить: кто принесетъ гривну, тому дастъ чарку, гдѣ двѣ гривны, тому двѣ чарки, и такъ дальше по расчету, и какъ люди эти, напившися, пойдутъ отъ него со двора, то люди его кресты, перстни и пояса съ нихъ оберутъ и съ нихъ все платье поснимаютъ въ закладъ. Затѣваетъ торговымъ людямъ напрасныя посылки; велитъ выбрать нарочитыхъ людей 20 или 30 человѣкъ и скажетъ службу на тундру, откуда имъ не воротиться, и тѣ люди, одолжавъ свои головы послѣдними долгами, отъ него откупаются деньгами. Въ церковь ходитъ, какъ курфирстъ нѣмецкій; предъ нимъ тогда носили мечъ оборучный, какъ предъ Разстригою; а люди его предъ ними съ пищалями и саблями; изъ своихъ людей учредилъ нѣчто похожее на придворные чины. Когда воевода пойдетъ въ баню то предъ баню приходятъ къ нему здороваться складчики его и совѣтчики и попы, и на нихъ смотря, боясь его безмѣрнаго страха, всякихъ чиновъ люди ходятъ предъ баню челомъ ему ударить. За тѣмъ, поссорившись съ своимъ товарищемъ, Кокоревъ въ своими совѣтниками и стрѣльцами началъ стрѣлять изъ города въ посадъ, гдѣ сидѣлъ его товарищъ, и нѣсколько человѣкъ было убито (Соловьевъ. Ист. Росс. IX, 401—403). Въ 1676 году служилые люди Нерчинскихъ остроговъ въ жалобѣ своей на нерчинскаго приказнаго человѣка Шульгина между прочимъ писали: «и онъ Павелъ намъ холопямъ твоимъ чинитъ налоги и обиды большія, бьетъ кнутьемъ и батогами безвинно, и велитъ въ руку брать батоговъ по пяти и по шести, и батогами бьетъ нагихъ по спинѣ и по брюху и по стегнамъ, и своею рукою, тростью, и своими правилками у насъ холопей животишки переписываетъ и амбаришки печатаетъ». (Доп. VII, 57).

безукоризненнымъ такое воззрѣніе на людей ясачныхъ, то нѣтъ ничего страннаго, что и служилый человѣкъ смотрѣлъ на свое мѣсто, какъ на доходную по преимуществу статью. Если власть, желая получить какъ можно болѣе выгоды отъ нихъ, думала достигнуть этого между прочимъ и кроткими мѣрами, чтобы въ противномъ случаѣ не лишиться дохода на будущее время: то служилый человѣкъ, желавшій того же, не могъ находить такую систему пригодною для осуществленія этого желанія. Служилые люди, какъ извѣстно, посылались на службу на короткій срокъ: воеводы и дьяки года на два; зависѣвшіе отъ нихъ прикащики, головы стрѣлецкіе ясатчики и проч. также на короткій срокъ, поперемѣнно, посылались въ инородческія волости. Дѣйствуя по предписаннымъ властію правиламъ, по наказамъ и по памятямъ, они рисковали не получить никакого корма за свою, часто не легкую, службу, которая плохо вознаграждалась правительствомъ. Они поэтому стали употреблять къ достиженію своихъ цѣлей насиліе, обманъ, словомъ все то, что въ короткій срокъ можетъ обогатить одного на счетъ труда другаго. Отсюда вымогательство у ясачныхъ денегъ или соболей посредствомъ пытокъ, отсюда даже открытый грабежъ ихъ улусовъ (53), отсюда похищеніе ихъ женъ и дочерей, отсюда и то, что они обманывали правительство, утаивая настоящее количество ясачныхъ душъ или тяглыхъ дворовъ (54); отсюда стачка съ промышленными людьми, вслѣдствіе которой мѣха ими доставляемые въ казну, оцѣнивались не настоящею цѣною; отсюда допускалась вопреки указамъ продажа въ улусахъ запрещенныхъ товаровъ, вина, пороху, оружія, табаку (55); отсюда на-

---

(53) Доп. II, 82; IV, 10.—Фишеръ. Сибирская Ист. 378.

(54) П. С. З. III, 1511. Доп. VII, 75.

(55) Напримѣръ о мангазейскомъ воеводѣ Кокоревѣ извѣстно, что «пріѣдутъ самоѣды съ ясакомъ, воевода и жена его посылаютъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ; несчастные дикари пропиваются до нага, ясакъ, который они привезли, соболи и бобры переходятъ къ воеводѣ, а самоѣды должны платить ясакъ кожами оленьими, иные съ себя и съ женъ своихъ снимаютъ платье изъ оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, потому что всѣ перепились и переграблены. «Соловьевъ, Ист. Россіи. IX, 401.—О подобномъ же образѣ дѣйствій служилыхъ людей въ отношеніи къ казнѣ и инородцамъ см. А. И. V, 260, 262. Доп. IV, 59. А. И. III, 88. А. А. Э. 124. Доп. VIII, 21.

конецъ и междоусобныя распри между служилыми людьми, нападеніе ихъ на начальниковъ, угнетеніе послѣдними подчиненныхъ. Не было ничего, чтобы въ состояніи было такое направленіе если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, не дать ему доходить до степени попранія всякой справедливости и состраданія къ ясачнымъ. Умственное развитіе служилыхъ людей было не таково, чтобы они могли найти другіе пути къ своему обогащенію кромѣ насилія, обмана и чтобы вполнѣ сознать безнравственность своего общественнаго поведенія. Извѣстно, что въ тогдашнее время не могли похвалиться особенною образованностію и люди, которые стояли около престола и, повидимому, имѣли всѣ средства просвѣтить свою голову. Служилый классъ, дѣйствовавшій въ инородческихъ земляхъ, конечно въ этомъ отношеніи не стоялъ выше служилыхъ въ Москвѣ. Въ составъ его, кромѣ русскихъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, посылавшихся туда въ качествѣ воеводъ или ихъ товарищей, кромѣ приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ, входили еще люди, различные по своему происхожденію и общественному положенію. Тутъ были и охотники изъ русскихъ; тутъ были плѣнные изъ разныхъ націй; тутъ были новокрещеные изъ самихъ инородцевъ ([37]); наконецъ служилый классъ пополнялся ссыльными преступниками ([38]). Уже самый составъ его не располагаетъ выгодно думать объ умственномъ развитіи и нравственномъ направленіи служилыхъ людей въ сѣверовосточномъ краю. Изъ приведенныхъ выше выписокъ ([39]) изъ актовъ видно, что между служилыми людьми этого края также было крѣпко суевѣріе, какъ въ самыхъ бѣдныхъ и зависимыхъ слояхъ общества; что грубыя животныя наклонности брали въ немъ перевѣсъ надъ человѣческими побужденіями. Чувство уваженія ближняго, чувство собственнаго человѣческаго достоинства имъ были чужды, и очень сомнительно, что среда, въ которую шли съ цѣлію нажиться или насильно были записываемы, могла развить въ человѣкѣ что либо похожее на то. Сдается и, кажется,

---

([37]) А. И. II, 124.

([38]) Доп. III, 63. VI, 163.

([39]) А. И. III, 113. А. И. V. 273. П. С. З. III, 1602. А. И. III, 122, IV, 35; V, 253.

то вѣрно, что въ инородцахъ было болѣе человѣческихъ качествъ, чѣмъ въ этихъ воеводахъ, дѣтяхъ боярскихъ, казакахъ, стрѣльцахъ и проч., которые вѣдали ихъ жизнь.

Но за то этотъ классъ обладалъ въ несравненно высшей степени, чѣмъ ясачные, средствами и свойствами, которыми пріобрѣтается и удерживается господство однихъ людей надъ другими. Знанія, которыя находились въ распоряженіи у служилыхъ людей въ инородческихъ земляхъ, собственно говоря, были ничтожны; но ихъ было достаточно, чтобы взять перевѣсъ надъ инородцами и потомъ сохранять этотъ перевѣсъ: служилые люди умѣли строить крѣпости прочнѣе, чѣмъ тѣ; они были знакомы съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, котораго у нихъ всегда было больше, чѣмъ у инородцевъ, и которое тѣ могли пріобрѣтать только съ большимъ трудомъ и цѣною всякихъ пожертвованій. Приказные люди, которые собственно составляли умственную, правившую ходомъ, дѣлъ силу, были отлично научены обращать законъ туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ, обходить положенія его въ то время, когда они не обѣщали прибыли блюстителямъ этого закона, придираться къ тѣмъ, которые нарушали какое либо узаконеніе по незнанію и возводить проступокъ на степень важнаго преступленія, или на оборотъ прикрывать вопіющее злодѣйство, то держаться строго буквы закона, не обращая вниманія на смыслъ, на видимую цѣль законодательства, то толковать его произвольно, пренебрегая буквальнымъ значеніемъ. Грамотность, которою они обладали, оставаясь безплодною для человѣческо-христіанскаго развитія, давала имъ однакожъ великое преимущество не только предъ ясачнымъ иноземцемъ, но и русскимъ тяглымъ человѣкомъ, являясь въ рукахъ ихъ страшнымъ орудіемъ порабощенія и угнетенія послѣдняго, незнакомаго съ этою грамотностію и съ крючкотворскою мудростію. Не нужно, говоря о средствахъ, находившихся въ обладаніи служилыхъ людей, упускать изъ виду и того, о чемъ уже говорено прежде, т. е., что не смотря на то, что они были раскинуты на огромныхъ пространствахъ, между ними никогда не исчезала крѣкая связь, что служилые люди одной области были товарищами служилыхъ другой, тогда какъ ясачные инородцы были разъединены; не составляли одного союза, въ которомъ члены связаны единствомъ интересовъ и потому дѣйствуютъ сообща. При этомъ служилые, съ которыми приходилось вѣдаться инородцамъ,

были въ большинствѣ случаевъ люди крѣпкаго закала. Многіе изъ нихъ, прежде чѣмъ явиться въ инородческихъ земляхъ, видали на свѣтѣ не мало видовъ, прошли, что называется, огонь и воду, испытали и горе и лишенія и привыкли затрудненія и опасности на своемъ пути отражать личнымъ безстрашіемъ и мужествомъ. Сохранились «сказки» нѣкоторыхъ изъ нихъ, или короткія записки о прежнемъ ихъ житьѣ-бытьѣ. Если вѣрить и на половину тому, что разсказывается въ этихъ автобіографіяхъ, то этого достаточно, чтобы придти къ мысли, что этихъ людей застращать трудно. Каждое изъ такихъ повѣствованій наполнено фактами въ такомъ родѣ: «отецъ мой убитъ въ сраженіи, я остался молодъ, сошелъ на Донъ, гулялъ тамъ столько-то лѣтъ, потомъ былъ въ столькихъ-то битвахъ, убилъ столько-то, тогда-то раненъ, опять гулялъ, волею пошелъ въ сибирскіе служилые люди (40). Несомнѣнные и многочисленные факты, касающіеся дѣятельности служилыхъ людей въ инородческихъ земляхъ, свидѣтельствуютъ о замѣчательной энергіи ихъ и мужествѣ. Особенно эти качества развернулись въ Сибири. Боявшійся дьявольской силы и съ такою же охотою и вѣрою принимавшій слова вѣдуновъ, съ какою инородецъ обращался къ шаману, служилый человѣкъ въ Сибири ничего остальнаго не страшился. Его не смущала нимало неизвѣстность странъ и людей, ихъ населявшихъ: онъ шелъ впередъ; не останавливали его ни мятели, ни горы, ни непроходимые лѣса, ни степи безъ конца, ни море и рѣки непривѣтливыя; онъ не пятился назадъ, когда приходилось столкнуться съ обитателемъ этихъ странъ и отбивался одинъ противъ десятерыхъ. Гулявшій въ царевомъ кабакѣ ночи на пролетъ, ходившій въ соболяхъ, онъ въ другое время довольствовался такою часто пищею, которую ни одинъ скотина не станетъ ѣсть, и не унывалъ, когда отъ стужи приходилось защищать свое тѣло, вмѣсто изношенной одежды и обуви, закапываясь въ сугробы снѣга. И все это онъ не считалъ особенно необычнымъ дѣломъ. Въ отпискахъ служилыхъ людей о ихъ походахъ по отдаленнымъ землямъ Восточной Сибири не знаешь, чему удивляться, тому ли упорству и терпѣливости, съ которыми они ходили на очевидныя опасности и переносили всякаго рода лишенія, или тому

(40) Доп. IV, 67.

спокойному тону, съ какимъ разсказывается объ ихъ подвигахъ.

Въ силу вышеизложенныхъ обстоятельствъ и благодаря тѣмъ качествамъ служилыхъ людей, о которыхъ сейчасъ упомянуто, инородцы не могли сдержать, своими силами, ихъ стремленіе къ поживѣ и власти въ должныхъ границахъ, хотя, какъ увидимъ, и дѣлали къ тому весьма часто попытки. Служилые сдѣлались ихъ властителями: ясакъ, который шелъ съ нихъ въ казну, какъ въ итогѣ оказывается, былъ ничѣмъ инымъ, какъ откупною суммою, которою служилые люди пріобрѣтали у правительства право властвовать въ инородческой землѣ и выжимать сокъ изъ ея обитателей; въ ихъ руки стало стекаться богатство страны, все то, что инородцы добывали своимъ трудомъ. Когда вслѣдствіе ихъ владычества, не хотѣвшаго знать никакихъ для себя ограниченій ([41]), тяглые и ясачные иноземцы приходили все въ большую бѣдность; когда съ ужасающею силою народонаселеніе инородческое умепьшалось отъ притѣсненій, нужды, отъ кровавыхъ мятежей, вызывавшихся этими притѣсненіями и нуждой, отъ болѣзней, которыя приносили съ собою пришельцы, отъ добровольнаго выхода однихъ инородцевъ изъ инородческаго міра, или насильственнаго закабаленія другихъ: въ это время богатство и власть служилыхъ людей въ инородческихъ земляхъ росли и росли, не смотря на всѣ строгія постановленія правительства о таможняхъ и заставахъ и другія мѣры, направленныя противъ этого ([42]). Дѣло наконецъ дошло до того, что правительство при Петрѣ I ничего не нашло лучшаго сдѣлать въ противодѣйствіе злу, какъ, заявивъ о дѣйствіи его, и объяснивъ увеличеніе богатства служилыхъ людей въ Сибири привычкою ихъ красть казну, и угнетать инородцевъ,—примириться съ такимъ положеніемъ дѣла и

([41]) О приказномъ Нерчинскомъ человѣкѣ Шульгинѣ доносили другіе служилые люди между прочимъ: «да онъ же Павелъ ималъ трехъ казачьихъ ясырей въ съѣзжую избу, а сказалъ, взяты де для государева дѣла, а тѣ ясыри ночевали въ съѣзжей избѣ, и онъ Павелъ, ночью, изъ съѣзжей избы тѣхъ ясырей ималъ къ себѣ на постелю сильно, и послѣ себя тѣхъ ясырей отдавалъ людямъ своимъ на поруганье, на блудъ». Доп. VII, 75.

([42]) А. И. III 184; IV, 139; 197. V, 4; 30; 51; 60; 61; 68; 126; 181; 212. П. С. З. III, 1518; 1523; 1530—1534; 1590; 1654. Доп. IV; 9.

указать только болѣе полезные, по его мнѣнію, способы употребленія накраденнаго и награбленнаго ихъ богатства (¹³).

—

III.

ЧЕРНЫЕ РУССКІЕ ЛЮДИ ВЪ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ.

Движеніе русскаго простонародья въ инородческія земли прежде окончательнаго закрѣпленія ихъ за Московскою властію, на сѣверѣ и въ поволжьи. Значеніе казачества въ исторіи инородцевъ. Результаты колонизаціоннаго движенія простонародья въ инородческія земли въ московскую эпоху; колонизація правительственная и вольнонародная. Состояніе колонистовъ. Отношеніе ихъ къ инородцамъ. Плоды этого отношенія.

—

Служилый классъ былъ вообще незначителенъ по своей численности сравнительно съ массою инородческаго населе-

---

(¹³) «Въ нынѣшнемъ 206 году вѣдомо намъ Великому Государю учинилось, что въ Сибирскихъ городахъ, а больше въ Якутскомъ, многіе служилые люди дѣлаютъ себѣ и женамъ своимъ и дѣтямъ портищи золотныя и серебряныя бархатныя и объяринныя и байберокорыя и изъ арбафныя съ широкими золотными и серебряными кружевы, холодныя: а иныя на собольихъ и на лисьихъ черныхъ дорогихъ мѣхахъ, чего имъ по чину носить не довелось; и знатно, что тѣ служилые люди, у которыхъ такое излишнее дорогое платье есть, дѣлаютъ не отъ праваго своего пожитку, кражею нашей Великаго Государя казны, у какихъ дѣлъ они бываютъ, или съ иноземцевъ грабежемъ тѣ богатства себѣ наживаютъ; потому что по розыскнымъ дѣламъ Ѳедора Качанова явилось, что якутскіе служилые люди, которые, въ прежніе годы накупаясь у воеводъ, были въ ясачныхъ сборщикахъ и для всякихъ нашихъ Великаго Государя дѣлъ въ волости иноземскія посланы будучи, въ тѣхъ посылкахъ ясачнымъ людямъ чинили многіе грабительства и разоренія; а пріѣхавъ въ Якутской съ тѣми воеводами сдѣлались и въ сборщики и въ посыльщики впередъ накупались, и, будучи у ясачнаго сбора, на воеводъ дѣлали шубы собольи пластинчатыя и пупчатыя и лисьи самыя добрыя и воеводамъ давали великія дачи; и того имъ чинить и такое платье носить

нія. Но послѣднему приходилось вѣдаться не съ одними священниками и монахами, воеводами, приказными и воинскими людьми, вотчинниками и помѣщиками; въ ихъ земляхъ появилось несравненно болѣе такихъ русскихъ, которые не принадлежали къ этому разряду, относясь къ людямъ черными, долженствовавшимъ давать кормъ служилымъ. Появленіе русскаго простонародья во многихъ мѣстахъ инородческаго міра предшествовало окончательному ихъ закрѣпленію подъ властію Великаго Государя. Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній о движеніи русскаго народонаселенія въ инородческія земли въ эту эпоху.

Въ земляхъ по Двинскому и Камскому бассейнамъ съ издавна селились люди русскаго происхожденія. Извѣстно, что пространство отъ Двины до Урала и даже за Уральскимъ хребтомъ до р. Оби и, можетъ быть, за Обью, считалось волостьми Великаго Новгорода; что по рѣкамъ Вяткѣ, Вычегдѣ и Сысолѣ были прочныя поселенія прежде усиленія Московскаго государства; что народопаселеніе по Вяткѣ образовало независимую республику подъ именемъ Вятки, а поселившіеся по Вычегдѣ и Сысолѣ примкнули къ владѣніямъ великаго княжества Владимірскаго и потомъ Московскаго; что, хотя въ другихъ мѣстахъ этого обширнаго края не было видно въ до-московскую эпоху поселеній русскихъ, тѣмъ не менѣе народы этихъ земель находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими, пріѣзжавшими за данью, а болѣе для торговыхъ дѣлъ (44), и эти сношенія не прекращались, не смотря на возникавшія иногда непріязненныя столкновенія пришельцевъ съ туземцами, очищая путь для прочной колонизаціи русской. Извѣстно, что въ XVI столѣтіи Строгановы утвердились при Камѣ и потому перешагнули и Камень. Здѣсь, въ этихъ сѣверовосточ-

---

не довелось; а буде у кого какимъ промысломъ правымъ нажитокъ лишній сверхъ его нужныхъ расходовъ явится, и тѣ пожитки ему довелось держать на покупку добраго себѣ ружья и панцырей и платья нужнаго, чтобы къ нашей Великаго Государя службѣ былъ всегда готовъ и къ боямъ съ непріятелемъ потребенъ, или держалъ въ домовое каменное себѣ прочное строеніе, въ которомъ бы пожитокъ его отъ случая пожарнаго былъ всегда въ цѣлости». П. С. З. III. 1598.

(44) Бѣляева. Исторія Новгорода Великаго. 39-43. Костомаровъ. Сѣверно-Русскія народоправства. I, 411—419.

ныхъ земляхъ, очевидно преобладало движеніе такихъ людей, которые расположены были каждый въ отдѣльности своими только и къ личной только пользѣ направляемыми усиліями и трудами создать себѣ благосостояніе, движеніе семейственно-вотчинное. Но это колонизаціонное движеніе, стремившееся захватить лучшія земли подъ пашни, завладѣть звѣриными и рыбными промыслами, и чрезъ то возбуждавшее непріязнь къ себѣ со стороны туземцевъ, почувствовало вскорѣ невозможность идти успѣшно безъ пособія со стороны другаго направленія колонизаціоннаго, общинно-казацкаго, которое особенно выдавалось въ юго-восточныхъ инородческихъ земляхъ. Въ лицѣ Строгановыхъ и Ермака съ товарищами оба эти направленія колонизаціи соединили свои силы. Результатъ извѣстенъ.

Поволжье, гдѣ домовитые Строгановы нашли себѣ пособниковъ въ дѣлѣ заселенія при-уральскаго края, съиздавна также посѣщалось русскими. Есть извѣстія, что еще въ начальный періодъ нашей исторіи русскіе вели дѣятельный торгъ по Волгѣ съ туземными жителями и пріѣзжавшими туда арабами ([45]) и были даже поселенія русскія кой-гдѣ по Волгѣ ([46]). Во время татарскаго владычества торговыя сношенія русскихъ съ поволжскими народами не прекращались, не смотря на неблагопріятныя для того условія ([47]). Къ этимъ сношеніямъ присоединялись походы новгородской вольницы, которая доходила даже до Астрахани ([48]). Послѣ распаденія Сарайскаго царства торговыя сношенія русскихъ съ приволжскими народами значительно оживились противъ прежняго, не смотря на небезопасность пути. Въ Казани было постоянно много русскихъ купцовъ, которые вывозили оттуда въ Россію мѣха, преимущественно бѣличьи, и бухарскія ткани, доставляя въ замѣнъ того татарамъ европейскія шерстяныя произведенія; тамъ монеты русскія находились въ большомъ обращеніи, какъ показываютъ розыскапія нумизматовъ, и надо полагать, что большая доля ихъ получалась тамъ путемъ торговыхъ сношеній русскихъ съ казанцами ([49]). Въ Астра-

([45]) Соловьевъ. Ист. Россіи. I. 278; 282.

([46]) Рычковъ. Опытъ Каз. ист. 18.

([47]) Соловьевъ. Ист. Россіи. IV, 279.

([48]) Бѣляевъ. Исторія Новгорода Великаго 109—111.

([49]) В. Савельевъ. «Русскія монеты, найденныя въ 1854 году близъ Казани» въ Зап. Арх. Общ. т. IX.

хань тоже ѣздили русскіе торговцы за солью, и въ концѣ XV столѣтія ходили караваны между этимъ городомъ и Москвою (50). Какъ велика была числешность русскаго населенія, приходившаго въ соприкосновеніе въ поволжскими народами, можно судить между прочимъ по тому, что Шигалей, посаженный Московскою властію въ 1551 году на Казанское царство, освободилъ до 60 т. русскихъ плѣнниковъ, и потомъ оказалось, что многіе еще оставались въ неволѣ. Само собою разумѣется, что въ томъ числѣ было много захваченныхъ во время войны, но несомнѣнно и то, что попало сюда много и мирныхъ гражданъ, пріѣзжавшихъ въ земли Казанскаго царства для торговли и забранныхъ въ плѣнъ казанскими властителями.— Всѣ эти сношенія русскихъ съ поволжьемъ, торговыя и разбойническія, подготовляли прочную колонизацію русскихъ въ странѣ. Несомнѣнно, прежде, чѣмъ устье Волги закрѣплено было за Московскимъ государствомъ, образовались поселенія Донскихъ казаковъ, для которыхъ одною изъ главныхъ сценъ дѣятельности было приволжье. Рано, еще въ XV столѣтіи, отсюда отдѣлилась часть людей, которая основала русскія казацкія поселенія на р. Яикѣ (51). Эти казацкія поселенія дѣйствовали на инородцевъ края съ двухъ сторонъ: своимъ демократическимъ устройствомъ и враждебными отношеніями къ инородческимъ союзамъ. Устройствомъ своего быта они привлекали въ свою среду многихъ изъ инородцевъ, подрывая тѣмъ аристократическое устройство инородческихъ общественныхъ союзовъ. Что въ волжское и яицкое казачество входилъ инородческій элементъ, это видно изъ слѣдующаго. По преданію яицкое казачество развилось и умножилось вслѣдствіе брачныхъ соединеній русскихъ поселенцевъ на Яикѣ съ женщинами татаро-монгольскаго происхожденія (52). Въ ополченіи Ермака были и татары и мещеряки (53). Царь Иванъ IV на жалобы одного ногайскаго мурзы, что русскіе казаки грабятъ его людей, отвѣчалъ, что «казаки не одни русскіе». На поле

---

(50) Костомаровъ. Очерки торговли Москов. госуд. 8—9.

(51) Топографія Оренбургская. II, 62—70.

(52) Тамъ же. II, 68.

(53) Сиб. Лѣтоп. Спасскаго. 17. Имя одного атамана—«Мещерякъ» указываетъ на мещерякское его происхожденіе.

ходятъ многіе казаки, казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и изъ нашихъ украйнъ съ ними же смѣшавшись ходятъ». Потомъ когда ханъ погайскій жаловался на казацкія грабительства, то послѣдовалъ изъ Москвы тотъ же отвѣтъ: «А гости ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ» (54). Казацкія поселенія не могли, по существу своему, быть въ добромъ согласіи съ тѣми общественными союзами, изъ которыхъ выдѣлялись казаки. Направленіе и устройство ихъ быта шло въ разрѣзъ съ началами и стремленіями, которыми держались эти союзы. Въ глазахъ Московскаго Государя, а равно хановъ и мурзъ, казаки были воры и разбойники, которыхъ слѣдовало уничтожать всячески. «А тѣ люди, писалъ Царь Иванъ IV татарскому мурзѣ про казаковъ, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати и разбойники» (55). Казаки отвѣчали на это грабежами. Казацкій грабежъ направлялся въ одинаковой степени на всѣхъ, у кого было чѣмъ поживиться, не опасаясь потерпѣть сокрушительнаго отпора. Московское государство не представляло для нихъ такихъ выгодныхъ условій, частію по отдаленности казацкихъ поселеній отъ московскихъ городовъ, а болѣе потому, что имъ не подъ силу было вести борьбу съ этимъ государствомъ. Поэтому они считали нужнымъ съ этой стороны обезопасить себя добровольнымъ подданствомъ своимъ Московскому Государю,—который понялъ, что нельзя отвергать отъ себя этой силы, и вошелъ съ казачествомъ въ соглашеніе, оставивъ неприкосновеннымъ его устройство,—и обратили свою непріязнь на инородческія общества, вожди которыхъ не въ состояніи были понять и должнымъ образомъ оцѣнить казацкій духъ. По тѣмъ даже случаямъ грабежа и убійства, совершеннымъ казаками надъ инородцами и преимущественно ногайцами, о которыхъ сохранились положительныя извѣстія, не включая сюда дѣла Ермака, можно судить, что казацкія поселенія и этимъ путемъ не мало подготовляли паденіе инородческихъ обществъ. Такимъ образомъ во многихъ инородческихъ земляхъ нечиновный людъ русскаго происхожденія далъ себя знать не безъ вліянія на

(54) Соловьевъ, Ист. Россіи VI, 421.
(55) Тамъ же 421—423.

быть инородцевъ, прежде, чѣмъ они подпали подъ власть Московскаго Государя.

Съ утвержденіемъ послѣдней въ инородческихъ земляхъ движеніе этого люда на сѣверовостокъ не только не остановилось, но получило новый къ тому толчекъ. Къ концу XVII столѣтія въ приволжьи, отъ Нижняго до Астрахани, преобладаетъ населеніе русское. Великая Пермь является совершенно русскою страною. Только Башкирія, да болотистый сѣверъ Россіи, да степи въ приволжьи сохраняютъ свой инородческій характеръ. Въ Сибири въ началѣ XVIII столѣтія было русскихъ обоего пола 229,227, включая сюда впрочемъ 21831 человѣкъ, относившихся къ служилымъ людямъ, стало быть, не многимъ менѣе туземцевъ.

Чтобы судить, какое вліяніе могло произвести русское простонародье на инородцевъ, нужно знать обстоятельства заселенія этимъ простонародьемъ инородческихъ земель и направленіе жизни его.

Движеніе его было двоякое: *правительственное* и *вольно-народное*.

Правительство постоянно заботилось о заселеніи завоеванныхъ земель. Оно возлагало на воеводъ обязанность перезывать туда, въ города и на пашни, охотниковъ, но только не тяглыхъ людей, и давать изъ казны такимъ охотникамъ подмогу и льготу на извѣстное число лѣтъ ([56]). Оно

([56]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее: когда въ 1623 году верхотурскіе воеводы обратились въ Москву съ запросомъ, какъ поступать со всякими людьми, которые приходятъ рядиться на пашни въ крестьяне, съ половниками и захребетниками, и просятъ подмоги и льготы, и представили, что на этотъ случай нѣтъ указа, то получили въ отвѣтъ: «И вы то дѣлаете не гораздо, пишите къ намъ, что у васъ о подмогѣ и объ льготѣ пашеннымъ крестьянамъ указу нѣтъ, и то дѣлается вашимъ нерадѣньемъ: мы то пашенное дѣло возложили на васъ, а по нашему указу велѣно вамъ пашенныхъ крестьянъ называти на нашу пашню, изъ подмоги и на льготу, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе; и вы бы, хотя и сами того недогадались, почему новымъ пашеннымъ крестьянамъ нашего жалованья, подмоги, денегъ и хлѣба, и на колько лѣтъ льготы, давати, и на Верхотурьѣ вы не первые воеводы; преже васъ были на Верхотурьѣ многіе воеводы, и пашня на Верхотурьѣ заведена давняя, и крестьянамъ подмога и льгота давана и въ прошлыхъ годахъ, а

вызывало ямскихъ охотниковъ, предлагая имъ льготу между прочимъ въ платежѣ кабальныхъ и безкабальныхъ долговъ ([57]); вызывало плотниковъ, умѣвшихъ строить суда ([58]); позволяло торговцамъ и промышленникамъ торговать и промышлять въ инородческихъ земляхъ съ обязанностію платить десятину и не продавать иноземцамъ запретныхъ товаровъ ([59]). Наконецъ оно туда переселяло преступниковъ ([60]). Содѣйствуя такимъ образомъ заселенію инородческихъ земель, правительство, очевидно, руководилось фискальными расчетами и административными соображеніями. Пашенные крестьяне нужны ему были тамъ за тѣмъ, чтобы съ большимъ удобствомъ выплачивать служилымъ людямъ хлѣбное жалованье; ямскія слободы, — чтобы возить казну и служилыхъ людей; старалось объ образованіи класса посадскихъ, потому, что при тогдашней фискальной системѣ нельзя было обойтись безъ нихъ, и что, кромѣ того, съ нихъ шелъ не малый доходъ въ казну; наконецъ преступниковъ переселяло туда по естественному желанію освободить себя и общество отъ нихъ этимъ путемъ и можетъ быть, въ надеждѣ, что перемѣна мѣстожительства послужитъ къ ихъ исправленію. Трудно рѣшить, па сколько правительственное вліяніе положило участія въ произведеніи того результата колонизаціи, который намѣченъ выше; въ особенности не можемъ опредѣлить, сколько изъ массы русскаго простонародья, явившагося въ приволжьи и въ приуральи перешло туда съ вѣдѣнія и подъ руководствомъ правительства и сколько вслѣдствіе вольнаго передвиженія. Но принявъ въ соображеніе, что правительство допускало къ переселенію только гулящихъ людей, не распространяя этого права на людей тяглыхъ, или, если распро-

---

книги тому пашенному заводу есть и примѣриться вамъ есть къ чему, а пересылаться вамъ о томъ къ намъ къ Москвѣ далеко; и то значитъ, что дѣлается о нашей пашнѣ вашимъ нерадѣньемъ, хотя бы и примѣриться было не къ чему, ино мочно, смотря по тамошнему дѣлу, узнать, какъ бы нашему дѣлу было прибыльнѣе». А. И. III, 121. См. также. Доп. III, 1; 7; 29.

([57]) А. И. II, 35.

([58]) А. И. II, 40; 42.

([59]) А. И. II, 29. 30.

([60]) А. И. II, 205.

страняя, то въ крайнихъ случаяхъ, что помогая переселенію гулящихъ, оно расчитывало посадить ихъ также на тягло, отъ котораго всякій хотѣлъ избавиться, можно думать, что правительственное вліяніе въ дѣлѣ колонизаціи было незначительно. Есть положительныя извѣстія, что правительственная колонизація не всегда удавалась. Такъ когда нужно было прибрать на пашни въ Верхотурскомъ уѣздѣ новыхъ крестьянъ, то въ теченіе времени отъ 1624 до 1631 года тамошнее начальство успѣло найти только 217 человѣкъ, «и тѣ всѣ во крестьяне посажены были *сильно*», не смотря на трехлѣтнюю льготу, подмогу въ полтора рубля и ссуду по три рубля на человѣка, и оказалось, что «всѣ тѣ новоприборные крестьяне бѣдны и безсемейны и пашеннымъ заводомъ незаводны» и денегъ ссудныхъ не платили; когда правительство вздумало изъ старыхъ верхотурскихъ крестьянъ сто человѣкъ переселить въ Томскъ, то многіе изъ нихъ разбѣжались ([61]), чему впрочемъ немало способствовала принятая система собиранія съ крестьянъ выдѣльнаго хлѣба ([62]). Къ этому еще нужно прибавить и то, что добрые тяглые люди отдалялись иногда отъ тѣхъ, кого переселяло къ нимъ въ сосѣдство правительство. Такъ они никакъ не хотѣли отдавать замужъ своихъ дочерей и племянницъ за ссыльныхъ, которыхъ правительство желало видѣть женатыми, надѣясь чрезъ то «ихъ отъ побѣгу унять и укрѣпить,—не смотря на пеню въ 5 рублей, которую должны были нести крестьяне, когда отдавали своихъ дочерей и племянницъ за нессыльныхъ ([63]).

О вольно-народной колонизаціи инородческихъ земель имѣемъ больше извѣстій. Хотя они относятся почти исключительно къ исторіи заселенія Сибири, тѣмъ не менѣе на основаніи ихъ можно судить о характерѣ этой колонизаціи на-

---

([61]) А. И. III, 172.

([62]) Эта система состояла въ слѣдующемъ: лѣтомъ начальство посылало въ деревни выдѣльщика, до прибытія котораго крестьяне не смѣли свозить хлѣбъ съ поля. А тамъ какъ деревни отстояли одна отъ другой верстъ на 50, 100 и 150, а выдѣльщики потому не успѣвали объѣхать всѣ эти деревни въ нужное время, то хлѣбъ у крестьянъ пропадалъ, «оставаясь въ полѣ до заморозовъ, отъ дожжей погнивалъ и обивался птицею». Положено было за разъ посылать многихъ выдѣльщиковъ въ разныя деревни. А. И. III, 192.

([63]) А. И. IV, 27.

всемъ сѣверовостокѣ. Извѣстно, что начало заселенія Западной Сибири положено было завоевателями ея казаками, которые пошли туда по своей волѣ, безъ всякаго вліянія на то государственной власти и даже вопреки ея видамъ. Въ дальнѣйшемъ завоеваніи сибирскихъ странъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ дальнѣйшей ихъ колонизаціи вольные люди составляли передовые отряды, за которыми шла потомъ уже правительственная сила. Къ этой горсти смѣлыхъ людей постоянно, вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ, присоединяются новыя группы переселявшихся туда по своей волѣ и большею частію вопреки намѣреніямъ правительства. Въ Сибирь шли не только гулящіе люди, движенія которыхъ оно не стѣсняло, но и такіе, которыхъ оно вовсе не желало туда пускать. Въ 1629 году вятскій воевода доносилъ въ Москву, что «съ Вятки, изъ Слободскаго и изъ Шестакова города многіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне съ женами и съ дѣтьми, выбѣжавъ, живутъ нынѣ въ Перми на посадѣ и въ Пермскомъ уѣздѣ, и на то смотря послѣдніе посадскіе люди и уѣздные крестьяне бѣжатъ врозпь, и податей платить стало некому» ([64]). Въ тотемскихъ волостяхъ одновременно случилось тоже, и, когда въ 1633 году сдѣланъ былъ тамъ допросъ, отъ чего крестьяне разбѣжались, отвѣтъ былъ такой: «разошлись крестьяне отъ многихъ податей и отъ всякихъ немѣрныхъ правежей, отъ солдатскихъ, отъ запасныхъ денегъ, отъ ямскихъ отпусковъ, отъ судовыя немѣрныя кортомы, отъ тяжолаго вытнаго и сошнаго письма» ([65]). Въ 1634—1635 годахъ сбѣжали съ Москвы новоприборные стрѣльцы, которые взяты были къ Москвѣ изъ городовъ, — въ Пермь Великую и въ Чердынь, взявъ предъ тѣмъ жалованье хлѣбное и денежное, и Пермичи волостные люди не выдавали ихъ сотникамъ, которыхъ послали изъ Москвы для сыску бѣжавшихъ, царскаго указу не послушались, учинились сильны, тѣхъ бѣглыхъ стрѣльцовъ сыскивать не давали ([66]). Въ слѣдующемъ за тѣмъ году «вѣдомо государю учинилось, что въ прошлые года съ Руси изъ поморскихъ городовъ, съ Устюга Великаго, отъ Соли Вычегодской, изъ Перми Великой,

---

([64]) А. И. II. 160.

([65]) Соловьевъ. Ист. Россіи. I, 428.

([66]) А. И. III, 188.

съ Вятки, съ Кевроли, съ Мезени и изъ иныхъ русскихъ городовъ съ посадовъ и изъ уѣздовъ сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне, съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ, отъ хлѣбнаго недороду и отъ бѣдности, съ женами и съ дѣтьми; а въ сибирскихъ городахъ и въ уѣздахъ тѣ прохожіе люди учали жить въ архіепископскихъ слободахъ и за монастырями въ закладчикахъ, и за дѣтьми боярскими и за подъячими и за всякими служилыми людьми, на пашняхъ, во крестьянахъ и половникахъ; а иные живутъ на посадахъ и въ уѣздахъ межъ посадскими людьми и у пашенныхъ крестьянъ и ямскихъ охотниковъ, и денежнаго и хлѣбнаго оброку не платятъ; а прежніе воеводы, о томъ не радѣя, такихъ прохожихъ людей не выискивали, въ посадскіе люди и въ пашенные и въ оброчные крестьяне не строили, и ихъ укрывали, а иные имали у нихъ отъ того посулы» (67); и правительство велѣло посадить ихъ на тягло, на пашни за государемъ въ слободы или въ посадскіе. Когда оно захотѣло положить предѣлы такому переселенію, настроило заставъ и запретило приставамъ пропускать въ Сибирь безъ проѣзжихъ грамотъ, то многіе, желавшіе переселенія, вошли въ сношенія съ прежде ушедшими въ Сибирь; тѣ привозили имъ на Русь изъ сибирскихъ городовъ отъ воеводъ и отъ стрѣлецкихъ и казачьихъ головъ «проѣзжія по отцовъ своихъ и по братей и по сродничевъ, и по тѣмъ проѣзжимъ изъ Устюжскаго и изъ Усольскаго уѣздовъ пахотные многіе крестьяне, покиня свои деревенскіе жеребьи впустѣ, выѣхали Сибирскихъ городовъ въ уѣзды и нынѣ (1670 г.) ѣдутъ; и учинилась въ Устюжскомъ и въ Усольскомъ уѣздахъ великая пустота и съ тѣхъ ихъ пустыхъ жеребьевъ четвертныхъ денежныхъ доходовъ и хлѣбныхъ запасовъ взять не на комъ». А съ Верхотурья воеводы доносили въ Москву, что «въ одинъ годъ (1670), въ разные мѣсяцы и числа проѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ разныхъ городовъ, съ Тотьмы, съ Устюга Великаго, съ Ваги, съ Мезени и отъ Соли Вычегодской и съ Яренскаго городка, съ Сысолы и съ Кайгородка по Тобольскимъ и Тюменскимъ проѣзжимъ грамотамъ 2051 человѣкъ (68). Послѣ того,

(67) Доп. III, 14.
(68) Доп. VI, 19.

какъ дѣло, затѣянное бездомовными, бѣдными и воровскими людьми, подъ начальствомъ Разина, не удалось, и имъ приходилось расчитываться за недолговременное торжество надъ боярами и домовитыми людьми, когда «взятые воры были пытаны, казнены многіе и перевѣшаны и четвертованы», и когда другихъ, уцѣлѣвшихъ еще, ожидала таже участь,—то многіе изъ нихъ, по предположенію тогдашняго правительства должны были бѣжать въ сибирскіе города (69). Такимъ образомъ и изъ понизовыхъ городовъ русское населеніе двигается на сѣверъ, въ другія инородческія земли; между тѣмъ переселеніе изъ Поморскихъ городовъ не прекращается, не смотря на заставы, подѣланныя по дорогамъ. Въ 1683 году верхотурскіе воеводы писали въ Москву: «въ прошлыхъ въ 188 и въ 189 и 190 годахъ, мимо Верхотурья и Верхотурскаго и Тобольскаго уѣздовъ, чрезъ слободы, изъ русскихъ поморскихъ городовъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми шло многое число; и въ нынѣшнемъ 191 году, изъ Поморскихъ городовъ, мимо Верхотурья и Верхотурскаго уѣзда, черезъ слободы, идутъ крестьяне многое жъ число» (70). «И нынѣ, — значится въ царской грамотѣ на Верхотурье отъ 1687 года,— намъ Великимъ Государемъ вѣдомо учинилось, что изъ Поморскихъ городовъ бѣгутъ всякихъ чиновъ жители и уѣздные пашенные крестьяне въ разные Сибирскіе города» (71). Преслѣдованіе раскола дало отдаленнымъ инородческимъ землямъ также не мало новыхъ переселенцевъ (72). Произвольное передвиженіе черныхъ людей не останавливалось, не находило предѣла и въ Сибири: тамъ бѣгали изъ одного мѣста въ другое, при чемъ въ бѣганьи принимали участіе и служилые казаки; въ 1655 году казацкій атаманъ Сорокинъ съ своей ватагой пошелъ въ Даурію, и по его слѣдамъ двинулся туда черный сибирскій народъ (73). Изъ Сибири бѣгали назадъ въ Россію; въ 1669 году воеводы многихъ сибирскихъ городовъ писали на Верхотурье: «изъ Сибирскихъ городовъ бѣгаютъ ссыльные опальные иноземцы

---

(69) А. И. IV, 218.
(70) А. И. V. 108; 113.
(71) А. И. V, 159.
(72) А. И. V, 101.
(73) Доп. IV, 10, 33, 35.

и, заворовавъ, служилые люди, и изъ воеводскихъ и иныхъ чиновъ изъ городовъ люди, и повоприборные пашенные и оброчные крестьяне, взявъ жалованье, ссудныя и подможныя деньги и хлѣбъ, и проходятъ такіе всякіе бѣглые люди изъ Сибири въ русскіе города» (74).

Изъ представленныхъ свидѣтельствъ видно, что русское простонародье въ инородческихъ земляхъ въ московскій періодъ не получило еще прочной осѣдлости. Люди этого разряда передвигаются съ мѣста на мѣсто, изъ одной области въ другую. Отсюда, инородцы не могли найти въ этихъ переселенцахъ областно-земскую силу, готовую и способную отстаивать интересы области противъ чьихъ либо нападеній, не могли въ нихъ видѣть гражданъ, отъ которыхъ можно бы было поучиться трудолюбію, гражданской стойкости. Однакожъ изъ этого нельзя заключать, чтобы русское простонародье нисколько не коснулось своимъ вліяніемъ инородцевъ, чтобы не оставило въ жизни послѣднихъ тѣхъ или другихъ слѣдовъ. Каждый отдѣлъ этого великаго разряда русскихъ людей отнесся такъ или иначе къ кореннымъ жителямъ сѣверовостока Россіи. Нужда, матеріальная и умственная несостоятельность, двигавшая русское простонародье изъ страны въ страну, и погоня за нимъ людей, которые хотѣли брать съ него кормъ, разбили эту цѣльную массу на не одинаковыя въ экономическомъ и общественномъ отношеніи части. Небольшая только часть людей этого разряда удержала свое казацкое устройство. Такъ было на Дону и Яикѣ. Другіе черные люди должны были идти или въ служилые люди, или въ тяглые, или не выпося ни того ни другаго положенія, бѣгать, увеличивая тѣмъ число людей гуляющихъ. Мы видѣли значеніе казачества въ жизни инородцевъ въ эпоху жизни ихъ до московскаго владычества. Это значеніе казаки не утрачиваютъ и въ московскую эпоху. Калмыки и ногаи не разъ жаловались въ Москву на грабительства казацкія. Ногаи въ царствованіе Михаила Ѳедоровича утверждали, что казаки донскіе приходятъ къ нимъ, на ихъ улусы, берутъ жепъ и дѣтей, лошадей и животину (75). Калмыцкій ханъ Аюка тоже въ 1678 году ставилъ на видъ Московскому

(74) Доп. V, 95.

(75) Соловьевъ. Истор. Россіи. IX, 279.

правительству, что донскіе и яицкіе казаки многихъ людей калмыцкихъ побили, женъ и дѣтей поимали, чего впрочемъ не отрицали и сами казаки (76). Что касается до казаковъ служилыхъ, то объ отношеніи ихъ къ инородцамъ было выше сказано. Тяглые люди въ инородческихъ земляхъ представляются съ такими же чертами, какія характеризуютъ этотъ разрядъ простонародья и въ собственной Московіи. Самоуправленіе безъ силы, никнувшее предъ требовательностію правительства и произволомъ чиновныхъ людей, господство міроѣдовъ, экономическая несостоятельность большинства, умственный застой и грубость нравовъ—всѣ эти черты явственно замѣтны въ жизни тѣхъ крестьянъ и посадскихъ, которые поселились въ инородческихъ земляхъ. Изъ среды ихъ однакожъ нѣкоторые успѣли, пользуясь обстоятельствами, выдвинуться впередъ. Нѣкоторыя фамиліи промышленниковъ, какъ напримѣръ Строгановы, Гурьевы, составили себѣ огромныя состоянія въ инородческихъ земляхъ и имѣли возможность даже выручать правительство въ стѣснепныхъ обстоятельствахъ (77), и, благодаря привиллегіямъ, которыя правительство щедрою рукою раздавало такимъ богачамъ, могли не только поддерживать свое богатство, но и увеличивать. Другіе наживались на мѣстахъ цѣловальниковъ, или тѣмъ, что стакнувшись съ воеводами (78), при помощи ихъ дѣлались монополистами, убивая торговую дѣятельность менѣе состоятельныхъ, молодчихъ людей. Такъ въ 1604 году поступила на царское имя такая жалоба: «торгуетъ на Верхотурьѣ верхотурскій жилецъ, торговый человѣкъ Васька Лучанинъ, всякими товарами, соболями и лисицами и бобрами и всякимъ мягкимъ товаромъ, и сукнами и всякими мелкими товарами и мѣняетъ соболи и лисицы на всякой мягкой товаръ, на сукна и однорядки и на всякіе товары съ Вогуличами, и у кого свѣдаетъ какой товаръ, и онъ перекупаетъ, а молодчимъ людямъ товару никакого купить не дастъ, самъ на которомъ товарѣ дастъ рубля два или три, а возметъ рублевъ восемь или десять, а десятинной пошлины въ казну не платитъ» (79). Въ 1622 году верхотурскіе воеводы

(76) Тамъ же XIII, 298.
(77) А. А. Э. III, 4; 79. 81.-П. С. З. II, 782.—Доп. VI, 67.
(78) А. И. II, 94; 97.
(79) А. И. II, 45.

получили изъ Москвы грамоту, въ которой между прочимъ написано: «Вѣдомо намъ учинилось, что ѣздятъ изъ поморскихъ городовъ въ Сибирь торговые и промышленные люди и закупаютъ многіе хлѣбные запасы въ отвозъ, на продажу въ Мангазею и тѣмъ богатѣютъ, и отъ того въ сибирскихъ городахъ хлѣбъ живетъ дорогъ» ([80]). Наконецъ большая часть изъ разбогатѣвшихъ въ Сибири обязаны своимъ богатствомъ торговлѣ съ инородцами запретными товарами, оружіемъ, виномъ, табакомъ, которые продавали имъ дорогою цѣною ([81]), скупая у нихъ пушной товаръ прежде уплаты ими ясака ([82]) и продавая потомъ его помимо казны безъ платежа десятой пошлины ([83]). Экономическое неравенство, порожденное этими обстоятельствами, при умственной и нравственной неразвитости народа, при недобросовѣстности воеводъ, повлекло за собою и общественное разъединеніе въ посадскихъ и сельскихъ общинахъ, дало перевѣсъ богатымъ, добрымъ надъ бѣдными, молодчими, перевѣсъ, выразившійся въ томъ что первые забрали всѣ общественныя дѣла въ свои руки и направляли ихъ согласно своимъ выгодамъ, что влекло за собою еще большее обѣдненіе большинства ([84]). Отсюда совершенное разслабленіе общинъ: въ то время какъ богатые спѣшили запастись привиллегіями и выдти изъ разряда тяглыхъ, бѣдные искали защиты и спасенія отъ нищеты и произвола въ закладничествѣ за частными людьми ([85]). А такъ какъ и это не спасало отъ общественной и экономической зависимости и такъ какъ правительство преслѣдовало закладничество,—то въ побѣгахъ и разбойничествѣ. Такимъ образомъ изъ тяглаго русскаго народонаселенія въ инородческихъ земляхъ, какъ и повсюду въ Московскомъ государствѣ, образовались три отдѣла: добрыхъ людей или что тоже сравнительно богатыхъ, находившихся въ экономической и общественной зависимости, и, наконецъ, спасающихся отъ нея посредствомъ шатанья и насильственнаго присвоенія чужой собственности. Къ перво-

([80]) А. И. III, 107.
([81]) А. И. III 88. А. А. Э. III, 124.
([82]) Фишеръ. Сибирская ист. 228.
([83]) Доп. VIII, 21.
([84]) А. А. Э. IV, 6.
([85]) Доп. III, 14.

му отдѣлу принадлежало меньшинство, и наибольшая его доля приходилась на промышленныхъ людей Сибири, такъ какъ тамъ болѣе средствъ къ обогащенію; второй отдѣлъ особенно развился въ приволжскихъ и въ прикамскихъ земляхъ. Закладничество не могло быть сильно въ Сибири,—хотя и тамъ это направленіе проявлялось не рѣдко,—частію вслѣдствіе сопротивленія тому со стороны государственной власти, а частію, если не больше, въ силу особыхъ условій страны, дававшихъ возможность закладчику бѣжать отъ господина и личною изворотливостію добыть себѣ состояніе и независимое положеніе. Въ этомъ, кажется, слѣдуетъ искать причины того, что большинство бѣглецовъ направлялось въ Сибирь. Не въ одинаковой степени заселены были инородческія земли тяглыми людьми. Въ земляхъ по сю сторону Камня преимущественно заселены были Волга до Саратова и Кама до Чердыни и ихъ притоки. Башкирія и степи волжскія не находили охотниковъ селиться здѣсь. За Ураломъ тяглое народонаселеніе жмется болѣе къ южнымъ частямъ Сибири. Сѣверныя части какъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, по неудобству ихъ къ хлѣбопашеству, посвящались только промышленниками да служилыми людьми. Разбойничество было, какъ извѣстно, повсемѣстнымъ въ Московской Россіи. Но поволжье пріобрѣло въ этомъ отношеніи преимущественную извѣстность. Такое направленіе жизни русскаго простонародья, явившагося въ инородческихъ земляхъ, прежде всего подѣйствовало на матеріальный бытъ инородцевъ. Одни явились съ требованіемъ у нихъ земли, другіе хотѣли жить на счетъ ихъ труда. Земледѣльческій классъ если бы былъ поставленъ въ благопріятныя условія, конечно содѣйствовалъ улучшенію матеріальнаго благосостоянія инородцевъ, изъ которыхъ только поволжскіе жители могли дорожить землею и съ выдѣломъ части ея русскимъ поселенцамъ, дѣйствительно терпѣли нѣкоторыя потери; остальные не могли видѣть для себя утраты въ томъ, что на ихъ земляхъ селились русскіе земледѣльцы, по той причинѣ, что земли было чрезвычайно много; но выше замѣчено, что условія для земледѣльца были неблагопріятны. Поэтому въ средѣ тяглаго русскаго населенія и явилось такое направленіе, по которому русскій или бѣгалъ съ земли на землю, или же старался воспользоваться трудомъ другихъ. Это послѣднее не могло служить къ выгодѣ инородцевъ. Не говоря о разбойникахъ, которые не давали спуску инко-

ду, у кого какая была собственность и которые конечно грабили и инородцевъ, люди промышленные и торговые наносили имъ не меньшій ущербъ ихъ хозяйству ([86]). Со стороны промышленниковъ ясачные ничего не встрѣчали другаго, кромѣ эксплоатаціи ихъ труда. За нехитрые предметы русской производительности, которые шли къ нимъ чрезъ руки промышленниковъ, они платили чрезвычайно дорого. Мѣдный или желѣзный котелъ доставался самоѣдамъ или якутамъ послѣ того только, какъ наполняли его до верху лучшими соболями или чернобурыми лисицами, которыя шли въ собственность промышленника, а отнюдь не самаго производителя, продававшаго свое издѣліе достаточному человѣку или стремившемуся быть такимъ по неизмѣримо низшей цѣнѣ ([87]). Хотѣвшіе обогатиться на счетъ инородца входили въ соглашеніе съ служилыми людьми, за извѣстный посулъ получали возможность продавать инородцамъ запретные товары и такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣлались монополистами, то налагали на эти товары какую хотѣли цѣну. Вино и табакъ, до которыхъ ясачные большіе охотники, доставались имъ цѣною совершеннаго разоренія. Кастренъ, наблюдая жизнь современныхъ ему остяковъ, замѣчаетъ, что промышленники русскіе разоряли ихъ тѣмъ, что, пріохотивъ ихъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши, ввели систему кредита, отдавали эти произведенія въ долгъ, назначая произвольныя цѣны. «Оттого долги остяковъ сдѣлались неоплатными и, надо полагать, что они съ каждымъ годомъ будутъ увеличиваться, потому что увеличивается число потребностей, тогда какъ усердіе и прилежаніе замѣтно слабѣютъ. Не будучи въ состояніи тотъ часъ заплатить за товаръ, потому что у него есть старые долги, остякъ по неволѣ обязывается доставать купцу рыбу на будущій годъ. Такимъ образомъ онъ совершенно въ его рукахъ: купецъ назначаетъ и товарамъ остяка и своимъ такую цѣну, какую ему заблагоразсудится» ([88]). Эта система обиранія инородцевъ русскими добрыми людьми была въ ходу и въ московскую эпоху. Такъ чердынскіе ясачные люди между прочими объясненіями, почему они не могутъ заплатить ясаку, въ 1681 году, выставили и то, что они задолжали русскимъ

([86]) Костомаровъ. Ист. моногр. II, 233—236.

([87]) Фишеръ Сиб. Ист. 359.

([88]) Этнографич. Сборн. IV. 316.

людямъ и сибирскимъ вогуличамъ неоплатными великими долгами (89). Другіе, для своего прибытку, употребляли просто насиліе, какъ показываетъ жалоба Вагуличей чусовскихъ, вышеприведенная (90), и при случаѣ не дорого цѣнили и жизнь инородцевъ (91), отнимали у нихъ мѣста, на которыхъ тѣ издавна промышляли вопреки указамъ (92). Само собою разумѣется, что сильные русскіе изъ черныхъ людей могли такимъ образомъ относиться только къ слабымъ и въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи инородцамъ, преимущественно сибирскимъ. Татары и другіе инородцы, входившіе въ составъ Казанскаго царства не всегда могли быть обманываемы русскими. Въ средѣ нихъ самихъ еще до русскаго господства было развито тоже направленіе, т. е., стремленіе усилиться на счетъ слабаго. Вліяніе русскаго простонародья выразилось здѣсь въ томъ, что это направленіе жизни здѣшнихъ инородцевъ только рѣзче; и о всѣхъ инородцахъ нужно замѣтить, что положеніе русскаго простонародья и условливаемое имъ направленіе жизни сообщались инородческой массѣ всюду, гдѣ только она соприкасалась съ русскимъ населеніемъ. Одно и тоже общественно-экономическое положеніе повело жизнь тяглыхъ какъ русскаго, такъ и инородческаго происхожденія къ одинаковымъ направленіямъ. Русскіе тяглые люди не сидятъ на одномъ мѣстѣ, передвигаются, вслѣдствіе не желанія платить большіе оброки, вслѣдствіе тяготы надъ ними людей сильныхъ. Тоже видимъ и между инородцами. Черемиса, мордва и татары также усердно бѣгаютъ, какъ и русскіе тяглые люди (93). Вогуличи пермскіе перешли въ Сибирь; многія тунгузскія семьи, изъ окружностей Олекмы и Амура, ушли на сѣверъ на Колыму, составили тамъ особое поколѣніе, позабывъ природный свой языкъ и усвоивъ югакирскій и ламутскій; югакирское многочисленное племя, исчезло вскорѣ по прибытіи къ нимъ русскихъ, по одному преданію вслѣдствіе удаленія на острова, по другому, отъ оспы и венерической болѣзни (94). Буряты нѣсколько разъ бѣгали къ монголамъ. Дауры совсѣмъ ушли.—У русскихъ

(89) Доп. VIII, 3.
(90) А. И, III, 112.
(91) Доп. III, 52.
(92) Доп. VIII, 3. 51. 71.
(93) Доп. IV, 20. 442).
(94) Сиб. Вѣсти. 1821 г. Наблюденія Кибера.

тяглыхъ людей является стремленіе освободиться отъ тяжести положенія, кромѣ бѣгапья, закладничествомъ за частныхъ лицъ, усиленіемъ на счетъ слабѣйшихъ, выходомъ изъ разряда тяглыхъ посредствомъ полученія привиллегій, поступленія въ служилые; тоже замѣчается и у инозсмцевъ, особенно, разумѣется, тѣхъ, которые приходили въ ближайшее соприкосновеніе съ русскими. Сибирскіе татары закладываются за частныхъ лицъ и за монастыри. Вездѣ видимъ лучшихъ людей, успѣвшихъ возвыситься надъ своею братьею; сильные изъ инозсмцевъ тѣснятъ слабыхъ своихъ сосѣдей. Самоѣды и до сихъ поръ обвиняютъ чужихъ колонистовъ, а также и зырянъ въ томъ, что, вслѣдствіе сознательныхъ притѣсненій ихъ, они доведены до настоящаго жалкаго положенія (95). Башкирцы одинъ за другимъ хлопочутъ пріобрѣсти тарханство. А вслѣдствіе всего этого рядомъ съ интересами племени, вѣры становятся въ инородческомъ мірѣ съ стремленіемъ къ рѣшительному преобладанію интересы личные, рядомъ съ старинными дѣленіями на роды, племена выступаетъ дѣленіе на лучшихъ и молодчихъ людей, основывающееся на степени силы и богатства и не хотящее знать, кто на какомъ языкѣ говоритъ, какой держится вѣры. Отсюда люди бѣдные жмутся къ массѣ такихъ же людей русскаго пропсхожденія, и тѣ въ свою очередь не отворачиваютъ отъ нихъ своего лица; люди лучшіе и сильные держатся домовитыхъ русскихъ. Это сказалось особенно во время смутъ, которыми полно было поволжье въ теченіе XVII вѣка; это были не племенныя распри, боролся не русскій съ татариномъ или черемисининомъ, но каждая сторона заключала въ себѣ и русскихъ и инородцевъ; послѣдніе шли, смотря по тому, какого положенія кто былъ, и въ воровскую сторону, и на ту, которою заправляла Москва; это выразилось во взаимномъ обмѣнѣ инородцами и русскими этнографическихъ чертъ, въ сліяніи въ одну народность (96). Конечно этотъ результатъ сказался въ позд-

---

(95) Этнограф. Сбор. IV. 299.

(96) О жителяхъ инородцахъ по нижнему Колыму—якутахъ и юкагирахъ Киберъ пишетъ: «Надобно замѣтить, что здѣшніе Якуты и Юкагиры сходны во всемъ, въ одѣяніи, правахъ, вѣроисповѣданіи, даже языкѣ съ жителями тѣхъ мѣстъ, кои находятся въ прочей части Сѣверной Сибири, какъ то: съ казаками, мѣщанами и крестьянами. Отличительная монгольская физіогномія Якутовъ совер-

нѣйшее уже время, но несомнѣнно то, что начало ему положено въ московскую эпоху. И въ эту пору замѣчается въ жизни тяглаго населенія сѣверовостока Россіи, какъ русскаго такъ инородческаго происхожденія, готовность къ усвоенію другъ отъ друга обычаевъ, правовъ. Великая Пермь представляетъ въ этомъ отношеніи разительный примѣръ. Новая Россія нашла ничтожные остатки людей, говорившихъ не русскимъ языкомъ; выше приведено было донесеніе верхотурскаго воеводы, въ которомъ правитель обвинялъ ясачныхъ людей Верхотурскаго уѣзда въ томъ, что они навыкли рускому обычаю, т. е., считаютъ удобнѣйшимъ для себя заработокъ свой проигрывать въ зернь, драться во время игры, неслушаться сотниковъ и десятниковъ. Русскіе въ свою очередь также не уклоняются отъ обычаевъ инородцевъ. Мы видѣли, что казанскій митрополитъ Гермогенъ обвинялъ между прочимъ русскихъ, что многіе изъ нихъ совращаются въ магометанство. Патріархъ Филаретъ говоритъ объ уклоненіи сибирскихъ русскихъ людей къ поганскимъ обычаямъ, удостовѣряя, что многіе русскіе люди вмѣстѣ съ иноземцами, которые крещены въ православную вѣру, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не храпятъ, что иные живутъ съ татарками некрещеными, какъ съ своими женами, и дѣтей съ

шенно исчезла, и они ни въ чемъ не походятъ на своихъ соотечественниковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Среднеколымска. Они совершенно забыли свой языкъ и говорятъ по русски: не живутъ въ землянкахъ, а по примѣру русскихъ. Шамановъ, жрецовъ или такъ называемыхъ колдуновъ у нихъ уже давно нѣтъ. Тоже самое находится и у Юкагировъ; хотя ихъ языкъ существуетъ еще, но они говорятъ по русски также хорошо, какъ на своемъ отечественномъ». Сиб. Вѣстн. 1823 г.—Замѣчанія, учиненныя въ Нижнеколымскѣ въ 1821 году.—Про крестьянъ русскихъ, поселившихся въ Нерчинскомъ округѣ, разсказываютъ: «Многіе изъ нихъ приняли видъ дикой, отмѣчающій древнихъ Монголовъ-завоевателей, и при первомъ взглядѣ внушающій боязнь и недовѣрчивость. Они обыкновенно средняго роста, сухощавы, съ темными и даже съ черными волосами; иногда широколицы съ небольшими впалыми глазами. Нѣкоторые имѣютъ подобно Монголамъ наклонность къ пьянству, ту же безпечность въ хозяйствѣ, привязанность къ цвѣтнымъ, блестящимъ одеждамъ, къ звѣриному промыслу и отважность къ верховой ѣздѣ.... Утонченность въ обращеніи ихъ, въ сравненіи съ крестьянами Европейской Россіи весьма разительна: никогда при первомъ началѣ не обнаруживаютъ своихъ намѣреній, но приближаясь издалека, постепенно и тѣмъ успѣшнѣе достигаютъ цѣли».—Тамъ же.

съ ними приживаютъ. Само собою разумѣется что этнографическія черты русскаго простонародья, какъ болѣе сильнаго и по численности и по развитію, должны были брать перевѣсъ надъ инородческими. Это показываютъ впрочемъ болѣе результаты сближенія русскихъ и инородцевъ, замѣченные въ позднѣйшее время, чѣмъ положительныя извѣстія. Масса русскаго народа, а равно иноземская не любили говорить о своихъ дѣлахъ, а также и о томъ, какъ, сойдясь лицомъ къ лицу онѣ жили одна подлѣ другой. Только, когда больно ужъ тяжело приходилось имъ, только тогда выставлялся впередъ образъ мужика русскаго и иноземскаго; да и тогда онъ мало говорилъ, и о дѣлахъ его сообщили потомкамъ тѣ, которыхъ озабочивали эти мужицкія дѣла.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.

Предисловіе. . . . . .

А. ОБЗОРЪ ЖИЗНИ ИНОРОДЦЕВЪ ПРЕДЪ ВРЕМЕНЕМЪ ВСТУПЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ СОСТАВЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

I. Инородцы въ Поволжьи и общественные союзы, ими здѣсь образованные. Казанское царство: границы и племенной составъ его; значеніе булгаро-магометанской цивилизаціи въ исторіи общественнаго развитія края; положеніе его въ эпоху господства хановъ сарайскихъ; аристократическій строй Казанскаго царства; положеніе племенныхъ князей въ царствѣ; вліяніе казанской аристократіи на экономическій бытъ и на духовное развитіе народа.—Ногайскія орды и Астраханское царство: общественныя отношенія въ нихъ, степень умственнаго развитія и образъ жизни народа. Калмыки: племенное раздѣленіе ихъ; соціальныя отношенія; степень умственнаго развитія . . . . . 5—26.

II. Инородцы на Сѣверѣ Европейской Россіи и въ Западной Сибири. Великая Пермь и Югорская земля. Характеръ свѣдѣній о народахъ сибирскихъ до XVII вѣка, обращавшихся въ Россіи. Значеніе отписокъ служилыхъ людей для внутренней исторіи инородцевъ въ до-московскую эпоху. Самоѣды, происхожденіе ихъ, матеріальная и умственная жизнь ихъ и общественное устройство.

Стр.

Остяки. Сибирское царство; племенной составъ его, общественный строй; непрочность его. Киргизъ-Кайсаки; отличіе ихъ отъ киргизовъ; происхожденіе, общественное устройство. О народахъ между Верхнею Обью и Верхнимъ Енисеемъ вообще, и о Телеутахъ и Киргизахъ въ особенности. Государство Алтынъ-хана и Монголы по донесеніямъ русскихъ посланцевъ въ первой четверти XVII столѣтія . . . 26—50.

III. Инородцы по ту сторону Енисея. Географическое размѣщеніе ихъ. Образъ жизни ихъ по отпискамъ служилыхъ людей XVII столѣтія. Общественное устройство.—Замѣчанія о положеніи женщины у инородцевъ сѣверо-восточной Россіи вообще. 50—59.

—

Б. ПОЛОЖЕНІЕ ИНОРОДЦЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

I. Отношеніе къ нимъ верховной государственной власти.

1. Отношенія ея къ общественнымъ инородческимъ союзамъ, находившимся въ неполной отъ нея зависимости. Чего добивалось отъ нихъ Московское правительство? Какъ смотрѣли на свое подданство Москвѣ такіе инородцы? Обстоятельства, приводившія къ уничтоженію внутренней самобытности подручныхъ Москвѣ общественныхъ инородческихъ союзовъ. Способъ дѣйствій на этомъ пути Московскаго правительства. Результаты его . . . . . 60—77.

2. Отношеніе верховной власти къ землѣ инородцевъ, находившихся въ вѣчномъ, неизмѣнномъ холопствѣ у Великаго Государя. Земли инородческія составляли полную собственность Государя. Существо прибыли, которую получало правительство съ этихъ земель. Количество прибыли отъ царства животныхъ

Стр.

и растеній; прибыль отъ винодѣлія, шелководства, горнаго дѣла. Причины малоуспѣшности послѣдняго. Выводъ. . . . . 77—92.

3. Отношеніе верховной государственной власти къ труду инородцевъ . . . . 92—171.

а) Служилые люди изъ инородцевъ. Служилые царевичи; положеніе ихъ при дворѣ, надзоръ за ними, черты общественнаго и частнаго поведенія ихъ. Князья и мурзы, новокрещены, татары и тарханы; происхожденіе этихъ служилыхъ, количество ихъ и обязанности. Надзоръ за ними. Кормленіе ихъ. Помѣстныя и вотчинныя права служилыхъ инородцевъ по русскому законодательству. Характеръ услугъ ихъ государственной власти. Мусульмано-аристократическія движенія въ инородческихъ земляхъ противъ русскаго господства. Сепаративныя стремленія въ Поволжьи; казанскіе мятежи; участіе въ приволжскихъ инородческихъ смутахъ Порты и Крыма. Судьбы ногайскихъ мурзъ. Калмыки. Борьба Кучюма съ русскими. Битва на Оби 1598 г. Кучюмовичи и калмыки въ Сибири. Характеръ ихъ движеній противъ русской власти и ходъ ихъ. Мятежи въ Башкиріи . . . . 93—155.

б) Тяглые и ясачные люди. Свѣдѣнія о численности ихъ. Количество пушнаго доходу, которое получало правительство изъ инородческихъ земель и значеніе его въ жизни Москвы. Ясакъ, размѣры его; принципъ, принятый правительствомъ при его раскладкѣ и способы примѣненія его на практикѣ. Другія повинности. Военная повинность. Общій взглядъ на цѣль, какую имѣла въ виду государственная власть вводя другія учрежденія въ жизнь инородцевъ . . . . . 155—171.

4. Управленіе и судъ среди инородцевъ. Уѣзды и города; состояніе и значеніе городовъ въ исторіи Московскаго господства надъ инородцами. Значеніе мѣстныхъ инородческихъ властей, сотниковъ, князцовъ, въ областномъ управленіи. Правительственныя мѣры къ успѣшному сбору прибыли отъ труда тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ: описи и межеваніе земель, ясачные списки, правила сбора ясака. Мѣры къ предотвращенію непокорности ихъ и правила для воеводъ на случаи мятежническихъ дѣйствій инородцевъ. Понятіе Московской власти объ измѣнѣ ино-

Стр.

родцевъ. Воевода, какъ слѣдователь и судья инородцевъ по указанію власти и на практикѣ . . . 171—190.

5. **Соціальныя отношенія и религіозно-нравственная жизнь тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ по видамъ Московской власти.** Общее сужденіе о вліяніи русскаго господства на эту сторону быта инородцевъ. Три главные пути, по которымъ шло разложеніе этого быта: выходъ въ служилые, брачныя соединенія съ русскими, закладничество,—и отношеніе Московской власти къ каждому изъ нихъ и въ особенности къ закладничеству. Воззрѣніе ея на магометанство и язычество инородцевъ. Степень и характеръ участія ея въ православно-христіанской пропагандѣ въ инородческомъ мірѣ . . . . . 190—204.

II. Служилый классъ въ инородческихъ земляхъ . 205—242.

1. **Духовенство.** Постановка вопроса. Дѣятельность православнаго духовенства въ инородческихъ земляхъ до подчиненія ихъ Москвѣ. Св. Стефанъ Великопермскій. Успѣхи христіанства въ московскую эпоху, въ Казанскомъ царствѣ, въ Перми и въ Сибири. Слабость духа пропаганды въ православномъ духовенствѣ, служившемъ въ инородческихъ земляхъ. Объясненіе этого . . . . . 205—229.

2. **Собственно-служилые люди въ инородческихъ земляхъ.** Свидѣтельства о злоупотребленіяхъ ихъ въ инородческомъ мірѣ. Происхожденіе этого явленія и причины крѣпости его въ жизни: отношеніе служилыхъ къ государственной власти; составъ этого класса, характеръ умственнаго и нравственнаго ихъ развитія. Результаты ихъ дѣятельности въ инородческихъ земляхъ . . . . . 229—242.

III. Черные русскіе люди въ инородческихъ земляхъ.

Движеніе русскаго простонародья въ инородческія земли прежде закрѣпленія ихъ за Московскою властію, на Сѣверѣ и въ Поволжьи. Значеніе казачества въ исторіи инородцевъ. Результаты колонизаціоннаго движенія русскаго простонародья въ инородческія земли въ московскую эпоху; колонизація правительственная и вольнонародная. Состояніе колонистовъ. Отношеніе ихъ къ иноземцамъ. Плоды этого отношенія 242—261.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Существенная разница между различными инородческими группами, вошедшими въ составъ Московскаго государства, заключается въ томъ, что у однихъ изъ этихъ группъ, до подчиненія ихъ русской власти, общественный бытъ устроенъ былъ на аристократическомъ началѣ, а у другихъ— на родовыхъ понятіяхъ, не допускавшихъ рѣзкихъ общественныхъ дѣленій.

2. Подчиненіе инородцевъ русской власти было результатомъ не завоевательныхъ стремленій Московскаго правительства, а силы обстоятельствъ, порожденныхъ географическими условіями земель, соотвѣтствующихъ нынѣшней Россіи, характеромъ и направленіемъ жизни и дѣятельности народной русской массы.

3. Полуподданическія или подручническія отношенія нѣкоторыхъ общественныхъ инородческихъ союзовъ къ Москвѣ не могли привести къ цѣли, которую послѣдняя имѣла въ виду, и только усложняли для нея восточный вопросъ.

4. Земли инородцевъ, послѣ ихъ окончательнаго подчиненія русской власти, сдѣлались полною собственностію Государя.

5. Инородцы подъ Московскимъ владычествомъ не научились изъ поземельнаго богатства извлекать никакихъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя пріобрѣтали прежде, до Московскаго владычества.

6. Увеличеніе территоріи Московскаго государства инородческими землями было главной причиной развитія въ немъ крѣпостнаго права.

7. Покоренныхъ инородцевъ Московская государственная власть дѣлила, какъ и подданныхъ русскаго происхожденія, на служилыхъ и тяглыхъ.

8. Главное звѣно служилаго класса изъ инородцевъ составляли аристократическія фамиліи прежнихъ татарскихъ царствъ.

9. Мусульмано-аристократическій элементъ этихъ царствъ долгое время не удовлетворялся системой московскаго господ-

ства, выказывалъ ей противодѣйствіе, выражавшееся въ стремленіи отдѣлить путемъ вооруженнаго возстанія эти царства отъ Московскаго государства.

10. Чистая прибыль, которую Московская государственная власть получала съ труда тяглыхъ инородцевъ, могущественно содѣйствовала усиленію власти Московскаго Государя.

11. Ясакъ и другія повинности, падавшія на инородцевъ, въ различныхъ мѣстахъ были различны, и въ раскладкѣ ихъ правительство не всегда руководилось справедливостію и благоразумною умѣренностію.

12. Всѣ учрежденія, которыя Москва вводила въ жизнь тяглыхъ и ясачныхъ инородцевъ, вызывались однимъ соображеніемъ правительства: чтобы казнѣ не было порухи, а было ей какъ можно прибыльнѣе.

13. Участіе, которое могли принимать въ областномъ управленіи и судѣ инородческія общины, было ничтожно. Законъ всю административную и судебную силу усвоялъ воеводамъ.

14. Московская государственная власть всѣми мѣрами старалась воспрепятствовать закабаленію инородцевъ частными лицами.

15. Стремленіе ея сдѣлать новыхъ подданныхъ православными христіанами, сталкиваясь съ фискальными ея соображеніями, въ значительной степени умѣрялось.

16. Непосредственная просвѣтительная дѣятельность московскаго духовенства по отношенію къ инородцамъ была незначительна, уступая въ размѣрахъ магометанской пропагандѣ.

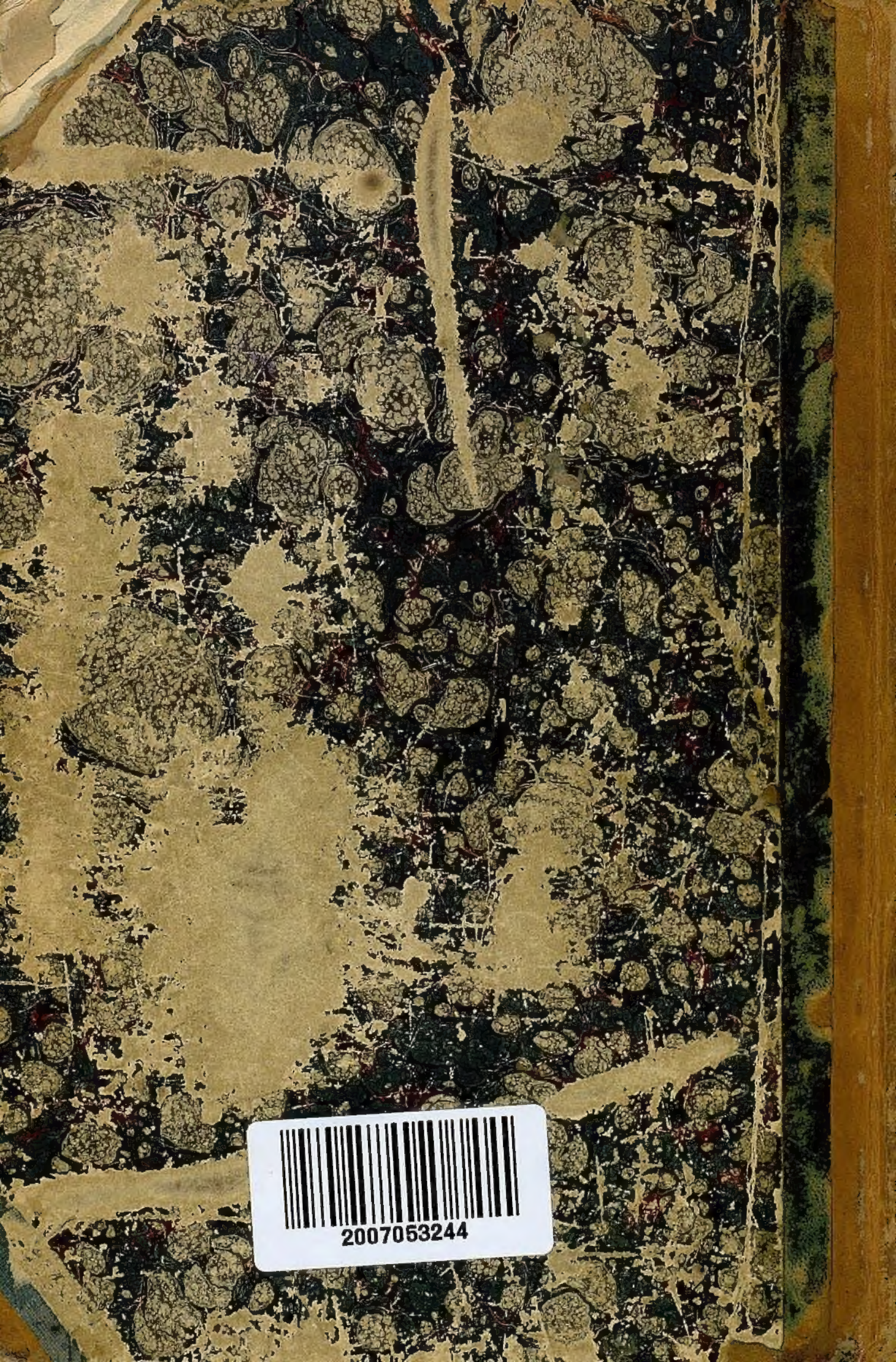
17. Московскіе служилые люди въ отношеніи къ тяглымъ и ясачнымъ инородцамъ дѣйствовали, руководясь желаніемъ поживы на счетъ послѣднихъ и частію не давая границъ своему произволу и хищничеству.

18. Характеръ отношенія черныхъ русскихъ людей, явившихся въ инородческихъ земляхъ, къ тяглымъ и ясачнымъ инородцамъ, условливался характеромъ передвиженія ихъ туда и направленіемъ ихъ внутренней жизни.

19. Одинаковость общественнаго положенія тяглыхъ людей русскаго и инородческаго происхожденія ослабляла племенную непріязнь между ними и условливала собою легкость между ними сближенія и взаимодѣйствія.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Должно читать:*
Стр. 23 строка 27	Въ высшемъ	Въ этомъ высшемъ
28 19	родоначальниками,	родоначальники,
40 31	къ нимъ	къ намъ
63 26	припадши	пришедши
80 42	про	при
107 14	за обычай	за обычай,
110 28	назначеннаго	назначенныя
113 22	не платили; а буде	не платили, а вмѣсто
113 23	угодья	издѣлья
135 26	Чанъ	Чинъ
156 32	доставать,	доставить
168 18	враговъ,	враговъ
239 17	ходомъ, дѣлъ	ходомъ дѣлъ,
258 15	здѣшнихъ инородцевъ только рѣзче	здѣшнихъ инородцевъ обозначилось теперь только рѣзче.
Въ «Положеніяхъ», въ 17, строка 3	частію	часто


2007053244